



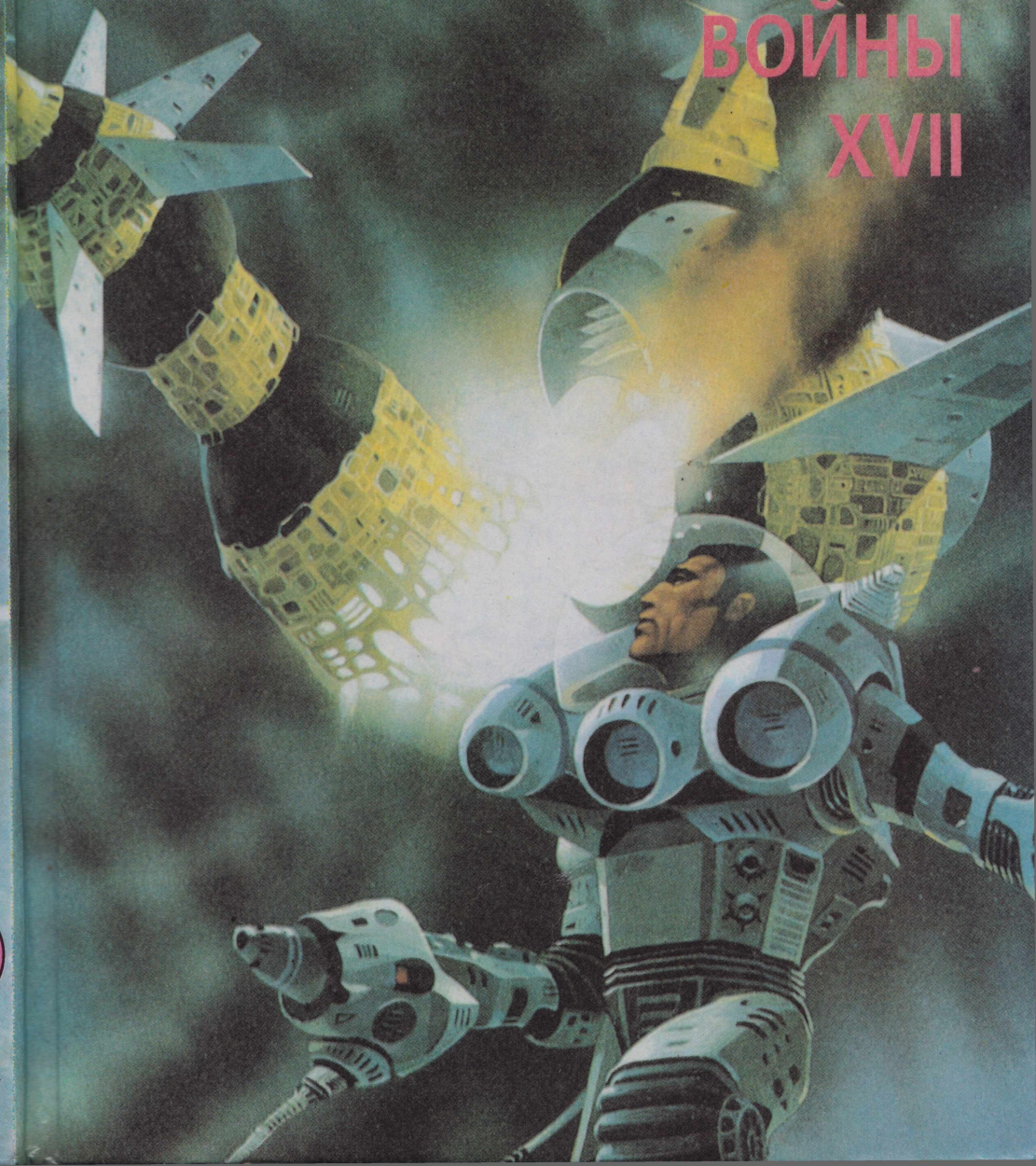
БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА



Н. СПИГРАД

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ XVII

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА



БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА



**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

НОРМАН СПИНРАД

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ
XVII



TALLINN

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериял «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

Н. Спинрад

«Семнадцатые звездные войны». Перевод с англ. Составитель А. Саяпин. — Таллинн: «Мелор». 1996. 352 стр. ил. /«Библиотека зарубежного фантастического и приключенческого романа»/ Выпуск 17.

Таллиннское издательство «Мелор» продолжает публикацию сериала «Звездные войны».

Предлагаем Вашему вниманию два фантастических боевика хорошо известного читателю Нормана Спинрада.

В супербоевике «Братство убийц» события разворачиваются на далеком Марсе, где под экологическими куполами с искусственным воздухом общество разбито на касты, самой низшей из которых является порабоженный народ, доведенный до состояния стада. Борис Джонсон — член Демократической Лиги — тайно пробирается на площадь, где собрались Опекаемые, чтобы убить Координатора Совета Гегемонии — главного тирана планеты. В заговоре принимает участие член личной охраны тирана. Но неожиданно в тщательно спланированный и отработанный план вмешивается таинственное Братство убийц...

ИТАК, «СЕМНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ»...

470310100-038

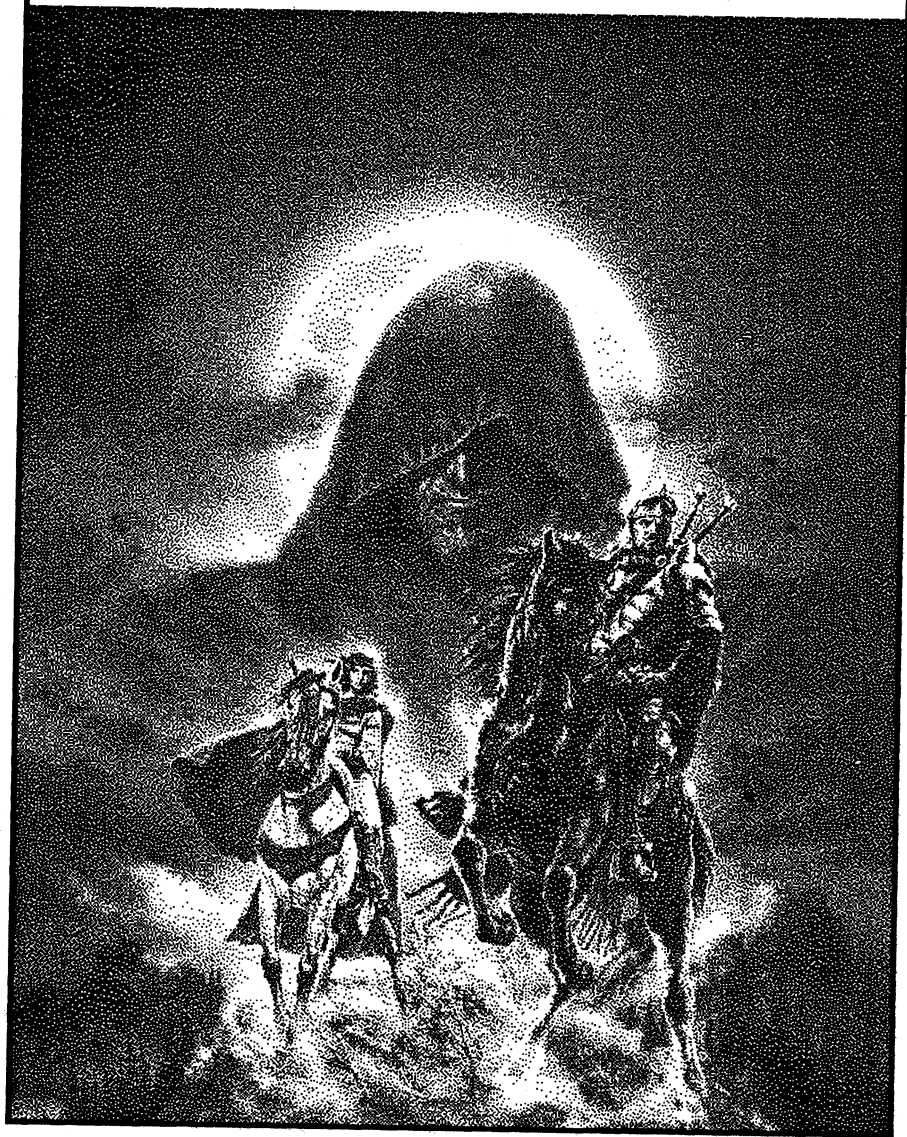
8У3(03)-96

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-87005-038-3

© «MELOR», 1996 г.

БРАТСТВО УБИЙЦ



1

Легко соскочив с главной дорожки движущейся ленты, Борис Джонсон оказался на неподвижном тротуаре. Застывшая масса нового здания Министерства Опекі возвышалась над ним, отделенная от тротуара широким газоном, который тянулся в обе стороны насколько хватало взгляда...

Публика (если только можно было так назвать это стадо) уже собралась перед небольшой эстрадой, оборудованной у подножия парадной лестницы Министерства. По подсчетам Джонсона здесь должно было присутствовать от трех до четырех тысяч Опекаемых: мужчин и женщин с невозмутимым и равнодушным видом, которые, очевидно, были специально собраны Охраной. Безмолвные, неподвижные, они терпеливо ждали. Джонсон заметил, что Опекаемые были сгруппированы на полукруглой площадке довольно скромных размеров, прилегающей к подножию парадной лестницы Министерства. Вокруг них цепь Стражников угрожающего вида бросала яростные взгляды во все стороны. Стражники были похожи на выбритых обезьян, которых нарядили в смокинги... Очевидно они не испытывали никаких положительных эмоций к парадной униформе, которую вынуждены были надеть сегодня в связи с этим событием. До сих пор все шло как надо.

Продвигаясь вперед с деланной беспечностью, которая контрастировала с внутренним напряжением, искажавшим его грубые, но не лишённые привлекательности черты лица, Джонсон смешался с толпой. Проходя, он коротко кивнул одному из Стражников — колоссу, выражение лица которого носило отпечаток жестокости и подозрительности ко всему на свете. Джонсон знал, что этот его кивок был более или менее ожидаемым в том смысле, что он носил сейчас серую униформу Службы Обеспечения. Физиономию Стражника на какой-то миг исказила тонкая змеиная улыбочка, на которую Джонсон ответил гримасой такой же «искренности»...

Работая локтями, чтобы пробраться поближе к эстраде, он вдруг

понял, почему Опекаемые были собраны на таком ограниченном пространстве: группа телевидения установила свои камеры на тротуаре, проходящем на высоте пятнадцати метров над уровнем поверхности. Она должна была запечатлеть церемонию сверху, на фоне толпы, создать иллюзию всенародного воодушевления.

Оставаясь внешне все таким же безразличным, Джонсон внутренне усмехнулся: все это было вполне в стиле Гегемонии. Спектакль, предназначенный специально для телекамер, которые передадут речь и изображение Кустова всем куполам Марса, чтобы потом рассеять их посредством волн по всей территории Гегемонии. Все напояз: парадная униформа голубого цвета, с чернью и золотом, которую Стражники натянули по этому случаю, иллюзия толпы, обнаженные стены Министерства, лишённые окон, создавшие естественный фон трибуны и огромное знамя Гегемонии — девять золотых концентрических колец на голубом поле, развевающееся на ветру...

Развевающееся на ветру?

Джонсон едва не рассмеялся. Откуда взяться ветру под экологическим марсианским куполом? Ведь каждая молекула воздуха создавалась искусственно и с помощью компьютера посылалась туда, где она больше всего необходима в данный момент! Они не придумали ничего лучшего, как установить вентилятор у своей дерюжки!

Но, надо было отдать им должное, они понимали как нужно обставить такую церемонию.

Все это вполне соответствовало обычаю — в том числе высокопарная речь по случаю открытия нового Министерства Опеки, произнесенная самим Главным Координатором.

Но они еще не знают, сказал себе Джонсон, сунув руку в карман и привычно ощутив ладонью рукоятку пистолазера, что Демократическая Лига решила внести некоторые дополнения в сценарий.

Это будет спектакль так спектакль, даже если он и будет развиваться не совсем так, как задумал Верховный Совет Гегемонии: все Опекаемые Марса (к сожалению, передача на другие планеты пойдет в записи...) займут лучшие места, чтобы лично присутствовать на казни Владимира Кустова, Главного Координатора Гегемонии...

После этого Демократическую Лигу придется принять всерьез. Кустов умрет, и слишком много свидетелей увидит это, чтобы Гегемония смогла опустить событие на тормозах в своей обычной манере, то есть просто-напросто все отрицать... Кончиками паль-

цев Джонсон потрогал содержимое другого кармана: небольшой предмет овоидной формы, находящийся там, был бомбой-анонсом с записанным заранее сообщением о том, что Лига берет на себя ответственность за убийство Кустова. Как только тиран будет уничтожен, бомба будет запущена над толпой и, уносимая ввысь своим крошечным двигателем, объявит присутствующим и телезрителям, что демократическая Лига существует и действует...

Но, чтобы удался такой акт, способный потрясти общество, нужны были не только детально разработанные планы. Нужна была также удача.

И случаю было угодно, чтобы совет Гегемонии решил транслировать церемонию инаугурации по телевидению.

И другой удачей, еще более необыкновенной, было неожиданное присоединение Аркадия Солковного к Лиге...

Джонсон вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть Стражников, расставленных внизу: это были совершенные дикари, на лицах которых застыло выражение мрачной подозрительности. Они держали наготове автолазеры, в то время как глаза их не останавливаясь обшаривали толпу и одновременно зорко следили друг за другом — с еще большим подозрением, что было следствием со знанием дела спровоцированных и постоянно поддерживаемых параксидальных галлюцинаций...

Ведь в Стражники принимали после строгого отбора, потом подвергали зондированию с помощью гипноза, которое не оставляло в тени ни одной черты характера и подсознания. У каждого из Стражников должно было быть определенное происхождение и семейное окружение, психобиологический тип, идеальное досье со школьного возраста и даже определенная генетическая наследственность. И даже в случае совпадения всех этих данных, каждый из них должен был в течение недели пройти проверку тестами, которыми зондировались все закоулки мозга, благодаря применению всеобъемлющего арсенала психонаркотиков...

И Лига даже не пыталась внедрить своих агентов в ряды Стражников, какими бы подходящими средствами — богатством, ловкостью или коварством — она ни обладала.

Оставалось надеяться на случай. И случай представился: Аркадий Солковный. А Аркадий Солковный был не кем-нибудь, а членом личной охраны самого Кустова.

Его величество случай и был одним из последних факторов, который Гегемония не смогла еще полностью прибрать к рукам. Ее руководители приняли, естественно, меры, чтобы свести к ми-

нимуму его возможные эффекты. И Стражники были потенциальной ахиллесовой пятой неггибаемой диктатуры, с помощью которой Гегемония управляла Солнечной системой, и Совет скоро осознал опасность. С одной стороны вялость, апатия, животное безразличие были бы идеальными качествами порабощенного народа, к чему Совет постоянно стремился. Но эти же черты характера были нетерпимы у представителей полувосенной организации, призванной держать в руках эту самую массу. Стражники должны были быть жестокими, невосприимчивыми к жалости, а также способными проявить инициативу.

Одним словом опасными.

Но Гегемония не могла идти на такой риск и полностью положить на армейскую элиту, решительную и сильную своим единством — на преторианскую гвардию.

«Какой же из древних, теперь запрещенных философов — Платон, Таунби или Марковиц — задал однажды парадоксальный вопрос:

«А кто будет сторожить сторожей?» — подумал Джонсон.

Про себя он с горечью усмехнулся. Кто бы это ни был, он не успел познакомиться с Гегемонией. Так как Гегемония нашла ответ...

Страх. Искусственно вызванная и систематически поддерживаемая паранойя. Сами Стражники и были сторожами. Они были приучены опасаться любого человека, за исключением членов Совета, в том числе своих братьев — и даже еще больше, чем простых Опекаемых. Они привыкли жить с пальцем на курке. Ведь в Предисловии к Новой Конституции Гегемонии было написано: «Пусть лучше погибнет миллион Опекаемых, чем останется без наказания любой, совершивший Запрещенное Деяние». И Стражники были больше всего похожи на охотничьих собак, — умных, но наполовину диких — чем на организованную силу. Они были приучены убить любого, кто нарушил бы хоть чуть-чуть основное правило, — в том числе своих собственных коллег...

Парадоксально, но именно эта самая искусственно вызванная паранойя и привела Солковного к сотрудничеству с Лигой посредством своеобразного переноса лояльности. Немного нужно, чтобы переделать «хозяйскую собаку» в ничью собаку...

Как бы там ни было, все равно ни одному Стражнику не удалось бы убить Кустова: при любом подозрительном движении другие были бы только рады возможности немедленно прикончить его.

Если только...

Джонсон обвел взглядом окружавшие его лишенные выражения лица. С помощью страха, изобилия и железного каблука Гегемонии удалось низвести Опекаемых до состояния стада. Стадо это должным образом подкармливали, обогревали и развлекали. Ему не хватало только свободы, но даже смысл этого слова мгновенно затусhevывался в голове у его членов...

Итак, чстыре тысячи Опекаемых Гегемонии — скопление беззащитных человеческих животных. Но среди них растворилось двенадцать сторонников Лиги, двенадцать вооруженных воинов — двенадцать убийц.

Сами эти люди еще не могли обеспечить успех операции. Помимо всего прочего рост Стражников был значительно выше среднего — здесь не было ни одного ниже 198 см. В случае малейшей опасности они мгновенно прикрыли бы Кустова настоящим живым щитом.

Итак, агенты, растворившиеся в толпе, не могли убить Кустова. И никогда до сих пор мысль убить его не вдохновляла никого из Стражников.

Но там, где пересекались эти три невозможности...

В этот момент в верхней части баллюстрады, прямо напротив величественного парадного подъезда Министерства поднялась суматоха. Из подъезда вышли затянутые в мундиры восемь мужчин внушительного вида — личная охрана Кустова. Крайний слева блондин был, по всей вероятности, Аркадием Солковым.

Борис Джонсон посмотрел на часы. Телерепортаж должен вот-вот начаться, и Кустов сейчас появится.

Из динамиков, развешанных вокруг эстрады, послышались звуки фанфар, и Владимир Кустов — Главный Координатор Гегемонии, появился на баллюстраде, почти невидимый за толпой окружающих его Стражников.

Продолжая скрываться за спинами этих колоссов, он медленно спустился по лестнице, в то время как в воздухе растекалась мелодия «Девяти планет, объединенных навечно» — гимна Гегемонии.

Джонсон видел Кустова в лицо первый раз, хотя изображения Координатора были даже слишком хорошо знакомы каждому жителю Гегемонии благодаря телевидению. Джонсон никогда не согласился бы с этой мыслью, тем более, если бы ему стали ее навязывать, но между ним и Главным Координатором существовало неоспоримое сходство — смягченное пятьюдесятью годами, которые их разделяли... Оба они были брюнеты, с длинными прямыми волосами, и, если даже шевелюра Кустова поредела в тече-

ние восьми десятков прожитых им лет, то это было должным образом закамуфлировано. У Джонсона была великолепная фигура атлета. Кустов же напоминал боксера, давно расставшегося с рингом, с уже заплывшими жирком мускулами. У обоих были серые глаза, и разница состояла в том, что у Джонсона они блестящие, как только что начищенное серебро, тогда как глаза Кустова имели холодный оттенок стали. Однако у обоих в глазах читалась живая мысль, что было редкостью у Опекаемых Гегемонии.

В тот момент, когда затихли последние звуки гимна, Координатор добрался до эстрады. Четверо Охранников тотчас заняли свои места на небольшой выдвинутой вперед платформе, наготове в случае опасности прикрыть Кустова своими телами. Четверо других разделились и встали по двое по обе стороны и немного сзади.

Солковый оказался в правой от Кустова паре. Еще одна удача. Музыка смолкла.

— Граждане Гегемонии... — начал Кустов по-английски. Несмотря на свою фамилию, Кустов по происхождению был наполовину американцем и одинаково хорошо изъяснялся на двух официальных языках — русском и английском. Учитывая многочисленность американской колонии на Марсе, он предпочел второй. Джонсон не ошибся в своих предположениях.

Итак, чтобы подобная операция увенчалась успехом, одиннадцать агентов Лиги должны были открыть огонь одновременно. Но рассеянные в толпе, они были не в состоянии сделать это. Тогда было решено, что они начнут операцию, как только Кустов произнесет слово «Опеки». В такого рода речи это слово не могло не появиться рано или поздно... Джонсон сжал рукоятку пистолета в своем кармане. На этот раз их ждет удача, и они сделают первый реальный шаг на пути к свержению Гегемонии и восстановлению демократии. И, самое главное, им не была нужна смерть Кустова как таковая — Джек Торрехис, Вице-Координатор, будет только рад представившейся возможности захватить верховную власть. Нет, самым главным было то, что наконец-то перед Лигой открывалась возможность заявить о себе в качестве серьезного оппонента — после десяти лет тайных сборов, попыток открытой пропаганды, и разработанных актов саботажа...

— ...Итак, это еще один камень, который уложен сегодня в великое здание, — грохотал в динамике голос Кустова. — Еще одна преграда хаосу, беспорядку, несчастьям и неудовлетворенности, которые в любой момент могут породить социальные беспорядки. Да, граждане Гегемонии, это грандиозное свершение

позволит марсианскому Отделению Министерства Опекы улучшить...

Опека.

Джонсон выхватил пистолазер из кармана. Со своим прозрачным стволом из искусственных рубинов, ручкой из черного эбонита, в которой находился стандартный магазин с пятьюдесятью миниатюрными электрокристаллами, каждый из которых при нажатии спуска высвобождал заключенную в нем энергию, которая превращалась в луч страшной разрушительной силы. Оружие это никоим образом не могло быть похожим на детскую игрушку. Справа от Джонсона какая-то женщина издала душераздирающий вопль. Ее спутник бросился в толпу, отчаянно пытаясь найти убежище. В течение нескольких секунд суматоха стала всеобщей. Опекаемые пытались уклониться от субъекта, который наверняка был опасным сумасшедшим...

Но все это было впустую, так как десять других сумасшедших вдруг возникли в других местах скопления потерявших рассудок от страха Опекаемых, которые сталкивались и сшибали друг друга с ног, что делало невозможной любую попытку к спасению...

Джонсон направил свое оружие в сторону Стражников, которые сдерживали натиск толпы в сторону улицы, и нажал на спуск. Слепящий луч вонзился в шеренгу, в то время как в магазине один из кристаллов превратился в пыль, высвободив свою энергию.

Луч задел плечо одного из колоссов с темной кожей. Стражник зарычал, скорчился от боли, однако успел выстрелить в сторону Джонсона. Раненый рядом с ним Опекаемый завопил, и его крик слился с криками других несчастных, объятых невообразимой паникой.

Выстрелив, Джонсон бросился в толпу, пытаясь добраться до трибуны. Он снова выстрелил, целясь на этот раз в трибуну. Члены личной охраны прикрыли Кустова своими телами, а сам он бросился на пол, став таким образом недосыгаемым...

Один из лучей попал в ступени из пластомрамора, синтетический материал начал плавиться, образовав огромную липкую лужу.

Оглядевшись по сторонам, Джонсон заметил, что его люди тоже не теряли время даром. Один из них попал в знамя, останки которого болтались на кончике почерневшего древка. Затем луч срезал и само древко, которое рухнуло на трибуну, едва не задев Кустова.

Паника достигла апогея. Обезумевшие Опекаемые бегали по кругу, размахивая руками. В некоторых местах они пытались сгруп-

пироваться, чтобы разжать смертельные тиски. Но Стражники падали непрерывно, и едва успевшие образоваться группы были безжалостно растоптаны ордами своих же собратьев. Это было похоже на безумную скачку диких животных, спасавшихся от охватившего прерия огня...

Джонсон целился поверх стены из Стражников, окружавших Кустова. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь по ошибке подстрелил Солкового.

Воздух дрожал от криков и стонов. Стражники не могли действовать эффективно — агенты Лиги, продолжавшие стрельбу, растекались в водоворотах растерянного стада. Но специально культивированная кровожадность Стражников брала верх. Как собаки, попавшие в курятник, они принялись избивать кур, которых сами должны были охранять от неуловимой лисы.

В этот момент сразу три лазерных луча скрестились на группе Стражников, находящихся на платформе у эстрады. Двое из них тотчас рухнули, а остальные открыли ответный огонь, уже не выбирая жертв. Душераздирающие крики и ропот возмущения поднялись в ответ: несчастные поняли, что Стражники отказались от попыток обнаружить истинных виновников, чтобы просто излить свою садистскую ярость.

«Все идет как предусмотрено, — подумал Джонсон с чувством удовлетворения. — Скоро и личная охрана Кустова потеряет всякую выдержку, звериные инстинкты овладеют всеми, и тогда один из них заметит, что Солковый...»

Только теперь!

— Рассыпайтесь, рассыпайтесь! — крикнул он. — На улицу, на улицу!

Его призыв был подхвачен другими агентами в толпе, и через несколько секунд вся масса Опекаемых хором скандировала то же самое.

— Туда! — указал он, подтолкнув какого-то мужчину, оказавшегося рядом. — Смотрите, вот брешь в их рядах! Надо прорваться!

И неожиданно поднялась мощная волна, обезумевшие Опекаемые, которым больше нечего было терять, бросились прямо на цепь Стражников, которая отделяла их от улицы, от спасения. Под влиянием страха апатичная и безразличная толпа превратилась в разнузданную чернь.

Однако это стихийное выступление еще больше разожгло кровожадную ярость Стражников, которые до сих пор еще сдержива-

ли в какой-то мере свои инстинкты. Все это напоминало схватку диких зверей одной породы со стадом таких же зверей другой породы, но одни были вооружены... И Стражники открыли по толпе огонь в упор. Залпы их лазеров встали стеной перед первыми рядами осажденных. Десятки Опекаемых издавали крики и падали, сожженные живьем.

Становилось ясно, что попытка прорыва не удалась, и дикая паника овладела толпой, повернув назад, в ослеплении бросилась к лестнице Министерства, где ее ждала личная охрана Кустова, также горящая желанием утолить свою животную ярость.

«Это надо было предполагать!» — подумал Джонсон.

И эти Стражники открыли огонь по толпе. Глаза у них казались в этот момент застывшими, невидящими, как будто они находились во власти гипноза.. Кустов по-прежнему предусмотрительно прятался за их спинами, уверенный, видимо, в том, что безоружным Опекаемым никогда не удастся прорваться через живую стену, которая его окружала.

Семеро Стражников вели прицельный огонь по толпе, и Опекаемые останавливались в нерешительности, падали, превращенные в пепел ураганом огня лазеров.

И вдруг восьмой Стражник повернулся и направил ствол своего автолазера прямо в голову Кустова. Другие были слишком увлечены, чтобы обратить внимание на происходящее сзади.

План удался! Через несколько секунд...

И именно в этот момент прямо на глазах изумленного до глубины души Джонсона, не верящего своим глазам, пять ослепительных лазерных лучей вонзились в тело Солковного, прежде чем он успел нажать на спуск! Он только глянул вверх, а в следующую секунду все было кончено. Черная статуя какой-то момент стояла на месте, затем рассыпалась, и на эстраде осталась только куча пепла...

«Что же это такое?» — подумал расстроенный Джонсон, все еще слишком ошеломленный, чтобы понять, что их постигла неудача. Какое невезение...

Потом он посмотрел вверх: там по улице верхнего яруса шестеро мужчин бежали к переходу на другой уровень на виду остолбеневшей группы телевидения...

Кустов вскрикнул, и обернувшиеся Стражники, разинув рты, рассматривали кучу пепла, которая осталась от их коллеги.

— Быстрее отсюда, идиоты! — крикнул Кустов, лицо которого было бледно от страха и ярости.

Окруженный пришедшими в себя Стражниками, Главный Ко-

ординатор Гегемонии взбежал по лестнице, чтобы укрыться в безопасном месте.

А шестеро беглецов уже достигли другого уровня как раз в тот момент, когда Кустов был у входа в здание. И, прежде чем перескочить на внешний движущийся тротуар, последний из таинственных незнакомцев бросил в воздух какой-то круглый и отливающий серебром предмет.

— Бомба?! — спросил сам себя остоленевший Джонсон.

В тот же момент он заметил завихрения воздуха от миниатюрных моторчиков, которые уносили предмет вверх. Бомба-анонс! Но ведь только Лига использовала такие средства! Да, Лига и...

«ЖИЗНЬ КООРДИНАТОРА КУСТОВА, — провозгласил глуховатый голос, усиленный динамиками бомбы, — БЫЛА СПАСЕНА БЛАГОДАРЯ СТАРАНИЯМ БРАТСТВА УБИЙЦ.

2

Борис Джонсон зашвырнул свой пистолазер в толпу. Сделал он это отчасти из чувства бессильной ярости, отчасти движимый инстинктом самосохранения: Кустов был цел и невредим, и оружие могло только указать на Бориса, как на одного из участников неудавшегося заговора. Видимо другие агенты Лиги сделали то же самое, так как стрелять продолжали только Стражники. Но скоро они заметили, что все кончено и тоже прекратили огонь. Продолжая удерживать уцелевших Опекаемых под прицелом своих автоматов, они прижали их к подножию лестницы Министерства. Казалось, они ждали кого-то или чего-то... Братство Убийц!

Роясь в карманах, чтобы достать свои фальшивые документы, Джонсон с горечью повторял про себя это название. Ну почему так? Ну что могло заставить Братство спасти Кустова!

Кто бы мог сказать что-нибудь определенное об этой организации? Считали, что она зародилась примерно лет 300 назад, в эпоху слияния Атлантического Пакта, во главе с американцами, с Самой Великой Объединенной Россией, что и положило начало Гегемонии Земли.

В самом начале Братство выступало как сила сопротивления. Именно оно и осуществило убийство троих из семи первых Координаторов Гегемонии. Ей также принадлежали авторские права на убийство двух десятков членов Совета и на термоядерный взрыв, разрушивший Порт Гагарин.

Но по истечении двух десятков лет деятельность Братства приняла абсолютно непредсказуемый характер. Например «убийцы» спасли колонию Умбриэля, застигнутую врасплох метеоритным дождем, который повредил купол. Затем, повернувшись на 180°, они взорвали купол на Сересе, что обрекло на смерть все население этого единственного обитаемого астероида. Затем они вроде бы ополчились на Опекаемых, потом на функционеров Гегемонии и на Стражников. Их акции не поддавались никакой логике — как будто речь шла о приверженцах какого-то культа древности, следующего своим собственным догмам, абсолютно непонятным непосвященным.

И вот теперь, без всякой видимой причины, они спасли Главного Координатора.

Тем временем в центре площадки опустился аэрокар, и из него вышел мужчина, одетый в обычную зеленую униформу Стражников. Больше он ничем не походил на зловещих колоссов: небольшого роста, худощавый, пожалуй, даже хрупкий. Глаза у него были какие-то выцветшие, с отсутствующим, как будто отстраненным выражением...

Джонсон тяжело вздохнул, так как подтвердились его самые худшие опасения: они вызвали Эдетика.

У Джонсона было два комплекта фальшивых документов. Первый был на имя Самюэля Скляра, почтенного коммерсанта, имевшего право вращаться между Землей и Фобосом. Официально «Скляру» нечего было делать на Марсе, где он превращался в «Бэзила Томаса», рабочего из обслуживания Министерства Опеки. Если его присутствие на Марсе было бы обнаружено, то искать стали бы некоего Томаса, в то время как Джонсон тихо и мирно добрался бы до Фобоса под видом Скляра, который ни разу в жизни не бывал на Марсе...

Однако теперь все планы рушились. Только что прибывший Стражник с такой беззащитной внешностью был Эдетиком, то есть специально подобранным и обученным человеком, обладавшим идеальной памятью. И в эту память были занесены данные о всех противниках Гегемонии и не было смысла недооценивать ее идеальные фотографические способности...

Тем более, что в качестве руководителя Демократической Лиги — Борис Джонсон был противником Гегемонии № 1.

Теперь он понимал к чему стремились Стражники. Медленно, методично они заставляли Опекаемых одного за другим проходить через контрольный пункт, где их обшаривал изучающий взгляд

Эдетика. Нужно было потратить часы, чтобы проверить каждого, но Стражники не торопились. Они знали, что в конце осмотра все причастные к покушению будут идентифицированы: память Эдетика была безупречна.

Если только... Несмотря на всю сложность момента, Джонсон не смог удержаться от улыбки. Где Стражники стали бы искать противника Гегемонии в последнюю очередь? Конечно же, в своем штабе, в данном случае — в Министерстве Опеки. Апартаменты главного Опекуна Марса находились где-то в недрах здания, а остальную его часть занимал генштаб Марсианской Стражи. Если бы ему удалось попасть туда... Конечно, это было еще не спасение, но, по крайней мере, он избежал бы свидания с Эдетиком.

Расталкивая толпу, Джонсон проложил себе проход к эстраде. С озабоченным и суровым видом служащего, который с незапамятных времен борется с последствиями таких бедствий, он наклонился, чтобы оцупать смесь металла и растаявшего пластомрамора, которой было покрыто основание эстрады.

Заметив приближавшегося Стражника, он начал довольно громко ворчать:

— Вот гадство, как сильно расплавилось. Дерьмо! Понадобится по крайней мере пять часов, чтобы...

— Чем это вы там занимаетесь, эй вы?! — пролаял Стражник, направляя на Джонсона свое оружие.

— Чем я занимаюсь?! Разве вы не видите? Или вы думаете, что я в состоянии убрать все это глыбами руками? Подумать только какое безобразие! Тут разворочено как следует. Понадобится паяльная лампа, чтобы очистить место, и термический пистолет, чтобы заделать пластомрамор. На это уйдет по крайней мере полдня работы!

— Все они одинаковы, эти тупицы из Обслуживания! — проворчал Стражник. — И долго ты еще собираешься бить баклуши с таким безмятежным видом?! Засучи рукава и принимайся за работу!

— Но я же как раз вам об этом и говорю! — простонал Джонсон. — Ничего не могу я сделать, если у меня не будет паяльной лампы и термического пистолета...

— Так чего же ты ждешь?! Иди за ними! — взревел Стражник.

— Так говорят, что вы там запрещаете входить в здание... — пробормотал Джонсон, внутренне ликуя.

Стражник покачал головой с гримасой отвращения на лице:

— Все они одинаковы эти бездельники, постоянно готовы воспользоваться любой оказией, чтобы ни хрена не делать! Бери ноги

в руки, беги в Министерство и тащи свой инструмент, чтобы тотчас же приняться за работу. И поторапливайся!

— Не стоит так волноваться, — протянул ноющим голосом Джонсон. — Уже бегу!

Чувствуя на своем затылке ледяной взгляд Стражника, он поднялся по ступенькам и направился к служебному входу, который находился недалеко от центрального.

Переступив порог, он позволил себе слегка усмехнуться, тут нельзя было торжествовать слишком явно. Ведь коридоры всех публичных зданий, так же как и все большее число частных жилищ, были оборудованы Глазами и Лучами.

Он вошел в центральный холл, почти безлюдный в это время, за исключением нескольких Стражников, которые никогда не обращали внимания на персонал Обслуживания.

Дальнейший маршрут был вполне ясен: достаточно было пройти пятнадцать метров, чтобы оказаться в кабине лифта, затем подняться на третий этаж и выйти из здания на второй уровень. Как только он окажется на движущейся ленте тротуара, ему хватит нескольких секунд, чтобы расстояние между ним и Министерством стало вполне безопасным. Те немногочисленные Стражники, которых он мог встретить на своем пути, скорей всего не должны были заинтересоваться маршрутом простого служащего...

Тем не менее у Джонсона вспотели ладони, когда он двинулся через холл, так как едва пройдя три метра, он должен был встретить первый Глаз. Скромный вид этого прибора был обманчив, можно было заметить только небольшую линзу телекамеры, скрытой в стене, а под ней — металлическую задвижку еще меньших размеров. Камера и задвижка были непосредственно связаны с Главным Опекуном Марса, гигантской ЭВМ, в задачу которой входила слежка за правильным исполнением Свода Законов, первая заповедь которого гласила: «Все, что не разрешено, запрещено». Практически это означало, что все последующие части Гегемонического Свода состояли из длинного перечня, предписывающего, что Опекасмый имел право делать в каждом конкретном случае, то есть из «Разрешенных деяний». Все, что не совпадало с этим перечнем, запрограммированным в ЭВМ, считалось «Запрещенным Деянием», то есть преступлением. А любое преступление каралось смертью...

Суд и приведение приговора в исполнение производились немедленно.

Прямо под Глазом находилось выходное отверстие излучате-

ля, также скрытого в стене. В состав Луча входили смертельные радиоактивные изотопы. Устройство излучателя было также соединено с ближайшей ЭВМ.

Так Гегемония свела Правосудие к рефлекторной автоматической дуге. Глаз безостановочно передавал информацию ближайшему Опекуну, который сравнивал ее с перечнем Разрешенных Деяний. По слухам, если какой-либо поступок, каким бы безобидным он ни был, не совпадал с этим перечнем, устройству Излучателя данного Глаза передавался сигнал. Свинцовая заслонка открывалась, и смертоносная радиация распространялась в данной зоне. Время реакции всей системы не превышало секунды. Насколько верны были эти слухи? Действительно ли Главный Опекун давал команду немедленно казнить любого Опекаемого, виновного в «Запрещенном Деянии»? Действительно ли такая программа была заложена в ЭВМ? Этого Джонсон не знал. Но он слышал, что очень многие Опекаемые нашли смерть при, казалось бы, необъяснимых обстоятельствах...

Он прошел мимо первого Глаза и с какой-то отрешенностью подумал, что еще жив. Если слухи, которые распускала Гегемония, были оправданы, очень легко было совершить роковую ошибку: это мог быть подозрительный взгляд, неподходящая деталь одежды, факт нечаянного проникновения в зону, запретную для обслуживающего персонала, и самое кошмарное — перечень деяний, разрешенных законом, был точно известен, тогда как действия, способные вызвать немедленную смерть, точно определены не были. И, если Гегемония вводила в заблуждение в том, что касалось роли Опекуна, то это было еще хуже, так получалось, что смерть могла наступить в любой момент, без всяких видимых причин!

Глаза и Лучи незримо присутствовали во всех или почти во всех публичных заведениях Гегемонии: в магазинах, театрах, государственных учреждениях. И ходили слухи, что Совет готовился издать декрет, предусматривающий оборудование всех новых жилых помещений и зданий Глазами и Лучами. Если это было действительно так, то исчезала последняя видимость частной жизни, которая еще оставалась у Опекаемого...

Джонсон прошел мимо третьего Глаза... мимо четвертого... Теперь оставался только один, расположенный как раз под секцией из трех кабин лифта, с целью воспрепятствовать их использование любому, кому это было запрещено. Здесь-то и должно было все решиться...

Джонсон направился к средней кабине и вытащил из кармана

тряпку. Напевая вполголоса, он начал протирать медные детали открытой двери. Затем, по-прежнему с тряпкой в руке, он вполне естественно переступил порог и занялся металлическими деталями внутри кабины.

«Все еще жив! — сказал он сам себе, торжествуя. — Все будет в порядке!»

И в тот момент, когда он уже собирался нажать на кнопку третьего этажа, он бросил случайный взгляд вверх и почувствовал, что кровь застыла у него в жилах.

На потолке он увидел Глаз и Луч!

Надо было попробовать... Рискованно, но выбора не было.

Он закончил обработку двери и принялся за панель с кнопками этажей. Дойдя до кнопки третьего, он слегка нажал на нее через тряпку.

И когда дверь закрылась, и лифт начал движение вверх, он рванулся назад, выражая всем своим видом изумление, которое, он надеялся, было разыграно как следует. Затем он пожал плечами и продолжал свое занятие. Но все же задержал дыхание на время этого подъема, который показался ему нескончаемым...

Глаз ничего не заметил! Задвижка не отскочила!

На третьем этаже лифт плавно остановился, и двери раздвинулись. Джонсон в последний раз протер панель и вышел.

В коридоре, который вел к выходу, он сдержал вдох облегчения. Все шло как надо. Самое трудное было позади. Видно Опекун не интересовался промахами обслуживающего персонала...

В конце коридора, который показался ему нескончаемо длинным, и который был усеян, кажется, миллионом Глаз, Джонсон выбрался из здания Министерства и оказался на небольшой платформе, ведущей на второй уровень. Если ему удастся выйти на улицу, не привлекая внимания, ему останется только переходить на тротуары с соответственно большей скоростью, затем попасть на тротуар-экспресс, чтобы за несколько минут очутиться на расстоянии нескольких километров от этого места, затеряться в массе Опекаемых.

Быстрым шагом, но не суетясь, он ступил на платформу. Еще несколько метров и...

— Эй, вы, там! — раздался чей-то голос с улицы, лежащей на уровне земли.

Джонсон посмотрел вниз. Это был голос Стражника.

— Да-да, ты, там наверху! — крикнул Стражник. — Возвращайся в здание! Сейчас выход запрещен для всех!

Джонсон повернул назад, стараясь держаться в середине платформы, так, чтобы лучи снизу не смогли задеть его. Затем он неожиданно повернулся и, поставив на карту все, бросился к краю платформы. Ему не хватало всего нескольких метров, одной или двух секунд. Стражники тотчас открыли пальбу в его сторону, но промахнулись, и Джонсон очутился на краю тротуара. Он тотчас спрыгнул на ленту со скоростью 3 км/час налетев на какого-то тучного мужчину, который погрозил кулаком ему вслед, в то время как он продолжал свой лихорадочный бег к тротуару со скоростью 10 км/час.

И вот он уже на расстоянии нескольких улиц от Министерства. Теперь самое время подумать об осторожности: незачем привлекать внимание, толкая Опекаемых, которыми был запружен переполненный тротуар. Стараясь идти с беспечным видом, Джонсон добрался до ленты 50 км/час, решив не пользоваться лентами 18, 27 и 38 км/час.

И вот он на тротуаре-экспрессе. У него было теперь преимущество во времени, но не такое уж большое. Через час или даже меньше все Стражники бросятся на поиски человека, одетого в униформу обслуживающего персонала, описанного по документам на имя Бэзила Томаса. Чтобы спастись, на Марсе в его распоряжении было часа четыре, а может быть и меньше.

На Фобосе никто не стал бы беспокоить Самюэля Скляра. Однако надо было еще выбраться из купола.

Безжалостному деспотизму, который практиковала Гегемония, служили опорой три кита: Глаза и Лучи Опекунов, Стражники и система пропусков.

Каждый Опекаемый был обязан иметь при себе удостоверение личности. Для путешествий между планетами или спутниками каждый Опекаемый должен был, кроме того, иметь разрешение на полет в строго определенном направлении. Эти разрешения или пропуска могли быть выданы только тем, кто мог доказать действительную, по мнению Гегемонии, необходимость в данном полете и были действительны исключительно на данный период времени. Не существовало постоянных пропусков, а также пропусков на определенные планеты. Исключение делалось только для высших функционеров Гегемонии.

Любой пропуск мог служить только для полета туда и обратно между двумя небесными телами, за исключением случаев, когда речь шла о разрешении на эмиграцию.

Путешествие без документов было преступлением, которое, как и все «Запрещенные Деяния», карались смертью.

Джонсон совершил полет с Земли на Фобос, «большую естественную космическую базу Марса», под видом «Самюэля Скляра», у которого было разрешение на полет с Земли на Фобос и обратно, с заходом на обратном пути на Деймос. «Бэзил Томас» же был жителем Марса, у которого не было никакого пропуска.

Таким образом, было абсолютно невозможно установить малейшую связь между «Томасом и Скляром».

Самым сложным было пробраться незамеченным на Марс и обратно.

Джонсон еще несколько раз переходил с тротуара на тротуар, чтобы сбить со следа своих возможных преследователей. Теперь он находился на ленте-экспресс на уровне земли, которая быстро уносила его к границе экологического купола, к выходу № 8.

Следя за пробегающими зданиями, Борис Джонсон почувствовал, как его снова охватывает прежнее чувство клаустрофобии, что бывало с ним каждый раз, когда он покидал Землю.

Его пугало то, что на всех других мирах люди жили не с трудом колонизированных островках, смирившись с господством Гегемонии в окружающей их исключительно враждебной среде. За исключением Земли, человек не мог прожить ни секунды без космического скафандра или экологического купола.

И каждый из этих куполов был построен Гегемонией. Все, что находилось внутри, даже самая ничтожная молекула воздуха, было предметом постоянного наблюдения. По странной иронии судьбы космос и девственные планеты и спутники, которые философы до космической эры считали главными зонами всеобщей свободы, превратились в нерушимые оплоты гегемонической тирании. В то время как Земля с многими тысячелетиями ее истории, с ее еще необходимыми районами, таинственными и забытыми уголками, где руины накапливались в течение столетий, еще давала некоторую возможность хотя бы на время укрыться от всевидящих Глаз Гегемонии.

А вот колонии, все до единой были созданы Гегемонией. Огромные купола, которые давали жизни возможность существовать, походили на аквариумы с тропическими рыбками, или на клетки в зоопарке...

Поэтому, каким бы ненадежным оно не было, наилучшим убежищем считалась Земля.

Теперь Джонсон перепрыгивал с тротуара на тротуар, чтобы опять оказаться на ленте со скоростью 3 км/час. На уровне выхода № 8 он перешел на неподвижную поверхность.

Выход этот был наименее популярен. Он предназначался глав-

ным образом для жителей, желающих совершить экскурсию по поверхности планеты. Но, учитывая тот факт, что любопытство вообще-то не считалось положительным качеством, да и такие прогулки могли представлять интерес только для специалистов, движения здесь почти не было, а наблюдение было довольно поверхностным.

Единственный Стражник, заведовавший гардеробом со скафандрами, умирал от скуки.

Джонсон подошел к нему с самым невинным видом.

— Я хотел бы выйти наружу, — сказал он.

— Для чего это?! — пролаял Стражник, довольный, видимо, что можно хоть на кого-нибудь излить пыл души.

— Ха-ха, мне хочется прогуляться. Может быть, мне удастся найти Исчезнувший Город Марсиан! — отвечал Джонсон, с доверительной усмешкой.

Ведь это была почти постоянная тема местных разговоров, так как, что касалось «марсиан», на поверхности планеты не находили ничего, кроме крошечных песчаных паучков, которые ползали, опираясь на свои дряблые животики...

— Забавно, — сказал Стражник. — Но дело в том, что в данный момент никому не разрешается покидать купол.

— Да?... — Джонсон сделал вид, что удивлен. — Что-то случилось?

— Что-то? — Откуда вы свалились? Вы что же, не знаете, что Братство Убийц только что предприняло попытку убийства Координатора?

— Братство...?! — Джонсон был вне себя от изумления. — Но почему...

Он вовремя прикусил язык. Этот гад Кустов был горазд на выдумки. Ничего не скажешь! Будучи не в состоянии отрицать сам факт заговора — весь Марс был этому свидетелем, они были вынуждены прервать репортаж до появления бомбы-анонса, принадлежащей Братству. Верхушка считала, что будет лучше, если Координатор спасся от заговора Братства, чем если будут знать, что его спасло это же Братство от покушения, задуманного Лигой... И только несколько тысяч Опекаемых, лично присутствующих при этом, будут знать, что произошло на самом деле. Но что могли противопоставить их изолированные голоса чудовищному аппарату массмедиа. Ведь по мнению среднего Опекаемого вообще не могло быть никакой попытки убийства, организованной Лигой. Дерьмо! Дерьмо!

— У вас странный вид... — заметил Стражник, всматриваясь пристальней в своего собеседника и похлопывая по прикладу своего автолазера.

Джонсон старался соображать как можно быстрее. Если ему не удастся добраться как можно быстрее до Фобоса, он пропал. Заметившие, как он убегал из Министерства, Стражники могли в любой момент получить указание задержать любого мужчину в униформе обслуживающего персонала и быстрее отыскать так называемого «Томаса»... В этом случае его будут проверять. Документы были безупречны, но, если их передадут для анализа Главному Опекуну Марса, ЭВМ моментально обнаружит, что Бэзила Томаса просто не существует: нигде не найдут никаких следов его рождения, а также никаких следов его школьной и профессиональной биографии... И все это Джонсон прекрасно понимал.

Или Фобос, или верная смерть. А чтобы попасть на Фобос, ему надо было избавиться от этого Стражника. И немедленно!

— Значит, есть какая-то связь... — пробормотал он.

— Что-что?!

— Я думаю, есть какая-то связь между попыткой покушения и порчей космических скафандров.

— Это еще что за новости? — проскрипел Стражник.

— Что ж, раз уж вы получили указания, придется ввести вас в курс дела. Я занимаюсь проверкой всей спецодежды. Два или три дня назад обнаружены три испорченных скафандра в проходе № 3. Мастерская работа — всего лишь несколько царапин, последствия воздействия которых можно заметить, только оказавшись достаточно далеко от купола, когда уже поздно. На самом деле я хотел выйти именно поэтому. Все скафандры систематически проверяются, но при этом нужно большое терпение и не нужны лишние слухи. Поднимется паника: если Опекаемые узнают, что кому-то удалось испортить скафандры. Хорошо, если нельзя выходить, я проворю их на месте. Конечно, я надеюсь, что вы будете молчать...

— Я не нуждаюсь в уроках по правилам безопасности! — отрезал Стражник сухо. — Ну, занимайтесь своим делом.

Джонсон направился к хранилищу и начал придирчиво изучать скафандры. Он отвернул шлем одного из них и засунул туда голову.

— Вот это да! — неожиданно воскликнул он, отпуская град странных ругательств.

— Ну что там еще?

Джонсон присвистнул и снял шлем.

— Ну и ну, это просто невероятно! — произнес он с ошеломленным видом. — Невероятно.

— Так что вы там обнаружили? — пролаял Стражник.

Джонсон дрожащим пальцем указал в сторону скафандра.

— Вы только посмотрите! — присвистнул он. — Нет, вы только посмотрите!

Продолжая ворчать, Стражник приблизился и наклонился к скафандру.

Джонсон со всего размаха двинул его в основание затылка. Стражник издал какой-то захлебывающийся стон и рухнул.

Не теряя ни секунды, Джонсон тотчас же натянул скафандр, завладел автолазером Стражника и испортил оставшиеся скафандры.

Покончив со всем этим, он какое-то мгновение рассматривал Стражника, без сознания лежащего на земле. Самое элементарное чувство безопасности подсказывало, что он просто обязан его ликвидировать, но Джонсон никак не мог решиться на это. Он не был в состоянии убить беззащитного человека, даже если это был Стражник. Он пожал плечами, недоумевая по поводу собственной слабости, открыл дверь входной камеры и покинул купол.

В конце концов, когда они найдут Стражника в бессознательном состоянии, они подумают, что это всего лишь обычный акт терроризма. По крайней мере до тех пор, пока Стражник не придет в себя. Ведь этот выход вел в никуда, если не считать опустошенной поверхности планеты, учитывая тот факт, что ни один межпланетный корабль не мог пролететь незамеченным, они не могли подумать, что кто-то мог бы избрать этот путь, чтобы покинуть Марс. Во всяком случае, не могли подумать бы сразу.

И даже, если им станет ясно, в чем дело, ничто не даст им повод связать восдино это происшествие и личность Самюэля Скляра, который ни разу в жизни не касался поверхности Марса.

А если кто-либо случайно наткнулся бы на малогабаритный космический корабль, спрятанный в нагромождениях огромных красных скал из окиси железа, ему было бы довольно трудно объяснить его присутствие на Марсе. Ведь это был простой каботажник, мощности которого хватало всего лишь на перемещение между Фобосом и Деймосом, миниатюрными марсианскими лунами.

Связанный в движении своим мешковатым скафандром, Борис Джонсон с трудом пробирался через скалистые завалы, весь мокрый и запыхавшийся, оказался наконец у люка, ведущего в

тесную кабину каботажника. Он почти бежал все это время, ругая себя последними словами за то, что у него не хватило духу прикончить Стражника, что дало бы ему больше оснований считать себя в безопасности. Если они что-нибудь узнают до того, как он взлетит... Гегемония стремилась поддерживать как можно более полную иллюзию свободы: вместе с действительным ростом благосостояния это во многом способствовало затуханию в зародыше даже самых слабых поползновений к противоречиям. Фобос представлял собой нечто вроде естественного и заботливо сохраняемого парка или заповедника, где человек мог при желании очутиться в одиночестве, с глазу на глаз со звездами, и на этом каменном булыжнике, лишенном атмосферы, какую-то долю сскунды верить, что был свободен...

Но, как и везде во владениях Гегемонии, эта свобода была иллюзорной и формальной. Те, которым разрешался полет на Деймос, имели возможность взять напрокат у частных агентств небольшой каботажный корабль. Но, однако, мощности двигателей этих ракет хватало только на полет туда и обратно. У пилота могло сложиться впечатление, что только от него одного зависело вдруг взять и пуститься в глубины космоса. Однако к опасному полету — надо было во что бы то ни стало добраться до Деймоса как можно быстрее, чтобы свести до минимума возможность обнаружения.

Двигатели ракеты взревели и Джонсона придавило к сиденью. Он не строил себе иллюзий на этот счет: так и придется ему терпеть ускорение 6G весь полет — без искусственной гравитации, без специального скафандра... Но самым неприятным чувством была постоянная неуверенность: если его засечет патрульный корабль или станция раннего оповещения, он будет мгновенно превращен в ничто, так никогда и не узнав, что же с ним произошло...

Несмотря на чудовищное ускорение, которое затуманило ему голову, он почувствовал, что впервые с момента неудавшегося заговора получил небольшую передышку. Но и это чувство было отравлено воспоминанием о неудаче, которая давила на него с еще большей силой, чем эти дьявольские 6G. Ведь детально разработанный план с треском провалился: Кустов остался жив, а Лига лишилась всех выгод, на получение которых рассчитывала в случае удачи. Гегемония поступила очень умно, переложив ответственность за покушение на Братство. Ведь по мнению среднего Опекаемого все акты Братства были абсолютно необъяснимы, а причины надо было искать в тумане древних наставлений, почер-

пнутых в забытых книгах, озаглавленных «Библия», «Коран» или «Теория социальной энтропии».

Никто не знал точно о чем эти книги, но было ясно, что появились они в Эпоху Религий, и фанатики, которые вдохновлялись ими, должны были восприниматься как естественное и неотвратимое зло — точно так же, как признаки душевного заболевания овладели лишь людьми, считавшимися святыми...

И Совет не испытывал затруднений, поддерживая мнение о том, что акции Демократической Лиги и Братства Убийц одно и то же, направляя общественное порицание на собирательный и, в конечном счете, малоопасный образ секты каких-то безответственных типов...

Джонсон попробовал усилием воли прогнать облако, которое заволакивало его мозг и мешало обзору, чтобы взглянуть на часы. Еще на одну минуту ближе к Деймосу.

«В конце концов, может быть, мне и повезет, — подумал он рассеянно. — Потом посмотрим... Надо подумать об этом на свежую голову. Ведь получается, что Лига ходит по кругу. Число вновь поступивших, которое и так никогда не было достаточно высоким, регулярно понижалось. Засилье Гегемонии все возрастало. Глаза и Лучи продолжали терзать население, и Опекаемые превращались в стадо, безразличие которого росло, по мере того как повышался уровень жизни, а санкции, карающие за Запрещенные Деяния, становились все более жестокими».

И вот теперь, казалось, само Братство решило поддержать Гегемонию, если только...

Если только Братство не было с самого начала ставленником Гегемонии, специально созданным для проведения подобных операций?

А может быть, все это не имело никакого смысла... Может даже лучше, если его каботажник будет обнаружен и...

И в этот момент двигатели смолкли. Поднятый со своего кресла, Джонсон полетел вверх, неожиданно лишившись веса, однако ремни безопасности удержали его. И одновременно со своим телом, сбросившим тяготы ускорения, голова у него тоже прояснилась при виде Деймоса, хаоса его мертвых и бесплодных скал, которые окружали его со всех сторон миниатюрный космопорт.

Он не знал, как же все произошло, да и теперь его это мало волновало: он был жив. Он прибыл на Деймос, в целости и сохранности. Теперь он превратился в «Самюэля Скляра», недавно прибывшего на Фобос после недолгой прогулки на Деймосе. Че-

рез сутки он сядет на корабль, летящий на Землю, — единственное место, где Лиге еще удавалось держаться и действовать достаточно эффективно. К тому же из трех тысяч сторонников Лиги две тысячи находились на Земле.

Земля была еще слишком дикой планетой, богатой заброшенными и забытыми закоулками, так что Гегемонии было очень трудно распространить на нее тотальную слежку. И Лига выживала, и сам он выжил. Один бой был проигран, но борьба будет продолжена — и результатом ее будет свержение Гегемонии и установление Демократии.

Да, борьба будет продолжена, и в следующий раз...

И Борис Джонсон поклялся себе, что по крайней мере уж следующий-то раз будет обязательно.

3

Зал заседаний Совета был обставлен подчеркнуто скромно. Стены и потолок были отделаны простым дюропластиком однообразно кремового цвета, а пол покрыт коричневым плюшем.

В центре зала стоял огромный прямоугольный стол из орехового дерева, предназначенный исключительно для рабочих совещаний. По четыре кресла стояло с каждой из трех его сторон, и одно — с третьей, то есть во главе стола. В центре стола располагались два массивных блюда из серебра и без всяких украшений: на одном стояли стаканы и бокалы различной емкости, на другом — набор традиционных кувшинов: вино, бурбон и водка.

И именно в этой банальной земной, если можно так выразиться, обстановке десять мужчин, собравшись у этого самого стола, повелевали судьбами двадцати миллиардов человек. Не существовало законодательных органов, не было независимых органов юстиции: во всей Солнечной системе не было ни одной частицы власти, которую не придерживал бы Совет Гегемонии. Пятеро из его членов определялись всеобщими выборами, которые проводились крайне редко. Пятеро других выбирались Генеральным Опекуном Системы, гигантской ЭВМ, которая имела доступ к информации, накопленной всеми местными Опекунами.

Координатор и Вице-Координатор выбирались самым испытанным методом — в результате изощренных интриг в борьбе за власть в кулуарах Совета.

Владимир Кустов, самый могущественный человек в пределах

Солнечной системы, говорил отрывистым голосом, в котором сквозила едва сдерживаемая ярость:

— Так ты находишь это забавным, Джек?! А если тебя самого пытались бы убить?

Джек Торренс, Вице-Координатор Гегемонии, спокойно потягивал водку с сардонической ухмылкой на губах, которая слегка округлила его лицо, напоминая мордочку мелкого грызуна.

— Но, Владимир, — отвечал он, — ведь это в тебя они стреляли, не в меня же. По-моему Лига доказывает, что у нее изысканный вкус, когда она выбирает свои жертвы...

— Мы все здесь прекрасно понимаем, что ты имеешь в виду, и я не сомневаюсь, что моя смерть была бы для тебя ужасным горем, — возразил ему Кустов сухо. — Но ты должен понять самое главное: Лига чуть не убила Главного Координатора. Что бы ты сказал, Джек, если бы ты сам находился на этом посту? Тебе не понравилось бы, что тебя выбрали мишенью?

Торренс помолчал, обдумывая свой ответ, бросил быстрый взгляд на Обрину, Куракина, Лао, Кордону и Уланужева, пять голосов которых принадлежали несомненно Кустову, и снова заговорил, обращаясь именно к ним.

— Может быть, если бы мои друзья из Братства Убийц охраняли меня...

— Эти намеки совершенно неуместны! — пролаял Кустов, в то время как выражение лица его ставленников приняло выражение искреннего возмущения, как это полагалось.

Как полагалось, не более, отметил Торренс с удовлетворением.

— Может быть тебе захочется установить Глаз и Луч и в Зале заседаний Совета, Владимир, — продолжал Торренс с язвительным выражением. — Несомненно, это тотчас бы прекратило бы все «неуместные намеки»...

Штайнер и Джокс, сторонники Торренса угодливо оскалились.

— Твой юмор не смешит меня, — отвечал Кустов. — Ситуация сложная. Демократической Лиге все равно никогда не удастся ничего, но она является нашим единственным противником, единственной преградой на пути установления безупречного порядка. Когда мы устраним это препятствие, мы будем в состоянии контролировать всю человеческую расу. Подумайте только о достигнутом прогрессе! Всего лишь три столетия назад человечество стояло на краю гибели. Самая Великая Объединенная Россия и Атлантический Союз ждали только повода, чтобы вцепиться друг другу в глотку. И, если бы не случилось русско-китайской войны,

которая привела их в чувство... Обе стороны поняли, что для выживания человеческой расе нужен порядок — Порядок с большой буквы! И теперь, по истечении трех столетий, смотрите, какие у нас свершения, только благодаря Порядку. Болезни практически исчезли. Войны стали преданием. Жизненный уровень вырос в четыре раза. И, я повторяю это перед лицом всего Совета, Лига является единственным препятствием для еще более совершенного прогресса. Как только эти нарушители спокойствия будут нейтрализованы, мы сможем установить Глаза и Лучи повсюду. И стоит ли останавливаться на этом? Почему бы не заняться контролем наследственности, после того как будет завершено приручение окружающей среды?! Уверяю вас, мы еще только в самом начале наших славных дел!

Торренс вздохнул. Каждый раз, когда у Владимира начинается подобное словоблудие, я не могу решить, подумал он, то ли это полный идиот, то ли он еще больший лицемер, чем я сам. Послушать сго, так автоматические казни за неразрешенные действия являются свидетельством совершенства ЭВМ, слухи о котором мы пытаемся распространять, а не результатом случайного действия смертоносных лучей!

— И в течение наступающего тысячелетия, — проговорил он вслух, наливая себе еще водки. — Мы будем тратить миллионы, а также десятки тысяч рабочих часов, чтобы уничтожить ничтожную группку романтических недоносков? Но, Владимир, ты же сам об этом говорил, наше господство почти абсолютно. Надо ли действительно принимать всерьез дешевые игры Лиги и относиться к ним как к серьезной угрозе?

— Давно ли кто-нибудь покушался на твою жизнь, Джек?! — бросил в ответ Кустов.

Вот удобный момент, подумал Торренс.

— Ага! Вот теперь ясно! Тебя затронули — и вот перед нами главная опасность. Вот что превращает трех помешанных в опасную конспиративную организацию. А скажи-ка мне, Владимир, почему ты так не спешишь уничтожить Братство? В конечном счете, оно доставляет нам больше хлопот, чем Лига. Может быть, ты знаешь о них то, что нам неизвестно? А не случилось ли так, что вы заключили соглашение? Ведь ты не можешь отрицать, что именно им обязан жизнью?...

Торренс с удовлетворением отметил, что даже сторонников Кустова этот аргумент заставил задуматься.

— Ты зашел слишком далеко, Торренс! — взвизгнул Кустов. —

Братство не что иное, как сборище фанатиков, как это было у древних христиан! Откуда мне знать, почему они спасли мне жизнь? Последователи древних культов, как говорят, вспарывали животы животным, чтобы планировать свои действия в соответствии со внешним видом внутренностей. И убийцы вертопрахи той же категории. У христиан была Библия. У Братства есть Марковиц и его «Теория Социальной Энтропии». Все это одного поля ягоды. Религиозные фанатики могут быть патентованными злодеями, но они не могут представлять серьезной опасности для общества, так как они даже не живут в нашем реальном мире.

— А Лига является действительно реальной угрозой? — прервал его Торренс.

— Да, потому что они выдвигают альтернативу, которая может заставить задуматься некоторых слишком впечатлительных. Что было бы, если бы их заговор удался?!

Торренс засмеялся.

— Как будто ты не знаешь?

В тысячный раз он спрашивал себя, как это Кустову удастся удерживаться наверху, и ответ всегда был одним и тем же: пятеро Советников разделили его идеи. Но в этом не было ничего удивительного, так как Обрина, Кордона и Куракин были выбраны самим Опекуном...

— Забудь хоть на минуту о своих личных амбициях! — отвечал Кустов. — Лига тогда могла похвалиться тем, что убила Главного Координатора — и все его вполне легально; прямо на глазах у телезрителей. Они, конечно же приготовили бомбу-анонс, чтобы запустить ее тотчас же после успешного завершения заговора. Они вот-вот могли стать настоящей угрозой...

— А Братство Убийц им помешало в последний момент, — пробормотал Торренс. — Действительно... любопытно...

— В конце концов, Торренс, не хватит ли!

— Друзья мои, прошу вас, — вмешался Советник Горев.

Торренс что-то проворчал в ответ: глядя на этого субъекта с лысым черепом, который, казалось, никогда не расставался со своим обычным состоянием невозмутимости, он иногда думал о том, что этот Советник какой-то очень уж гуманный, мягкий... Должно быть в схеме Опекуна произошел какой-то сбой, если он выбрал его... По мнению Торренса, он не блистал умом. Наоборот, он даже считал его не совсем нормальным...

— Разве вам не ясно, что вы реагируете именно так, как этого ждет от вас Братство, — продолжал Горев проникновенным голо-

сом. — Тому, кто изучал «Теорию Социальной Энтропии» и другие произведения Марковица, сразу становится ясно, что в иррациональном характере деятельности Братства кроются вполне реальные намерения. Мы уверены, как это подчеркнул Владимир, что у Братства такое же отношение к произведениям Марковица, как у древних христиан к...

— Хватит, Горев, хватит! — грубо оборвал его Кустов. — Все это просто болтовня. А надо действовать. Я полагаю, что выражу общее мнение, если скажу, что никто здесь, в том числе и Вице-Координатор, не будет оправдывать действия Лиги.

— Не в этом дело, — сказал Торренс усталым голосом. — Но мне кажется нерациональным, что мы должны заплатить такую цену за нейтрализацию двух или трех тысяч сторонников Лиги.

— Однако, если мы сможем это сделать достаточно эффективно? — возразил Кустов.

— У тебя, несомненно, есть какое-то предложение на этот счет, — сказал Торренс. — Расскажи нам о нем.

И все эти пререкания ничего не значили. Кустов обладал достаточным влиянием в Совете, чтобы заставить его принять практически любой проект.

— Прекрасно. Во-первых, усилить силы Стражников. Они должны выбираться по еще более строгим критериям и два раза в год проходить проверку комплексом углубленных тестов. Эти меры должны поставить дополнительный заслон на пути дальнейшего проникновения членов Лиги в наши ряды. Все согласны?

Одобрение было всеобщим. Даже сам Торренс не нашел никаких возражений.

— Во-вторых, специалисты из Министерства Опек должны разработать план нейтрализации Лиги — простой и дешевый.

И в этом вопросе все были едины.

— Наконец, я предлагаю установить Глаза и Лучи во всех жилых помещениях, так чтобы их эффективность сказалась сразу же.

Торренс скривился. По его мнению, это было просто смешно. Опекуны были в состоянии, конечно же, обнаружить и покарать действительно грубые нарушения Кодекса. В то же время обычное распространенное мнение, следуя которому Лучи тотчас же карали за самое минимальное нарушение, базировалось только на невероятном усилии всей пропагандистской машины Гегемонии, которому придавала смерть тысяч Опекаемых, уничтожаемых то тут, то там Лучами абсолютно произвольно...

Опасность заключалась в том, что в один прекрасный день Кустову, Горову и компании могла прийти в голову мысль воплотить эту идею в жизнь: тогда осуществляемый контроль станет таким жестким, что любая попытка свергнуть Кустова будет обречена на провал.

При голосовании за это предложение выявилась глухая вражда кланов. Однако только Торренс, Джоннс и Штейпер выразили свой протест и проголосовали против. Как и ожидал Торренс, Горов примкнул к большинству — даже при условии, что он не был приверженцем идей Кустова...

Орбита этого астероида увлекала его за много градусов вверх от линии эклиптики и значительно ближе к Юпитеру, чем другие такие же обломки Пояса Астероидов. Это был миниатюрный мир диаметром немногим более километра один из многих тысяч в Поясе. Никому ненужный булыжник, на котором не было никаких полезных ископаемых, который болтался далеко, очень далеко от обычных коммерческих трасс, связывавших Марс со спутниками Юпитера. По всем законам логики, экономики и астронавтики он должен был навсегда остаться пустынным...

Это и было главной причиной того, что он был обитаем.

Однако догадаться об этом было почти невозможно, если наблюдать за ним из космоса, так как все его оборудование было упрятано в недрах булыжника... На самом деле астероид напоминал улей — с его длинными коридорами, жилыми отсеками и шахтами скоростных лифтов. В самом центре астероида миниатюрный ядерный реактор, оборудованный защитными средствами на любой случай, снабжал его необходимой энергией. И никакая радиация, способная выдать его присутствие, не распространялась в космосе.

Этот пустынный обломок был штаб-квартирой Братства Убийц.

Аркадий Дунтов находился в недрах астероида, в просторном помещении, целиком вырубленном в скале. Сейчас он стоял навтыжку у круглого стола, составляющего одно целое с массой метеорита — стол был целиком выточен из камня, и его опоры вырастали прямо из пола... За столом сидели восемь мужчин, одетые в простые шорты и легкие зеленые рубашки с массивными золотыми медальонами на шее. На каждом медальоне виднелось рельефное изображение латинской буквы «G» на темном фоне.

Несмотря на то, что стол был круглой формы, Дунтову показалось, что один мужчина выделялся больше других. Он был стар, но определить его возраст с большей точностью было нелегко, так как

его длинные тонкие волосы не успели поседеть, в то время как загорелая кожа его лица была испещрена целой сеткой морщин...

— Во имя Хоаса, — произнес он хорошо поставленным звучным голосом. — Я, Роберт Чинг, Главный Агент, объявляю сегодняшнюю Ассамблею открытой.

Дунтов еще раз с удовлетворением отметил атмосферу абсолютной простоты и точность церемониала. Уже в шестой раз появлялся он в этом зале, но присутствующие оставались для него все такими же загадочными, как и их имена — сам Чинг, Н'Гана, Омит, Фелипе, Штейнер, Наги, Мустафа, Гувер — Ответственные агенты. Они представлялись ему такими спокойными высокомерными, уверенными в себе, что ему казалось вполне естественно слепо следовать за ними, не задавая вопросов, не зная даже их имен — и не испытывая ни малейшего желания узнать их...

— Сейчас мы слушаем рапорт Агента Аркадия Дунтова, ответственного за нашу недавнюю операцию на Марсе, — продолжал Роберт Чинг. — Мы слушаем вас, Брат Дунтов.

Дунтов задержал дыхание. Некоторые из Ответственных Агентов — Гувер, Филипе, Наг были лет на десять моложе его, однако у него было такое впечатление, будто он выступает перед ассамблеей патриархов...

— Да, Главный Агент, — начал он, придав выражение торжественности своему лицу с грубоватыми чертами, выдававшими его славянское происхождение. — В соответствии с полученными указаниями, я покинул место постоянного пребывания, чтобы попасть на Марс, где я вступил в контакт с пятью другими Братьями. В полном соответствии с планом мы собрались в непосредственной близости от Министерства, на улице второго уровня, в тот час, когда должна была начаться официальная церемония и речь Главного Координатора. Как только начались беспорядки, и агент Лиги, проникший в ряды Стражников, направил свое оружие на Координатора, мы убили его. Затем мы рассеялись и подождали, пока кончатся поиски членов Лиги. После чего мы собрались в том месте, где находился корабль, то есть в пустыне, и вот я перед вами с моим докладом.

Уверенный, что он точно следовал всем полученным распоряжениям, он тем не менее не мог отделаться от странного чувства неуверенности при мысли, что он мог где-либо допустить оплошность, при мысли, что эти великие люди могли судить о его действиях в соответствии со своими критериями, которые ему были абсолютно непонятны...

— Прекрасно, — сказал Чинг. — А что стало с Агентами Лиги? Какова судьба Бориса Джонсона?

— Девять агентов Лиги были пойманы. Но их предводителя Джонсона среди них не было. Поскольку Гегемония не объявляла о его пленении, я считаю возможным заявить, что ему, по всей вероятности, удалось покинуть Марс.

— Ага! — воскликнул Чинг. — Полная победа Хаоса! Хорошо, что Борису Джонсону удалось бежать. В противном случае нам пришлось бы вмешаться и выступить на его стороне. Тем не менее интересно отметить, друзья мои, что даже с такими ограниченными возможностями Лиге удастся выжить.

— Может быть в этом стоит усматривать совокупность случайностей, играющих им на пользу, — высказал свое мнение негр высокого роста, которого Дунтов знал под именем Н'Гана.

— Может быть. Но в таком случае нам самим должна помогать выжить такая же игра Случайностей, как вы думаете? А думать необходимо. В частности, как, например, Брату Дунтову и его людям удалось ускользнуть, в то время как агентам Лиги не оставалось ничего другого, как бегство или пленение? Ведь у обеих групп были одинаково совершенные документы. А разница заключается в том, что в то время, как они подделывают документы, мы подменяем людей. Шесть Опекаемых исчезают, а шесть Братьев появляются, и они ничем от них не отличаются. Используя настоящие документы и фальшивые обличья, мы сводим на нет риск разоблачения. Надо больше думать, Брат Н'Гана! Это будет полнейшей ересью, если мы будем пытаться создать Царство Хаоса при помощи одной только чистой случайности.

— Все ясно, Главный Агент, — сказал Н'Гана. — Я только хотел подчеркнуть, что Демократическая Лига не кажется слишком расположенной к долгим раздумьям — да и к коротким тоже...

— Не стоит смешивать незнание и глупость, — возразил Чинг. — В конце концов Опекаемые Гегемонии ничего не знают о пути Хаоса, точно так же, как и о Законе Социальной Энтропии. И Демократическая Лига тоже не может избежать этих заблуждений, этого незнания. Ведь невозможно упрекать ее членов за то, что они бредут во тьме, не имея представления, какой путь выбрать. Чем насмехаться над их многочисленными промахами, нам следовало бы восхищаться их редкими успехами, так как какими бы неправильными ни были их способы, действия их подчинены благородной цели.

— Может быть, они и бескорыстны, — сказал Н'Гана сухо. —

Однако не подлежит сомнению, что их действия быстро становятся Предсказуемым Фактором...

Чинг нахмурил брови, покачал головой и сказал:

— Возможно вы и правы. Однако еще не время принимать решения по этому вопросу. Нам остается выслушать еще один доклад, который я уверен, значительно поднимет настроения.

Дунтов, который все с возрастающим изумлением следил за этим обменом репликами, уже собирался покинуть Зал заседаний и направиться к выходу, как вдруг Чинг позвал его:

— Брат Дунтов, вы оказали Хаосу услугу. Будет справедливо, если вы останетесь.

— Спасибо, Главный Агент, — отвечал он с признательностью.

В то же время он спрашивал себя, действительно ли ему хочется больше знать о деле, которому он служил. Когда служат идее, в которую безоговорочно верят, зачем пытаться понять необъяснимое?

Чинг нажал кнопку на своем столе. Дверь отворилась, пропустив какого-то старого сморчка, который двигался подпрыгивающей походкой.

Послышались приглушенные возгласы. — Шнеевайс? Снова в Просекте?!

Чинг улыбнулся.

— Я думаю, все Ответственные Агенты хорошо знают доктора Шнеевайса и наоборот. Доктор, разрешите представить вам нашего Брата Аркадия Дунтова, одного из самых лучших агентов-оперативников.

— Вы... вы действительно доктор Рихард Шнеевайс? — пробормотал Дунтов. — Тот самый Шнеевайс? Но ведь Гегемония считает, что вы мертвы!

Шнеевайс рассмеялся.

— Слишком сомнительное известие, как вы сами можете удостовериться. Я — сама жизнь, да и работа у меня кипит.

— И вы всегда были членом Братства?

— Нет, мой юный друг, не всегда. Однако в качестве физика я в свое время начал интересоваться все больше такими проблемами, которые раньше или позднее должны были привести меня к контакту с возрастающей социальной энтропией. И когда Советник Горев, человек исключительно проницательный понял, в каком направлении продвигаются мои исследования, он счел необходимым доложить об этом Совету, который тотчас же положил конец моей работе и свободной жизни,

намереваясь так же, насколько я понимаю, положить конец... моей жизни. И вот тогда один из моих ассистентов, член Братства с давних пор, вступил со мной в контакт, предложив мне инсценировать «несчастный случай», жертвой которого я должен был, якобы, стать, и вот я здесь, перед вами.

— Ладно, доктор, — вмешался Агент по имени Смит, дорожный блондин с блестящими голубыми глазами. — У вас еще будет время поболтать с Дунтовым. Поговорим лучше о проекте «Прометей».

— Да, как обстоит дело?

— Хорошо, Братья, — отвечал Шнессвайс. — Могу доложить, что теоретическая часть уже готова, все технические детали почти что урегулированы, а испытания некоторых ступеней дают весьма обнадеживающие результаты. В общем, предварительные работы по проекту «Прометей» уже начаты, и сам эксперимент может быть проведен через четыре-шесть месяцев.

— Всего через полгода!

— Значит, крах Порядка уже не за горами!

Роберт Чинг рассмеялся безрадостным смехом и Дунтову показалось, что в его черных глазах на какой-то миг возник отблеск той грандиозной и мистической перспективы, итог которой из всех присутствующих только он мог осознать до конца.

— Да, Братья Хаоса, — сказал Чинг. — Проект «Прометей» перестал быть мечтой. Час его осуществления быстро приближается. В течение трех веков бились мы с этим злополучным Порядком Гегемонии Земли, черпая наши силы в источниках мысли Марковица. В течение трехсот лет хранили мы нерушимой нашу веру в неизбежный триумф Хаоса. И вот, наконец, намечается закат и падение Гегемонии. Через шесть месяцев трехвековая борьба принесет свои плоды, и противосестественный порядок начнет разлагаться, пусть даже его агония и продолжится еще несколько десятилетий...

— И придет царство Хаоса...

У Аркадия Дунтова появилась уверенность, что, если он и дальше будет вместе с Чингом и Шнессвайсом, он станет обладателем таких тайн, о существовании которых ни один Опекаемый даже подозревать не мог. Однако тут он решил наконец удалиться. Скорее всего, имелись и такие секреты, которые в данный момент лучше бы не знать...

Ведь ему было достаточно приобщиться к тому, кто их знал. Он был счастлив, что следует путем Хаоса, счастлив верой в три-

умф дела, значение которого бесконечно превосходило понимание и мыслительные способности простых людей. Но, как и прежде, у него не было ни малейшего желания проникнуть в лабиринты, которыми продвигалась эта сила, которую они называли Хаосом.

4

Стрелы самых высоких зданий большого Нью-Йорка уходили более чем на километр в небо, и этих гор, рожденных рукой человека, насчитывалось несколько десятков. Здесь были тысячи зданий — старые небоскребы и резиденции недавней постройки, насчитывающие более семидесяти этажей, соединенные между собой на различных уровнях движущимися тротуарами, улицами на невероятной высоте, подъемно-спускательными трубами. Все это составляло один гигантский муравейник, который простирался от Олбани на севере до Трентона на юге, от Моунтауна на востоке до Паттерсона на западе, от небосвода до уровня земли, который теперь почти ничто не отличало от десятков уровней, которые возвышались над ним.

Однако, проткнув небо, нагромодив уровень на уровень до такой степени, что весь город превратился в одно гигантское здание, размерами превышавшее все разумные пределы, Большой Нью-Йорк, в отличие от своего предка, остановился на уровне земли.

Ниже простирался огромный подземный лабиринт, затерянный, забытый город, состоящий из заброшенных туннелей старинного метро, канализационных труб, проходов под Гудзоном, древних искусственных пещер, которые появились еще во времена Войны за Независимость. Почти забытые Гегемонией, абсолютно забытые Опекаемыми, опускаемые гидами и учебниками истории, оставленные без присмотра Стражников, Глаз и Лучей, уже не упоминавшиеся в картах и планах, эти запутанные лабиринты превратились в тайную цитадель Демократической Лиги.

Следуя по рельсам метро, проходящих между бывшими станциями 135-й и 125-й Улиц в обволакивающей тьме, которую время от времени разрезал только тонкий лучик карманного фонарика, Борис Джонсон с удовольствием смаковал один из тех редких моментов общего расслабления. Ведь этот подземный город, как и все аналогичные норы, которые человек прорыл под Чикаго, Бей-Сиги, Большим Лондоном, Парижем, Моск-

вой, Ленинградом и десятками других городов, был единственным шансом Демократической Лиги. Ведь наверху простиралось царство тотальной полицейской слежки, Стражников, Глаз и Лучей, проверок личности и т. д. И когда на поверхности становилось совсем уж плохо, всегда можно было найти убежище в этом подземном мире. Здесь в полной безопасности прятали оружие, проводили собрания, делали фальшивые документы. Совет Гегемонии был, естественно, в курсе, однако не представлялось возможным замуровать мириады забытых проходов, установить Глаза и Лучи в каждом из этих коридоров, которые тянулись под каждым большим городом, послать патрули в каждый туннель. Нельзя было также взорвать их, так как это вызвало бы разрушение находящихся над ними городов, которые рассыпались бы как карточные домики...

Как и сама Лига, эти подземные лабиринты не представляли такой уж большой опасности, которая могла бы оправдать невероятную цену их исчезновения, и именно на этом исключительно экономическом расчете и покоилась их относительная безопасность, которой пользовались подпольщики.

В данный момент Джонсон подходил к станции 125-й Улицы. Впереди он заметил сноп лучей карманных фонариков, рассекавших тьму: остальные уже прибыли. По лестнице с проржавевшими перилами и выкрошившимися ступеньками он поднялся на платформу, заваленную всевозможными обломками — сгнившими деревянными креслами, изломанными билетными автоматами, разбитыми и искореженными асфальтовыми плитами.

Спотыкаясь в этой рухляди, он приблизился к людям, сидевшим на ступеньках лестницы, ведущей к поверхности. Прежний вход был, естественно, замурован и покрыт газоном, но Лига обогрдовала старательно замаскированный люк, через который можно было пробраться в темные подземелья под сверкающим городом.

Итак, тут собралось двенадцать мужчин, черты лица которых были едва заметны при слабом свете их карманных фонариков: десять руководителей нью-йоркского отделения и двое приезжих.

Лайман Ри — бледный призрак, который уже пять лет не появлялся на поверхности, совершив немыслимое преступление: он убил Стражника на глазах целой толпы Опекаемых. Он был альбиносом с кожей цвета слоновой кости и розоватыми глазами и был обречен теперь на пожизненное захоронение — белый червь, человек-крот... Другие агенты жили, как и он, в потемках метрополитена, однако никто из них не провел тут больше времени,

чем он, никто не мог похвалиться таким же совершенным знанием всех закоулков. Ри и был предводителем этого отделения фантомов, которое заселяло забытое чрево Большого Нью-Йорка.

Джонсон улыбнулся, заметив двенадцатого члена, который был никем иным, как Аркадием Дунтовым, его правой рукой и ближайшим другом — человеком заурядным и с такой поразительной внешностью, что он даже не фигурировал в списке Врагов Гегемонии. Однако именно он и снабжал Лигу самой интересной информацией, предлагал самые невероятные планы (однако выполнимые!), как будто у него был доступ к какому-то таинственному источнику знаний, о существовании которого у него в голове трудно было подозревать, учитывая его мыслительные способности. Джонсону никак не удавалось разгадать тайну этого малого, русского по происхождению, круглолицего и рыжеволосого. Однако он по праву ценил его как одного из самых ценных агентов Лиги.

Начались поклоны и приветствия, когда Джонсон влился в их компанию и уселся на пыльных ступеньках.

С угрюмым видом он сразу же приступил к делу:

— Думаю, всем вам известны последствия нашей операции на Марсе?

— Телевидение и газеты единодушно обвиняют Братство, — сказал Лаки Форман, на темном лице которого застыло выражение растерянности, превратившее это лицо в маску из эбена. — Что же произошло, Борис?

Джонсон шепотом выругался.

— Чему ты веришь, Лаки? Братство просто спасло Кустова, после чего посчитало, что будет выгоднее обвинить в покушении себя, по мнению Опекаемых, Братство настоящее проклятие. Тогда, как, по официальной версии, мы всего лишь банда мелких интриганов, подвиги которой достойны упоминания под одной рубрикой с раздавленными собаками и так далее. Если бы нам повезло, им пришлось бы сменить пластинку, но теперь...

— Так мы опять очутились там, откуда начали, — продолжал Майк Файнберг, лицо которого выражало крайнюю подавленность.

— То есть нигде, — прибавил Мануэль Гомес. — Количество вновь вступающих падает. Опекаемые становятся со дня на день все здоровее, все толще и розовеют от удовольствия. Все больше Глаз и Лучей встречается в самых различных местах. И нам все труднее заявлять о нашем существовании. Извини меня, Борис, но иногда я спрашиваю себя, не мы ли идем неправильным пу-

тем? Война стала воспоминанием, уровень жизни регулярно повышается, все счастливы и довольны... Может быть лучше распустить Лигу и приспособиться к ситуации? Спасать то, что еще можно спасти, пока есть время. Что мы на самом деле об этой демократии, за которую боремся, знаем? Может быть, это всего лишь слово. Которое ничего не значит...

— Ну, Мани, — сказал Джонсон, стараясь придать своему голосу выражение убежденности, от которой он и сам был далек. — Мы знаем, что такое Демократия. Это... это значит можно делать то, что хочешь, как хочешь, когда хочешь. Демократия, когда каждый делает то, что хочет делать, а другие или Опекуны, например, не могут в любое время прийти и указать ему, что он должен делать.

— Если каждый будет делать, что хочет, — возразил Гомес, — то что же произойдет в случае столкновения интересов?

— Э-э... большинство решает, естественно, — сказал Джонсон уклончиво. — Большинство выступает за всеобщее благо.

— Я не вижу, чем же это отличается от Гегемонии.

Джонсон нахмурился. Этот вид дискуссии не мог привести ни к чему хорошему. Когда Гегемония будет низвергнута, настанет время пожинать плоды победы и спорить об истинном характере Демократии. Но впереди еще бездна дел. И самым главным в данный момент было действие. А если слишком долго рассуждать о последствиях, то дело будет стоять на месте.

Лайман Ри решил, как мог, сформулировать мысли Джонсона.

— Не время заниматься болтовней, — оборвал альбинос дискуссию. — Вот уже пять лет я гнию в этих подземельях, а таких, как я, сотни. Демократия, это когда можно будет увидеть свет. Для меня это именно так, а если для вас нет, то мне наплевать!

— Лайман абсолютно прав, — поспешил откликнуться Джонсон. — Все мы гнием в том или ином месте. Демократия это свет, и мы еще не можем знать точно, что нас ожидает, поскольку мы ее не видели. А мы не дождемся ее, пока не опрокинем Гегемонию. Теперь надо подумать о будущих выступлениях.

— Мне кажется, что у нас не такой уж богатый выбор, — сказал Гомес. — Нас слишком мало, чтобы совершить настоящую революцию. И даже, если бы мы ввязались в эту авантюру, нам не удалось бы поднять Опекаемых, пока Гегемония контролирует средства массовой информации и следит за тем, чтобы Опекаемые жирели и розовели. По-моему, все, что мы можем, это уничтожать Советников. В случае удачи, они наверняка будут вынуж-

дены принимать нас всерьез, и тогда может быть, некоторые Опекаемые начнут говорить себе...

Большинство присутствующих поддержало его.

— Ты, конечно, прав, — сказал Джонсон. — Но вопрос в том, какого именно Советника, где, когда и как. Горова? Штейнера? Кордону?

— Какая разница, — сказал Ри. — Все они стоят друг друга.

— Это как сказать, — возразил Дунтов.

Джонсон пристально посмотрел на него, спрашивая себя, какое еще сенсационное предложение может сделать этот самый Дунтов.

— Мне кажется, что это должен быть Вице-Координатор Торренс. Все знают, что именно он нацеливается на высший пост, что превращает его в естественного врага Кустова. Если мы его убьем, все начнут задавать себе вопросы. Действительно ли Братство враг Лиги? Заключил ли Торренс союз с Братством? Если Братство обвиняется в попытке убийства Кустова, и если его настоящий враг Торренс убит, Совет не сможет больше обвинять Братство. Ему придется отдать должное нам!

Но откуда ему приходят такие мысли? — спрашивал себя Джонсон, восхищаясь Дунтовым. — Ведь он действительно прав. Изворотливость, которую продемонстрировал Кустов, приписав Братству ответственность за заговор, жертвой которого должен был стать он, обернется против него: на этот раз он будет вынужден обвинить Лигу — или самого себя!

— Не собирается ли Торренс выступить с речью в Музее Культуры на следующей неделе? — спросил Джонсон. — Тогда наша задача значительно облегчается, учитывая его пристрастие к публичным выступлениям с единственной целью — подорвать влияние Кустова. Надо решить, как...

— Так ведь Музей находится на уровне Земли! — неожиданно подал голос Ри. — Да! Прямо под залом заседания — станция метро. Они, естественно, примут серьезные меры предосторожности, но им никогда не придет в голову...

— На каком конкретно расстоянии от пола зала заседаний находится станция? — осведомился Джонсон.

— Прямо под ним находится вход в метро, — ликовал Ри. — Ведь Музей построен на большой площади, которая находится как раз над станцией 59-й Улицы. На станцию было несколько входов, но они их заделали. А зал заседаний находится как раз над одним из таких входов. Тридцать или сорок сантиметров пластика — вот что преграждает доступ в зал в самый разгар!

— У меня такое предложение, — сказал Джонсон. — Незачем проникать в зал. Достаточно подложить мощный заряд. Торренс никогда не узнает, откуда нанесен удар. Итак, встречаемся на станции 59-й улицы. Ри, я, естественно, и... Файнберг, ты у нас лучший специалист по взрывным устройствам, ты этим и займешься. Затем мы...

— Что это за шум?! — вдруг воскликнул Форман.

Его крик понесся вдоль туннеля, бесконечный... И эхо не хотело умирать...

Джонсон услышал, что оно возвращается в виде звука шагов, которые направляются в их сторону — это был глухой ритмичный звук, шум шагов многочисленного отряда, который продвигался по туннелю по левую сторону от платформы.

— Уберите свет! — шепнул Джонсон, показывая пример и одновременно выхватывая свой пистолазер.

Шаги приближались теперь почти в непроглядной тьме, и их поступь ускорилась.

— Человек двадцать, по крайней мере, — прошептал Ри на ухо Джонсону. Вот они входят на станцию! Слушай! Чувствуешь изменение ритма в этот момент? Десять... тринадцать... семнадцать... двадцать два... да, двадцать два, это все.

— Ты считаешь, что они нас слышали? — спросил Джонсон. Ри молча рассмеялся:

— Здесь звук распространяется на километры. Если мы слышим их, то они — нас.

— Следите за маскировкой, — предупредил Джонсон. — Если они включают фонари, тем хуже для них. Если нет, тогда и для нас.

Мысленно он пытался представить себе план станции в черной как смола окружающей его тьме.

— Пути расположены примерно на два метра ниже уровня платформы, — сказал Ри — Если мы спустимся в туннель, так что платформа окажется между нами и ими, они могут нас не заметить...

— Ладно, — сказал Джонсон, осторожно сползая на полустгнившие шпалы и покрытые ржавчиной рельсы. — Только осторожно. Если мы не будем шуметь, они, может быть, и в самом деле не обнаружат нас...

И все агенты Лиги быстро последовали его примеру, в то время как шаги все приближались и приближались. Теперь было ясно, что они доносятся прямо с другой стороны платформы.

Джонсон задержал дыхание, стараясь не выдать себя ни ма-

лейшим движением. Слышны были только шаги Стражников, которые двигались вперед с потушенными фонарями.

Потом Джонсон услышал напряженное дыхание, как будто кто-то карабкался на платформу... Оказавшись на ней, Стражники могли теперь воспользоваться фонарями и осветить станцию. Но тогда они превратили бы в мишень и самих себя...

Рука Джонсона непроизвольно сжала рукоятку пистолазера.

И вдруг платформу прямо над ним залил яркий свет. Ослепленный, он, однако, успел различить пять силуэтов, всего в метрах трех от него — с пистолазерами и фонариками в руках.

Прежде чем он успел отдать приказ, Форман и Гомес, а также некоторые другие открыли огонь. Лучи красного цвета вонзились в тела Стражников, которые рассыпались в прах. Их все еще горящие фонарики полетели во мрак, отбрасывая на стены туннеля снопы лучей ярко-желтого цвета...

Однако Стражники, не успевшие забраться на платформу и оставшиеся в параллельном туннеле, тотчас среагировали. Укрывшись за платформой, они тоже открыли огонь.

Джонсон нырнул вниз в тот момент, когда луч лазера разорвал мрак в нескольких сантиметрах над его головой. При свете смертоносных молний, которые перекрещивались над ним, Джонсон различал силуэты своих людей, лежащих ничком на путях. Они ничего не могли сделать. Их враги тоже ничего не могли предпринять — Джонсон и остальные держали свое оружие наготове. Однако в любой момент Стражники могли получить подкрепление...

— Надо во что бы то ни стало выбраться, — пробормотал Джонсон. До него донесся голос Ри:

— Слушайте! Другие Стражники заходят с юга! Настоящая экспедиция...

В самом деле, перекрывая время от времени свист лазерных разрядов, вдали послышался слабый шум, который можно было почувствовать скорее кожей, чем ушами, шум, который распространялся по туннелю как приливная волна...

— Нам надо разделиться, — сказал Джонсон. — Половина на юг, другая со мной, на север. Как только вы попадете на развилку, вы снова разделяетесь. Они не смогут преследовать всех нас сразу. И не пытайтесь выходить на поверхность до тех пор, пока не убедитесь, что вы их сбили со следа.

Увлекая за собой Дунтова, Ри, Формана и двух других, которых он не успел взглянуть, Джонсон пустился бежать по туннелю

в северном направлении. Запинаясь, задевая шпалы и какую-то проржавевшую железную рудьядь, остальные бросились за ним, слыша за собой крики Стражников, карабкавшихся на платформу. Затем совсем близко шум бегущей толпы...

— Быстрее, быстрее! — подгонял Джонсон, запыхавшийся, но не замедлявший бега. — Надо во что бы то ни стало добраться до следующей станции, пока они нас не догнали!

Они пробежали через станцию и углубились в следующий мрачный туннель, продолжая спотыкаться и даже падать. И по-прежнему продолжал настигать их топот преследовавшей их толпы и слабые отблески фонарей...

Пробежав еще метров двести, Ри прошептал, отдуваясь:

— Разветвление! Прямой туннель налево ведет к станции 145-й Улицы. Направо — к станции 135-й. Здесь мы и разделимся. Если нам повезет, и они смогут преследовать только одну группу, то мы выберемся...

Ри взял Джонсона за руку и увлек его в непроглядную тьму коридора направо. Ладонь человека-крота была влажной и не очень приятной на ощупь... Остальные свернули в левый коридор.

Они слышали свист лазеров позади, потом крики боли, потом снова свист... Стражники догнали другую группу. Значит ли это, что...

Нет! Снова быстрые шаги, которые приближались. И снова совсем близко лучи фонарей Стражников пляшут на стенах и потолке туннеля. Они тоже разделились на две группы!

Чувствуя, что сердце как будто готово выпрыгнуть из груди, и ощущая дыхание третьего их спутника на своем затылке, Джонсон ускорил бег, чтобы не потерять контакт с альбиносом. Вдруг Ри резко остановился.

— Но какого...?!

— Слушайте, — сказал альбинос. — Там впереди, другие бегут нам навстречу. Мы окружены!

— Можно попробовать прорваться силой, — предложил третий.

Джонсон узнал голос Аркадия Дунтова.

— Их по крайней мере дюжина, — сказал Ри. — Вы не слышите? Нет, вы можете... Мы пропали! Нет, подождите, тут рядом должен быть...

И он потянул дальше во тьму Джонсона, который в свою очередь взял на буксир Дунтова. Продвигаясь вперед, он в то же время ощупывал стену свободной рукой...

И вдруг перед ними, на уровне груди, появилось квадратное

отверстие, забранное решеткой, и сле заметное пятнышко дневного света прорезало тьму.

— Вентиляционный колодец, — сказал Ри. — Выходит на улицу на уровне земли. Если повезет, и там наверху нет делегации встречающих, то можно выбраться.. Посмотрите.

Джонсон отодвинул решетку и полез вверх. Это была труба шириной примерно 60 см, которая под углом в 45° поднималась к поверхности. Упираясь локтями и коленками, Джонсон поднялся между скользкими стенками и уперся в древнюю железную решетку, покрытую ржавчиной. Он разбросал обломки, загромождавшие решетку, и осторожно выглянул наружу.

Им повезло! Вентиляционный колодец выходил прямо в проход на уровне земли, позади ветхой постройки, с виду необитаемой.

— Быстрее! — прошептал Ри. — Они уже рядом!

Джонсон немного отодвинулся назад, вытащил пистолазер и быстро расплавил несколько болтов, удерживающих решетку. Упершись спиной в горячий металл, он выломал ее, пришив себе пальцы...

Он тотчас выбрался наружу и с лазером в руке бросился на мостовую у люка, хмурясь от тусклого света, проникавшего сверху сквозь многочисленные улицы и платформы, расположенные над уровнем земли. Через несколько секунд Дунтов присоединился к нему, моргая после тьмы подземелья.

Затем из люка появилась голова Ри — голова призрака с бледным, как у трупа лицом, на котором горели красные, как у крысы глаза...

Ри вдруг резко отодвинулся назад, застигнутый врасплох дневным светом. Он зажмурил глаза и простонал:

— Я тут больше ничего не вижу! Это меня ослепляет!

Он оперся обеими руками о решетку люка и застыл там без движения, с закрытыми глазами.

— Ну давай! Быстрее! — поторопил его Джонсон.

— Я... Я не могу, — прошелестел Ри. — А вы идите. Я останусь в колодце до тех пор, пока они не пройдут (он горько рассмеялся). Я так долго пробыл внизу, что не могу переносить свет. Но не беспокойтесь за меня. Они никогда не схватят меня в моих туннелях! Я встречу с вами как условлено, под Музеем...

— Ты уверен, что...

— Не беспокойтесь, — повторил альбинос. — Я приду на встречу.

Джонсон бессильно развел руками, кивнув Дунтову, и они

быстро покинули проход и углубились в пустынную улицу на уровне земли.

Джонсон бросил взгляд назад, в то время как Дунтов, не обращая внимания на него, быстро зашагал дальше, чтобы на ближайшем углу смешаться с толпой Опекаемых...

С того места, на котором находился сейчас Джонсон, была видна только голова мертвенно-бледного Ри и его тонкие руки, похожие на руки скелета. Глядя на его лицо с крепко зажмуренными глазами, можно было подумать, что это какое-то подземное чудовище, распятое на солнце...

5

— Таким образом, покинув Джонсона и оценив всю важность ситуации, и тотчас же затребовав к себе агента по связи, я выбрал корабль для экстренных сообщений Братства и прибыл сюда, чтобы доложить вам об этом, Ответственные Агенты, — закончил свой рассказ Аркадий Дунтов.

Он еще раз взглянул на кажущиеся безучастными лица восьмерых Ответственных Агентов, сидевших вокруг все того же стола, вырубленного в скале. С наивностью послушной дрессированной собаки, он ожидал, что они тотчас же выразят свое удовлетворение — разве смерть Торренса не вела к возникновению беспорядков и усилению Хаоса? Разве тот факт, что Вице-Координатор будет убит Лигой, не является тем, что они называли фактором Случайности?

Однако семеро из восьми находящихся перед ним мужчин смотрели на него неприветливо, если не сказать недружелюбно...

И только на лице Главного Агента, Роберта Чинга, появилась еле заметная загадочная улыбка, непостижимая для большинства простых смертных.

Н'Гана нарушил первым тяжелое молчание:

— Эта идея убить Торренса, Брат Дунтов, действительно ваша, а не Джонсона?

— Да, — отвечал Дунтов, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Могу я тогда спросить вас, почему вы вдруг предложили этот план?

— К чему набрасываться на него? — сказал смуглолицый Агент с тонкими чертами лица по имени Фелипе. — Ты, как и все мы, прекрасно знаешь, какое у него задание — держать нас в курсе

возможных происков Лиги и стараться всеми способами влиять на решения Джонсона, когда нам это необходимо. Поэтому Дунтов является весьма ценным агентом. Он подчинился полученным указаниям, предложив такой неожиданный план действий.

— Ты прав, — сказал Н'Гана. — Однако, по нашему мнению, этот план абсолютно нереален. Зачем нам желать смерти Торренса? Будучи основной оппозиционной силой Кустову в Совете, он является важным источником Факторов Случайности. Его смерть привела бы к усилению Порядка и к ослаблению социальной энтропии. А ведь не для этого, естественно Брат Дунтов внедрен в Лигу!

— Ну уж! — твои доводы отдают упрощенчеством, Брат Н'Гана. Ты забываешь, что Совет знает, что мы спасли Кустова. Если мы дадим Лиге убить основного врага Кустова, в данном случае Торренса, то создается впечатление, что мы выступаем на стороне Кустова. И это способно усилить Хаос. Каждый из оставшихся Советников начнет сомневаться и спрашивать, что же представляет собой Главный Координатор...

— Может быть и так, — согласился Н'Гана. — Однако, с другой стороны, смерть Торренса уничтожит источник Факторов Случайности в Совете, даже если мы создадим параллельно какой-нибудь другой. Основной вопрос, это выиграем мы или потеряем в результате его смерти? Другими словами, усилятся ли глобальное качество социальной энтропии?

Дунтов следил за этой дискуссией с возрастающим интересом, изумленный при виде выявившихся противоречий, которые Ответственные Агенты видели в том, что с первого взгляда казалось ему не стоящим выведенного яйца... Мысли этих людей, казалось ему, вращались совсем в другом измерении. Для него служить Хаосу — значило сеять возмущение, страх и сомнения в лагере врагов. Но для Ответственных Агентов казалось, Хаос был чем-то одушевленным, чем-то таким, чему они повиновались так же, как сам он повиновался им. И точно так же, как он являлся инструментом Агентов, так и они, казалось, были инструментом какой-то особой, сверхчеловеческой и абсолютно непонятной ему идеи. И тайна, которая окружала это непонятное явление, которое они называли Хаосом, только усиливала его желание служить ему. У него было такое чувство, что он встал на сторону непонятного могущества, поставленного значительно выше всего человечества, могущества такого ужасающего, что оно должно было в скором времени проявить себя.

— Однако самым хаотичным актом, — вмешался высокий Брат,

которого Дунтов знал под именем Штейнера, — было бы организованное нами самими убийство Торренса. Это было бы самым иррациональным вмешательством. Кустов был бы поставлен в невыносимые условия: убийство, да еще с нашим участием, Вице-Координатора служило бы неоспоримым доказательством его сговора с нами. Совет выступил бы против него, может быть, приговорил бы его к казни. Торренса уже не было бы в живых, и Совет оказался бы в замешательстве, что действительно привело бы к Хаосу.

— Однако это превратило бы наши действия в предвидимые — возразил Н'Гана. — То есть слишком ясные. — Наоборот, потому что...

Роберт Чинг следил за этими дебатами, ни на минуту не выходя из своего состояния полнейшей невозмутимости, даже не обращая внимания на Ответственных Агентов, как будто его занимала какая-то другая мысль, которую даже эти люди не были в состоянии разделить с ним. И когда он начал говорить своим тихим и проникновенным голосом, тишина мгновенно воцарилась в зале.

— План Брата Дунтова, — сказал он, — содержит интересные и парадоксальные противоречия. (Он дружески улыбнулся в адрес Дунтова). Даже тот факт, что он вызвал такую ожесточенную полемiku среди вас, является для меня лишним доказательством того, что Брат Дунтов не совершил ошибки. В конце концов парадокс и Хаос очень близки друг другу. Хаос парадоксален, а Парадокс хаотичен. Да и самое простое определение закона социальной энтропии, которое приводит Марковиц, парадоксально само по себе: «В области социальных отношений, как и в царстве физики, естественной тенденцией является такая, которая ведет к возрастающей энтропии (беспорядку). Поэтому, чем больше данное общество упорядочено, тем больше ему приходится тратить социальной энергии, чтобы поддерживать этот порядок, и тем больше нужно этого порядка, чтобы производить эту социальную Энергию, причем эти две парадоксальные потребности будут взаимно влиять в виде экспоненциальной спирали. В силу этого общество с высоким уровнем упорядоченности обречено на постоянное его повышение и поэтому все меньше и меньше способно переносить факторы Случайности по мере того, как цикл завершается». Оттуда следует неизбежность хаоса. То есть усиливающийся Порядок так же неумолимо ведет к Хаосу, как и ослабевающий. Все это Парадокс.

Дунтов старался думать так быстро, как это позволял его разум. Хотя он уже и неоднократно слышал каноническую формулировку Закона социальной энтропии, но ни разу не пытался подробно изучить произведения Марковица. Тем более никогда не приходилось ему рассматривать закон с точки зрения его парадоксальности. Ему сказали, что следуя этому закону, любой акт, способный принести вред Порядку, служит на благо Хаосу. Ему никогда не приходило в голову, что Порядок — противоположность Хаоса — мог также хорошо служить Хаосу. До него еще не доходила полностью вся совокупность этого понятия, но именно его ограниченность и приводила его в странное состояние экстаза. Испытывали ли древние христиане аналогичные чувства по отношению к той самой сущности, которую они называли Богом? Было нечто невероятно вдохновляющее в мысли, что существует сверхъестественная сила, повелевающая всем, сила, которую можно использовать, но которую невозможно осознать. Каким же образом могла Гегемония эффективно противостоять Хаосу, когда сам факт противодействия служил ему самому?

— Я не понимаю, почему вы повторяете то, что все мы хорошо знаем, Главный Агент, — сказал Фелипе. Однако в его голосе ни на минуту не исчезало глубокое и спокойное уважение к Чингу, как будто он не сомневался, что у Главного Агента есть причина так говорить. Не потому ли, что Чинг всегда оставался Чингом..?

— Потому что, — продолжал Чинг, — мы должны помнить, что действуем внутри парадоксов, которые сами функционируют в гуще других парадоксов. Не подлежит сомнению, что живой Торренс является источником факторов Случайности в Совете. Ясно также, что убийство Торренса Братством породит другие Факторы Случайности в той мере, в какой оно вызовет подозрения Советников по отношению к Кустову. Вот вам очаровательный парадокс: с одной стороны смерть Торренса повысит уровень социальной энтропии. Однако, с другой — живой Торренс также является источником повышающейся энтропии. Именно в рамках этого парадокса мы и должны планировать нашу акцию.

— Мне кажется, — сказал Н'Гана, — что мы просто должны выбрать решение, которое вызовет максимальный Хаос. Ведь фундаментальная стратегия заключается в постоянных попытках внедрения Факторов Случайности в замкнутую систему Гегемонии — по крайней мере, до момента реализации проекта «Прометей». Мы не можем следовать обоими путями...

— В самом деле, что же нам мешает? — сказал Роберт Чинг. —

Мы оставляем Торренса в живых, и конфликт, который разгорается между ним и Кустовым, порождает факторы Случайности. А если мы решим уничтожить Торренса? А еще лучше — если бы Братство и Лига решили уничтожить его вместе? Сначала мы лишаем Лигу ее триумфа, спасая Кустова, затем мы, казалось бы, заключаем союз с ней и в то же время с Кустовым, потому что решаем вместе уничтожить Торренса: вот вам случайность в чистом виде!

— Больше не успеваю за ходом ваших мыслей, Главный Агент, — сказал Н'Гана. — Как же мы можем одновременно убить Торренса и оставить его в живых?

— Но мы не обязаны доводить до конца нашу попытку, — отвечал Чинг. — Хватит того, что мы сделаем вид, что хотим убить Торренса. Подумайте о возможных последствиях убежденности живого Торренса в том, что мы пытались убить его, а Кустова спасли! К тому же, если мы дадим Торренсу возможность спастись при попытке убить его агентами Лиги, а сами попытаемся убить его...

Едва заметные улыбки появились на лицах Ответственных Агентов. «Видимо, — сказал сам себе Дунтов, — они поняли, что он имеет в виду. Мне хотелось бы сказать то же самое о самом себе...»

На так ли уж мне это нужно на самом деле? Ведь есть вещи, которые лучше не знать...

Борис Джонсон пробрался на платформу заброшенной станции метро и при свете своего фонаря увидел, что Майк Файнберг уже на месте, нагруженный двумя металлическими бидонами, большой кистью и небольшой металлической коробочкой.

— Ри еще нет? — спросил Джонсон.

— Я его не видел, — отвечал Файнберг. — Я принес все необходимое, но без Ри ничего не получится. Я не в состоянии правильно сориентироваться в этих закоулках. Столько всяких переходов, а весь потолок покрыт пластиком. Как узнать, куда ставить заряд? А если Ри схватили Стражники?

— Это невозможно! — воскликнул Джонсон. — Во всяком случае, только не здесь. У Ри ведь не осталось почти ничего человеческого. Он в этом подземелье видит лучше, чем наверху. Но, если с ним что-нибудь случилось...

— Не беспокойтесь за меня! — раздался вдруг сзади свистящий шепот.

Джонсон резко обернулся в тот самый момент, когда призрачный силуэт Лаймана Ри появился из-за колонны. Этот человек и в самом деле передвигался как призрак!

— Тебе не стоило бы развлекаться таким образом, — сказал Джонсон. — В один прекрасный день ты можешь расстаться со своей шкуркой... Ри громко рассмеялся:

— Это стало у меня как будто второй натурой. Но перейдем к более серьезным вещам.

Под предводительством альбиноса они вскарабкались по крутой лестнице, которая вела в просторное помещение, раньше соответствовавшее верхнему этажу станции. Потолком ему служил тот самый слой блестящего пластика, который странно контрастировал с окружающим беспорядком. Наверху находился Музей Культуры. Тот самый.

Альбинос привел их к месту, где старинные турникеты отделяли станцию от выхода. Они перелезли через них, потом поднялись по нескольким ступенькам, которые неожиданно прерывались и исчезали в потолке: террористы уперлись в пол Музея. Ри приложил к нему ухо и молча прислушивался в течение нескольких секунд.

— Да, — сказал он наконец. — Все правильно. Мы под залом для собраний прямо под эстрадой. Слушайте! Начинает заполняться. Я различаю вибрацию от множества ног, за исключением того места, которое прямо над нами. Это значит, что именно здесь находится трибуна. Нам повезло, и мы прибыли во время!

Джонсон еще раз восхитился тонкостью слуха альбиноса и его безупречным знанием подземного мира. Гегемония заимела безусловно грозного врага, вынудив его укрыться в этих искусственных катакомбах.

— Что ж, прекрасно, — сказал Джонсон. — За работу.

Файнберг открыл один из огромных бидонов, обмакнул кисть в сероватую массу и начал обмазывать им пластиковый потолок.

— Это нитропластик, — объяснял он, не прерывая своего занятия. — Очень мощный и сохнет почти мгновенно.

Через несколько минут два или три метра поверхности потолка были покрыты полностью этим материалом. Файнберг отставил кисть и попробовал пальцем темно-серую поверхность.

— Ну, вот, готово, — сказал он. — Передай мне пожалуйста, часовой механизм, Борис.

Джонсон протянул ему небольшую металлическую коробочку. На одной ее стороне виднелся циферблат со стрелкой на другой — два острых металлических выступа.

Файнберг приложил часовой механизм к потолку, и он тотчас накрепко пристал к нему.

— Сигнал подается автоматически, — продолжал комментировать Файнберг. — Я могу установить механизм между нулем и часом. Что ты об этом думаешь, Борис?

Джонсон задумался. Речь Торренса должна была начаться, по всей видимости, через несколько минут. Скорей всего, он будет заниматься болтовней не менее часа. Надо было отрегулировать механизм таким образом, чтобы у них было время укрыться...

— Ну, скажем, полчаса, — сказал он.

— О'Кей — отвечал Файнберг, повернув стрелку. — Теперь займемся рефлектором. Передай мне кисть и другой бидон.

И он закрепил какую-то резиновую деталь бледного цвета на слое нитропластика.

— Прекрасное изобретение, эта штука, — сказал он, старательно покрывая раствором из другого бидона каждый сантиметр сухой взрывчатки. — Не знаю как она действует, но точно то, что она посылает в определенном направлении всю высвободившуюся в момент взрыва энергию. Торренсу достанется весь заряд. Вполне можно остаться здесь, рискуя лишь тем, что несколько осколков пластика опарапают нам рожи. Но наверху все будет по другому... Они будут вынуждены выскрести потолок, чтобы собрать хоть что-нибудь из того, что останется от их Вице-Координатора!

Закончив свою работу, Файнберг осветил лучом фонаря сероватую поверхность: на ней нельзя было различить ни малейшей трещины. Даже часового механизма не было видно.

— О'Кей — сказал он. — Все нормально. Нам остается двадцать пять минут, чтобы удрать. После чего бай-бай, Джек Торренс.

Джонсон мечтательно и удовлетворенно улыбался в то время, как они спускались. Теперь даже само Братство не могло спасти Торренса. Ничто не могло помешать взрыву — даже если бы удалось установить место, где заложен заряд. И никто, кроме нескольких человек Лиги, не располагал такого рода сведениями!

Джек Торренс вошел в просторный конференц-зал через боковую дверь, охраняемую усиленным нарядом Стражников. Продвигаясь по центральному проходу к эстраде и установленной на

ней довольно скромной трибуне, он с определенным удовлетворением отметил, что, несмотря на то, что зал был заполнен только наполовину, все присутствующие Опекаемые были сгруппированы в непосредственной близости от трибуны таким образом, чтобы телевидение могло создать впечатление, что помещение переполнено.

Торренс поднялся на эстраду, занял место на трибуне и бегло просмотрел конспект речи, который лежал перед ним. Сегодняшней темой было «Положительное влияние Порядка на созидание в искусстве». Для Торренса все это было вздором. Скорей всего Опекаемые не очень-то обрадуются, узнав об ожидавшем их в скором времени установлении Глаз и Лучей во всех без исключения жилых помещениях, и сам он не одобрял генеральную линию по тем соображениям, что теперь ни один Советник не сможет критиковать даже равных себе. Он также был против политики публичного издевательства над Лигой или Братством. Ведь любая реклама могла в той или иной степени быть только на руку обсем организациям. Оставалось только рекламировать, например, кремовые торты и качество вида искусства. Как бы там ни было, Опекаемые не обращали ни малейшего внимания на то, что говорилось. В таких случаях самым главным для выступающего было показать свою физиономию на экране. Торренс бросил взгляд в сторону группы телевидения. Главный режиссер поднял указательный палец. Трансляция началась.

— Граждане Гегемонии, — начал Торренс. — Я рад, что вас собралось сегодня так много в этом зале. Учитывая тот факт, что искусство и культура составляют самые главные проявления человеческого разума, где еще могли бы они процветать, как под сенью Гегемонии Земли, наивысшего проявления человеческой цивилизации?! Мы иногда забываем, что в варварскую эпоху Религий искусство, как и сам человек, находились во власти сотен догм и теорий, которые истощали друг друга в бесплодной борьбе. Нам трудно теперь представить, насколько искусство в те времена могло быть подчинено эстетическим традициям, предписываемым каким-либо бессмысленным культом, или просто зародившимся в голове изгоев общества, которые...

Речь Торренса неожиданно была прервана суматохой в центре зала. Он увидел, как металлическая дверь того входа, которым он только что воспользовался, стала раскаляться до вишнево-красного цвета, а затем с грохотом рухнула в зал. В проеме показались силуэты двух мужчин в масках, вооруженных пистоласерами. Тор-

ренс моментально приложил указательный палец к горлу, давая этим знак телегруппе прекратить тотчас же трансляцию, затем бросился под трибуну, в то время как Стражники лихорадочно занимали позиции вокруг.

— Газы! — раздался чей-то вопль.

Опекаемые завизжали и в панике вскочили со своих мест.

Торренс рискнул выглянуть из своего убежища: в центре зала поднималось густое облако зеленоватого цвета. Сволочи! Они применили нерволин. Ведь попадание даже одной капли на кожу вызывало смерть....

Прямо под ним вскочившие со своих мест Опекаемые, пытались избежать угрожающей им опасности, ревели от ужаса и создавали бесполезную сутолоку. Газовое облако достигло телегруппы, и операторы и техники попадали на пол, погибшие еще до того, как коснулись его...

Торренс почувствовал, как сердце у него упало при виде надвигавшейся верной смерти, которая преграждала единственный выход.

Однако паника длилась недолго. Те, кто бросил газовую гранату, плохо рассчитали. В самом деле, очень плохо. Этой тучи оказалось явно недостаточно, чтобы заполнить весь зал, и теперь газ быстро рассеивался. Вообще-то нерволин предназначался для подавления мятежей. Стражники использовали его для продвижения вперед, и действие его должно было быть строго ограничено насколько возможно во времени. Чтобы произвести должный эффект, гранату следовало бросить в центр эстрады. Однако бросок не удался. Отсутствие ли опыта бросавшего было тому причиной или это быстро вмешались Стражники — как бы там ни было; покушение окончилось неудачей...

Торренс поднялся. Облако почти повсюду рассеялось. Вся телегруппа погибла, но сам он был жив и здоров, и Опекаемые начали успокаиваться. Торренс разразился нервным смехом, который не был в то же время лишен некоторого удовлетворения.

Это был один из тех промахов, которые обычно свойственны Лиге. Они даже не смогли...

Вдруг он увидел небольшой овоидный предмет, взлетающий над головами Опекаемых. Он инстинктивно опять бросился под эстраду, но тотчас поднялся, сообразив, что опасный предмет был всего лишь бомбой-анонсом.

Сильный, с металлическим оттенком голос объявил:

— Смерть Совету Гегемонии! Хаос победит! Вице-Координа-

тор Джек Торренс только что поплатился жизнью за свои многочисленные злодеяния! К вам обращается Братство Убийц!

— Братство?! — пробормотал Торренс. А как же Лига?... (он быстро махнул рукой Стражникам). Немедленно эвакуируйте зал! Никогда нельзя заранее ничего предвидеть с этим Братством! Вон отсюда да побыстрее!

Торренс бегом спустился по лестнице, окруженный Стражниками, и устремился к выходу.

Они пробежали через холл, и Торренс обернулся, чтобы посмотреть, что происходит, в то время как ошеломленные Опекаемые начали выбираться из зала.

Торренс подождал, пока все они покинули здание. «Проклятая игрушка! — подумал он. — Чтобы все это могло значить? Сначала Братство спасает Владимира Кустова, потом пытается убить меня. В конце концов я не ошибался: очень может быть, что Владимир действительно спелся с Братством. К счастью, эти кровавые догматики не более опытные, чем их собратья-шуты гороховые из банды Джонсона...

Однако надо что-то делать. Может быть... Гм, ну, да, в сговоре Владимир с Братством или нет, я вполне могу извлечь определенную выгоду из всего этого...

Почему бы и нет? Не прямая улика, однако улика. По крайней мере, довольно серьезное предположение. Я могу надеяться, что уговорю Горова вступить в союз со мной. И будет шестеро против четверых. Тогда достаточно, чтобы хотя бы один человек перешел в наш лагерь, чтобы ситуация осложнилась: Совет будет парализован, возникнет необходимость организовать всеобщие выборы. И, может быть...

— Эвакуация закончена — доложил Стражник в чине капитана, который командовал личной охраной Торренса. — Надо ил...

БРУММММ!

Чудовишной силы взрыв раздался в зале, после чего послышался грохот рушащегося потолка. Огромная туча дыма вместе с обломками самых различных предметов вырвалась из раскрытой двери зала, в то время как само здание закачалось на своем фундаменте. Волна опрокинула Торренса, а гиганты, окружавшие его, с трудом сохранили равновесие...

Как попавший в нокдаун боксер, Торренс с трудом встал на ноги и, пошатываясь, подошел к дверному проему, ведущему в зал. Сквозь густой дым он различил провал, зияющий на том месте,

где была эстрада. Прямо над ним через дыру в потолке был виден коридор второго этажа...

Протирая глаза, Торренс отступил назад. Во всем этом не было никакого смысла. Мина, взорвавшаяся после попытки Братства отравить его газом. Зачем?...

Если только... Если только мина не была подложена Лигой! Два покушения с интервалом в несколько минут! Но это и был единственный логичный вывод. Убийцы не могли быть авторами обоих покушений. Они должны были опасаться, чтоб если вариант с газом не удастся, зал тотчас же будет эвакуирован: незачем подкладывать бомбу, чтобы успех был верным.

Несмотря на только, что пережиты две попытки покушения на его особу, у Джека Торренса вырвался короткий и сухой смешок. Неудачное покушение Братства спасло ему жизнь! Если бы этого не случилось, он остался бы на эстраде, на том самом месте, где взорвалась бомба...

Он скривился. Это ни сколько не принижало важности дела: Лига начинала нагнать. По крайней мере в этом вопросе Владимир был прав: этих бродяг необходимо нейтрализовать и как можно скорее. Неважно, какой ценой! Ведь они могли начать снова в любое время!

А когда с ними будет покончено, наступит время всерьез заняться Братством.

А Владимиру придется попотеть, чтобы доказать отсутствие сговора с Убийцами, безоговорочно отрицать который теперь не смогут даже самые верные его последователи. И, даже если не удастся ничего доказать, подозрения останутся...

«А когда с Лигой и Братством будет покончено, — подумал Торренс с ликованием, — наступит черед мистера Кустова Владимира!»

6

«Абсурдно, совершенно абсурдно!» — повторял про себя Константин Горов, слушая разглагольствования Джека Торренса. Несмотря на то, что он, казалось бы, обращался к самому Кустову, было ясно, что на самом деле Вице-Координатор говорил все это, имея в виду настроения остальных членов Совета.

— ...И я начинаю спрашивать себя, почему тебе так не терпится положить конец действиям Лиги, Владимир (лицо Торренса

выражало неподдельную ярость, которая для холодного и беспристрастного наблюдателя вроде Горова могла быть только наигранной), тогда как в Братстве ты склонен усматривать всего лишь несущественную помеху?! Если только именно для тебя это и есть на самом деле несущественная помеха?

«Кустов нахмурил брови — комедия продолжается» — подумал Горев.

— Что ты имеешь в виду? — проговорил глухим голосом Главный Координатор Гегемонии.

Торренс выдержал вполне театральную паузу и обвел взглядом каждого из членов Совета. Когда его взгляд остановился на Горове, у последнего исчезли последние сомнения о том, какие мысли бродили в изощренном уме Вице-Координатора. Ну и наворотили! Непосвященный наблюдатель неизбежно заключил бы, что у Совета Гегемонии нет других дел, как служить полем боя между такими дураками, как Торренс и Кустов!

— Я ничего не подразумеваю, — ответил наконец Торренс. — Я удовольствуюсь тем, что просто излагаю факты. А уж Совет сделает выводы. Факт первый: Демократическая Лига пыталась уничтожить тебя, Владимир Кустов, а Братство спасло. Тогда вполне понятно, что у тебя может возникнуть некоторая, скажем... слабость по отношению к Братству. Факт второй: все здесь знают, что мы с тобой являемся в какой-то мере... э-э... соперниками, но в рамках строгого уважения законности, безусловно. Факт третий: спасая тебе совсем недавно жизнь, Братство только что предприняло попытку покушения на мою жизнь. Но я далек, естественно, от мысли делать из этого преждевременные выводы. Каждый из присутствующих здесь достаточно умен, чтобы быть абсолютно объективным.

— Довольно клеветнических намеков, Торренс! — вспыхнул Кустов. Затем более спокойным тоном:

— Позволю напомнить, тебе, что Демократическая Лига пыталась уничтожить нас обоих. Именно Лига является главной опасностью. Братство же всего лишь сборище мистических фанатиков, акты которого вообще невозможно предсказать. (Он посмотрел Торренсу прямо в глаза и язвительно усмехнулся). И я должен напомнить вам, уважаемый мистер Торренс, что нравится вам это или нет, я пока еще являюсь Главным Координатором Гегемонии, и ваши обвинения в предательстве вполне могут обернуться против вас, берегитесь. На вашем месте я обратил бы внимание на мои слова...

— Кто говорит о предательстве, Владимир!? — отозвался довольно беспечно Торренс. — Предать кого, предать что? Опекунна? Или просто Владимира Кустова? Если только это не само Братство...

— На этот раз ты потерял меру! — взревел Кустов, лицо которого побагровело от ярости, которая на этот раз не была деланной.

Константин Горев больше не мог сдерживаться. Эти идиоты шли на поводу у Братства и даже не отдавали себе в этом отчет!

— Господа, прошу вас! — вмешался он. — Вы, что же, ничего не понимаете? Разве вы не видите, что именно ради этого Братство спасло вам жизнь, Советник Кустов, и именно для этого пытались убить Советника Торренса? Если только действительно пытались...

— Что значит эта старческая болтовня, Горев?! — возмутился Кустов. — Опять эти ваши теории Социальной энтропии? Честное слово, как будто перед нами выступает один из членов их пол-оумной секты! Я уже задаю себе вопрос, не поверил ли ты всерьез во все эти измышления о «неизбежности Хаоса», родившиеся в больной голове некоего Марковица!

— Чтобы эффективно противостоять фанатикам такого рода, — продолжал Горев все так же спокойно, — нужно понять их учение. Если этого не делать, будет абсолютно невозможно предвидеть их действия.

— А ты, несомненно, способен предвидеть их действия? — бросил Торренс с презрительной ухмылкой.

— До некоторой степени, — отвечал Горев все так же невозмутимо, не обращая внимания на сарказм. — Теория Социальной Энтропии указывает, что Упорядоченное Общество, такое, как Гегемония, допускает все меньшее и меньшее присутствие Случайности по мере того, как оно усиливает свое могущество. И вполне естественно, что стратегия Братства базируется на постоянных попытках внедрять такие факторы. То есть не надо быть большим умником, чтобы предсказать, что все их действия должны достичь результатов стихийности, непредсказуемости.

— Все это ветер! Диалектический ветер — и ничего другого! — воскликнул Советник Уланужев.

«Но как же они могут быть такими слепыми?» — спрашивал себя Горев. Тем не менее он продолжал все тем же решительным тоном:

— Вовсе нет. И данное дело является прекрасной иллюстра-

цией логики Братства, или, если вам угодно, ее намеренного алогизма. Делая вид, что они выступают на стороне Координатора, то есть против Торренса, они сеют семена раздора в Совете. А вам не останется ничего иного, как с закрытыми глазами рваться в бой. Вы не видите, что...

— Хватит глупостей! — прокудахтал Кустов.

— Хватит! Хватит! — угодливо подхватили некоторые Советники.

— На этот раз я разделяю мнение нашего уважаемого Координатора. — сказал Торренс. — Все это излишние мудрствования. Встает следующий вопрос и именно тебе задаю я его, Владимир: намерен ли ты поставить на одну доску вопрос нейтрализации Братства и Лиги?

— Не может быть и речи о том, чтобы трогать Братство до тех пор, пока мы не покончим с Лигой, — отвечал Кустов холодно.

Торренс сделал вид, что озадачен.

— Ага. У тебя есть, конечно же, веские доводы...?

— Если бы ты был способен хоть немного отвлечься от своих личных амбиций, ты легко понял бы причину, — отвечал Кустов. — Она ясна: пока существует Лига, Братство служит нам. Опасаемые в состоянии понять мотивы, которые вдохновляют сторонников Лиги. Речь идет просто-напросто об уничтожении царства Гегемонии. Тогда как если предполагать, что у Братства есть какая-то роль, все равно никто не сможет понять, какая именно. По мнению Опасаемых, это просто банда фанатиков, подчиняющихся непонятным законам. Будет лучше, если все неурядицы мы станем приписывать древним сектантам, чем организованному рабскому движению. Братство является для нас козлом отпущения, удобным и относительно беззащитным. Как только Лига будет нейтрализована, обещаю тебе, что приоритет будет тотчас же отдан уничтожению Братства. Но не раньше.

— И когда же наступит этот радостный день? — осведомился Торренс. — Можно помещать Лиге проявлять себя очень уж явно, но потратить миллиардные суммы, чтобы искоренить ее окончательно. В первую очередь следовало бы обезглавить ее, но как поймать главарей в подземных лабиринтах, где они прячутся? Всего их насчитывается несколько тысяч, в том числе и две или три сотни человек, занимающих определенные посты по всей Гегемонии. Не пытаешься ли ты, таким образом, отложить на неопределенный срок тот момент, когда надо будет всерьез заняться Братством?

Кустов снисходительно усмехнулся:

— Да нет же, — сказал он с таким выражением, как будто обращался к маленькому ребенку. — Мы скоро покончим с Лигой. Для этого необходимо заманить всех ее главарей в подготовленную заранее западню, которой не сможет избежать сам Борис Джонсон. И, как только движение будет обезглавлено, оставшиеся продержатся недолго.

Горова начала впечатлять уверенность, с которой держался Главный Координатор.

— Есть у тебя готовый план? — спросил он.

— Министерство Опек и Главный Опекун Системы занимались этим, — отвечал Кустов. — Удалось разоблачить одного агента Лиги, которые работает в отделении Министерства на Меркурии — то есть в пункте, который особенно лихорадит.

— Его взяли живьем? — спросил Советник Кордона.

— Его вообще не стали брать, — сказал Кустов. — Он больше полезен нам там, на свободе. Ведь мы охотимся за более крупной дичью. Так вот, Совет Гегемонии соберется на Меркурии через два месяца.

— Что?! — воскликнул Торренс. — На Меркурии?! Но мы никогда еще не собирались на этой дурацкой планете. Там ведь только один купол — самый последний из оборудованных III Гегемонией и самый маленький... Есть местечки и получше! Он так близко от Солнца, что я понимаю, почему Опекаемые не рвутся туда. Должен признаться, что касается меня...

— Именно там мы устроим засаду, — продолжал Кустов. — Мы объявим с большой помпой, что собираемся на Меркурий, чтобы показать, что купол совершенно пригоден для жизни.

— А я не могу сказать, что твоя идея вдохновляет меня, — возразил Торренс. — Пространство слишком ограничено, ситуация не надежная. Лиге будет достаточно сосредоточить там хотя бы часть своих сил, чтобы мы все пропали...

— Вот именно, — сказал Кустов с торжеством в голосе. — Именно этим и будет руководствоваться Борис Джонсон. Еще одним доводом будет для него наличие, как он думает, неопознанного агента в здании Министерства, то есть именно там, где будет проходить наше собрание. Он схватит наживку — и конец Демократической Лиге, конец всем неприятностям — окончательно и бесповоротно!

— Так наживкой будем мы сами, если я правильно тебя понял! — воскликнул Торренс.

Ропот возмущения послышался со всех сторон. Даже Константин Горев не знал, какой стороны ему держаться. Он понимал, конечно, что сам Совет Гегемонии был наилучшей приманкой. Лига не сможет удержаться от такого соблазна. Но ловушка должна быть без изъянов.

— Господа! — Кустов стукнул по столу молоточком, чтобы положить конец шуму. — Господа! Даю вам слово, что в этом нет ни малейшей опасности! Ловушка будет безупречной! — Он снисходительно улыбнулся. — Как только я введу вас в курс дела, даже сам Вице-Координатор, я уверен, не сможет ничего возразить.

Советники во главе с Торренсом были настроены скептически, но в конце доклада Кустова единогласно проголосовали «за». Торренс только поворчал для вида.

Борис Джонсон ошупывал в темноте стену туннеля старинной станции метро 4-й Улицы. Наконец его пальцы нашли цель, которая казалась чуть-чуть поглубже, чем сотни других таких же на этой стене. Он слегка раздвинул ее кончиками пальцев. Огромный каменный блок сдвинулся в места, приоткрывая вход в узкий коридор, теряющийся во мраке. Джонсон протиснулся в него, задвинул за собой плиту и, с фонариком в руке, двинулся в глубь.

Этот проход, который существовал всего два года, вел в самое секретное из мест сборов Лиги в лабиринтах под Большим Нью-Йорком. Это был небольшой искусственный грот, случайно обнаруженный года три назад. Не было найдено никаких его следов даже на самых старинных картах. «Историки» Лиги предполагали, что он был прорыт беглыми рабами задолго до начала войны за Освобождение. Таким образом место было вдвойне надежным: с одной стороны никто, кроме Лиги, не знал о его существовании, а с другой, даже если бы Стражники заняли станцию 4-й Улицы, вероятность обнаружения входа в галерею была ничтожной.

Естественно это была не прогулка при Луне, однако игра стояла свеч. На этом этапе операции нельзя было пренебрегать никакой осторожностью: наконец-то представлялась возможность уничтожить одним ударом весь Совет Гегемонии. Риск был невероятным, однако в случае успеха дело борьбы продвинулось бы на годы вперед. И даже, может быть... И может быть, Гегемония развалилась бы сама собой, как только она окажется лишенной Совета, который был ее единственным управляющим органом.

Наконец Джонсон добрался до цели: узкая галерея выходила

в полукруглое помещение длиной три или четыре метра и высотой не более двух. Купол был сделан из красно-коричневого кирпича, а полом служил слой влажной утоптанной глины. Было сыро, но не холодно: тепла двадцати человеческих тел, которые сгрудились в этом замкнутом пространстве, вполне хватало, чтобы поддерживать температуру на допустимом уровне. Здесь присутствовали все командиры отделений, которых удалось быстро собрать, а кроме того, естественно Аркадий Дунтов и Энди Майсон. Последний был Заведующим Отделом Фальшивых Бумаг Лиги.

Наигранно ворчливым тоном он обратился к Джонсону:

— Надеюсь, что у тебя были веские причины, чтобы заставить нас спуститься в эту крысиную нору! Ведь здесь адская жара!

— Что касается причин, то я не думаю, что могут быть более веские, — отвечал Джонсон. — Ставлю вас в известность, что у меня есть готовый план ликвидации одним ударом всех десяти клоунов Совета Гегемонии!

Это заявление вызвало, по крайней мере, всеобщее изумление.

— Ты рехнулся! — воскликнул Мануэль Гомес. — И для того, чтобы рассказать этот анекдот, ты приволок нас сюда? Ты что, ушибся, или еще что-нибудь?

— Смотрели ли вы телевизор последние дни? — отозвался Джонсон как ни в чем ни бывало. — И газет вы не читаете? Через два месяца Совет Гегемонии должен собраться на Меркурии. Они хотят показать, что эта планета так же гостеприимна, как и любая другая, но мы сделаем так, что гостеприимная она совсем не будет — для них во всяком случае!

— Конечно, мы в курсе, для чего ты нас собрал, — сказал Гомес. — А дальше что? На каждой планете есть зал Совета с идеальной защитой, который расположен в соответствующем Министерстве Опек. И ты можешь быть уверен, что за пределами здания они будут перемещаться только в окружении толпы Стражников, которые ни на шаг не отойдут от них. Ни малейшего шанса взять их в таких условиях...

— Все так и есть, — согласился Джонсон. — Они будут ждать нашего нападения во время передвижения и будут готовы к встрече в таких условиях (он сделал паузу). Поэтому мы нападём на них в самом здании Министерства.

— Немыслимо!

— Чистейшее безумие!

— Ни малейшей надежды на успех!

— Ты окончательно потерял голову, Борис? — сказал Аркадий Дунтов. — Ведь нет ни одного коридора, ни одного помещения, ни одного угла в здании, которые не были бы начинены Глазами и Лучами. Нельзя позволить себе даже выглядеть подозрительно. Если мы решимся на такой штурм — самоубийство, мы не пройдем и трех метров. Твой план — абсолютная утопия!

— Именно этого мнения и будет придерживаться Совет, — возразил Джонсон. — И именно поэтому мой план удастся.

В глубине души он даже испытывал удовлетворение от реакции на свое сообщение. Если уж самые решительные его сторонники принимали командира за сумасшедшего, То Совет будет захвачен врасплох...

— А что это за план? — спросил Гомес. — Что конкретно ты предлагаешь, чтобы избежать смертоносного действия Глаз и Лучей, расположенных в каждом помещении, в каждом коридоре?

— Это не совсем так, — отвечал Джонсон. — В здании есть две комнаты, в которых их нет.

— Да?... — удивился Дунтов.

— В самом деле. Во-первых сам Зал Заселаний Совета. Клоуны, которые там совещаются, не хотят, чтобы все их высказывания и поступки записывались ЭВМ. Ты можешь быть уверен, что уж они-то не лишают себя удовольствия совершать Запрещенные Акты.

— Ну и что? Какой нам толк от этого? — вмешался Майк Файнберг. — Ты же знаешь, какая охрана выставляется вокруг каждого Зала Заседаний. Рядом с каждым из них, а также по нижнему и верхнему этажу, проходят коридоры с системой контроля особого свойства. Достаточно, чтобы кто угодно, даже Стражник, углубился в один из них, чтобы все они тотчас же были затоплены радиоактивными лучами. Конечно, если очень постараться, и если очень повезет, можно висдрить наших людей в здание. Но от этого преграда в виде страшных коридоров не станет менее преодолимой...

— А что станет с Советом, когда радиация распространится по всем помещениям? — спросил Джонсон.

— Не будь идиотом, Борис! — воскликнул Файнберг. — Ты же прекрасно знаешь, что Зал Заседаний полностью защищен свинцовым экраном толщиной 60 см. Они спокойно отсидаются в нем в ожидании окончания тревоги. У них там есть все, чтобы выжить несколько суток, я думаю.

— А чем они будут дышать все это время? — спросил Джонсон. — Пустотой?

Он почувствовал, что лица присутствующих посерьезнели, и абсолютная тишина наступила в помещении.

— Это вполне в стиле Гегемонии, — продолжал Джонсон. — Настоящая одержимость своей безопасностью, доходящая до мании и, наряду с этим, явный просчет. Как только начнется штурм снаружи, они тотчас же забарикадируются в своем дзоте. А когда они запрутсЯ, где же они возьмут воздух для дыхания?

Никто не проронил ни слова.

— Нам удалось внедрить одного из наших людей в Министерство Опеки Меркурия, — продолжал Джонсон. — Он работает в системе обслуживания. Как только я узнал о замыслах Совета, затребовал у него детальный план здания. Итак, когда Зал Заседаний изолирован, воздух поступает по запломбированным трубопроводам. Компрессорная находится двумя этажами ниже. Нет никакой надобности пробиваться в сам зал: достаточно добавить немного смертоносного газа в воздух.

— Да, но как? — сказал Файнберг. — Как только мы проникнем в компрессорную, Лучи начнут действовать...

— Думай, ну, думай же! — воскликнул Джонсон с нетерпением в голосе. — Откуда там Лучи? Ведь в случае тревоги жизнь членов Совета зависит только от бесперебойной работы аппаратуры в этом помещении. Ты думаешь, они пошли бы на риск установки там Глаз и Лучей? Нет, они удовольствуются тем, что пошлют туда полдюжины Стражников, чтобы следить за несколькими техниками, которые там работают. Естественно, дверь и стены этого помещения защищены свинцовым экраном на тот случай, если что-то приведет в действие Лучи, расположенные в соседних коридорах. Если нам удастся провести человек десять наших людей к этому месту, нам останется только прикончить Стражников, запереть экранированную дверь и пустить газ в систему вентиляции. После чего конец Совету Гегемонии.

— Да, но как именно пробраться туда? — спросил Гомес. — Ведь как только мы нападём, придут в действие Лучи в коридоре.

— Файнберг, ты специалист, — сказал Джонсон. — Сколько времени проходит между тем моментом, когда Глаз регистрирует Запрещенное Деяние, и реакцией соответствующего Луча?

— Максимум от двух до трех секунд, — отвечал Файнберг.

— А сколько до того момента, когда доза радиации становится смертельной?

— Скажем, не более двух секунд.

— Что же, — сказал Джонсон. — У нас есть пять секунд между началом нашей операции и тем моментом, когда дверь захлопнется за нашими спинами.

— Так это же просто неосуществимо, — сказал Файнберг. — Не может быть и речи о том, чтобы взорвать дверь или расплавить ее лазером за это время. К тому же, я думаю, мы не должны этого делать по той причине, что дверь должна остаться невредимой, чтобы выполнять свою роль экрана от радиации.

— Абсолютно правильно, — согласился Джонсон. — А если дверь уже открыта? Тогда шесть человек вполне могут войти и закрыть ее менее, чем за пять секунд, не правда ли?

— Несомненно, — отвечал Файнберг. — Но как практически это произойдет? Мы постучим и вежливо попросим Стражников впустить нас? Ведь может так случиться, что Опекун расценит это как Запрещенное Деяние...

— Не беспокойтесь об этом. Единственное, что мне необходимо знать, это возможно ли наделать достаточно фальшивых документов, чтобы высадить двести человек на Меркурии до начала официального праздника. Что ты об этом скажешь, Мэйсон?

— Нелегко, но осуществимо, — отвечал Мэйсон. — Останется проблема двери. И меня тоже это беспокоит.

Улыбка Джонсона стала шире.

— Я уже упоминал о нашем человеке в системе Обслуживания Министерства, не так ли? Так вот его зовут Джеремиа Дэйд, и он работает как раз в компрессорной!

И улыбка Джонсона стала еще шире, а суровые лица, окружавшие его, стали терять выражение недоумения, стали мягче... Заговорщики переглядывались. Они начали разделять его веру. Выложив этот последний козырь, он превратил выглядевший до сих пор утопическим проект в реальность.

В то же время это было нечто новое, к чему надо было еще привыкнуть после десяти лет неудач и огорчений, провала даже менее амбициозных предприятий, дело, казалось, должно было завершиться успехом. Но в плане Джонсона не было с виду никаких недочетов...

Аркадий Дунтов перевел дыхание и с некоторой нервозностью обвел взглядом непроницаемые лица восьми Ответственных Агентов Братства Убийц. Семеро из них, казалось, погрузились в глу-

бокое раздумье, как будто пытались взвесить значение только что полученной информации. И только восьмой Роберт Чинг, спокойно улыбнулся.

— Так вот, — подвел итог Дунтов. — Джонсон планирует уничтожение Совета Гегемонии посредством газа. Предприятие безнадежно самоубийственное, но это не заставит отступить такого, как он, фанатика.

— Каково ваше мнение, Главный Агент? — сказал Брат Фелипе.

— Действительно, что вы об этом думаете, Главный Агент?

Все взгляды были обращены на Чинга. Все ждали, что он ответит.

Однако, когда Чинг заговорил, оказалось, что он обращается только к Дунтову, пристально глядя на него взглядом проникновенным и слегка обеспокоенным.

— А вы, Брат Дунтов, вы что скажете? Вы ведь присутствовали, вы хорошо знаете Бориса Джонсона.

— Что я скажу? О чем, Братья? — пробормотал сконфуженный Дунтов.

— Начнем с плана Джонсона, — сказал Роберт Чинг.

Дунтов обратил внимание на то, что вопрос не был задан ему конкретно. И он начал думать вслух:

— Что ж, нет сомнений, это довольно сложно. Однако, атакуя здание снаружи, они действительно вынуждают Совет запереться в спасательном для него Зале Заседаний... Если им повезет, и если организация будет достаточно четкой, им может удастся ввести своих агентов в компрессорную... Конечно, не все может пойти как по маслу, но ведь они привыкли к такого рода действиям. А уж оказавшись на месте и пользуясь эффектом внезапности, они без особых затруднений смогут разделаться со Стражниками, а затем судьба Членов Совета станет пустой формальностью. Просто надо проникнуть в компрессорную до того момента, когда уровень радиации дойдет до опасного уровня. Если у них это получится, то их план увенчается успехом. А так как у них там есть свой человек...

— Н-да, — сказал Роберт Чинг. — Прекрасный анализ, Брат Дунтов. В целом вы различили все шансы, не правда ли, Братья?

Дунтов обвел взглядом Ответственных Агентов и заметил в выражениях их лиц отблески своего собственного сомнения....

Роберт Чинг также обратил внимание на всеобщее недоумение и рассмеялся:

— Так вот, друзья мои. Жизнь Совета висит на ниточке. Де-

мократическая Лига играет ва-банк. Речь идет о сотнях жизней. И все это зависит от одного человека. От одного!

И вдруг Дунтов понял. Ведь это было предательство. Все зависело от Джереми Дэйда!

— От агента Лиги, который работает в компрессорной, — пробормотал он.

— Вот суть проблемы, — сказал Роберт Чинг. — Так вот. Если, благодаря этому самому Дэйду, Джонсону и его людям удастся попасть в помещение, Совет обречен. Если же Дэйду не повезет, значит Джонсона и его людей ждет верная смерть, а Гегемонию — триумф. Один человек, один единственный человек, от которого зависит успех или провал операции. Это ничего не напоминает вам, Братя?

— Рука Хаоса! — воскликнул Смит. — Его величество Случай во всем своем блеске! С одной стороны — Лига со своими людьми, которых она бросает в бой, Лига со своим невероятно сложным, если не сказать безнадежным планом, а с другой — Гегемония со всеми своими возможностями и своей гигантской организацией подавления, а в центре всего этого — жалкий индивидуум, который является всего лишь простой пешкой на шахматной доске!

Роберт Чинг опять улыбнулся:

— Я бы не сказал, что это правильно. Подумайте только! Перед вами Гегемония со своими строгими порядками, членами Совета с их параноидальной одержимостью безопасностью. Не кажется ли вам как минимум странным, что они выбирают для собрания единственную планету, где у Лиги есть агент, внедренный в самое решающее место? Не кажется ли вам странным, что этот агент до сих пор не обнаружен? Подумайте. При совпадении такого количества случайных факторов — не имеем ли мы основания различить за всем этим руку Порядка, замаскированную под видом Хаоса?

— Что вы имеете в виду, Главный Агент? — спросил Брат Фелипе.

— Задумайтесь сами, — продолжал Чинг. — Какую более соблазнительную приманку можно предложить Лиге, чем Совет Гегемонии в полном составе, поданный практически как будто на закуску? Каким бы наивным он не был, мистер Джонсон сам почувствовал бы ловушку, если бы не был уверен, что у него есть решающий фактор в лице мистера Джереми Дэйда! Но, предположим, что Дэйд попадет в ловушку. Тогда в чью же пользу обо-

рачивается этот решающий фактор, в пользу Лиги или в пользу Гегемонии?

— Ну конечно! — воскликнул Дунтов. — Теперь ясно, что это ловушка!

Чинг кивнул.

— Да, я тоже так думаю. Мы не знаем, естественно, всех деталей, но мы должны верить в способности Гегемонии в то, что ловушка сработает. В этом отношении мистеру Джонсону есть чему поучиться у Кустова. Но главный вопрос для нас вот в чем: в каком направлении мы должны действовать?

— Самым справедливым, может быть, было бы вообще не вмешиваться, — высказался Н'Гана. — С первого взгляда может показаться, что Лига является силой, оппозиционной Гегемонии, но если анализировать ее действия с точки зрения социальной динамики в свете теории Марковица, то можно сделать вывод, что она действует на самом деле как предвиденный фактор — подпольная оппозиция, и потому способствует снижению социальной энтропии. Пусть Гегемония делает все, что хочет, исчезновение Лиги только на руку, особенно в данный момент, когда близится к концу разработка проекта «Промстей».

— Твоя аргументация не лишена смысла, — согласился Роберт Чинг. — Н-да... В самом деле, Лига обречена, а случай, который представляется для ее полной нейтрализации, стоит многих других. Однако мне не хотелось бы отдавать преимущество Гегемонии в этой операции. Это было бы равнозначно усилению Порядка. К тому же, если Лига и должна исчезнуть как социальный фактор, то я совсем не желаю смерти Борису Джонсону...

— Я что-то совсем не узнаю вас, Главный агент! — усмехнулся Н'Гана. — Можно подумать, что у вас какая-то слабость к этому типу!

Чинг улыбнулся.

— А разве нельзя хотя бы иногда позволить себе что-нибудь в таком роде? Этот человек меня трогает. Он двигается наугад во тьме, чтобы способствовать триумфу Демократии, о которой он ничего не знает. Он даже не может опереться на Теорию Социальной энтропии, чтобы укрепить свою веру в неизбежное падение Гегемонии. Вся деятельность Демократической Лиги является длинным перечнем провалов. Однако он не опускает руки. В конце концов неудачливая храбрость является также фактором Случайности. Как героизм. Как чистое и простое ослепление. А в Джонсоне сочетаются эти три достоинства. Или недостатка. К

тому же, если судить объективно, он ведет борьбу, параллельную нашей. У нас общая цель — падение Гегемонии и всеобщая свобода. Несмотря на все его недостатки, разве не заслуживает такой человек нечто большего, чем бесславная смерть в лапах Гегемонии?

Брат Фелипе рассмеялся:

— А вы уверены, что не рационализировали произвольно обычное чувство аффекта, Главный Агент?

Роберт Чинг улыбнулся и пожал плечами:

— Еще раз я оказываюсь во всем виноватым. Но подумайте сами. Разве сама активность не является Фактором Случайности? Спасая Бориса Джонсона, без достаточных на то оснований, разве не следуем мы закону Хаоса? Важное уточнение: я ведь предлагаю спасти не Лигу, а только Бориса Джонсона. Лига должна исчезнуть, но Гегемония не должна извлечь из этого выгоду. У нас особая роль. На этот раз мы открыто примем сторону Лиги. К тому же... Мы должны получить перевес как над Лигой, так и над Гегемонией. Мы указываем победителя и побежденного, однако и победитель может быть неудачником!

— Мне кажется, что у вас уже есть готовый план, — сказал Фелипе.

— Конечно! — отвечал Роберт Чинг. — Это будет самый хаотичный акт, который мы когда-либо осуществляли, акт, который понравился бы самому Марковицу. Я даже осмеливаюсь утверждать, что невозможно сделать ничего более хаотичного, кроме разве что, Всеобщего Хаотичного Акта.

Затем он продолжал, повернувшись к Дунтову:

— Я считаю, что для вас настал момент порвать с Демократической Лигой, Брат Дунтов. Мне кажется, что будет справедливо, если мы доверим вам руководство нашей небольшой экспедицией на Меркурий. До сих пор вы служили Хаосу в тени — и вы хорошо служили ему. Теперь вы будете служить ему открыто. У меня есть некоторые планы на ваш счет. Планы в масштабе.. Галактики.

Дунтов был ошеломлен. Он в растерянности покачал головой, как лунатик. Он чувствовал, что чудо захватывает его. То самое чудо, которому он до них служил всей душой, слепо, безоговорочно веря в него. И эта вера была вознаграждена!

Однако у этого нового чувства был в то же время горьковатый привкус. Ведь эта вера в грандиозную неизвестность была его единственным и достаточным смыслом жизни. Усилится ли

она или уменьшится в контакте с людьми, живущими с Хаосом в таком единстве, о котором он до сих пор не осмеливался даже мечтать?

7

На юго-западе большого Нью-Йорка, намного дальше того места, которое когда-то называлось Нью-Йорком, монотонная равнина Нью-Джерси представлялась заинтересованному взгляду в виде нескончаемой гряды просторных и низких зданий, стеклянные крыши которых блестели и переливались под солнечными лучами. Это были многие километры гидропонических оранжерей.

Некоторое оживление было здесь заметно только на ленте-экспрессе движущегося тротуара, которая на высоте многих десятков метров пересекала эту переливающуюся равнину. Вел этот тротуар только к городскому космопорту.

В данный момент Борис Джонсон катился по этой ленте, опустив голову, чтобы мерцающие отблески не слепили, как фары встречных автомобилей.

Его багаж следовал за ним по багажной ленте, но три действительно дорогих для него предмета были спрятаны в его одежде.

В каблуке его левой туфли находилась ампула со смертоносным газом. Разобранный пистолазер был спрятан везде понемногу: в подкладке одежды, в другом каблуке, даже в трусах.

Однако для того, чтобы ампула и оружие могли в свое время быть пущены в ход, хотя бы два из трех комплектов его фальшивых документов должны были удачно пройти контроль.

В Большом Нью-Йорке Джонсон жил под видом Михаила Олинского, техника телесвидения, человека достаточно скромного, чтобы привлечь чье-то внимание. Это весьма часто практиковалось Лигой.

Но у Олинского не было никаких объективных причин для полета на Меркурий. Поэтому цех фальшивых бумаг Мэйсона сделал другой комплект фальшивок на имя Даниэля Ловарена, коммивояжера фирмы Юнайтед Техникс. Пропуск на Меркурий должен был официально разрешить ему изучение на месте возможности строительства завода по производству настольных калькуляторов. Повод был вполне подходящим, учитывая тот факт,

что Гегемония старалась любимыми способами развивать индустрию под экологическим куполом планеты.

Едва высадившись на Меркурии, Даниэль Ловарен должен был превратиться в «Юрия Смита», рабочего по обслуживанию Министерства Опеки. Если план удавался, и если Джонсону удавалось выбраться целым и невредимым, он должен был добраться до Земли под видом Гаррисона Ортеги, публициста, отправившегося на родную планету с целью организации там кампании по вербовке новых переселенцев на Меркурий: цель в высшей степени благородная, которая могла встретить только поддержку Гегемонии.

Джонсон иронически улыбнулся, потрогав карман, где лежали документы на имя Ловарэна. Иногда было довольно трудно не запутаться в этих многочисленных удостоверениях на различных пунктах контроля. Однако сделать по-другому было просто невозможно. «Ловарэн» имел право отправиться на Меркурий, «Смит» — пройти в Министерство Опеки, а «Ортегу» было разрешено лететь на Землю. А вот любой человек, обладавший одновременно всеми этими тремя правами, немедленно вызвал бы подозрения Стражников. Обычно они удовлетворялись тем, что просто проверяли, соответствуют ли фотографии и описание внешности того, кто предъявлял документы. Реже они сравнивали отпечатки пальцев с теми, которые фигурировали в документе. Документы Джонсона были сфабрикованы достаточно хорошо, чтобы он мог не опасаться такой проверки.

Однако любая подозрительная или просто необычная деталь одежды или внешности могла стать поводом для более детального расследования. В таком случае Стражники обращались к ячейкам памяти Опекуна, который быстро вынес бы свой приговор: человек, предъявивший данные документы, на самом деле не существует. Отсюда следовало, что удобней было иметь несколько комплектов бумаг с пропуском для каждой конкретной цели.

Солнечные блики от стекол оранжерей исчезали на горизонте. Лента быстро приближала Джонсона к просторной бетонированной площадке, где находился пропускной пункт космопорта. Еще несколько минут, и он будет на пути к Меркурию — или умрет...

Но это казалось мало вероятным. До сих пор все шло так гладко, что он и не предполагал. До этой операции Лига еще ни разу не перемещала больше нескольких десятков человек с одной планеты на другую. Теперь же надо было переправить на Меркурий двести человек менее, чем за два месяца. Цех фальшивок

работал день и ночь, чтобы все бумаги были готовы вовремя. Взяв за основу безучастный статистический расчет, Джонсон предусмотрел возможность разоблачения примерно дюжины своих агентов. Но эта цифра, несмотря ни на что, была достаточно скромной, чтобы возбудить подозрения. Учитывая потерю нескольких человек, Джонсон рассчитывал на конечный успех всей операции.

Однако до сих пор, опровергая его самые пессимистические прогнозы, более 150-ти человек прошли через систему контроля без всяких недоразумений. Это было тем более примечательно, что речь шла о самых активных сторонниках Лиги. Все хотели участвовать в операции, и Джонсон решил, что самым разумным будет выбрать тех, кто уже зарекомендовал себя в качестве бойцов. Представлялось почти невероятным, что ни один из этих людей, большинство которых фигурировало на видном месте в черных списках Гегемонии, не были арестованы. Но в прошлом Лигу преследовали такие неудачи, что было бы только справедливо, если бы фортуна наконец улыбнулась и ей...

Здания конечной станции и космопорта были теперь совсем рядом. Джонсон перешел на тротуар с уменьшающейся скоростью и вскоре ступил на бетонированную платформу перед куполообразной постройкой из прозрачного пластика.

Прямо за ней виднелся окрашенный в темно-синий цвет корпус огромного транспортного корабля. Так как никаких других кораблей на взлетной площадке видно не было, Джонсон сделал вывод, что это его корабль.

Он решительной походкой поднялся по ступеням из синтетического мрамора и вошел в помещение космопорта под неусыпными и подозрительными взглядами четверки дикарей, стоящих у входа.

Внутри здание состояло в основном из просторного холла с десятью дверями, на каждой из которых виднелся номер. Светился только один из них — седьмой. Он не ошибся: единственным рейсом сего дня был седьмой — на Меркурий. С некоторой нервозностью он отметил, что три другие стены были буквально напичканы Глазами и Лучами.

Джонсон вынул свои документы на имя Ловарэна и быстро пересек порог двери № 7, чтобы тотчас очутиться в помещении, где начиналась соединительная труба. Эти трубы, которые соединяли выход из здания космопорта непосредственно с люком корабля, были еще одной дополнительной преградой. В глубине, прямо перед трапом, несколько Опекаемых терпеливо стояло в

очереди, чтобы пройти контроль Стражников, которые бегло просматривали документы, время от времени проверяя соответствие сетчатки глаз у какого-нибудь пассажира.

Джонсон встал в конец и за два человека до себя обнаружил Игоря Маленова. Естественно, оба сделали вид, что совсем не знакомы.

Колосс с густой шевелюрой, рассеянно просмотрел документы Маленова, затем пропустил его. Опекаемый, который стоял за ним в очереди, предъявил свои и также был пропущен. Затем был проверен стоящий впереди Джонсона. Подошла очередь Бориса.

Несмотря на то, что Джонсон далеко не первый раз подвергался контролю такого рода, у него кольнуло в сердце, когда Стражник протянул огромную ладонь, проворчав: «Документы!» Ведь столько значительно более важных, чем его жизнь, событий зависело теперь от его самообладания...

Не говоря ни слова, он протянул Стражнику бумаги на имя Ловарэна, в том числе пропуск. Стражник бросил чисто формальный взгляд на них и быстро сравнил фото с лицом пассажира. Он уже собрался пропустить Джонсона, когда другой Стражник, негр сказал:

— Надо было копнуть гляделки у этого.

Первый Стражник пожал плечами, отделил небольшой кусок пленки от документов Джонсона и протянул его негру. Тот поднял свой прибор для контроля. Это была небольшая металлическая коробочка, в нижней части которой виднелись две лампочки — красная и зеленая, которые были расположены по обе стороны от прорези, куда вставлялась пленка. На задней стенке находилась кнопка, а на передней — два окуляра.

Джонсон знал, как функционирует этот прибор. Пленку вставлял в прорезь и окуляры приставлялись к глазам проверяемого. При нажатии на кнопку микрокамера сравнивала сетчатку глаза с фотографией. Если они совпадали, загоралась зеленая лампочка, сигнализирующая, что все в порядке. В противном случае загоралась красная: тогда Опекаемый обвинялся в Запрещенном Дейнии, караемым смертью...

Стражник вложил пленку в аппарат и, не говоря ни слова, поднял коробочку на уровень глаз Джонсона. Не нужно было никаких объяснений: Опекаемые были слишком хорошо знакомы с этой процедурой. Джонсон посмотрел в окуляры.

Стражник нажал кнопку... После чего он опустил прибор, вернул Джонсону его документы и сделал знак проходить.

Протирая глаза, Джонсон с облегчением выдохнул и пошел к люку. Он знал, что тест был положительным, но привычные рефлексы не давали ему покоя...

Следующий Стражник провел его к антигравитационным ячейкам. Платформа с ячейками бесшумно поднялась и замерла в середине просторного центрального отсека корабля. Примерно половина ячеек уже была занята.

Джонсон выбрал одну из них и устроился на мягкой обшивке.

Примерно через десять минут в центральном отсеке раздался звук гонга, и несколько задержавшихся Опекаемых торопливо заняли свои места.

Сотни тончайших пластических волокон выступили из стен ячейки и спутали целиком тело Джонсона. Затем включилась система антигравитации корабля, и в следующий момент тяжесть исчезла.

Но длилось это недолго, так как включились стартовые двигатели. Если теперь у корабля и пассажиров не было веса, то инерция оставалась. Распластанный в своей ячейке, обвитый сотнями волокон, Джонсон не смог на этот раз сдержать чувства: их ждала удача! Теперь ничто не могло помешать ему добраться до Меркурия. Первая фаза операции прошла успешно!

Роберт Чинг обвел взглядом бесстрастные лица семи Ответственных агентов, собравшихся как всегда вокруг большого высеченного в скале стола. Он не мог не сравнить их привычное спокойствие с выдержкой, которую демонстрировал Аркадий Дунтов, стоявший перед ними.

Этот человек оставался для него загадкой.

Невежественный, однако счастливый в своем невежестве. Человек действия — и ничего более, но в то же время всегда готовый выполнить приказы людей, в подчинении у которых он себя чувствует — или хочет чувствовать. Что же заставляло его служить Хаосу, а не Гегемонии?

— Корабль готов к старту, Брат Дунтов? — спросил Чинг.

— Так точно, Главный Агент.

— Задача ясна?

— Так точно, Главный Агент.

— Других вопросов нет?

— Нет, Главный Агент.

Роберт Чинг вздохнул. Нет, никогда не поймет он этого чело-

века. Прямо-таки настоящий пережиток. Все тот же тип религиозного фанатика в эпоху, когда даже понятие религии исчезло. То есть могло быть и так, что для человека, который не пытался постичь всю глубину учения, Братство представлялось религиозным орденом, а Хаос — богом? Да, это было бесспорно. Для людей типа Дунтова Хаос был богом, а служба ему — религиозным призванием. Точнее, религиозные проявления были еще сильны у таких людей, которые давно привязались к Братству, потому что Хаос больше всего соответствовал их представлениям о божественном...

Что же писал по этому поводу Марковиц? «Бог является экраном, который люди ставят перед собой, чтобы хоть немного защититься от слепящих лучей, которые испускает царство Хаоса.» Этот всемогущий Бог, повелитель Вселенной, основатель сверхчеловеческого Порядка, на самом деле является для людей своеобразной компенсацией, защитой от ужасающей истины. Кажущийся беспорядок Вселенной не является иллюзорным, связанным с неспособностью простых смертных проникнуть в божественное предназначение. На самом деле единственная и всеобщая реальность, суть — Хаос, а у Вселенной, в конечном счете, нет другой структуры, кроме Его Величества Чистого Случая, абсолютно безразличного к намерениям Человека...

«Какая ирония судьбы!» — подумал Чинг. — Видеть людей, которые отчаянно стараются верить в Бога — верховного организатора, но кончают тем, что начинают служить Хаосу! И в то же время как можно мечтать о более Хаотичной ситуации?!

Оторвавшись от своих размышлений, он сказал:

— Очень хорошо. Вы тотчас отправитесь на Меркурий.

— Есть, Главный Агент! — вытянулся Дунтов.

Он четко развернулся и вышел.

Задумчиво провожая его взглядом, Чинг спрашивал себя, не заключается ли определенная доля истины в поведении таких людей. Ведь в какой-то мере Братство можно было сравнить с религиозным орденом. Разве религия определялась только верой в какого-нибудь Бога? Не могла ли она просто отражать убежденность в том, что где-то существует нечто высшее, чем человек и его деятельность, — нечто такое, что не подвластно абсолютному порядку, нечто идеальное, которое человек всегда пытался определить для себя? В самом деле, какая разница, если это нечто, это всемогущество не было богом или смертным, а только всеобщей тенденцией Вселенной и всех ее составляющих — атомов и галак-

тик, тенденцией, направленной к все более возрастающей энтропии, то есть другими словами, к Хаосу? Может быть, Хаос и был тем самым бессмертным богом, бесконечным, всемогущим...

Брат Фелипе прервал размышления Главного Агента:

— Можем мы считать, что дела идут как надо, не правда ли? Этот Дунтов, может быть, не особенно умен, но он точно выполняет все приказы и...

— Он возвращается! Он возвращается!

В зал ворвался доктор Шнеевайс, неистово размахивая своими короткими ручками. Лицо его покраснело от возбуждения.

— Кто возвращается? — спросили хором Ответственные Агенты.

— Зонд! Зонд! — воскликнул Шнеевайс. — Зонд «Прометей». Он вернулся с Синюса 61. Ультралюминесцентная тяга полностью себя оправдала. Пленка в процессе монтажа.

В зале стало шумно. Сам Роберт Чинг вскочил со своего кресла с радостной улыбкой. Наконец-то! Первая фаза проекта «Прометей» прошла успешно! Зонд доставил первые изображения планеты, находящейся за пределами Солнечной системы... Несомненно, это открывало новую страницу в истории человечества, однако Чинг заглядывал далеко в будущее: для него это было началом заката Гегемонии, началом неизбежного Хаоса. Что покажет пленка? А вдруг это обитаемая планета за пределами Солнечной системы, вне досягаемости цепких лап Гегемонии? И может быть, даже...

— Идемте со мной! — воскликнул Шнеевайс. — Сейчас в кинозале все будет готово.

— В самом деле, — согласился Чинг. — Мне не терпится видеть это собственными глазами.

И все присутствующие дружно встали со своих мест и углубились в коридоры астероида.

В скоростном лифте с искусственной гравитацией Чинг не переставал думать об этом, и тысячи вопросов не давали ему покоя. Есть ли у Синюса 61 обитаемая планета?... Или даже несколько планет? Есть ли там разумная цивилизация, выполняющая свое высокос предначертание в соседстве с этим далеким солнцем?..

Выйдя из лифта и пройдя высеченным в камне коридором, Братья попали в небольшой зал, где несколько рядов кресел выстроились перед экраном.

В то время как Чинг и другие Братья рассаживались перед

ним, Шнеевайс о чем-то разговаривал с техником. После чего лицо физика расплылось от удовольствия, а Чингу пришлось сдержаться, чтобы не приказать ему тотчас же начать отчет. Но обещанный спектакль стоил нескольких минут терпения...

— То, что вы сейчас увидите, — объявил Шнеевайс, — всего лишь монтаж самого важного материала, заснятого с значительно большей скоростью. Тем не менее... Тем не менее я предпочитаю дать вам возможность самим сделать надлежащие выводы. Поехали!

Фильм начался с изображения ночного неба, усеянного неподвижными звездами. Но скоро одна из них стала отделяться от остальных, с каждым новым кадром увеличиваться в размерах, пока не превратилась в широкий диск...

В глубине зала раздался голос Шнеевайса:

— Мы приближаемся к Синюсу 61. В системе пять планет...

На экране появились голые скалы, хаотические нагромождения, резко контрастирующие с черной бархатистостью космоса...

— Внешняя планета, — продолжал комментировать Шнеевайс. — На окраине системы. Мертвая, лишенная атмосферы. Размерами похожа на Луну.

Тотчас же на экране промелькнули одна за другой две однородные планеты. Первая была испещрена красными, оранжевыми и желтыми полосами. Вторая исчерчена голубыми и голубовато-зелеными.

— Два газообразных гиганта, размерами с наши Уран и Сатурн соответственно, — сказал Шнеевайс. — А теперь вы видите небольшую внутреннюю планету, диаметр которой равен приблизительно двум третям Титана.

Это был небольшой черный диск с резко очерченным сиянием близкой звезды контуром.

— А вот... — Шнеевайс сделал театральную паузу. — А вот вторая планета! 1,09 диаметра Земли, кислородно-азотная атмосфера, уровень гравитации 0,94. Вода в жидком виде! Смотрите же!

Голубовато-зеленый диск, который скачками увеличивался в размерах. Сначала с горошину, потом с апельсин, с дыню — занял весь экран, вызвав у Чинга вздох восхищения. Можно было ясно различить океаны; четыре континента зеленовато-коричневого оттенка, шапки льда на полюсах, извилистые реки, острова, облака...

Перспектива снова изменилась: камера засняла обширную часть одного из континентов. Показались зеленые массивы, — скорей всего леса — реки, голубые озера: жизнь! Камера спустилась еще ниже и детали стали четче: деревья, зеленые поля и... обработанные участки! Сомнений больше не было: ровные полосы насаждений, изгороди у подножий курганов...

— Да! — торжествовал Шнеевайс. — Да, свидетельства пребывания мыслящих существ! Но есть кое-что поинтереснее! Смотрите!

Казалось, что теперь камера скачками двинулась к поверхности. Она задержалась какой-то миг под плотиной, под которой воды широкой и полноводной реки низвергались в море... Затем еще одно изменение плана, и на экране появился...

Город! Высокие серебристые здания, которые на протяжении десятков километров обступили берега реки и доходили до самого моря. Дамбы на реке. Широкие дороги, связывавшие город с провинцией.

И вдруг пейзаж опрокинулся, как будто гигантская волна ударила в зонд. Голубое небо, снежно-белые облака. Потом...

Потом металлическое веретенообразное тело красного цвета заполнило экран. Передняя часть его была прозрачной, заряд люков или выхлопных сопел опоясывало середину, тогда как задняя часть казалась удлиненной за счет чего-то похожего на голубоватый соленоид... Затем все исчезло.

— Вы отдаете себе отчет, что все это значит? — воскликнул Чинг.

— Конечно! — отвечал Шнеевайс. — Это другая цивилизация, достигшая значительно более высокого уровня развития! Кроме того...

— Несомненно! — перебил его Чинг с внезапным раздражением. — Но это самое главное! Подумать только! Мы обнаружили мыслящие существа в первой же системе, которую решили исследовать, в ближайшем соседстве от нашей, если иметь в виду галактические масштабы. Разве не ясно, что отсюда следует? Галактика должна просто кишеть разумными расами — сотнями, тысячами, может быть, миллионами! Хаос, Братья! Хаос в своем неподражаемом облике! Факторы Случайности без счета! Вот настоящее лицо Хаоса: бесконечная Вселенная с бесчисленными цивилизациями, абсолютно отличными одна от другой!

— Хаос! В самом деле Хаос! Конец Гегемонии! Крах Порядка! Все говорили одновременно. Роберт Чинг поднял руку.

— Да, и...

Неожиданно раздался вой сирен. Тревога! К астероиду приближился посторонний объект. Могло ли так случиться, что Гегемония...?

Высказав вслух мрачные мысли Чинга, Н' Гана заметил:

— Тревога! Надо же, в тот самый момент, когда...

— Быстрей! — скомандовал Чинг. — В обсерваторию!

Преследуемые непрекращающимися звуковыми сигналами, руководители Братства бросились к скоростным лифтам, которые за несколько секунд доставили их в самое сердце астероида в непосредственной близости от ядерного реактора.

Казалось, что они поднимаются прямо в космос: довольно странное чувство в конце подъема. Полное состояние невесомости, а вокруг — сверху, внизу — космическая тьма, мерцающая звездами. И только почти прозрачная верхняя крышка лифта, странная «прореха в пространстве» портила иллюзию, создаваемую огромным сферическим экраном, которого в самом центре астероида, в точке, где исчезала сила тяжести, был похож на гигантскую оболочку прозрачного яйца.

Какой бы иллюзией это не было, Чинг не смог преодолеть головокружение в тот момент, когда он пристально всматривался в «пространство», пытаясь обнаружить нарушителя. В этом помещении он чувствовал себя значительно ближе к Истине, ему казалось, что здесь возникал какой-то особый контакт с Хаосом... Он довольно часто посещал эту обсерваторию, чтобы лишний раз проникнуться чувством бесконечности Вселенной, чтобы еще раз увидеть, пощупать Хаос, в структуре которого человек был всего лишь карликом — карликом меняющимся...

Однако непрерывное завывание напомнило ему, что сейчас не время для размышлений.

— Ну и? — спросил он у кажущейся безлюдной вокруг себя тьмы. — Вам удалось определить траекторию объекта?

Усиленный невидимыми динамиками чей-то голос, идущий, казалось, прямо из космоса, ответил:

— Объект установлен, Главный Агент.

В псевдопространстве перед Чингом начала увеличиваться в размерах ярко-красная точка, которая превратилась в диск, быстро приближающийся к астероиду. Но... диск этот летел не со стороны Солнца или Земли! Он летел снаружи, со стороны Сатурна или Юпитера!

— Откуда он? — спросил Чинг.

— Мы еще не можем определить это с большой точностью, Главный агент, — отвечал все тот же призрачный голос. — Однако мы рассчитали его путь от орбиты Плутона. И пока все. Такое впечатление, что он... что он летит ниоткуда. Если только это не происки Гегемонии, то объект появился из межзвездного пространства...

Чинг обвел взглядом тех, кто его окружал и задержался на Шнеевайсе. Глаза физика были устремлены на объект, форма которого вырисовывалась все отчетливее. Больше не могло быть сомнений, они видели перед собой дискоид.

Да, но каких размеров? Необходимо было знать расстояние до него.

— Расстояние? — осведомился Чинг.

— Три километра, — отвечал оператор лаконично.

— Невероятно! — воскликнул Шнеевайс. — Это значит, что его диаметр всего около трех метров! Проверьте еще раз!

В наступившей опять тишине было видно, что поведение объекта изменилось. Он перестал увеличиваться, как будто он остался на постоянной орбите вокруг астероида на высоте не более двух километров. Он пролетел над головами наблюдавших за ним Братьев, исчез у них за спиной, появился у них из-под ног, чтобы подняться прямо перед ними вверх и продолжать свое вращение... «Однако слишком уж большая у него скорость», — подумал Чинг, — трудно объяснить обычными законами астрофизики».

— Расстояние 1580 метров, — послышался все тот же бесстрастный голос. — Мы предприняли необходимые контрмеры. Он продолжает вращаться вокруг астероида. Но крутится он чертовски быстро. Несомненно, это космический корабль.

— Не может быть, — возразил Шнеевайс. — Уж слишком он мал...

— Дайте нам максимальное увеличение, — скомандовал Чинг.

И тотчас же пространство, которое их окружало, потеряло свои очертания, как будто сместилось. Затем оно стабилизировалось, и изображение снова стало четким. Далекие звезды остались яркими точками, а черная пустота пространства — все такой же черной и пустой. Вроде бы ничего не изменилось. Ничего, кроме...

Кроме неопознанного объекта, который оказался ракетой ярко-красного цвета, диаметром метра четыре, с выхлопными соплами, опоясывающими центральную часть, и с голубоватым соленоидом сзади...

В то время, как ракета безостановочно продолжала свой путь, Шнеевайс воскликнул:

— Теперь вы понимаете?! Надеюсь, вы понимаете? Тот же тип ракеты, который был заснят зондом, только значительно меньших размеров. Он... должно быть, следовал за сигналами оттуда!

— С самого Синюса! — воскликнул Фелипе.

— С самих звезд!

— Мы приняли радиосигнал, — вмешался все тот же безразличный голос. — Передана формула водорода.

— То есть как это принято при межзвездных сообщениях! — возликовал Шнеевайс.

— Пошлите ответ, — сказал Чинг.

Послышалось завывание, свист. Затем странный ритмичный звук, серия «бип», прерываемых паузами, не означавшими, казалось ничего конкретного, раздался в зале обсерватории, в то время как объект продолжал свое безостановочное вращение. Чинг почувствовал, что ему становится плохо. Как будто он остается в одиночестве в открытом космосе, в полной зависимости от этого объекта, который, чувствуя, что за ним наблюдают, следят за каждым его шагом, продолжал тем не менее все так же вызывающе вести себя с какой-то прямо сверхчеловеческой самоуверенностью...

— Бип-бип-бип. (Пауза). Бип. (Пауза). Бип-бип-бип-бип. (Пауза). Бип. (Пауза). Бип-бип-бип-бип-бип-бип. (Пауза). Затем долгая пауза. Затем все сначала...

— Что же это? — спросил Чинг. — Что-то мне этот ритм напоминает...

— Три... один... четыре... один... шесть, — повторил задумчиво Шнеевайс. — Три один, четыре, один шесть! Ну конечно же! Пи! Число Пи с приближением до четвертого знака, записанное для бесконечного повторения. Он говорит нам, что понимает нашу математическую систему! Что наше исчисление на десятичной основе!

— Он говорит нам, что он существует, и что он продукт разума, — добавил Чинг. — Он признает в нас людей, обладающих разумом.

И вдруг красная ракета покинула свою орбиту и, быстро уменьшаясь в размерах, направилась в сторону внешних планет по траектории, которая обрывалась на орбите Плутона. Чингу даже не надо было уточнять направление. Это мог быть только Синюс 61.

Затем, в тот момент, когда ее форма еще различалась на экране, ракета неожиданно задрожала и как будто провалилась в пустоту...

И Братья остались в одиночестве, в бесконечном пространстве, среди тысячи звезд.

Но Роберт Чинг знал, что они больше не одиноки. И больше никогда не будут одиноки. Ведь мириады красных, голубых, желтых, белых точек, которые их окружали, больше не были просто холодными и равнодушными звездами. Отныне на Братьев были направлены взоры сотен тысяч цивилизаций, рассеянных в бесконечности пространства и времени.

Вселенная наконец-то приоткрыла свое лицо Человеку, и Роберт Чинг различал его очертания.

Это был лик Хаоса.

8

Одетый в простой комбинезон сотрудника Отдела Обслуживания Борис Джонсон прогуливался по зеленому скверу, расположенному прямо перед парадной лестницей Министерства Опек Меркурия.

Это было самое высокое здание, за исключением самого экологического купола. Фасад из белого пластика поднимался к прозрачному ультрафиолетовому куполу, который служил единственной защитой поселенцев от дыхания невероятно плотной и едкой атмосферы планеты. Покинуть это убежище значило обречь себя на немедленную смерть: Гегемония не могла придумать более совершенной тюрьмы для своих подданных. А сияющий диск совсем близкой звезды, почти что физическое присутствие которой чувствовалось несмотря на защитные свойства овального купола, постоянно стоял на горизонте, чтобы напомнить обитателям о ненадежности их пребывания на этой негостеприимной планете...

Сквер, по которому прогуливался Джонсон, свидетельствовал об определенных усилиях Гегемонии смягчить это неприятное чувство замкнутого пространства: был создан островок зелени площадью примерно 60 кв. метров, содержание которого обходилось довольно дорого. В центре возвышались два настоящих дуба, которые с невероятными трудностями доставили с Земли и содержание которых стоило огромных денег.

Эта буколическая иллюзия не была продиктована чисто эстетическим капризом архитектора: в опаловой клетке Гегемонии она была жизненно необходима с точки зрения психологии.

Вокруг Джонсона десятки Опекаемых бесцельно бродили по миниатюрному парку. Можно было подумать, что все те, кого в данное время не направляли на работу, назначили свидание именно здесь, чтобы хоть минуту забыть, что они попали в ловушку на самой негостеприимной планете Солнечной системы, если не считать гигантские газообразные...

Засунув руки в карман брюк, Джонсон погладил рукоятку пистолазера и капсулу с газом. Все шло как по маслу. В скверике находилось примерно триста Опекаемых, однако среди них растворились сто пятьдесят агентов Лиги, готовых рискнуть своей жизнью, с большой вероятностью потерять ее в любовой атаке на здание Министерства, чтобы вынудить Совет Гегемонии закрыться в Зале Заседаний, как это было предусмотрено планом...

А всего полчаса назад в толпе было на пятьдесят сторонников Лиги больше: это были те, кто выбрал верную смерть...

Обычная для данного типового проспекта лестница из пластомрамора, ведущая к входу в Министерство, была постоянно запружена толпой Опекаемых, направляющихся за пропусками, разрешениями на устройство на работу, удостоверениями на право проживания или за другими официальными документами, необходимыми для жизни в пределах Гегемонии.

Таким образом, пятьдесят агентов не испытали никаких трудностей, чтобы один за другим проникать в здание, смешавшись с толпой. Теперь наступила очередь Гильдера — одного из шестерки, которую Джонсон отобрал для штурма компрессорной.

В тот момент, когда бойцы, собранные в сквере, начнут штурм Министерства, снаружи пятьдесят добровольцев пожертвуют своими жизнями, вызвав огонь на себя смертоносных Лучей, расположенных в коридорах на подступу к Залу Заседаний.

Естественно, Джонсону абсолютно не нравилась идея послать пятидесяти человек на почти верную смерть. Поэтому он скрыл эту часть плана от тех, кто не участвовал в ней лично. Однако ставка была слишком большой, чтобы предаваться излишней шепетильности. Штурм снаружи был так явно заранее обречен на неудачу, что Совет и Стражники не должны были догадаться о его истинном назначении как средства отвлечения и успеть подготовиться к настоящему удару. Настоящим нападением для них должна была стать атака пятидесяти камикадзе изнутри. И будет слишком поздно, когда они поймут, что и на этот раз речь идет об отвлекающем маневре...

Пятьдесят человек должны были заплатить своими жизнями

за уничтожение Совета Гегемонии. Борис Джонсон испытывал смутное сожаление, но никакого чувства вины. Как и все, кто участвовал в этой операции, в число пятидесяти попали только добровольцы, полностью сознающие, что их ждет...

К тому же Джонсон не строил иллюзий насчет своей собственной судьбы. Он надеялся, что удастся проникнуть в компрессорную, пустить в трубопроводы смертоносный газ. А уж что будет потом...

Но игра стоила свеч. Гегемония будет обезглавлена одним ударом. Начнется хаос. Благодаря всеобщему замешательству, может быть, удастся ускользнуть от Стражников. Однако каждый из участников операции должен был считать себя условно мертвым. При этом наступало странное состояние свободы: в конце концов, когда-то приходится умирать и, если сказать себе, что этот день наступил, смерть начинает приобретать некоторый смысл...

А подумать о жизни можно будет после выполнения задания.

... Еще один агент Лиги поднимался по ступенькам.

Джонсон посмотрел на часы. Такое распределение по минутам было необходимо для удачи всей операции. Штурм Министерства должен был начаться через 27 минут. Через две минуты после этого пятьдесят бойцов, рассеянных по всему зданию, ворвутся в коридоры, ведущие в Зал Заседаний. В этот момент все Стражники будут заняты или отражением внешнего штурма, или защитой зала Заседаний.

И в этот момент Джонсон и шесть выбранных им агентов двинутся к компрессорной — абсолютно спокойно, избегая любых, даже самых незначительных Запрещенных деяний. У находящегося в компрессорной Джереми Дэйда будет несколько секунд, необходимых механизму пришедших в действие Лучей, чтобы испелить все вокруг...

Если оценить всю операцию в целом, то абсолютная синхронизация всех действий приобретала прямо-таки характер суровой необходимости. Единственная ошибка-минимальное опоздание — и весь план проваливался: Стражники могли запустить вручную все коридорные Лучи здания, если бы Опекун не сделал этого сам.

Джонсон снова посмотрел на часы. До часа X оставалось 25 минут. Он рассчитал, что ему понадобится 19 минут, чтобы добраться до двери компрессорной, не вызывая при этом особых подозрений. Что значило, что у него есть еще шесть минут...

По мере того как проходили эти минуты, — медленно, слыш-

ком медленно, казалось ему, Джонсон чувствовал, что возбуждение его возрастает. Чтобы план удался, нужно было следовать его пунктам с абсолютной точностью, а это зависело от стольких факторов, ведь столько людей принимало участие.

Еще три минуты...

Джонсон вытер вспотевшие ладони об одежду и почувствовал успокаивающий холодок от рукоятки пистолазера у бедра.

Одна минута.

Джонсон поднял голову и взглянул вверх, на купол из прозрачного пластика там, далеко, увидел солнечный свет, с трудом проникающий через него, и сказал себе, что у него пожалуй, мало шансов снова однажды увидеть его.

Ноль!

Он вышел из сквера прогулочным шагом, пересек площадь и начал подниматься по широким ступенькам, ведущим к входу в Министерство Опеси... Стараясь идти в таком же темпе, как дюжина Опекаемых рядом с ним, он постарался затеряться среди них.

Два Стражника стояли по обе стороны монументального подъезда, ошупывая подозрительным взглядом каждого входящего. Джонсон даже задержал дыхание, проходя между этими двумя колоссами: проверка его документов на этой стадии операции уже нарушила бы так тщательно составленное расписание...

Однако Стражники ошупали его все тем же равнодушным взглядом, как будто это был неодушевленный предмет, и на этот раз Джонсон благословил их высокомерное безразличие.

Теперь он находился в просторном главном холле. Лифт находился рядом. Над ним висело объявление: «Только для персонала». Сверху виднелось устройство — Глаза с Лучом, которое пристально следило за ним. Такими устройствами были усыпаны все четыре стены холла на расстоянии примерно три метра одно от другого. Ему нужно было во что бы то ни стало взглянуть на часы, но этот жест должен был выглядеть вполне естественно.

Он поднял руку, чтобы почесать нос, и воспользовался этим, чтобы бросить взгляд на экранчик. Без шестнадцати X. Пока он укладывался.

И он медленно направился к широченной лестнице, видневшейся в глубине холла. На это отводилось две минуты. Навстречу ему попадались Стражники, шедшие к лифтам, Опекаемые, направлявшиеся к выходу, двое рабочих Отдела Обслуживания, ко-

торым он машинально кивнул. Наконец он остановился у подножия эскалатора.

Какое-то мгновение он колебался, прежде чем вступить на него, спрашивая себя, стоит ли еще раз посмотреть на часы. Бросив беглый взгляд на Глаз и Луч, расположенные прямо над ним на потолке, он решил, что благоразумнее будет этого не делать.

Предположив, что сейчас без четырнадцати X, он вступил на движущуюся ленту эскалатора. Теперь от компрессорной его отделяло четыре этажа. Он решил, что подъем займет восемь минут.

Путь вверх показался ему невероятно долгим, значительно более долгим, чем он мог предположить. На каждом промежуточном пролете его охватывало дикое желание посмотреть на часы, но вездесущие Глаза и Лучи быстро его в этом разубеждали...

Наконец он добрался до четвертого этажа. Теперь ему нельзя было медлить. Он бросил взгляд в сторону открывшегося перед ним коридора, придав свосму лицу испуганное выражение, как это могло быть у заурядного Опекаемого, обеспокоенного тем, что он опаздывает на официальный прием, и быстро посмотрел на часы. Со стены на против на него уставился Глаз. Однако, по всей вероятности, ЭВМ не обнаружила ничего подозрительного. Джонсон вздохнул с облегчением, констатируя, что он еще жив.

Без пяти X. Это означало, что у него немногим более пяти минут, чтобы добраться до двери компрессорной. А в данном случае преждевременный приход был несколько не лучше, чем опоздание.

И он пошел вперед по длинному коридору с пронумерованными дверьми с неизбежными Глазами и Лучами на каждом шагу, повторяя в памяти маршрут: до конца коридора прямо, потом направо, опять прямо до конца, повернуть налево, пройти еще пятьдесят метров, чтобы оказаться у входа в компрессорную...

Шел он медленно, постоянно ощущая тяжелые взгляды Глаз на своем затылке и думал, что они могли обнаружить сквозь одежду наличие пистолазера и ампулы с газом, и что в любой момент любой встречный Глаз может прийти в действие. Еще он говорил себе, что идет слишком медленно, что его походка подозрительна... В то же время он в оправдание убеждал себя, что слишком долгое ожидание у двери компрессорной может стать фатальным...

Какой-то встречный Стражник пристально посмотрел на него, двое рабочих Обслуживания обменялись с ним традиционным кивком... И вот он на месте встречи.

Боковым зрением он заметил Гильдсера, приближавшегося по

поперечному коридору. Метрах в десяти за ним следовал Ионас, еще один агент Лиги. Он постарался не обмениваться с ними никакими взглядами и знаками и пошел дальше, не меняя походки. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в том, что Гильдер и Ионас следуют за ним в направлении компрессорной.

Теперь он подошел к перекрестку в виде буквы Т. Правая ветвь была явно более посещасма. Десятки Стражников, а так же Опекаемых бродили взад и вперед. Прекрасно! В этой толпе их группу будет не так легко обнаружить. А вот... В самом деле, это был Райт — метрах в двенадцати впереди. Дуги их начали скрещиваться, как это и было предусмотрено.

Слегка ускорив шаг, Джонсон перед следующим перекрестком начал сокращать расстояние так, чтобы Райт опережал его уже не более, чем на восемь метров. В тот момент, когда Райт поворачивал налево, Джонсон бросил быстрый взгляд на часы — было без трех минут X.

Дойдя в свою очередь до перекрестка, он увидел, что между Гильдером и Ионасом было теперь не менее шести метров. Гильдер, который пришел первым, теперь находился менее, чем в восьми метрах позади Джонсона. Отлично! Все шло как по маслу!

Он задержал взгляд на стенах длинного коридора и увидел вечные Глаза и Лучи, расположенные регулярно через каждые три метра между дверьми белого цвета. Метрах в тридцати от него можно было различить темного цвета дверь, на которой по всей видимости, должно было висеть табло с надписью «Только для персонала». И прямо над ней опять Глаз и Луч. Это был вход в компрессорную.

А еще дальше, в противоположном конце коридора, появились и направились в сторону Джонсона два человека: Паульсон и Смит. А вот появился и Людовик — метрах в пяти позади Смита. Прекрасно! Ну просто здорово!

Джонсон еще больше ускорил шаг, в то время как Райт замедлил свой. Таким образом Райт, Паульсон, Смит, Людовик и сам он должны были оказаться у бронированной двери в одно и то же время, и в тот же момент должны были их догнать Гильдер и Ионас...

В эти минуты агенты, рассеявшиеся в сквере пересекали площадь, чтобы начать штурм Министерства.

Джонсон представлял себе это так ясно, как будто сцена разворачивалась прямо перед его глазами: неожиданный и жестокий натиск сквозь толпу обезумевших Опекаемых. Сто пятьдесят аген-

тов Лиги, подбегающих к нижним ступеням лестницы, падающих, открывающих адский огонь из своих пистолазеров, избегающих по лестнице, не встречая сопротивления на первых порах, пока Стражники не появятся у подъезда Министерства...

А потом беспощадная схватка, почерневшие тела у подножия лестницы, крики ужаса растерянных Опекаемых, и воздух, как это обычно бывает, наполненный сладковатым и тошнотворным запахом сгоревшей плоти...

А там, наверху, зал Заседаний — поспешно замурованный, перекрытый на автономное питание всеми видами энергии и кислородом. А в совсем близкой компрессорной запускаются механизмы, нагнетающие в трубопроводы этот самый спасительный кислород, который через несколько секунд или минут не принесет ничего, кроме смерти.

В самом деле, теперь это было делом нескольких минут: Райт почти остановился в метрах пяти впереди него, а Смит, Паульсон и Людовик дошли до самой двери, тогда как шаги Гильдера и Ионаса приближались, и второй штурм был должен вот-вот начаться...

Джонсону казалось, что он видит теперь и тех пятьдесят человек, бросившихся в коридоры возле Зала Заседаний. Он даже как будто ощущал те десятки Лучей, которые своей смертоносной радиацией превращали эти коридоры в преддверие смерти. И люди падали один за другим, отдав свою жизнь за дело торжества Демократии...

Все семь членов штурмовой группы собрались теперь у двери компрессорной. Джонсон с замиранием сердца представил себе картину, которую Глаз над ними передал Опекуну, запрятанному в недрах Министерства...

Он выхватил пистолазер, заметил, что остальные последовали его примеру. Затем он услышал стук от падения на пол колпачков, которые прикрывали отверстия Лучей... Он увидел, как колпачок над дверью тоже соскочил, и клубы густого белого дыма, а с ним и смертоносная и невидимая радиация, начали распространяться по коридору...

Владимир Кустов обвел довольным взглядом Зал Заседаний, белую обшивку его стен, которые скрывали тридцатисантиметровый слой свинца, решетки из закаленного железа на входных дверях, телеэкран на столе орехового дерева прямо перед ним, переговорное устройство с автономным питанием, серебристо-серые резервуары с кислородом в глубине помещения. Кустов презри-

тельно усмехнулся, заметив напряженные лица Советников, безразличное выражение лица Константина Горова, похожее сейчас на застывшую маску робота, волнение этого дурачка Торренса, который не расставался с графином бурбона, стоявшим на серебряном блюде в центре стола...

И главный Координатор больше не стал сдерживать смех, налил себе рюмку водки, которую он начал медленно смаковать, чтобы как следует ощутить ее вкус.

— Извини, Владимир, но до меня не очень же доходит комизм ситуации, — пробормотал Торренс, опустошив залпом свой стакан. — Мы обнаружили десятки агентов Лиги на подступах к Министерству. Они несомненно вооружены. А другие уже пробрались в само Министерство: весь этаж буквально кишит ими. Твой план может быть очень тонок, но я что-то пока не нахожу в нем ничего стоящего...

«Вот ведь трус какой! — выругался про себя Кустов.

И даже хуже, чем трус. Торренс-это настоящий анахронизм, человек, который значительно больше подошел бы для жизни в ту ужасную эпоху, которая предшествовала Царству Гегемонии, в эпоху, когда человечество было разделено на сотни наций, которые думали только о том, как бы перегрызть друг другу глотку. Вот его стихия. Его понял бы любой слабоумный: если Джек выбрал Порядок, то только потому, что в наше время это единственный путь к власти. Он так и не узнал, что такое Порядок. Если бы это было не так, он уже давно убедился бы в тщетности своих низких замыслов. И он также не понимает всей бессмысленности и обреченности попыток Лиги, потому что в глубине души он сам не верит в то, что мы контролируем абсолютно все. Он, несомненно, не верит и в то, что возможен всеобщий Порядок. Ведь если бы он верил, то не растрачивал бы столько времени на бессмысленные и коварные интриги. Если бы он действительно понял, что такое Гегемония, до него дошло бы, что все (и все, от Стражников до Опекаемых) играет против него, в мою пользу».

... Служить Порядку, обеспечивая мир и благосостояние. Владимир Кустов в то же время служил своим общественным интересам — и это было неизбежно. Ведь вся Гегемония, от планеты Земля до самого презренного Опекаемого, воплощала абсолютный и незыблемый Порядок, и именно он, Кустов, находился в центре всего этого. Он служил Порядку, а Порядок вознаграждал его за это. И казался он самым лучшим в мире порядком вещей и

нужно было нечто значительно более мощное, чем Торренс, чтобы изменить его...

Поэтому он довольно спокойно отвечал на замечание Торренса:

— В моем плане нет абсолютно никаких неувязок. Стражники готовы встретить агентов Лиги как полагается, хоть эти агенты в сквере и притворяются, что они — это не они, и я могу гарантировать, что ни одному из них не удастся добраться до входа в Министерство. К тому же абсолютно непонятно, зачем им атаковать здание, буквально начиненное Стражниками, Глазами и Лучами?

— Именно это и беспокоит меня больше всего, — сказал Торренс, опустошая свой стакан, чтобы тотчас же наполнить его снова. — Даже Джонсон не такой дурак, чтобы не понимать, что у них нет ни малейшего шанса. Это может быть только отвлекающим маневром. Меня больше беспокоят другие, те, которые уже пробрались в здание. Что же они замышляют на самом деле? Или ты рассчитываешь на какие-то колдовские чары, Владимир? Мы знаем, что в здании их по меньшей мере сорок. И среди них немало руководителей этой организации. Так чего же мы ждем? Не лучше ли спустить на них все лучи этой проклятой коробки — и абсолютно успокоиться?!

— Ты разочаровываешь меня, Джек. Я не понимаю, как с твоим вкусом к подобным, скажем, изощренным планам ты не можешь постигнуть призрачные намерения мистера Джонсона. Штурм здания снаружи должен, видимо, убедить нас в том, что настоящее нападение состоится внутри. Но не подлежит сомнению, что Джонсон должен отдавать себе отчет в том, что его агенты, проникшие в здание, тоже почти ничего не могут сделать. Штурмовать Зал Заседаний? Как только прозвучит тревога, мы тотчас же переходим на автономное обеспечение, и окружающие коридоры будут буквально затоплены смертоносными лучами. А в Зале мы будем в абсолютной безопасности, даже если в здании не останется ни одного Стражника. И Джонсон прекрасно понимает все это. Поэтому перед нами двойная хитрость: обе группы являются приманкой.

— Ну и что? — перебил его Торренс. — Какого дьявола нам еще надо? Приманки это или нет, нужно просто ликвидировать их всех!

— А все дело в том, — отвечал Кустов, — что есть возможность заловить более крутую дичь. Я имею в виду лично Джон-

сона — и именно живьем. Нам, несомненно, предстоит многое узнать, если мы применим... э-э-э... особые методы дознания. Надо полностью нейтрализовать Лигу, но это еще не все. У меня есть желание узнать, что же толкает людей на такие глубокие заблуждения, чтобы понять их и принять соответствующие меры для предупреждения подобных ситуаций. Всеобщая Гегемония не за горами. Мы уже контролируем все окружающее. Следующим шагом будет начало контроля над наследственностью. У меня есть надежда, что противоречия между генетической наследственностью Джонсона и его мыслительной деятельностью предоставит нам ценные сведения об этом. Как только «вирус возмущения» будет найден и препарирован, будет легко искоренить его. И тогда Царство Порядка будет действительно всеобщим! — Торренс презрительно усмехнулся:

— Ты говоришь о Порядке и о том, как поддержать его, но что же ты делаешь? В данный момент наша жизнь является ставкой, а ты пребываешь в полной уверенности, что сможешь опровергнуть «доводы» Джонсона. Почему ты так уверен в успехе? Что ты можешь поделать с тем, что Джонсон назвал бы фактором Случайности? — Горов счел необходимым вмешаться:

— И он не так уж не прав. Рассматривая твой план со всех сторон, Владимир, приходишь к выводу, что он должен увенчаться успехом. Тем не менее в нем есть слабое место: а если Джонсон думает так, как ты не предполагаешь?

Кустов не смог сдержать улыбку, полную сострадания. Все они идиоты! Даже Горов, который, однако...

— Я сейчас продемонстрирую все на пальцах, если только вас это в чем-нибудь убедит. Посмотрите на этот экран. Я думаю, что даже наш друг Торренс должен поверить своим глазам.

Торренс скривился, однако занял место позади Кустова, держа в руке неизбежный стакан. Остальные Советники поворчали, но тоже последовали его примеру и повернулись к экрану.

— Этот аппарат соединен с Опекуном: у нас есть возможность увидеть то, что видит в то же время каждый из Глаз, находящихся в здании, — прокомментировал Кустов.

Он повернул переключатель, нажал одну из многочисленных кнопок на пульте. Экран засветился, и на нем появилось изображение сквера перед зданием Министерства.

— Итак, перед вами люди Джонсона, которые пойдут сейчас штурмом снаружи. Прекрасно замаскированные в безликой массе Опекаемых — как они думают. Но они недооценили уровень запо-

минающего устройства Опекуна. Многие из них фигурируют в списке Врагов Гегемонии — с фотографиями под различными ракурсами. Как только они начнут...

Кустов нажал на другую кнопку, и экран перенес присутствующих в один из коридоров.

— Эти агенты... (изображение другого коридора). И вот эти... (еще один коридор), и еще вот те... Вот люди, которые пойдут во вторую отвлекающую атаку на Зал Заседаний. И именно, это пожалуй и будет тот самый момент, который выберет мистер Джонсон, чтобы...

Кустов нажал еще одну кнопку, и на экране появилось изображение двери компрессорной с пространством коридора прямо перед ней — направо и налево. И тут Советники вскочили в едином порыве изумления и ужаса: Борис Джонсон собственной персоной появился в зоне видимости Глаза, который передавал в этот момент изображение.

— Луч! Луч! — завопил Торренс. — Вот он! Чего же мы ждем?

— Я же тебе уже объяснял, — возразил спокойно Кустов, — что он мне нужен живым... Смотрите внимательно: вот другие агенты Лиги, которые направляются к компрессорной. Видишь, Джск, я не ошибся утверждая, что мысли Джонсона для меня как открытая книга. Два никому не нужных нападения, чтобы отвлечь, а решающий удар по компрессорной. А как просто: закрываемся в Зале Заседаний и Джонсону только и остается пустить немного смертоносного газа в воздухопроводы. Вполне можно было бы отдать дань уважения человеческой храбрости, если бы в ее основе не было явно заметно отсутствие мысли. Ведь он слепо верит Дэйду — своему агенту, внедренному туда — который и должен открыть дверь до того, как смертельная радиация Лучей достигнет фатального уровня.

— Понятно, а ты уже нейтрализовал этого самого Дэйда... — проговорил Кордона задумчиво.

— Совсем нет, — отвечал Кустов. — Дэйл откроет дверь как это было предусмотрено, чтобы Джонсон окончательно попался.

Кустов нажал другую кнопку, и на экране снова появилось изображение сквера.

— Теперь нам остается ждать, — сказал он.

В течение нескольких секунд ничего не происходило. Затем, абсолютно неожиданно, из мирной толпы вырвалась бешеная человеческая волна, которая бросилась на приступ вверх по лестнице. Кустов осклабился.

— Ну вот, капкан сейчас захлопнется.—Он повернул переключатель на пульте управления.—Теперь мы полностью зависим от воздухопровода из компрессорной, как и хотелось мистеру Джонсону. Мы в его руках. А теперь вот что. (Он быстро встал и подошел к резервуарам, уложенным в глубине комнаты, повернул кран одного из них). У нас есть абсолютно автономный запас воздуха на два часа. И теперь мы можем предоставить мистера Джонсона его счастливой судьбе.

В то время, как Лучи продолжали свое черное дело в коридоре, Борис Джонсон держа наготове свой пистолазер, с возрастающей тревогой спрашивал себя, что же происходит за свинцовой дверью. По идее Дэйд уже несколько секунд назад должен был сказать одному из Стражников, что он услышал странный шум в коридоре, как будто кто-то пытается открыть дверь. Стражник должен был выругаться и заворчать, тем не менее обязан был среагировать и пойти проверять. Каждую минуту, каждую секунду дверь могла открыться. Если она не откроется...

И тут тяжелая дверь начала медленно открываться. Просвет становился все шире. И, как только появилась возможность, Джонсон просунул туда ногу, чтобы заблокировать дверь.

Из-за нее послышалось ругательство. Кто-то потянул ее на себя, чтобы снова закрыть. И тут Джонсон и его четверка бросились вперед.

Дверь распахнулась. За ней оказался Стражник, который с ошеломленным видом полетел на пол, пытаясь тем не менее поднять вверх свой автолазер. Прежде чем он успел это сделать, Джонсон и его четверо спутников открыли по нему перекрестный огонь. И в тот момент, когда сожженное тело превратилось в пепел, дело было сделано. Райт, который входил последним, захлопнул дверь. «Спасены!» — подумал Джонсон.

На месте и живы!

Он вздохнул с облегчением и быстро осмотрел комнату и оцепенел. Вдали у стены виднелись компрессорные установки и пульты управления. Пять человек в форме служащих застыло с ошарашенным видом. Один из них, невысокого роста, с нервным лицом, сохранивший выдержку, несмотря ни на что, должно быть и был тем самым Дэйдом. Между дверью и механизмами пространство было превращено в склад. Тут стояли штабеля цехов, лежали запасные части и прочее.

А между компрессорными установками и ящиками укрылись пятеро Стражников. Когда дверь захлопнулась, они вскочили, вскидывая одним и тем же заученным движением свои автолазеры, и какую-то долю секунды Стражники Гегемонии и Агенты Лиги в растерянности, но злобно, в упор смотрели друг на друга.

Джонсон опомнился первым и, выстрелив почти не целясь, бросился на пол. Один Стражник застонал и рухнул, тогда как Джонсон тотчас спрятался за ближайшим металлическим ящиком, а остальные агенты последовали его примеру. Однако сзади раздался сдавленный крик. Джонсон обернулся и увидел Гильдера, который медленно падал с почерневшей правой рукой и плечом...

Все остальные успели укрыться за импровизированной баррикадой из ящиков, после чего они тут же открыли огонь по застигнутым врасплох Стражникам. Два луча сразу попали еще в одного дикого зверя, который рухнул с жалобным стоном.

Однако три оставшихся Стражника, укрывшись с другой стороны за ящиками, открыли бешеный ответный огонь, чтобы задержать продвижение атакующих. Джонсон увидел, как луч расплавил угол ящика, за которым он укрывался, и почувствовал, что металл обжигает ему щеку.

В этот момент раздался еще один душераздирающий крик: Людовик, как дикий зверь, неожиданно перепрыгнул через баррикаду и бросился на Стражников. Раненый в левое плечо, он рухнул, но в падении успел нажать на спуск и попал одному из Стражников прямо в лицо. У того голова разлетелась прямо на куски, и густая пелена из черного и едкого дыма покрыла поле боя... Воспользовавшись этим, Ионас подкрался поближе и свалил еще одного. Однако, падая, тот успел выстрелить в Ионаса, и сразу две обугленные головы покатались по полу, покрытому кровавым ковром...

Тогда Джонсон выскочил из своего укрытия и прикончил последнего, который уже не сопротивлялся. Раздался последний вопль, затем наступила тишина.

Джонсон тут же устремился к компрессорам. Оставшиеся в живых поспешили за ним.

Пятеро служащих с опаской следили за ворвавшимися к ним злодеями. Джереми Дэйд с радостным возгласом отделился от группы:

— Прекрасная работа! Мы победили!

Спешивший Джонсон повернулся к группе напуганных работников:

— Стойте на месте — и вам не сделают ничего плохого. Лишнее слово или движение — и вы погибли.—Затем повернувшись к Дейду.— Где трубопровод Зала Заседаний?

Дэйд кивнул и молча повел его к компрессорам.

— Вот этот, — сказал он, указывая на тонкую трубку, которая уходила в потолок.

Джонсон вынул из кармана ампулу с газом.

— Как это делается..?

Дэйд указал на воздухозаборник на лицевой части компрессора:

— Сюда всасывается воздух. Ты бросаешь ампулу, я закрываю, а автоматика сделает все остальное.

Джонсон отбил кончик ампулы и вставил ее в заборник. Газ мгновенно исчез. Дэйд нажал кнопку и герметическая заслонка плотно прикрыла заборник.

— Готово — воскликнул Джонсон. — Весь Совет Гегемонии уничтожен!

— Наконец-то! — воскликнул Райт. — Мы их...

— Эй! — послышался голос Смита. — Смотрите!

... Толстая свинцовая обшивка в середине двери меняла свою окраску, становилась вишнево-красной...

— Это Стражники! — крикнул Паульсон. — Они быстро с этим справятся!

Джонсон почувствовал, что его тошнит. Уже давно он знал, что это кончится именно так. Но уж слишком глупо было умереть после полной победы. Им овладело яростное желание жить.

Дверь продолжала раскаляться. В помещении становилось нестерпимо жарко. Какая-то смутная мысль не давала Джонсону покоя. Мысль, на которой он не мог сосредоточиться...

— Ну конечно! — вдруг воскликнул он.

Это было так ясно: если Стражники заняли коридор, значит уровень радиации снаружи больше не был опасен...

— Приготовьтесь! — приказал он своим людям: — Если нам удастся пробиться, мы, может быть, сумеем выбраться!

Опекаемым было приказано укрыться за ящиками. Джонсон устроился за кучей запасных труб и приготовился к стрельбе. Дэйд позаимствовал пистолазер у одного из убитых Стражников и присоединился к уцелевшим членам команды.

«Они перестреляют нас как уток, — подумал Джонсон. — Как только дверь рухнет — залп. Можно продержаться довольно долго, и, если перебить их достаточно по мере того, как они будут появ-

ляться, есть небольшой шанс добраться до выхода, прокладывая себе дорогу силой...»

Джонсон, конечно же, сам себе не верил. Но, если уж смерть, то в бою. Отправить на тот свет как можно больше Стражников. Десять, двадцать, сто — какая разница! Во всяком случае Гегемония запомнит этот день. А, может быть, у некоторых Опскаемых после этого возникнет мысль, что...

Дверь все больше прогибалась. Металл как будто вздохнул, петли лопнули, и в потоках раскаленного свинца дверь рухнула...

Джонсон и его люди инстинктивно нажали на спуск своих пистолазеров и открыли яростный огонь. Однако лучи вонзились в пустоту: никто не появился в дверном проеме...

Потом прямо с порога забили фонтанчики красноватого дыма, которые быстро превратились в густое облако, начавшее постепенно заполнять помещение.

Джонсон и его товарищи отступили в глубину компрессорной. Однако объем воздуха пригодного для дыхания, непреодолимо сокращался, съедаемый красным газом.

Прижатый к установке компрессора, Джонсон почувствовал, что металлические выступы впиваются ему в спину, а газ уже полностью заполнил помещение...

Затем красный туман окутал его, ослепил. Он задержал дыхание на сколько смог, так что у него чуть было не разорвались легкие. Однако рефлексы оказались сильнее...

Углекислый газ вырвался из его страдающих легких. А его место занял газ, проникший через ноздри в легкие, желудок и в кровь...

Он почувствовал, как будто тонет в необъятной водной трясине. Он еще боролся несколько секунд, затем последние остатки воли покинули его, и он превратился в ничтожную частичку пустоты, которая удалялась в вечность. Небытие.

9

... Какой-то разноцветный круговорот в темной пустоте... Какой-то просвет в небытие — едва ли менее глубокий, чем вся эта трясина, которая засосала его...

Затем осязательные ощущения: какая-то твердая поверхность под ягодицами, за спиной... Его тело... сидело. Стул...

И непомерная радость охватила Бориса Джонсона: жив! Он был жив!

Мало-помалу зрение у него прояснилось, и он начал различать нечто похожее на белый шар, который парил над ним — шар с длинными черными волосами... И шар этот улыбался...

И неожиданно Борис Джонсон почувствовал, что все его существо сжимается и леденеет, так как он узнал улыбающееся в нескольких сантиметрах от его головы лицо.

— Счастлив познакомиться с вами, мистер Джонсон, — сказал Владимир Кустов.

— Живы... вы все еще живы! — пробормотал потрясенный Джонсон.

Он обвел ошеломленным взглядом окружавшую его действительность. Массивный стол орехового дерева, людей вокруг него... Горова, Торренса, Совет Гегемонии в полном составе, Совет, который рассматривал его, изучал, как будто препарировал его взглядом, как это сделал бы энтомолог с малоизвестным ему насекомым... И все они были абсолютно целы и невредимы, абсолютно целы! Его опять постигла неудача! Заговор потерпел провал по всем статьям. Но почему? Почему?

Кустов добродушно рассмеялся:

— Мне кажется, что вы несколько озадачены, мистер Джонсон. Вы, несомненно, уже были уверены, что все мы перешли в мир иной. И, когда газ сморил вас, вы тоже думали, что отправляетесь вслед за нами. Что ж, как вы теперь видите, это было всего лишь безобидное снотворное. Такое же безобидное, как ваша безумная попытка. И вот все мы с вами живы и здоровы. Признайтесь, что вам в какой-то мере даже приятно, что вы увидели хотя бы нас после всего, что пережили...

— Но каким образом...? Смертоносный газ... — пробормотал Джонсон в отчаянье. — Это просто невозможно... вы должны были...

Кустов принял еще более добродушный вид:

— Что же, даже и такой человек, как вы, приходит к тому, что начинает верить своим органам. Вы верно заметили, что мы абсолютно живы. Вас подвело ваше глупое самомнение. Вы возомнили, что нам не удастся раскрыть одного из ваших агентов, внедренного в наше слабое звено — в компрессорную. Это одна из самых банальных психологических особенностей личности: обычно верят в то, во что хотят верить. И вы бросились, замурив глаза, в расставленную ловушку. Мы дали вам возможность выполнить ваш план, предприняв только одну дополнительную меру — установили в зале Заседаний автономный источник воздуха. А остальное вам известно...

Джонсон был абсолютно уничтожен. Он вел себя как идиот, как последний идиот от начала до конца. Гегемония не переставала все это время водить его за нос!

— Что же вы не прикажете убить меня, Кустов? — проговорил он с выражением бесконечной усталости. — В ваши намерения не входит, я думаю, пощадить меня?

Координатор посмотрел на него с явным интересом.

— Вы являетесь слишком наглядной иллюстрацией к интересующему нас случаю, чтобы я мог просто уничтожить вас. Я ведь вас не заставляю и хочу понять. Демократическая Лига принадлежит теперь прошлому, вы отдаете себе в этом отчет?

Против своей воли, несмотря на всю свою ненависть к Кустову и ко всему, что он воплощал, Борис Джонсон кивнул головой. Все кончено, все потеряно для него и для Лиги. Однако, в конце концов разве это так уж важно? Разве был у них хоть малейший шанс одержать победу? Всего лишь горсточка людей, противостоящих правительству, которое контролирует каждый квадратный сантиметр Солнечной системы, каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка, которые на ней проживают? И он вдруг ощутил всю тщетность своих надежд и замыслов. И как только он осмелился пуститься на подобную авантюру?! Как мог он верить хотя бы секунду, что можно свергнуть Гегемонию с ее Стражниками, ее Опскунами, ее неистощимыми и бесконечными возможностями?..

— Я с удовольствием констатирую, что мы, по крайней мере, согласны по одному вопросу, — продолжал Кустов. — С Лигой покончено. Ваша организация никогда не казалась нам представляющей серьезную опасность, но я признаю, что вы дали нам некоторые основания для беспокойства. Нас это тревожило. А нашей задачей является слежка за тем, чтобы подобные инциденты не могли возобновиться в Гегемонии Земли. По этой причине мы и нейтрализовали вас. Единственное, что я хотел знать, так это причину, которая может толкнуть человека на участие в движении подобного рода, целью которого является свержение существующего строя Гегемонии. Я хочу обнажить корни этого странного психоза. Ну зачем, Джонсон, зачем все это? Я хочу только услышать ваши объяснения. На что вы надеялись?

Джонсон смотрел на Координатора с абсолютным недоумением. Зачем? Но все предельно ясно. По-другому и быть не могло. Потому что человеческой природе свойственно отвергать Тиранию. Даже такой вот Кустов был способен понять это.

— Но... уничтожение Гегемонии, естественно! — проворчал он. — Конец тирании! Освобождение человечества! — Кустов вздохнул и покачал головой.

— Уничтожение Гегемонии... Но зачем? Чем вы могли заменить ее?

Кустов снова недоверчиво покачал головой:

— Но зачем?! В чем можете вы упрекнуть Гегемонию? Разве не положен конец всем этим войнам, которые разоряли Землю в Век Религий и Наций? Порядок, установленный Гегемонией, впервые в истории человечества принес настоящий мир. Видите вы людей, умирающих с голода? Видите вы эпидемии, которые обрушиваются на Опекаемых? Нет! Никогда еще здоровье и процветание населения не были на таком высоком уровне. Нет бедняков, нет отбросов общества. У этих слов теперь только исторический смысл. Мир, изобилие, благоденствие — всеобщее удовлетворение Вам известно лучше, чем кому бы то ни было, что Опекаемым нравится Гегемония. Сколько человек вступили в вашу организацию за десять лет ее существования? Кого привлекли вы? Горстку невротиков и тупоумных! А скоро вообще исчезнут неврозы и безумие. Они тоже будут побеждены. Мы на пороге осуществления Утопии! Через несколько лет Порядок будет всеобщим! Солнечная система превратится в рай — не на год, век или тысячелетия, а навечно, навсегда, пока жив человек! Как же какие-то людишки, даже если они безумны, могут желать разрушения всего этого?! Мы дали человеку все, чего он хотел. Что же ему еще надо?!

Несмотря на всю свою невероятную усталость, несмотря на чувство полнейшей опустошенности, тщетности, которые охватили все его существо, Джонсон удивился, что какие-то слова еще могут трогать его, возмущать. Ведь Кустов действительно верил тому, что говорил! Он был полностью и слепо в этом убежден! Он не считал себя тираном и был в этом абсолютно искренен! Это был триумф тирании, само ее воплощение: сам деспот превратился в пленника системы. Он не был даже способен вообразить что-нибудь другое...

— Все с вами ясно, Кустов, — отвечал он. — А вы когда-нибудь слышали о свободе?

Это слово не слишком взволновало Кустова.

— Да, несомненно. Но разве это не просто звук? Свобода от болезней, от бедности, от войн — мы добились всего этого. Если только вам нужна свобода умирать от голода, убивать, воевать,

быть несчастным... Что же такое свобода? Слово, лишенное смысла, термин, потерявший всякое значение! Как же можно быть настолько безумным, чтобы посвятить свою жизнь слову!

— Нет, это не только слово, — прошептал почти бессознательно Джонсон. — Это... Это...

— Ну и? — продолжал Кустов. — Что же? Простите меня, потому что у вас такой вид, будто вы знаете. А может быть, вы и сами не в курсе?

— Это... Демократия, это когда у людей такое правительство, какое они хотят, это когда большинство решает...

— Но у людей уже есть такое правительство! — воскликнул Кустов. — Они хотят Гегемонию. Опекаемые счастливы. (Он бросил взгляд в сторону Торренса, который следил за этим диалогом с саркастической гримасой). Если только вы не хотите прибрать к рукам право решать — как некоторые из присутствующих здесь, которых я не буду называть? Уверены вы, Джонсон, в том, что это совсем не так?

Речи Владимира Кустова открывали перед ним огромную бездну. Никогда еще никто не спрашивал его о мотивах, заставлявших его бороться с Гегемонией. О личных мотивах. Он знал, что Лига и Демократия были воплощением добра, безраздельное господство Гегемонии — воплощением зла. И он всегда знал это, и этой уверенностью было всегда проникнуто все его существо...

Но неизвестно, каким бы он был, если бы смог хоть сколько-нибудь разобраться и привести хоть какое-то обоснование этой уверенности. Неужели он жил до сих пор в плену великой лжи? А если Кустов прав? Если он, Борис Джонсон, посвятил свою жизнь химере?

Но зачем? Зачем? Зачем?

Повернувшись лицом к ослепляющему свечению Меркурия, Аркадий Дунтов отрегулировал защитный экран шлема своего скафандра. Жара уже начала чувствоваться — специально сконструированный скафандр мог защитить человека только в течение четырех часов от ужасной температуры на освещенной стороне планеты.

Но четырех часов вполне должно было хватить.

Он обернулся, чтобы посмотреть, что творится у него за спиной. Десять человек спряталось в тени корабля. Все они были, как и Аркадий запакованы в свои скафандры с непроницаемыми

для взгляда снаружи экранами шлемов. Каждый был вооружен пистолазером, а двое несли на спине рюкзаки с боеприпасами и взрывчаткой. Дунтов махнул рукой и они приблизились, неловко передвигаясь по сильно пересеченной местности. Было приказано соблюдать полнейшее молчание по радио до момента предъявления ультиматума. Задание было сто раз проработано до мельчайших подробностей, и каждый точно знал, что ему надлежит делать в каждый следующий момент.

Поверхность планеты состояла только из разрушенных обрывистых скал, из гигантских валунов — плодов деятельности ионизированных газов разреженной атмосферы. Земля была буквально усеяна миллионами каменистых обломков интенсивно разрушающихся скал, что было также вызвано резкими перепадами температур при ужасной дневной жаре и сильном ночном похолодании. Предательские пропасти, заполненные порошкообразной массой, чередовались с лужами свинца, расплавленного жаром близлежащей звезды. И человек, который случайно взглянул бы на нее прямо, тотчас же сжег бы сетчатку глаз, несмотря на максимальную поляризацию экрана своего шлема...

Возглавив группу, Дунтов направился в узкий проход между двумя скалистыми стенами, старательно обходя лужи свинца у входа. А температура в скафандрах продолжала повышаться, становиться непереносимой...

Бесспорно поверхность Меркурия была самой труднопроходимой, из всех планет Солнечной системы, если не считать гигантские газообразные... Но в то же время это было залогом успеха операции.

Каньон переходил в гигантский котлован, образовавшийся в результате падения огромного болида.

В центре этого котлована, окруженного эрратическими валунами, впадинами с расплавленным свинцом, среди миллионов скалистых обломков, выделялось похожее на жемчужину в куче отбросов, гигантское полушарие экологического купола — настоящий вызов человека этому аду, который сам был вызовом всему живому.

Однако вызов аду был довольно робким...

Купол был оборудован двумя люками. Основным, который находился с другой стороны и предназначался для связи с мини-аэродромом, и запасным, который Дунтов в этот момент заметил прямо перед собой. Люк этот, однако, был почти что бесполезен, так как в случае повреждения купола всем его

обитателям грозила верная смерть. Скорей всего этот второй люк предназначался на тот случай, если первый по какой-либо причине вышел бы из строя.

Оба выхода, естественно, охранялись. В своей мелочности Гегемония не упустила ни одной такой возможности, как бы бесполезно это ни было. Однако охрана здесь была немногочисленна.

Дунтов снова махнул рукой своим людям, которые тотчас же разделились на две группы: семеро должны были обойти купол и выйти к основному люку, а трое оставшихся во главе с Дунтовым направились к запасному.

Метрах в тридцати от люка Дунтов остановил своих людей и жестом приказал им спрятаться за близлежащими нагромождениями скал. Последовав их примеру, он тотчас же осторожно выглянул, чтобы оценить ситуацию. К собственно входу вел туннель полуцилиндрической формы, похожий в какой-то мере на «иглу» эскимосов. В глубине туннеля стояли два Стражника в космических комбинезонах, с довольно праздным видом. Всего двое! Это было даже слишком хорошо! Дунтов вытаскил свой пистолазер и прицелился в ближайшего Стражника, потом поднял руку. И тотчас же один из его людей направил ствол своего оружия на того же Стражника, а двое других взяли на прицел второго.

Дунтов застыл с поднятой рукой. Операция была расписана по минутам. Необходимо было дать время второму отряду обогнуть купол и занять позицию у главного входа.

... Потянулись долгие минуты ожидания, в течение которых Аркадий продолжал держать на прицеле свою живую мишень, а капли пота прочерчивали дорожки по его пылавшему лицу...

Три... пять... десять минут. Четверть часа...

Они должны быть на месте. А если нет, тогда...

Нажав подбородком на кнопку внутреннего переговорного устройства, он еле слышно пробормотал в микрофон, стараясь не нарушать радиомолчание:

— Мыше...

Ответ раздался тотчас же:

— ... ловка!

Движением подбородка Дунтов выключил передатчик. Все в порядке!

Он резко опустил руку и четыре лазерных луча ослепительно красного цвета вырвались из стволов, заставив побледнеть на какую-то долю секунды сияние гигантской звезды...

Оба Стражника рухнули с поразительным единодушием. Клубы черного дыма поднялись над обугленными телами в пробитых скафандрах: лазерные лучи и ужасная жара Меркурия не оставили им никакого шанса...

Продолжая следить за состоянием эфира, Дунтов вскочил и увлек свой отряд к люку. А войти туда было не просто, даже с помощью лазерных лучей. Дверь была сконструирована из наиболее прочных материалов, способных выдержать высочайшую температуру поверхности Меркурия. Но, быть может — по этому вопросу Братству не удалось получить точных сведений — имелось какое-либо отпирающее устройство изнутри?...

И в самом деле! Похоже, что это было именно так! На массивной двери виднелось именно такое устройство — залог спасения.

Дунтов повернул рычаг, и тяжелая масса медленно поползла вверх. На всякий случай он взял наизготовку свое оружие, в то время как дверь продолжала свое движение, и...

И лицо стоящего за ней Стражника исказилось от боли, когда свет снаружи проник через плохо отрегулированный экран его шлема...

Дунтов нажал на спуск, целясь в живот Стражника, который тотчас рухнул. А в это время один из его людей запирает дверь на внутренний запор за спиной последнего члена команды...

«Наконец-то мы на месте», — подумал Дунтов. Он подождал, пока земная атмосфера установится в помещении, затем поднял экран своего шлема и с удовольствием вдохнул свежий воздух. Отдышавшись он обратился к одному из своих:

— О'Кей, Роджерс, начинайте.

Роджерс снял рюкзак и достал из него заряд липкого пластика, который он прикрепил к внутреннему покрытию входной двери, в то время как другой член группы занимался взрывателем — миниатюрным радиоприемным устройством. Сигнал мог быть подан из нескольких точек: прямо передатчиком Дунтова, с космического корабля, а также передатчиком второй группы — с другой стороны купола. Два аналогичных заряда могли быть также взорваны одновременно одним сигналом, откуда бы он ни исходил.

— Готово! — доложил Роджерс.

Дунтов расстегнул ремни, которыми у него на спине был закреплён мощный передатчик, осторожно опустил его на пол, включил и отрегулировал на обычной частоте Министерства Опекы Меркурия.

Затем он пробормotal в невидимый микрофон своего шлема:

— Мышеловка один! Мышеловка два! Сыр один готов!

После непродолжительного молчания прозвучал ответ:

— Мышеловка два, Мышеловка один! Сыр два готов!

На той стороне тоже все шло как надо: вход в космопорт был захвачен.

— Вас понял, — сказал Дунтов. — Не отключайтесь.

Затем, взяв микрофон мощного передатчика, он начал говорить.

— Я мог бы, конечно, уничтожить вас, — сказал Владимир Кустов, сковавшему Джонсону, который замкнулся в угрюмом молчании. — И скорей всего, именно это решение я и приму в конце концов. Но может случиться и так, что я вас пощажу, если вы дадите согласие на несколько углубленных психофизических тестов. Нам принесет огромную пользу открытие генетических особенностей, влияющих на появление индивидуумов, подверженных такому, как у вас психозу: нейтрализуя эти гены у тех Опекаемых, которые являются их носителями, нам удастся создать практически чистую расу Порядка...

Джек Торренс слушал весь этот разговор с одновременным чувством удивления и презрения. Какое убожество! Перед ним открылся один из потайных уголков личности Кустова, о котором он до сих пор не имел никакого представления. Кустов был ученым, педантом: в этом он был очень похож на Горова. И Кустов — фанатик, блаженный, действительно ли он верил в то, о чем говорил? Мог ли такой прожженный политик быть в душе таким наивным? Нет, немыслимо. Невозможно прийти к власти, веря в такой вздор. Повелитель должен использовать своих подчиненных, а не служить им...

«Если бы я был на его месте...» — подумал Торренс.

Но до него так и не доходило, для чего понадобилась эта, уже порядком наскучившая, комедия. Зачем пытаться во что бы то ни стало пощадить Джонсона? Владимир Кустов — блаженный... Это могло стать хорошим аргументом против самого Главного Координатора.

Не сдержавшись, он кончил тем, что взорвался:

— Ну же, Владимир, когда только ты кончишь этот фарс?! Покончи с Джонсоном и забудем о нем!

— Я уже говорил тебе, Джек, что Джонсона необходимо понять, так же, как и побудительные мотивы, которые...

— О, да сколько можно! — грубо оборвал его Торренс. — Сначала ты заигрываешь с Братством, потом с Борисом Джонсоном. Надо ли напоминать тебе, что мы только что чуть не подошли по его милости? Ты, я и... (он обвел взглядом остальных) все те, которые здесь присутствуют. Может быть, мучают запоздалые угрызения совести, Владимир? Ты ведь прекрасно понимаешь, что Гегемония не может позволить себе подобные фантазии!

Торренс внимательно еще раз посмотрел на присутствующих Советников. На лицах даже самых верных сторонников Кустова выражение растерянности: в конце концов, в самом деле, этот человек систематически пытался расправиться с ними. Поэтому он заслуживает смерти. Только Горов, казалось, в какой-то мере разделял взгляды Кустова — но подобный ему человек с живейшим научным интересом рассматривал бы любого сумасшедшего, который стал бы кромсать его самого ножом...

Было заметно, что самому Кустову не очень то понравилось выступление Вице-Координатора.

— Ты начинаешь надоедать мне, Джек, — начал он медленно. — Разрешите напомнить вам, что мой план совершенно удался. Результат превыше всего, а никто здесь не сможет отрицать, что мы достигли всего, чего хотели. У Вице-Координатора Торренса талант произносить речи — явный ораторский талант. Однако результаты говорят сами за себя. И я считаю, что в этом отношении...

Неожиданно низкое гудение прервало заключительную часть его речи.

Нестерпеливым движением Главный Координатор нажал на клавишу.

— Да. Это я. Что случилось?

Незнакомый мужской голос раздался в Зале Заседаний:

— В моем лице с вами говорит Братство Убийц. Оба выхода из экологического купола под нашим контролем. Оба заминированы. Любое сопротивление с вашей стороны вызовет их немедленное разрушение. В вашем распоряжении семь минут, чтобы убедиться, что мы не блефуем. По истечении этого времени вы получите другие указания. Если они не будут выполнены, или если вы попытаетесь применить силу, заряды взорвутся, и все обитатели купола познакомятся с условиями жизни на незащищенной поверхности Меркурия. Никто из вас не выживет. Проверяйте и ждите. Конц.

В помещении воцарилась напряженная тишина. Затем поднялся рой возмущенных голосов:

— Не может быть! — Самый настоящий блеф! — Достаточно послать Стражников...

— Надо всего лишь загерметизировать Зал! — предложил Торренс.

Однако он тотчас же прикусил язык, осознав всю глупость своего предложения, под воздействием адской жары освещенной части Меркурия все системы регулировки атмосферы моментально выйдут из строя. Это могло только задержать неизбежное. Выбора не было...

И только Борис Джонсон заливался хохотом.

— Ну, как оно — чувствовать себя пойманным в собственной ловушке?! Охотник становится дичью... Что-то это напоминает...

— Напрасно радуешься, несчастный безумец! — перебил его Торренс. — Ты, может быть, думаешь, что Братство так старается из-за твоей шнуры? Тогда как...

— Хватит! — гаркнул Кустов так, что его голос перекрыл суматоху. — И все замолчали, — советники, Торренс и даже сам Джонсон.

— Не время сводить счеты! — продолжал он. — Надо действовать и прежде всего проверить! Гипотезу, что это просто блеф, тоже не стоит сразу отбрасывать! — Инстинктивно вспомнив свой родной язык, он отдал несколько коротких приказаний по-русски в микрофон.

Торренс как всегда возмутился:

— Не все из нас говорят по-русски! О чем это ты там...?

— Я просто дал указание командиру Стражников установить контакт с часовыми у люков. Он тотчас же сообщит нам...

Голос сильно запыхавшегося человека скоро дал ответ на вопросы Советников. Торренс, хотя и не понимал о чем речь, вполне мог прочитать приговор по лицу Кустова, который стукнув кулаком по пульта, разразился потоком ругательств на двух языках.

— Это не блеф, — выдавил он из себя по-английски. — Радиосвязь с поставленными у люка Стражниками полностью прервана. На дополнительных частотах «Тревога» тоже ни звука. Надо смотреть правде в глаза — у них в руках все козыри..

— Но что касается мин... Может быть это все-таки блеф, — предположил, впрочем без энтузиазма и убеждения Советник Куракин. — И если пойти на штурм...

— Если они завладели люками, то зачем им блефовать в остальном? — возразил Кустов. — Пресжде чем что-то предпринимать, надо сначала услышать, что же они от нас требуют.

Воцарилась давящая тишина.

«Как скот, предназначенный для бойни, — подумал Торренс. Но больше всего его, естественно, волновала собственная судьба. Действительно, с этой Гегемонией никогда не знаешь... Но ведь не может быть, что все кончилось вот так... просто невозможно.

Голос посланника Братства нарушил молчание:

— У вас было достаточно времени, чтобы проверить наши слова. Теперь у вас есть выбор: или точно выполняете наши указания, или погибаете. Мы даем вам 15 минут, чтобы решиться.

После многозначительной паузы голос продолжал:

— Вот эти указания: Борис Джонсон будет отведен к люку и передан Братству Убийц.

Снова пауза, которой Советники воспользовались, чтобы вздохнуть с огромным облегчением, тогда как на лице Джонсона появилось выражение неподдельного изумления.

Джек Торренс мысленно рассмеялся: Братство вполне могло уничтожить их всех, а все, что оно потребовало, это лишь жизнь Джонсона! В конце концов не так уж плохо все поворачивалось. Полная победа, которая превратилась в частичную победу. А могло быть и хуже...

Чужой голос снова раздался в комнате:

— Джонсона должны сопровождать Константин Горов и Главный Координатор Владимир Кустов. Все трое подойдут без всякого сопровождения к входу в люк. Если только мы заподозрим малейшую попытку обмануть нас, двери будут взорваны. В вашем распоряжении 15 минут, чтобы выполнить все указания. Отсчет начинается немедленно. Конец.

Кустов страшно побледнел.

— Ни под каким видом! Я пошлю всех Стражников к люкам! Мы...

Сбросив с себя недолгое оцепенение, Торренс грубо оборвал его:

— Секундочку, Владимир! Я не думаю, что ты можешь взять на себя всю ответственность в решении судьбы Совета и всех тех, кто живет под этим куполом! Последнее и решающее слово принадлежит Совету. Я требую голосования. Я склоняюсь к тому, чтобы удовлетворить требования Братства. Есть ли у вас выбор? Или все мы погибнем, или расстанемся с нашим дорогим Совет-

ником Горовым... и в то же время с нашим возлюбленным Главным Координатором. Всего два заложника в обмен на наши жизни. Что касается меня, то я не буду колебаться ни секунды. Перейдем к голосованию.

Остальные Советники также выразили свое согласие.

— У нас нет выбора! — сказал Штайнер.

— Он прав!

— Было бы абсурдно сопротивляться!

— Подождите! — завопил Кустов. — Вы не можете так поступать со мной! Мы не должны поддаваться шантажу! Надо...

— Мне кажется, что Вице-Координатор прав, — объявил Горов голосом, лишенным всякого выражения. — Сопротивление приведет только к смерти всех нас — в том числе и к вашей, Владимир. Таким образом мы ничего не теряем, согласившись на требования Братства. Может так случиться, что Братство пощадит нас: действия убийц предсказать невозможно. Они ведь никогда не делают то, что кажется необходимым...

Торренс мысленно заплодировал. В лице Горова он нашел неожиданного союзника. Такого безумца он еще не встречал! Прямо не человек, а настоящий робот...

— Голосуем, господа! — бросил он нетерпеливо. — Кто «за»?

— Ты не имеешь права! — заревел Кустов. — Я все еще Главный Координатор! Ты не имеешь права!

Торренс язвительно улыбнулся:

— А все мы являемся членами Совета Гегемонии, насколько мне известно. Это мы тебя избрали и в нашей власти решить... твою судьбу. Пусть те, кто согласен на условия ультиматума, скажут «да».

— Да! Да! Да! Да! Да! Да! Да!

— Да... — сказал в свою очередь Константин Горев.

— Нет! — завопил Кустов. — Нет! Нет! Нет!

— Большинство решило, — подвел итог Торренс. — Объявляю решение принятым.

Он вскочил и сказал в микрофон:

— Стражники! Немедленно послать отделение в Зал Заседаний! Задание: отвести Бориса Джонсона, Советника Горова и... экс-Координатора Кустова к запасному люку.

Затем повернувшись к Советникам:

— Я считаю, что было бы благоразумно освободить Владимира от его обязанностей Координатора, чтобы не ставить Стражников перед труднейшей дилеммой. Не подлежит сомнению, что,

если тем или иным способом Владимира нам... возвратят, он автоматически снова займет свой пост. Однако в данной ситуации мне кажется справедливым взять на себя обязанности Главного Координатора. Надюсь, это не вызовет дополнительных трудностей?

Никто не сказал ни слова. Торренс снова повернулся к микрофону:

— Командир, вы объявите Стражникам, что функции Координатора Кустова отменяются решением Совета Гегемонии. Вы объясните им, что Советник Джек Торренс временно исполняет обязанности Главы Совета, и поэтому никто не имеет права противиться его приказам — это также относится к Советнику Горову.

Ожидая прибытия Стражников, Торренс с трудом сдерживал свою радость: временно исполняющий обязанности Координатора! Наконец-то! И это «временный» скоро исчезнет, как только Владимир Кустов будет окончательно отстранен от власти. Главный Координатор Гегемонии Джек Торренс! Надо было еще привыкнуть к этому... Необходимо произвести некоторые реформы.. А если прямо сейчас представится возможность перехватить корабль Братства...? Лучше всего сразу дать приказ уничтожить его без дополнительных переговоров...

Да, перемен будет немало!

10

Борис Джонсон шел размеренным шагом между Горовым и Кустовым по длинному коридору по направлению к запасному люку под конвоем отделения Стражников, у которых был довольно-таки ошарашенный вид. Естественно, как только они покинули Зал Заседаний, Кустов приказал Стражникам вернуться и схватить самозванца Торренса. Это выглядело сплошным ребячеством, и реакция была абсолютно отрицательной: командир отделения, невозмутимый и молчаливый, заставил всех их сесть в уже ожидавший их транспортер, обратив на экс-Координатора не более внимания, чем на какого-нибудь обычного Опасаемого. Видимо, до Кустова дошло: он не стал настаивать.

И теперь сгорбившийся, с мертвенно-бледным лицом, экс-Координатор выглядел совершенно разбитым, разбитым до такой степени, что Джонсон чуть было не почувствовал нечто вроде симпатии к старику: в течение всего лишь часа оба они в последнюю

минуту были лишены плодов своей победы, дыхание которой уже чувствовали. И вот теперь они шли... Куда...?

В самом деле, куда же они шли? У Братства убийц все было не как у людей. Вызволив Кустова, затем Торренса, они теперь вырывали из когтей Гегемонии Бориса Джонсона, но... одновременно пленяя Кустова и Горова. Почему Горова? Почему Кустова? Почему Джонсона? И вообще, почему все это?

Джонсон не испытывал никакого страха. Пройдя за такой короткий промежуток времени через радость победы, отчаянье поражения и облегчение при спасении, он уже не был способен вообще ничего испытывать. Все, чем он жил, внезапно рухнуло, и свою дальнейшую судьбу он рассматривал с безразличием граничившим с апатией. Когда человек лишен всего, чего же ему еще терять?

Метрах в десяти от внутренней створки люка Стражники остановились, и их командир грубо толкнул пленников вперед:

— Мы остаемся здесь, — проворчал он. — Сообщите им по телефону, что вы здесь.

Трое мужчин обменялись нерешительными взглядами: кто возьмет на себя ответственность за переговоры? Кустов, главный противник Братства, Горов, который находился в таком же положении, или Джонсон — потерпевший поражение вождь, которого как песчинку перебрасывали из одного лагеря в другой?

— Ну! — крикнул командир Стражников с нетерпением. — Осталось несколько минут. Один из вас должен решиться!

Джонсон и Кустов переглянулись, как будто каждый приглашал другого взять на себя инициативу. Но этим человеком оказался Горов, который сказал в микрофон:

— Говорит Советник Горов. Со мной Джонсон и Кустов.

Ему тотчас же ответил голос, некоторые интонации которого на этот раз показались Джонсону знакомыми:

— Мы перемещаем заряд на внешней створке таким образом, чтобы ее можно было открыть. Другой заряд остается на месте, и оба они могут быть мгновенно взорваны при малейшей попытке к сопротивлению. Стражники, сопровождающие вас, должны тотчас же удалиться. Если мы заметим хоть одного Стражника, мы все взорвем.

Стражники удалились, даже не скрывая своей бессильной ярости, и исчезли за ближайшим поворотом.

Внутренняя створка поползла вверх.

— Давайте! Быстрее! — скомандовал тот же голос.

Трое заложников переступили порог и створка тотчас опустилась за их спинами.

Джонсон чисто автоматически обвел взглядом помещение, в котором они очутились: неподвижное тело мертвого Стражника, взрывной заряд на стене, четыре силуэта в космических скафандрах. Затем ему чуть не стало плохо, когда он узнал командира вражеского отряда...

— Аркадий! — пролепетал он сдавленным голосом. — Ты! И Братство...

И вновь все оказалось полнейшим абсурдом при этом новом свидетельстве тщетности всей его жизни, всего его дела: Аркадий Дунтов — член Братства! Его самый верный сторонник, самый инициативный член Лиги! Аркадий Дунтов!

И Джонсон тотчас получил ответы на все вопросы, которые задавал себе. Как мог Дунтов, такой простоватый на вид, предлагать подобные по-маккелевски хитроумные планы... Как могло Братство расстроить все эти планы — сначала с Кустовым, потом с Торренсом и наконец, с Советом..?

Но за всеми этими «как» вырисовывался еще более снотгшибательный вопрос. Для чего? Для чего? Для чего? Чего добивалось Братство? Что все это значило?

— Но зачем, Аркадий? — пробормотал Джонсон. — Зачем все это?

Дунтов смотрел на него так, как будто не видел его.

— Я объясню тебе позже, Борис. А пока наденьте вот это, — сказал он спокойно, указывая на скафандры, висевшие у стены.

Три пленника выполнили это указание. В тот момент, когда Джонсон уже собирался опустить экран своего шлема, взгляды их встретились и перебежчик сказал:

— Мне хочется, чтобы ты знал, Борис, ну если... если все это плохо кончится: хоть мы с тобой и не были в одном лагере, сражались мы за одно и то же дело.

— Как ты можешь так говорить! — возмутился Джонсон. — Ведь Братство не прекращало вставлять нам палки в колеса.

— Я хотел бы иметь возможность объяснить тебе все. Мне хотелось быть уверенным, что я сам все понимаю как следует. Но ты скоро встретишь одного человека, который расскажет тебе обо всем значительно лучше, чем я. Человека, которому я полностью доверяю. В самом деле, поговорив с Робертом Чингом, ты поймешь... Ладно, а теперь вперед!

Дунтов открыл внешнюю створку люка, и Джонсон заморгал

от ослепляющего жара поверхности Меркурия. Окружив пленников, люди Братства повели их по искореженной расщелине. Когда они добрались до окружавшей цирк стены, их догнала другая группа из семи человек. Все вместе углубились в проход, который открылся среди отвесных скал.

В молчании продолжали свой путь. Вскоре Джонсон заметил резкое повышение температуры в своем скафандре. Особого значения это не имело: вообще ничего не имело значения. Он чувствовал себя бессильной игрушкой значительно превосходящих его сил. Да и делал ли он до сих пор хоть что-нибудь, что мог бы приписать своей собственной инициативе? Все было иллюзией, жалким заблуждением. Одна лишь мысль засела у него в голове: чем же было в действительности Братство? За кого оно было? Чего добивалось?

Наконец они добрались до небольшого космического корабля, отливавшего серебром в лучах безжалостного светила и окруженного нагромождениями скал. Дунтов отодвинул крышку люка, и все забрались в корабль.

Как только крышка захлопнулась за их спинами, Дунтов даже не снимая снаряжения отдал приказ:

— А теперь ни секунды промедления. Займитесь пленными, пока я приготовлю корабль к экстренному запуску!

Под неусыпным наблюдением троих молчаливых Братьев, они освободились от скафандров и вошли в миниатюрную каюту с восемью ячейками.

— Лезьте! — приказал не повышая голоса один из Братьев.

Затем они дождались, пока волокна полностью не опутали Кустова, Джонсона и Горова, чтобы последовать их примеру. Ровный гул двигателей раздался в каюте, и вскоре они оказались в уже знакомом состоянии невесомости. А в это время корабль уже познал космическую тьму над Меркурием, унося их к неведомой судьбе...

Мало-помалу, в результате расслабляющего действия волокон, Джонсон почувствовал, что прежнее оцепенение и отчаянье покидают его.

Вся прежняя жизнь, все десять лет борьбы во главе Демократической Лиги — все теперь было в прошлом — и в славном прошлом! И ни к чему было терзаться бесплодными сожалениями.

Самым главным теперь было понять, что же ждало его в бу-

душем — в том самом будущем, о котором Борис Джонсон начал думать с определенным интересом. Гегемония провела его с самого начала до конца, он был всего лишь марионеткой Совета — однако Братство посмеялось в свою очередь над Советом: показало, что Гегемония не была непобедимой...

Он перевел взгляд на Владимира Кустова. Все такой же бледный, с отвисшей губой и потухшим взглядом, экс-Координатор выглядел человеком, который все потерял. И в самом деле, он потерял значительно больше, чем Джонсон — только потому, что ему было что терять. И значительно больше, чем Джонсону. Он обладал безграничной властью, а теперь все пропало — он попал в руки Братства, намерения которого были непредсказуемы...

И Джонсон начал в конце концов спрашивать себя, не должен ли он благодарить Братство за то, что оно показало ему всю тщетность его намерений. И, если он боролся в течение десяти лет, то не потому ли, что больше нечем было заняться, негде приложить свои силы?...

А Братство лишило его этого прошлого. Может быть Аркадий сказал правду — может быть, оба они сражались за одно и то же дело — только каждый по-своему... А в этом случае Братство было бесспорно лучше оснащено, чтобы сейчас торжествовать. Позади у него века существования, ему удалось внедрить своих агентов в Лигу и у него даже космический корабль есть... И, если оно действительно борется за свободу, экс-вождь Лиги мог надеяться на свое место в его рядах. В конечном счете важнее всего была борьба за свободу, а не личность того, кто поведет в бой. И Джонсон был вынужден признать это — если Братство действительно боролось за свободу, его вождь был, бесспорно, более удачлив, чем он...

Курс корабля казалось, изменился. В передней части каюты засветился огромный экран. Резко контрастный диск Меркурия занимал почти всю его площадь, но на фоне освещенной стороны, как раз над центром равнины, где возвышался купол, появилось два новых объекта.

— За нами гонятся, — объявил по интерфону Аркадий. — Два тяжелых крейсера.

Неожиданно Владимир Кустов как будто ожил. С довольной улыбкой он произнес:

— У вас нет ни малейшего шанса оторваться. Но вы можете избежать больших неприятностей, если тотчас же сдадитесь мне. Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы с вами обошлись по

возможности хорошо. Честно признаюсь вам, что мне будет легче заступиться за вас, если я вернусь победителем, а не только что освобожденным пленником. Даю вам слово, что вы не пожалеете. В каюте раздался смех Дунтова:

— Да, нельзя сказать, что Гегемония очень уж старалась развивать науку. Вы давно потеряли вашего лучшего специалиста по космическим исследованиям — доктора Рихарда Шнеевайса. Братство решило воспользоваться его услугами. Например, на нашем корабле применено несколько оригинальных приспособлений, которые должны позволять нам компенсировать преимущество в скорости и стрельбе этих крейсеров. К тому же на нашем месте, Кустов, я молил бы Бога, чтобы нам удалось от них скрыться. У меня такое чувство, что у них нет приказа взять вас живьем...

— Боюсь, что он прав, — сказал Горев, — по крайней мере в том, что касается распоряжений Джека Торренса. Ты не хуже меня знаешь его амбициозность, Владимир. Если ты погибнешь, он может быть уверен, что его изберут пожизненным Координатором. Я надеюсь только на то, что наши похитители одинаково уверены как в своем корабле, так и в своих способностях читать мысли Джека Торренса...

Джонсон не смог сдержать улыбку при виде того, как менялось выражение лица экс-Координатора, как это выражение так ясно передавало состояние его души. Он явно слишком хорошо знал Торренса, чтобы строить иллюзии в отношении своей судьбы, если бы «освободителям» удалось догнать корабль...

Тем временем изображение на экране изменилось, стало темно и даже звезды как будто погасли. Джонсон скоро понял причину этих изменений: включив защитные экраны на максимум, Дунтов направил корабль прямо к пылающему плазменному шару, которым было Солнце!

И диск звезды стал увеличиваться на экране. Теперь были хорошо видны гигантские солнечные пятна...

— Мы все сгорим! — воскликнул Джонсон. — Нельзя так близко приближаться к Солнцу!

— Именно это и понимают командиры крейсеров, — возразил спокойно Дунтов. — Но у нашего корабля есть термическая броня, установка которой была недавно закончена под руководством профессора Шнеевайса. Весь корабль становится преобразователем солнечной энергии огромной мощности, и преобразователь этот приводит в движение систему насосов, перегоняющих жид-

кий гелий в цепи капилляров, пронизывающих весь наружный слой корпуса корабля. И чем выше наружная температура, тем лучше система работает. Действительно хорошо придумано: солнечная энергия применяется для охлаждения внутренних помещений корабля.

А солнечный диск продолжал увеличиваться. Теперь он занимал почти всю поверхность экрана. Однако температура в каюте оставалась нормальной. Система охлаждения была, бесспорно, эффективной.

— Я думаю, они нас обнаружили, — сказал Дунтов. — Однако это ничего им не даст. Мы находимся между ними и Солнцем. Здесь их радарные установки бессильны, а их лазерные излучатели нам тоже не страшны.

— Вы не сможете их забавлять до бесконечности, несчастный вы безумец! — крикнул Кустов. — Мы уже в ловушке!

— В таком случае нам только и остается, что исчезнуть, не правда ли? — спросил Дунтов.

Корабль продолжал свое падение к пылающему диску. Гигантский протуберанец, чудовищная капля плазмы, появилась в нескольких миллионах километров справа от корабля, пересекая его траекторию.

«Господи, мы же совсем рядом» — подумал Джонсон.

А адское пекло продолжало приближаться...

Затем гигантский диск перестал расти — однако и не уменьшался. Джонсон почувствовал усиление тяжести, однако они по-прежнему не приближались и не удалялись от Солнца...

И вдруг он понял: Дунтов переводил корабль на параболическую траекторию, траекторию кометы, используя двигатели корабля и притяжение звезд, чтобы увеличить скорость... Они собирались обогнуть Солнце и на самом деле исчезнуть для своих преследователей! Командиры крейсеров, которые не знают о существовании термозащиты, подумают, что корабль Братства притянут Солнцем и перешел в газообразное состояние... Им никогда не придет в голову, что этот корабль может обогнуть светило — ведь такой маневр им самим был бы не под силу. А ведь они всегда так расхваливали преимущества научной мысли Гегемонии!

Маневр начался...

Теперь диск занимал половину экрана и становился все уже. Солнце было почти что у них за спиной... И вскоре маневр закончился! Тонкая полоска в форме полумесяца полностью ис-

чезла с правой стороны экрана, и звезды снова окружили корабль...

— Ну вот! — воскликнул Дунтов. — Следующий этап — генштаб Братства.

Несмотря на необычность ситуации, движимый как тревогой, так и любопытством Константин Горев не мог сдержаться и не заговорить с агентами Братства.

Какой ни была бы их судьба, им предстоял долгий путь. Кустов отвечал унылым ворчанием. Борис Джонсон и желал говорить, но Горев уже знал все, что ему было нужно о Демократической Лиге.

А вот с представителями Братства дело обстояло по-другому. Те, которых он видел на корабле, или соблюдали строжайшую секретность, или сами ничего не знали. Горев робко произнес несколько цитат из Марковица, из его «Теории Социальной Энтропии», а также из других менее известных произведений, как например «Культура и Хаос», но ответом ему были довольно изумленные взгляды. Могло ли так быть, что эти люди ничего не знали и не понимали в учении, которому служили? Это было весьма любопытно. Создавалось впечатление, что снова наступила эпоха Религий, когда верующие создавали различные культы, не очень ясно разбираясь что же они собой представляют: они верили и этого им хватало. Действительно странный поворот в человеческом мышлении!

«Может быть, их командир...» — подумал Горев, увидев вошедшего Дунтова.

Приподнявшись в своей ячейке, он обратился к человеку, который руководил всей операцией.

— Мне кажется, что вы обладаете определенным уровнем развития, — начал он нравоучительным тоном. — Что же заставляет вас верить, что теории Марковица в состоянии опрокинуть Гегемонию? Я готов допустить, что они имеют бесспорную притягательную силу, однако в них, мне кажется, есть определенное несовершенство: Марковиц вообще не рассматривает фактор времени и вытекающие из этого ограничения в его трактовке парадоксов Порядка и Хаоса. Ведь если рассматривать бесконечный отрезок времени, упорядоченное общество, безусловно стремится к своему краху, вытекающему из спирали парадоксов, заключенных в нем самом. Но, как мне кажется, теория не принимает во внима-

ние тот факт, что длительность эволюции человеческого общества имеет свой конец. Если только Марковиц не касается этой проблемы в других своих трудах, к которым я не смог получить доступ?

Глаза у Дунтова полезли на лоб, а на лице у него застыло выражение полнейшего непонимания.

— Я... гм... по правде говоря, не читал все произведения Марковица, — ответил он. — и не понимаю, что вы имеете в виду...

«Немыслимо! — подумал Горев. — Предводитель оказался таким же невежой, как и остальные члены банды!»

— Вы хотите сказать, что добровольно отказались от возможности оставаться лояльным Опекаемым Гегемонии, со всеми вытекающими отсюда преимуществами, даже не имея представления о том, что вы получаете взамен! — воскликнул Горев.

Дунтов переступил с ноги на ногу.

— Это... это просто потому, что в Гегемонии чего-то не хватает. Насколько помню, меня никогда не покидало это ощущение. Мне кажется, что Братство в состоянии восполнить этот пробел — посредством Хаоса. А я верю в Хаос и у меня создается впечатление, что... я служу праведному делу и мне приятно...

— А что же такое этот самый Хаос, который вызывает у вас чувство такой уверенности?

Дунтов пожал плечами.

— Нечто неизмеримо больше моих возможностей восприятия... Какая-то высшая для человека сила, которая правит всем миром... Неужели вы никогда не испытывали потребность быть приобщенным к чему-то такому, что превосходило ваше воображение?

«Невероятно! — подумал Горев. — Даже не отдавая себе отчета, стоящий перед ним безумец проповедовал понятие «Бога», как говорили в Век Религий! Затем новая мысль пришла ему в голову: может ли так быть, что у некоторых людей существует подсознательная потребность верить в этот давно исчезнувший образ, смутное желание найти где-то над собой какой-то сверхъестественный порядок или существо, желание, не воплощенное в конкретной форме, которое само по себе может быть формой?...

В конце концов Горев был даже восхищен: он напал на теорию, достойную изучения и развития. В конечном счете, может быть, еще не все потеряно. Пути познания неисповедимы!

— Внимание! — раздался по интерфону голос Аркадия Дунтова. — Посадка через пять минут!

Джонсон вытянулся в своей ячейке, в то время как на обзорном экране появилось изображение голый и покрытой трещинами скалы, с виду абсолютно необитаемой, которая однако парила в космической пустоте. Он почувствовал, что волокна плотно облегают его тело, однако механизмы антигравитации, видно, не работали: собственное притяжение булжника, к которому они приближались, было незначительно.

Оставшись на низкой орбите, корабль казалось, собирался совершить облет астероида, как будто Дунтов наизусть знал траекторию снижения. Однако, несмотря на все свои усилия, Джонсону не удавалось различить никаких признаков жизни. Не было также заметно ни одной более или менее ровной площадки, подходящей для приземления.

Затем, в то время как корабль начал снижать скорость, по прежнему кружась вокруг астероида, одна из рассекавших скалу трещин начала раздвигаться, как будто это была раковина устрицы, и Джонсон понял, что в этом месте то, что он принимал за естественное проявление сил природы, было на самом деле замаскированной шахтой. Вход в нее находился между двух скалистых выступов, а дальше, она, по всей вероятности, должна была перейти на глубине во взлетно-посадочную площадку...

Похоже, что эта площадка могла принимать и значительно большие корабли, чем тот, на котором они летели. И в самом деле, когда корабль застыл внизу, Джонсон различил пять других кораблей, стоящих слева от шахты.

А правая часть была занята кораблем поистине гигантских размеров. Еще более удивительно было то, что на гладком серебристом корпусе овоида нигде не было заметно ничего, напоминающего систему двигателей — только две широкие металлические полосы со сложными приборами опоясывали корабль посередине...

Прежде чем корабль Дунтова закончил спуск в шахту, наружные створки начали сдвигаться, и поверхность астероида снова приняла свой заброшенный вид.

— Что же это такое? — спросил Джонсон в микрофон в тот момент, когда их корабль бесшумно опустился в глубине шахты.

— «Прометей» — отвечал Дунтов. — Будущее человечества... Наступит день, когда и я займу место на его борту, чтобы улететь туда, где никакая Гегемония...

— Гегемония повсюду! — не вытерпел Кустов. — И никто не сможет убежать от нее!

— Несомненно, — поторопился согласиться Дунтов с таким видом, как будто он хочет исправить допущенную ошибку. — Больше я ничего не могу вам об этом сказать. Вам скоро все объяснят... По крайней мере, тем из вас, кого Роберт Чинг посчитает достойным этого. Готовьтесь к встрече с человеком... самым мудрым из всех, кого я встречал.

Но выбравшись из своей ячейки Джонсон уже не думал о таинственном Чинге.

«Туда, где никакая Гегемония...», — слова эти продолжали звучать у него в ушах. Как мог простой корабль отправиться туда, где нет никакой Гегемонии...? Ведь безраздельное царство Гегемонии простиралось от Меркурия до Плутона! Если только... если только... Но все утверждали, что это невозможно! Все знали, что это невозможно.

Если только Гегемонии не удалось убедить всех, что это невозможно?!

11

Роберт Чинг в полном одиночестве сидел за каменным столом в Зале Собраний.

Сегодняшний день должен был подвести итог всей его жизни, он стал апогеем всей его жизни, всей его карьеры Главного Агента — а он не делал различия между своей жизнью и своей карьерой. Это был тот самый момент, который он не мог разделить ни с кем...

Итак, три человека, судьба которых полностью зависела от личности, которая им самим представлялась неразрешимо загадочной. Три человека, ждущие своей смерти с минуты на минуту. Однако никто из них не умрет, если только сам не захочет. Для двоих спасение, а для третьего — судьба, худшая, чем сама смерть. Во всяком случае значительно более хаотичная судьба, чем простое возвращение в ничто...

В самом деле события ускорили свой ход как будто для того, чтобы подготовить развязку драмы, начавшейся века назад. Меньше чем за месяц «Прометей» будет готов к полету. А Гегемония почувствует возникновение Факторов Случайности в таком ритме, какого она еще не знала.

Лиги больше не было. И отныне Совет Гегемонии будет вынужден признавать руку Братства в любом событии, способном поколебать его порядок. Разница станет значительной: ведь теперь Гегемонии придется столкнуться с организацией не наивных конспираторов-идеалистов, которыми она манипулировала как хотела, а с таинственной силой, действия которой нелегко предвидеть, в намерения которой невозможно проникнуть.

Что же касается изменения в Совете Гегемонии, то они могли только усилить Социальную Энтропию. Такой оппортунист, как Торренс, окажется более гибким, чем Кустов, — что не мешает ему, в случае необходимости, быть еще более свирепым. Когда «Прометей» взорвет замкнутый мир Гегемонии, устремившись в бесконечность Хаоса, Торренс — в отличие от Кустова — предпочтет извлечь выгоду из этого, чем напрасно противиться неизбежному. На этой стадии операции лучше было бы иметь дело с оппортунистом, чем с таким фанатиком, как Кустов... Особенно, если упомянутый фанатик становился настоящим дамочным мечом. И в самом деле, живой Кустов мог по-своему служить интересам Хаоса...

Жужжание интерфона прервало размышления Чинга. Он нажал клавишу:

— Слушаю.

— Пленники здесь, Главный Агент.

— Впустите их. Одних. Но пусть стража будет рядом и готова вмешаться.

Через несколько секунд дверь открылась и несколько внушительного сложения братьев ввели Джонсона, Горова и Кустова. Роберт Чинг внимательно обвел взглядом лица трех мужчин, которые нерешительно продвигались в его сторону.

Борис Джонсон казался заинтригованным, скорее сдержанным, но без всякой враждебной предвзятости. Он выглядел как человек, покончивший со своими иллюзиями, который с определенным любопытством ждет, когда ему предложат что-нибудь взамен. Может быть даже с определенным шансом готовности к этому. Это поведение, если и не вызывало восхищения у Чинга, то производило на него приятное впечатление.

Мысли, волновавшие Кустова, ясно читались у него на лице. Он явно испытывал страх, но в глазах его читались одновременно ненависть и презрение, которые испытывает фанатик к фанатику, который служит другой идее, против его собственной.

Напротив, лицо Горова было совершенно бесстрастным. Под-

тверждались слухи, что это был не человек, а скорее живой робот, думающая машина, личность, которую оживляла только жажда познания. Однако, несмотря на неприязнь, которую ему внушал Горов, Чинг чувствовал определенное сходство характеров с этим человеком. Ведь, невзирая на все то, что их разделяло, у обоих была способность восхищаться снова и снова чудесами окружающего их мира. И Чинг знал, что из этих троих именно Горов был лучше всех готов воспринять смысл слов, которые Чинг собирался сейчас произнести.

— Добро пожаловать в генштаб Братства Убийц, — произнес он торжественно. — Садитесь, господа.

Не колеблясь, Борис Джонсон тотчас же уселся напротив Чинга, и его взгляд так и застыл на лице Главного Агента. Чинг должен был признать, что таких людей, как Джонсон, Гегемонии удавалось воспитывать лучше всего: скрытые бунтовщики, непримиримые оппозиционеры, которые были способны на удивительную приспособляемость, когда требовали обстоятельства.

Поколебавшись минуту, Горов уселся рядом с Джонсоном. Владимир Кустов же остался стоять, вызываясь смотреть прямо в глаза Чингу.

— Ну, господин Кустов! — обратился к нему Чинг укоризненно-покровительственным тоном. — Вы же не станете вынуждать призвать стражу. Вы же понимаете, что мне неудобно, когда кто-то стоит, в то время как я сам сижу. Я прихожу в ужас от ненужного насилия...

— Вы... вы... — пробормотал Кустов, почти упав в кресло, — вы приходите в ужас от насилия! Вы, который руководит бандой безумцев! Убийц! Садистов! Опасных фанатиков!

— Я имел в виду ненужное насилие, — поправил его спокойно Чинг. — Но получилось так, что в условиях жизни, созданной Гегемонией, даже самый миролюбивый человек вынужден обратиться к насилию, чтобы заставить услышать свой голос.

— Так Аркадий говорил правду! — воскликнул Джонсон. — Вы в самом деле противники Гегемонии! Но почему тогда мешали нам? Вы же знали, что мы, как и вы боремся против Гегемонии.

Чинг не очень-то твердо знал, что отвечать. Как объяснить такому человеку, что своими заговорами он постоянно вредил тому самому делу, которому, как он думал, служит.

Он все-таки попробовал навести его на мысль:

— Вы когда-нибудь слышали о Законе Социальной Энтропии? Джонсон вытращил плаза.

Чинг вздохнул. Конечно, нет. Да и откуда?

— По крайней мере, имя Грегора Марковица говорит вам хоть что-нибудь?

— Пророк вска Религий? — пробормотал Джонсон застенчиво. — Ходят слухи, что вы его последователи, что вы принимаете решения, глядя на внутренности животных, причем консультируетесь по кодексу, называемому «Библией».

Чинг расхохотался.

— Внутренности животных! Библия! Мой бедный друг, я и не знал, что Гегемония воспитывала вас в таком темном невежестве! Но мы не Авгуры, а Марковиц никогда не объявлял себя пророком. Такие люди называли себя социологами, и «Теория Социальной Энтропии» не сборник пророчеств, а научный труд. Уверяю вас, что в основе всех моих действий безупречная логика. А кажутся они нелогичными только тому, кто не знает, что логика — это Случай.

— Я не понимаю, — сдавался Джонсон. — Мне это кажется противоречивым.

— Да я знаю. Порядок логичен, а Хаос нет. Те, кто служат Порядку — реалисты, а кто Хаосу — религиозные фанатики. Однако вдумайтесь в Положения Закона Социальной Энтропии. Разрешите мне изложить его в доступных выражениях. Мир физики в общем стремится к все возрастающей неорганизованной материи — к постоянному разложению материи. Именно это мы и имеем в виду, говоря о Хаосе или об энтропии. Но точно также обстоит дело в области человеческой культуры. Нужно потратить немало энергии, чтобы остановить в пространстве и времени склонность к энтропии в области материи. Тот же феномен наблюдается в случае человеческого общества — Социальная Энтропия. Чем больше данное общество упорядочено — тем больше требуется Социальной Энергии, чтобы поддерживать противоестественный порядок. А где взять эту Социальную Энергию? А просто-напросто организовать общество так, что оно будет производить ее. Что требует еще большего порядка. Теперь вы понимаете в чем парадокс?

Выражение лица Джонсона передавало усилие, которое он делал, чтобы понять.

— Обратитесь к вашему же опыту, — продолжал Чинг. — Гегемония является неестественным образованием, которое противопоставляет себя полностью хаотичной природе вселенной. Демократическая Лига попыталась свергнуть этот Порядок вполне

определенным способом. Попытка заранее обречена на неудачу, так как Гегемония более организована, чем Лига, и вам нисоткуда взять Социальной Энергии, чтобы ее порядок заменить своим. В самом деле, своими действиями Лига способствовала консолидации вражеских сил, среди которых имелись определенные противоречия, в частности в верхушке Гегемонии. Лига преобразовывала Факторы Случайности в Факторы Предвидимые и таким образом способствовала усилению порядка, который хотела свергнуть. А что касается нас, то наоборот, действуя методом случайности, мы обязательно должны были добиться конечного успеха, потому что мы боролись, используя теорию Хаоса, следуя естественному развитию Вселенной.

— Довольно глупостей! — воскликнул Кустов. — Убейте нас — и покончим с этим! Незачем учить дурацким рассуждениям...

— Убить вас? — улыбнулся Чинг. — Это было бы слишком логично. Вы враг, а врага надо нейтрализовать. Это как раз то, что вы бы сделали на моем месте, не так ли? Но вы представитель Порядка, а я — Хаоса. Поэтому мне кажется, что в данной ситуации вас надо пощадить...

С загадочной улыбкой он следил за реакцией своих собеседников. На лице Кустова можно было прочесть надежду, ничем не прикрытое презрение, а также лихорадочное обдумывание возможных вариантов и проектов. Выражение лица Джонсона выдавало абсолютное непонимание происходящего. И только Горов оставался безмятежным, как будто он ожидал именно такого развития событий. Чинг подумал, что он правильно сделал, выведя его из Совета Гегемонии, этот человек наряду с ненасытной жадой знаний, также стремился бы к безграничной власти... В самом деле, Горов в качестве Главного Координатора был бы грозным соперником!

— Естественно, — продолжал Чинг, по-прежнему обращаясь к Кустову, — я попрошу вас еще некоторое время остаться моим гостем на другой базе Братства. По истечении шести месяцев вас отпустят. Ваше неожиданное появление вызовет у Джека Торренса реакцию... Реакцию довольно хаотичную! — Кустов побледнел.

— Вы не можете так поступить со мной! Совет подумает, что я сотрудничал с вами! Торренс уже неоднократно намекал на это. Они... казнят меня!

— Может быть, — отвечал Чинг. — А может нет. Ведь мы позволили Торренсу захватить власть, поэтому мне кажется справедливым сохранить вам жизнь: вы можете сказать Совету, что

казнь экс-Координатора может нанести урон интересам Гегемонии, — особенно, если пойдут слухи, что этот Координатор всегда был агентом Братства. Ведь тогда придется признать могущество Братства. И даже сам факт вашего устранения из Совета тоже был бы ошибкой по тем же соображениям: очень трудно было бы дать удовлетворительные ответы на все вопросы, которые станут задавать себе Опекаемые.

Я уверен, что с вашими талантами вы без особого труда сумеете выдержать наскоки Совета и со временем снова претендовать на пост Координатора...

Чинг нажал кнопку.

— Стража может увести господина Кустова.

Через несколько секунд дверь отворилась и стражники вошли в зал. Чинг посмотрел вслед Кустову с чувством полного удовлетворения. Социальная Энтропия значительно усиливалась: пока Торренс будет исполнять обязанности Координатора, Кустов станет очагом оппозиции в Совете. Возникнет новый источник междоусобиц. И задолго до того, как Кустову удастся восстановиться, «Прометей» вернется, доставив осязательные доказательства того, что Галактика является необъятным скоплением цивилизаций, каждое из которых уникально в своем роде: а это открытие чревато такими революционными потрясениями, что невозможно будет отрицать его, или долго скрывать. Гегемония развалится и дадут плоды многовековые старания и Факторы Случайности. И царство Хаоса будет увековечено!

Когда дверь затворилась за спиной свергнутого Координатора, Константин Горов раскрыл рот:

— Так я не ошибался. Действия Братства, с виду лишенные смысла, были составной частью общего плана, предусматривавшего воплощение в жизнь идей Марковица. Идей, интересных, которые однако содержат определенное количество скрытых пороков, обрекающих ваши попытки на провал.

— Смотрите-ка, — сказал Чинг с удивлением. — Объясните же, Горов, почему так. Я не сомневаюсь, что человеку вашего ума вполне под силу выявить все пробелы какой-либо теории, вот уже три столетия ежедневно подтверждаемые фактами реальной действительности...

— Безусловно, — подтвердил Горов, без смущения. — Видите ли, основным пороком теории является ее увлечение универсальностью и бесконечностью, которыми проникнуты все идеи Марковица. Если говорить абстрактно, то я готов при-

знать, что такая замкнутая система как Гегемония, в конце концов должна отступить перед Факторами Случайности по мере того, как Порядок стремится к абсолютизму. И все это в течение длительного времени — очень длительного. Но мы имеем дело с конкретными событиями, а не с абстракциями. Да, если рассматривать бесконечно длительный отрезок времени — Гегемония обречена. Как это бывает со всеми формациями и в той мере, что однажды наступит конец всего человечества. Однако, время является фактором, работающим против нас, который Теория Социальной Энтропии отказывается принимать во внимание. Ваша стратегия может увенчаться успехом, если впереди вечность. Но это не так. Человеческая раса, как и другая угаснет, как только Солнце остынет. И угаснуть она может задолго до этого по причинам, которые мы не можем предвидеть. И угасание произойдет задолго до того, как вы свергнете Гегемонию, так как она будет скоро контролировать все — всю Солнечную систему, все места, где живет человек. Система будет замкнутой. И такая система будет хуже переносить появление Факторов Случайности, также справедливо и то, что будет труднее внедрять такие факторы. И господство Гегемонии будет продолжаться еще миллионы лет, пока не угаснет вся человеческая раса. И вы сами видите это, вы не единственные, кто думает, исходя из этого — и именно в этом заключается основной недостаток вашей стратегии.

Чинг не мог избавиться от чувства восхищения: Горов только что коснулся проблемы, которая в течение веков волновала самые великие умы Братства — до тех пор, пока не увенчался успехом проект «Прометей». И снова он поздравил себя с тем, что похитил этого человека из вражеского лагеря: может быть, в силу обстоятельств, удастся привлечь его к сотрудничеству.

— Вы не разочаровали меня, Горов, — сказал Чинг. — Вы только что сделали блестящий анализ замкнутой социальной системы, который произвел бы впечатление на самого Марковица. Но только при условии, что Человек будет обречен на вечное пребывание в этой системе. Однако подумайте о Галактике, о миллионах Галактик, из которых состоит Вселенная. Ведь она бесконечна, значит и открыта для всех. В таком случае упорядоченная песчинка, как Гегемония, не может надеяться на долгое существование.

— Вы сворачиваете в сторону! — запротестовал Горов. — Мы оперируем фактами, а не вымыслами. Мы говорим о колыбели

человечества, о Солнечной системе, а не о гипотетически достижимой бесконечности.

— Вот мы и подошли к самому главному, — сказал Чинг. — Но почему вы думаете, что человек обречен на вечное прозябание в рамках Солнечной системы, и его раса — на исчезновение в результате охлаждения Солнца? Почему человечеству не разбить раковину, в которой оно до сих пор вело эмбриональную жизнь?

Чинг заметил, что выражение лиц Горова и Джонсона стало задумчивым.

— Мне кажется, — продолжал он, — что теперь самое время показать вам нечто, что коренным образом изменит ваши взгляды, как это было со мной... и это точно так же изменит отношение к этой проблеме всей человеческой расы. — Он повернулся к итерфону.

— Подготовьте демонстрационный зал.

Находясь под впечатлением от только что услышанного, Джонсон направился вслед за Горовым, Чингом и четырьмя стражниками по коридору. Он смутно чувствовал, что получит ключ к тайне, ответ на вопросы, которые даже до сих пор не смог сформулировать. Он был уверен, что Чинг имел в виду самое главное — и теперь вел их за собой, чтобы подтвердить наглядно... Шагая по коридору, он почувствовал, что как будто яркий луч осветил все до этого момента загадочно. Всю жизнь он ненавидел Гегемонию, будучи не в состоянии объяснить причины ненависти. Его постоянно вдохновляло неистребимое желание сражаться с врагом, однако он не задавался мыслью о целях своих действий.

Но ему только что дали понять, что другие люди разделяли его взгляды — люди, которые имели доступ к забытой, отброшенной мудрости прошедших веков. Люди, разбиравшиеся в особенностях своего противника, которые знали способы, с помощью которых они могли причинить ему зло, и главное — у них было определенное мнение о судьбах человечества, мнение о невероятно отдаленном периоде развития, в котором даже свержение Гегемонии было уже пройденным этапом...

Вот чего не хватало Лиги: ей было вполне достаточно быть против чего-то. Она ничего не могла предложить взамен. Сама Демократия воспринималась как отсутствие Гегемонии, а не утверждение какого-либо проекта.

А у Братства было нечто такое, что оно называло «Хаос» — понятие, которое было трудно воспринять в силу необъятности открываемой им реальности.

Итак, вся группа вошла в лифт, который бесшумно заскользил вниз. Через несколько минут они шли по узкому коридору, который уперся прямо в дверь, ведущую в скалистую стену. Все это время Джонсон не сводил глаз с Чинга. Он думал, что перед ним необыкновенный человек, который мог объять взором всю глобальность проблемы Вселенной. Он начал понимать, откуда взялось почти религиозное поклонение этому человеку Дунтовым: не каждый мог разобраться в сущности Хаоса, а Роберту Чингу это удалось. Нельзя было осуждать человека, лишенного этой возможности, который так слепо поклонялся этому самому Чингу...

Они очутились в зале, на одной из стен которого висел экран, напротив был установлен проектор. Чинг пригласил всех садиться, сам сел рядом с оператором, и не говоря ни слова, кивнул ему.

Экран осветился.

Джонсон увидел темное небо, усеянное звездами. Затем одна из них начала скачкообразно увеличиваться, превращаясь в более широкий диск...

— То, что вы сейчас видите—это монтаж фильмов, снятых автоматическим межзвездным зондом.

Джонсон расслышал удивленное восклицание Горова:

— Межзвездные полеты... Сверхсветовая скорость. Невероятно! Только Шнессвайс мог бы... Но он покончил с собой, когда несмотря на мое противоположное мнение, Совет лишил его возможности продолжать исследования... Скажите, он действительно мертв?

— Каково ваше мнение обо всем этом? — спросил Чинг.

Горов безмолвно следил за изображениями. Теперь были видны континенты, растительность, обработанные участки поверхности. Затаив дыхание, Джонсон тоже следил за всем этим. Что он мог сказать? Он чувствовал себя абсолютно подавленным. Перед его глазами разворачивалось важное событие, которое переживало человечество. Ведь перед ним открывалась возможность отправиться к звездам! Новая солнечная система, может много солнечных систем... И это была настоящая свобода, и не какая-то химера!

Он еле удержался от восклицания, заметив большой город, затем странной формы космический корабль...

Потом экран погас. Фильм закончился.

— Вы все видели, — сказал Роберт Чинг. — Теперь вы знаете: человек не одинок во Вселенной. Эта пленка была заснята на

планете, принадлежащей к системе Синюс 61, очень близкой к нашей — по межгалактическим стандартам. Это первая из исследованных нами. Подумайте только. Если уже с первой попытки нам удастся найти цивилизацию, сколько же их должно быть в нашей Галактике? Миллионы? Биллионы? А сколько необитаемых планет, которые можно заселить? Что же произойдет в таком случае с вашей системой, Горов? Может ли Гегемония мечтать о распространении своего могущества на всю Галактику?

— Нет... — пробормотал Горов. — Я признаю, что вы правы, учитывая эти новые условия... Если зона распространения жизни потенциально безгранична, Гегемония обречена — и я не стану облачаться в траур по этому поводу, так как это было бы бесполезно в социальном смысле...

— После всего, что вы видели, остаетесь ли вы приверженцем Гегемонии? Я хотел бы ожидать большего от человека вашего ума.

— Вы не поняли меня, — отвечал Горов. — Я никогда не был приверженцем Гегемонии как таковой. Новые условия вызывают новые отношения. Но безумцы Совета никогда не пойдут на это. Я стремлюсь к истине и социальной устойчивости, которые в конкретных условиях лучше всего гарантируют интересы общества. До сих пор Порядок Гегемонии больше всего соответствовал этой схеме. Однако, когда условия меняются, логический ум пересматривает свое отношение. Единственное, о чем я сожалею, это то, что Гегемония никогда не признавала факт межзвездных полетов. Это настоящий идиотизм. Мы могли бы узнать столько нового...

— Вы забываете, что Гегемония не является единственной организацией, способной строить корабли. Проект «Прометей», являющийся плодом трехсотлетней деятельности Братства, почти завершен. И этот проект...

— Межзвездные корабли! — воскликнул Джонсон. — Корабль, который мы видели, когда прибыли сюда, не так ли?

— Да, — отвечал Чинг. — Менее чем через месяц «Прометей» полетит к Синюсу 61. И после его возвращения ход истории человечества коренным образом изменится — к лучшему или к худшему. Эра Гегемонии закончится. Подумайте только. Когда новость распространится, а Братство позаботится об этом — Торренсу придется выбирать: или строить корабли для межзвездных полетов, или попытаться преградить путь к звездам. И если Торренс выберет один из вариантов, то Кустов выберет другой. К тому же вы знаете, за нашим зондом при возвращении следовала чужая беспилотная ракета. Ясно, что обитатели этой планеты тоже скоро

предпримут межзвездный полет. Если человек не придет к звездам, то они придут и нему. Галактика откроется человеку, что вызовет падение Гегемонии. Свобода и Хаос восторжествуют. Что же касается вас, господа, я приглашаю вас участвовать в самом великом предприятии всех времен. (Он повернулся к Джонсону, которому казалось, что во взгляде вождя Братства мелькнула тень зависти). Борис Джонсон, вы завосвали себе место на борту «Прометеев». Вы сражались слепо, но это был бой за права человека. Ваша храбрость может найти применение при первых контактах с мыслящими существами, отличными от нас. К тому же с самого начала нужна ясность: звезды являются всеобщим достоянием человечества, а не собственностью одной из сторон — будь то Гегемония или Братство. (Он повернулся к Горову). Что касается вас, вы обладаете качествами, чтобы вести переговоры с негуманоидами. Должен честно признаться, отсутствие эмоциональности, и постоянная ваша безмятежность, не вызывают у меня энтузиазма. Тем не менее ваш ум и ваша страсть к чистым знаниям могут облегчить первые шаги человека к чужой культуре.

Чинг улыбнулся.

— Однако у нас нет такой привычки — ставить наших гостей перед свершившимися фактами. Мы предоставляем вам право выбора, господа. Не обижайтесь, если выбор ограничен: или вы летите на «Прометеев», или выбираете легкую смерть без страданий — вам это гарантируют. Что же вы мне ответите?

Джонсон кивнул головой — отчасти машинально, отчасти в знак согласия. Он был сбит с толку. Пережив крушение всего, присутствовав в качестве бессильного свидетеля гибели всех иллюзий, он получил возможность начать новую жизнь, потенциальные возможности и перспективы которой он впервые так ясно различал. Битва, которую он вел, была битва за свободу. Речь шла об освобождении человека от особой формы тирании и даже не от тирании вообще, а о свободе воплощения. Свобода — это право выбрать судьбу, а сколько людей, столько судеб. В бесконечной Вселенной человек сам становился бесконечным и поэтому, может быть, бессмертным. А сам он, освобожденный от Гегемонии, мог наконец вздохнуть свободно. И не в отдаленных мечтах, а сейчас и здесь!

Он кивнул на этот раз с выражением полной уверенности.

— Я полечу, — сказал он. — И с радостью.

— А вы, Горов? — спросил Чинг.

— Я возмущен, — отвечал Горов, даже без тени юмора. — Я

возмущен тем, что вы угрожаете мне смертью, если я не приму невероятное предложение восполнить огромный пробел в моих знаниях. Вы принимаете меня за идиота? Какой нормальный человек отказался бы от такого предложения? В результате контакта с неземной цивилизацией мы можем мгновенно получить такие знания, на которые в обычных условиях у нас ушли бы тысячелетия. Вы предлагаете мне бесценное сокровище. Конечно, я согласен!

— Я подумал, что может быть, храня верность Гегемонии...

— Гегемония является переходным этапом, — возразил почти что обиженным тоном Горов. — Структурой, которая была полезной человечеству в данной, конкретной ситуации. А теперь условия изменились, и наш долг — измениться вместе с ними. Только Знание неизменно и бессмертно!

— Вы сделали правильный выбор, господа, — сказал Роберт Чинг. — Я сожалею только о том, что не могу улететь с вами. Возраст у меня уже не тот, да и столько текущих дел ждет меня здесь... Дело Братства можно считать законченным только тогда, когда все человечество сможет свободно достичь звезд, как это сделаете вы. «Прометей» всего лишь начало. Как и герой, у которого он позаимствовал свое имя, он принесет человеку небесный огонь — Хаос, бесконечность. Но необходимо, чтобы этот дар исходил с небес, а не от Лукавого... И пока существует Гегемония, Братство будет существовать в этой системе, которая до сих пор была нашей... Однако я слишком далеко забрался, ведь еще столько предстоит сделать в течение месяца. За работу, друзья мои!

12

Аркадий Дунтов находился в помещении центрального поста «Прометей», того самого «Прометей», которого он начал считать своим после целого месяца подготовки. И месяц кончался завтра.

И в самом деле корабль будет полностью принадлежать ему, по крайней мере в течение всего полета к Синюсу 61. Его назначили капитаном. Как только цель будет достигнута, он уступит свое место другим, среди которых и прежний недруг Горов... Но на время полета это был его корабль.

Завтра наступит долгожданный день. Все необходимое оборудование и запасы были погружены, а завтра наступит черед экипажа. Дунтов обвел взглядом экраны и переключатели, которыми он мог теперь пользоваться с закрытыми глазами.

Корабль был оборудован двумя автономными системами управления: одна была классической, другая была непохожа на все остальное до сих пор известное. Для старта, посадки и полетов в пределах Солнечной системы применялась обычная антигравитационная система двигателей. И только за орбитой Плутона включится сверхсветовая... Дунтов в сомнении покачал головой перед пультом управления этой системой. Целый месяц он не покидал профессора Шнеевайса. И если система ему показалась достаточно простой, то в теории он чувствовал себя далеко не так уверенно. Сейчас он старался по возможности точно вспомнить слова профессора:

«Существование «Прометей» никоим образом не противоречит уравнениям Эйнштейна, определяющим скорость света как конечную скорость тел, которые двигаются в пространстве (он представил себе Шнеевайса, объясняющего, что необходима определенная конечная скорость, чтобы разогнать корабль до сверхсветовой скорости в том, что он называл «первичным пространственно-временным континуумом»). Затем нам надо выбраться из него. Вы применяете обычную систему двигателей, чтобы направить корабль по курсу к Синюсу 61 и достичь обычной высокой скорости. Затем вы включаете стазовый генератор. «Прометей» и часть пространства вокруг него окажутся заключенными во временную капсулу или, точнее попадут в «трещину» во времени по отношению к первичному пространственно-временному континууму. По отношению к этому микроконтинууму корабль не превышает скорость света, однако сама капсула перемещается по первичному континууму со скоростью света. Но, в силу того, что корабль уже не занимает определенное пространственно-временное положение в первичном континууме, выводам теории Эйнштейна это не противоречит».

Для Дунтова теория полета была не более ясна, чем «Теория Социальной Энтропии», которую дал почитать ему Чинг. Он понимал все слова, однако то, что они означали, оставалось затянутым густым туманом...

Во всяком случае все это не так уж и трогало его: знаний вполне хватало, чтобы действовать, чтобы правильно выполнять приказы и вести корабль к намеченной цели — вот что было главным. Теорией занимались другие. И, вспомнив о приготовлениях последних недель, он спросил себя, нет ли среди тех, кто умел только думать, но не действовать, людей, способных тайно заводить ему (кроме Чинга, естественно) хоть в какой-то мере...

Константин Горов парил рядом с Чингом в просторном помещении сферической обсерватории, в глубине астероида. Он чувствовал нечто вроде странного головокружения, ощущая это почти материальное пространство, которое как будто обволакивало его со всех сторон. Чувство восхищения, смешанное с почти религиозным ужасом. Это место притягивало его — как и сама личность Роберта Чинга.

Чинг был и в самом деле необыкновенным человеком. Он был во многом похож на самого Горова: он точно так же стремился к знанию, у него был изощренный ум, он точно так же уважал тягу к Знанию у других — редкостное свойство у представителей человеческой расы.

Некоторые аспекты личности Чинга в то же время отталкивали Горова. Как такой умный человек мог поддерживать явно устаревшие, почти религиозные нравы. А его приверженность теории Хаоса... Как мог человек такого ума всерьез восхищаться пустотой, случайностью на грани мании неуверенности Гейзенберга.. Это было смешно и в то же время ужасно.

— Смотрите, Горов, — говорил в это время Чинг. — Эти мириады звезд, каждая из которых является солнцем, потенциальное местожительство человека... Бесконечность Хаоса, действительные размеры Вселенной...

Но вот уже несколько секунд Горов не слушал его. Он только что отметил несколько движущихся тел, летящих со стороны Солнца, — со стороны Земли...

— Смотрите! — воскликнул он, указывая пальцем. — Космические корабли!

Чинг вздрогнул и повернулся в ту же сторону.

— За нами охотятся! — сделал он вывод. — Эти корабли приближаются к астероиду! Можете вы определить их принадлежность? Тотчас вычислить их траекторию!

Наступила продолжительная пауза, в течение которой Чинг сначала еще на что-то надеялся, а потом глухое отчаяние охватило его. Кто же еще, кроме Гегемонии, мог послать эти корабли? И как их задержать? Все старания пойдут прахом, когда до цели рукой подать, когда только и оставалось коснуться звезд...

Голос дежурного офицера раздался в зале:

— Это крейсера Гегемонии, Главный Агент. Тридцать кораблей. Они двигаются прямо на нас, как будто уверены в нашем

присутствии. Они будут здесь примерно через три стандартных часа.

— Невероятно! — воскликнул Чинг. — Все наше оборудование находится под землей. Реактор абсолютно изолирован. Мы соблюдали полное радиомолчание. Каким же образом?...

— Вот наглядный пример того, что касается Гегемонии, — вмешался Горов. — Каким бы дураком Торренс не был, он в конце концов должен был прийти к выводу, что генштаб Братства находится где-то в поясе Астероидов. Затем... он целый месяц вел расследование. Есть, однако, один признак, который невозможно скрыть на сто процентов. Это тепло. Они несомненно подвергли каждый из бульжников исследованию с помощью приборов, сверхчувствительных к теплу. Работа, конечно, еще та. Учитывая отсутствие внутренних источников тепла. У астероидов, любая разница температуры по отношению к окружающей среде тотчас же выдавала присутствие человека. И с этим вы ничего не могли поделать. И сопротивляться этим крейсерам вы тоже не можете. Но... у нас есть три часа. Разве нельзя ускорить подготовку к отлету «Прометей»?

— Это было бы выходом, — отвечал Чинг. — Но «Прометей» не сможет обогнать вражеские корабли. В условиях обычного полета его скорость несколько меньше, чем у обычного корабля, а стазовый генератор нельзя включать на незначительном расстоянии от такой гигантской массы, как Солнце. Это утверждение Шнесвайса. Выхода нет. Если только... Если только...

Выражение обреченности на лице Чинга уступило место выражению триумфа, близкому к экстазу, — так, по крайней мере, показалось Горову.

— Ну конечно! — воскликнул Главный Агент. — Конечно же! Хаотичный Акт! Это единственный выход! Конечный Хаотичный Акт, вызванный обстоятельствами! Чего еще желать?

Он повернулся к Горову и тому показалось, что нечто похожее на нимб появилось над головой старика... С религиозного фанатика мигом слетела вся шелуха его рациональных рассуждений.

На глазах Горова обнажился этот аспект личности Чинга, который отталкивал его, внушал ему инстинктивный ужас. Но на этот раз Главный Агент олицетворял надежду.

— Быстрее! К кораблю! Грузитесь как можно скорее! Человек познает звезды, а я... Конечный Хаотичный Акт!

По истечении двух часов лихорадочной деятельности Борису

Джонсону удалось наконец-то уютно расположиться в своей ячейке центрального поста «Прометей». Рядом с ним в специальной ячейке, оставлявшей свободными руки, полулежал Аркадий Дунтов, который занимался последними приготовлениями, стремясь ускорить насколько возможно всю процедуру взлета. Три других ячейки занимали абсолютно незнакомые люди, а в остальных каютах Горов и сотня других Братьев ожидали момента взлета. Все было готово.

И теперь после всей суматохи, Джонсон мог в спокойной обстановке обдумать, до какой же степени их положение было безнадежным.

Крейсеры Гегемонии были менее чем в часе полета, и приближались они полным ходом. У «Прометей» не было ни малейшего шанса оторваться от них до выхода на орбиту Плутона, а маломощные корабли Братства, базирующиеся на астероиде, могли продержаться не более двух-трех минут...

Ситуация была безнадежной... Но в течение последних месяцев Джонсон столько раз попадал в безнадежные ситуации, что уже не мог поверить, что именно эта станет последней...

И вся база бурлила. Какая-то лихорадочная деятельность во всех ее уголках заставляла предположить, что что-то подготавливалось... Джонсон уже неоднократно слышал странные слова «Конечный Хаотичный Акт», которые проскальзывали в разговорах Первых Агентов, в то время как на лицах простых Братьев появилось необычное выражение — одновременно торжественное и задумчивое. Вне всякого сомнения им было известно нечто такое, к чему Джонсон не имел доступа. И он в конце концов привык к этому. Но что же крылось за всеми приготовлениями?

Засветился экран, расположенный прямо перед Дунтовым, и Джонсон мог теперь видеть приближение серебристых кораблей, грациозных и в то же время зловещих, которые уже были готовы наброситься на свою добычу...

Голос Роберта Чинга послышался в рубке:

— Агент Дунтов, не пытайтесь отвечать. С этого момента вы соблюдаете абсолютное радиомолчание. Вы точно выполните все последующие распоряжения. (Голос Главного Агента звучал сегодня как-то особенно необычно. В нем чувствовался металл, что можно было приписать просто командному тону...) Вот эти распоряжения: вы будете держать «Прометей» в полной предстартовой готовности, однако взлетите только тогда, когда получите сигнал. Этим сигналом будет открытие выходного шлюза. В этот

момент вы взлетите. Вы не должны уточнять и менять курс в этот момент. Вы просто направитесь на полной скорости в направлении к Синюсу 61 и будете поддерживать максимальное ускорение до тех пор, пока будет существовать опасность в виде крейсеров Гегемонии. Не беспокойтесь! У вас времени на все хватит. Когда опасность минует, тогда вы займетесь уточнением курса. Следуйте этим указаниям абсолютно точно. Во имя Хаоса. Прощайте. Конеч.

— Но корабли... — запротестовал Дунтов.

Однако он тотчас же опомнился и прикусил язык. Потом включил рацию, повернулся к Джонсону, чтобы задать ему риторический вопрос, который не давал ему покоя:

— Ведь их невозможно обогнать, Борис. А базирующихся на астероиде кораблей явно недостаточно, чтобы задержать их надолго. И ближайшая база Братства на расстоянии двух дней полета...

— Не рассчитывай на мой ответ, Аркадий. Здесь решает Братство. Но Чинг, похоже, уверен в себе. И до сих пор события никогда не заставляли его врасплох.

— В самом деле... — пробормотал Дунтов. — Роберт Чинг не может разочаровать нас.

«Я хотел бы разделить с тобой твою слепую веру, Аркадий, — подумал Джонсон. — Или...»

Просторное помещение обсерватории, расположенной в самом сердце астероида, было заполнено Братьями — Первыми Агентами, рядовыми исполнителями, командирами подразделений, техниками, машинистами — здесь собрались все, кто не попал на борт «Прометей» — призрачные силуэты, парящие в замкнутом лишенном тяжести пространстве, сумеречном и ненадежном...

Относительно спокойно было только в непосредственной близости от прямоугольного телеэкрана, занимавшего целую стену: здесь находился сам Роберт Чинг, который вместе с обслуживающим персоналом возился с аппаратурой, имевшей видимо, непосредственное отношение к полету «Прометей». Несколько толстых жил силового кабеля, протянутых по полу, уходили вверх и терялись в коридорах наверху. Перед Чингом был также установлен пульт управления с двумя прерывателями, двумя небольшими телеэкранами и передатчики.

На одном из экранов появилось изображение окруженной ска-

лами впадины, которая маскировала вход в шахту взлета и посадки. На другом застыло изображение похожего участка поверхности — только на противоположной стороне астероида.

Чинг отвернулся от экранов и долгим взглядом обвел окружавшие его со всех сторон звезды, те самые, которые он больше никогда не увидит, эти чудесные миры, которые предстоит в скором времени открыть «Прометею» и которых его самого лишили навсегда...

Но смерть, единственное событие, которое неминуемо для любого человека — раньше или позднее... Она неизбежна. И лучше всего сделать так, чтобы у нее был смысл. А разве много таких людей, у которых был бы шанс выбрать смерть, наполненную смыслом, самым грандиозным смыслом — Конечным Хаотичным Актом. Победой посредством самоубийства, реализацией наивысшего парадокса?! Какой же еще конец мог бы увенчать жизнь, прожитую в служении Хаосу?!

Не без сожаления оторвался он от созерцания мерцающих жемчужин на черном бархате бесконечности и снова занялся аппаратурой. Теперь пора действовать. Потом у него еще будет несколько минут для последнего — да, для последнего — размышления...

Он включил рацию и почувствовал, как тотчас же возросло напряжение в толпе в связи с этим жестом, который служил сигналом для начала первого акта этой последней драмы.

— База Братства вызывает командующего эскадрой Гегемонии... — сказал Чинг, в то время как вражеские крейсера на просторном экране перед ним все приближались и приближались по окружности к астероиду...

— База Братства вызывает командующего эскадрой Гегемонии...

Ему ответил грубый и хриловатый голос:

— Говорит Вице-Адмирал Лазар, командующий 341-й эскадрой Гегемонии. Ваша база полностью окружена. Мы обладаем мощностью огня, достаточной, чтобы превратить в пыль ваш астероид со всем, что в нем есть. Любая попытка бегства обречена на провал. Предлагаю следовать моим указаниям. Половина моих кораблей сядет, а остальные останутся на орбите, готовые в любой момент открыть огонь при малейшем нарушении с вашей стороны. Отвечайте.

Мысли с бешеной скоростью нанизывались одна на другую в голове Чинга. Для успешной реализации Конечного Хаотичного

Акта нужно было, чтобы все корабли сели на астероид. Необходимо, чтобы все корабли нашли свой конец, чтобы ничто не помешало «Прометею» достигнуть окраин Солнечной системы и направиться к звездам. Если хотя бы одному крейсеру удастся избежать этой участи, все старания Чинга напрасны... Надо было найти средство, чтобы убедить адмирала совершить посадку со всей эскадрой!

И вдруг он вздохнул с облегчением. Решение было перед ним — и такое простое — как будто он всегда знал его: «чтобы убедить кого-то что-то сделать, надо потребовать, чтобы он сделал нечто прямо противоположное...»

Слегка улыбнувшись, он сказал в микрофон:

— База Братства вызывает Вице-Адмирала Лазара. Мы не скрываем, что у нас нет ни малейшего шанса выбраться. Однако на этой базе много тысяч вооруженных и решительных Братьев, и мы можем, если вы нас вынудите, заставить вас дорого заплатить за победу. Однако мы готовы на почетную капитуляцию, чтобы избежать напрасных жертв. Предлагаю сесть только вашему кораблю, тогда как вся ваша эскадра останется на орбите. При любом другом решении мы будем сопротивляться до последней капли крови!

— Вы еще осмеливаетесь диктовать мне условия! — прошипел в ответ Адмирал. — Вы думаете, что я такой дурак, чтобы посадить свой корабль в таком месте, где полно вооруженных врагов?! А теперь слушайте мои условия. У меня тридцать кораблей. На Борту каждого сотня отборных и вооруженных солдат. Я намереваюсь посадить всю эскадру, нравится вам это или нет. Можете сопротивляться. Посмотрим, долго ли вы продержитесь против трех тысяч Стражников!

— Ладно, — сказал Чинг мрачным тоном, делая вид, что смирился. — Приходится покориться превосходящим силам... Мы не окажем никакого сопротивления, если ваши люди не применят оружия первыми. Вам лучше сесть на освещенную часть астероида.

— Моя эскадра сядет там, где я укажу! — прорычал Лазар в ответ.

— В вашей власти решать, — отвечал Чинг со смирением в голосе. — Однако, даже если это в наших интересах, я должен предупредить вас, что почти вся противоположная сторона астероида состоит из искусственных материалов — это декорации в виде скал, чтобы замаскировать наши объекты. Если вы попыта-

етесь там сесть, вы рискуете погубить свои корабли, всех нас, а заодно и себя...

— Ладно, — сказал Лазар ворчливым тоном. — Мы сядем так, как вы указали, и поверху доберемся до вашей базы с большой частью отряда. Не забывайте, что любая попытка к сопротивлению вызовет немедленное уничтожение всех вас. Конец.

Роберт Чинг выключил радио и повернулся к Братьям.

— Жребий брошен, — объявил он торжественно. — Назад врата нет. Вы это знаете и нам осталось жить всего несколько минут. Все очень просто. Сейчас все корабли Гегемонии совершат посадку. Как только это произойдет, они уже не смогут быстро взлететь, так как для запуска двигателей нужно время. В момент их посадки, я, вот этим прерывателем (он указал на небольшой пульт перед ним) открываю створки взлетно-посадочной шахты, и «Прометей» тотчас стартует.

Он сделал паузу, вздохнул и продолжал:

— В соответствии с произведенными расчетами крейсерам для взлета необходимо минимум три минуты, считая с момента обнаружения «Прометей». Таким образом у него будет две минуты пятьдесят секунд, чтобы отлететь на достаточное расстояние. По истечении этого времени я воспользуюсь вторым прерывателем. Я думаю; незачем говорить вам, что произойдет после этого...

Чинг надолго замолчал, а когда снова заговорил, то казалось это был уже другой человек. Который обращается к самому себе более, чем к присутствующим.

— Конечный Хаотичный Акт. Победа через самоубийство. Никогда еще в истории Братства победа не была такой осязаемой. Поэтому Конечный Хаотичный Акт не имел смысла. А теперь мы умрем добровольно, уверенные, что Хаос восторжествует, что человек познает звезды, свободу, бессмертие. Но что такое смерть? Ведь все люди обречены, однако не в состоянии выбрать благоприятный момент. Эту свободу выбора человек может осуществить в любой момент. Самоубийство является единственным правом, которое не может отменить никакая тирания. Но никогда еще в нашей истории нам не удавалось победить посредством самоубийства. Сегодня мы все вместе совершим Конечный Хаотичный Акт. Никакая смерть не может быть более достойной служителя Хаоса. Мы умрем, как индивидуумы, но Братство останется еще более жизнеспособное, чем раньше. Да, человек не вечен, но Хаос продолжается. В течение последних минут мы не сможем попрощаться как следует, поэтому я про-

щаюсь с вами сейчас. Прощайте. Все вы верно служили Хаосу. Теперь вы отдадите ему последнюю дань в виде вашей смерти. Хаос, братья мои! Хаос и победа!

Никто из присутствующих не произнес ни слова, не сделал ни единого жеста. Роберт Чинг был горд своими братьями. Он знал, что они приготовились ко всему этому с момента появления кораблей Гегемонии. Но, скорей всего, они готовились в течение всей своей жизни. Осталось только действовать.

Чинг взглянул на экран, который передавал изображение освещенной стороны астероида. Все более или менее подходящие площадки в скалах были усеяны силуэтами ракет. Чинг вслух считал корабли, которые продолжали садиться: 15... 17... 20...

Люки спустившихся кораблей открывались, и один за другим оттуда появлялись Стражники в скафандрах и с оружием в руках, в то время как остатки эскадры заканчивали посадку.

23... 27... 30... Тридцать! Все они сели — и все очутились в ловушке!

Рука Чинга еще на какой-то момент задержалась на ручке прерывателя, который должен был раскрыть люк шахты. Надо было подождать, пока все завоеватели покинут корабли, чтобы создать как можно большую панику в момент взлета «Прометея».

Тем временем Стражники продолжали высаживаться на скалистые утесы, группируясь вокруг своих кораблей. Затем началось боевое построение, а тяжелые дезинтеграторы приводились в состояние боевой готовности...

— Время! — послышался голос Роберта Чинга.

Он опустил первый переключатель и повернулся ко второму экрану. Створки над шахтой начали раздвигаться, скалистый провал начал расширяться... Теперь створки были наполовину открыты и на экране можно было различить силуэт «Прометея», застывшего в глубине шахты и готового вознестись в бесконечность...

А в это время в помещении центрального поста «Прометея» Борис Джонсон тоже следил по телевизору за тем, как разворачивались события на другой стороне астероида. Он уже не знал, что и думать. Роберту Чингу явно удалось убедить командующего вражеской эскадрой посадить все корабли. Может быть, Дунтову и удастся взлететь. И даже покинуть астероид. Но это напрасные усилия. У них было не более пяти минут до того момента, когда командир эскадры должен был заметить их бегство. Ну и что?

Даже при условии опережения в пять минут, которое у них было, их обязательно догонят и превратят в пыль.

Растерянный, уже готовый распрощаться со своими надеждами, Джонсон грустно смотрел на экран, на котором виднелись тяжелые створки выходного люка. И вдруг прямо у него на глазах они начали медленно раздвигаться, а за ними показалось небо, показались звезды...

— Теперь наша судьба в руках Хаоса, — сказал Дунтов.

Двигатели были запущены.

Борис Джонсон почувствовал знакомое чувство невесомости в тот момент, когда исчезла сила искусственной гравитации в звездолете, затем его резко прижало к ячейке силой ускорения двигателей.

И они оказались в пустоте, черной и холодной. Несмотря на невероятное ускорение, которое буквально спрессовало все его органы, Борис Джонсон старался не упустить ничего из того, что показывал экран, стараясь не думать о крейсерах Гегемонии, которые через несколько секунд должны были пуститься на охоту за «Прометеем» и...

Он втянул голову в плечи в ожидании неизбежного. Он уже представлял собой крейсера, готовые вцепиться в свою добычу, лазерные пушки, термоядерные ракеты. Испытывая какое-то болезненное любопытство, он уже задавал себе вопрос, почувствует ли он что-нибудь в тот момент, когда «Прометей» будет дезинтегрирован...

Когда Чинг увидел, что гигантский космический корабль вырвался из шахты, он понял, что жизнь его была не напрасной, что самые сокровенные желания всей его личности осуществились. Он почувствовал, что душа его как будто понеслась к звездам вслед за серебристой ракетой — к звездам, к будущему человечества.

Мысленно он начал считать истекающие секунды. 10... 15... 30...

Сделав над собой усилие, он с трудом оторвался от изображения корабля, который быстро удалялся, и повернулся к экрану с изображением крейсеров Гегемонии. Противник явно обнаружил исчезновение «Прометея», если судить по той суматохе, которая поднялась вокруг вражеских кораблей. Люки на многих уже захлопнулись, отряды Стражников бегом направились к своим ракетами, в то время как другие в панике бросились в разные стороны...

Минута... минута 10 секунд... двадцать... тридцать... сорок...

Чинг обвел взглядом Братьев, столпившихся вокруг него. Все взоры были обращены на экран, и все губы беззвучно отсчитывали все те же секунды.

Поколебавшись какую-то долю секунды Чинг еще раз взглянул на экран и нажал на вторую ручку.

Сигнал пошел прямо в сердце астероида, через тонны свинцовых экранов, и поступил в систему автоматического регулирования термоядерного реактора, который снабжал энергией генштаб Братства. Сначала медленно, а потом все быстрее стержни начали выпадать, и замкнутая расщепляющаяся масса начала подниматься до критической точки, когда титанический взрыв должен был превратить астероид со всем, что находилось снаружи и внутри — с Братьями, Стражниками, кораблями Гегемонии — в безмянные атомы.

Ядерный взрыв должен был уничтожить корабли Гегемонии и открыть путь к звездам.

Победа через самоубийство — Конечный Хаотичный Акт.

И Роберт Чинг снова повернулся к звездам, к бесконечному пространству, которое ему еще показывал широкий экран, рядом с которым он парил. Там, вдалеке «Прометей» превращался в тонкую серебристую черточку...

Чинг закрыл глаза и мечта и превратилась в явь.

Он действительно находился в космосе, его бесплотное тело составляло одно целое со всей Вселенной — ничтожная песчинка среди миллионов Солнц, выполнив на благо Хаоса свое предназначение...

Ведь он уже пережил неминуемое разрушение... Весь астероид, корабли Гегемонии, субстанции его тела были превращены термоядерным взрывом в первозданный Хаос, из которого они когда-то возвратились к Случаю, Хаосу, посредством деления атома...

И в тот самый момент, когда его мечта становилась реальностью, Роберт Чинг наслаждался своей смертью — история превратилась в победу, которая окончательно соединила его и его душу и тело с тем, что всегда было смыслом его жизни.

Теперь Роберт Чинг составлял одно целое с Хаосом.

Борис Джонсон почувствовал, как ударная волна огромной силы потрясла «Прометей», как будто хотела выкинуть именно его из ячейки.

Он подумал, что корабль сейчас развалится и, предполагая следующий удар станет последним, приготовился к смерти.

Однако больше ничего не последовало. Только время от времени плухо ударяло в корпус корабля, как будто он перебежал метеоритное облако невиданной плотности.

Потом... больше ничего! Они были целы и невредимы...

Взглянув на контрольный экран, он не увидел ничего кроме тьмы и звезд.

— Что же это было? — спросил он у Дунтова в изумлении.

— Я не знаю, — отвечал командир экспедиции. — Если только...

Он нажал на какой-то переключатель, и экран заднего обзора осветился. Джонсон с опасением взглянул на него, ожидая увидеть корабли Гегемонии, брошенные в погоню за ними...

Однако ничего подобного. На том месте, где раньше находился астероид, теперь медленно расходилась гигантская туча пыли и обломков, которая на таком расстоянии казалась безобидным пятнышком. Вот откуда удары по корпусу. Астероид и крейсеры превратились в однородную пыль. А также люди...

Но теперь «Прометею» нечего было опасаться.

— Что может быть более хаотичным, чем победа посредством самоубийства? — прошептал Аркадий Дунтов.

— Что-что?

— Это цитата из Марковица. По поводу того, что он называл «Конечным Хаотичным Актом». Победа через смерть.

— Ты хочешь сказать, что... что все это не случайно? — спросил Джонсон. — Что Чинг специально взорвал астероид?

— Я в этом уверен, — отвечал Дунтов. — Они отдали свою жизнь, чтобы «Прометей» мог долететь до звезд...

Джонсон ничего на это не сказал. Он понимал и не понимал. Такой человек, как Горов, с его холодным и логичным интеллектом, мог бы совершить нечто подобное: пожертвовать собой, чтобы обеспечить счастливое будущее человеческой расы. Но в то же время у Джонсона было такое чувство, что дело не только в этом.

Он думал, что для Чинга это был не просто жест отчаянья, а нечто такое, что, может быть, никогда не дойдет до него, никогда не будет доступно его, Джонсона пониманию. Он вздрогнул. Ведь Век Религий окончился много столетий назад. Или же он окончился сегодня вместе с Робертом Чингом? Или он окончится неизвестно когда?

Через час, когда были произведены последние коррекции и звездолет точно направлен по траектории в окрестности Синюса

61, Борис Джонсон спокойно любовался далекими звездами, которые устремились им навстречу быстрее, чем со скоростью света.

Что ожидало их в конце пути? Далекие звезды, полеты и всегда — отдаленные опасности. Их ожидало бессмертие, бессмертие для Человска, которое заключается в завоевании равнодушной Вселенной.

Битва только начиналась. И через миллион лет все будет так же. Битва всегда будет начинаться.

Борис Джонсон ничтожная песчинка, которую Энтропия случайно пощадила, спокойно любовался миллионами звезд, которые ждали его, эти миниатюрные островки на поверхности небесного океана, бездонного и безбрежного. И впервые в своей жизни он различил лицо Хаоса.

И ему показалось, что в мириадах этих немигающих глаз, во всех этих застывших звездах он узнает рассеянные атомы того, что некогда было лицом Роберта Чинга.

Звездная крепость



1

Снова неравный бой. Как обычно: четверо против трех, постоянное соотношение сил в течение всей этой проклятой войны. Так же было и сейчас, в битве, которая вот-вот должна была начаться в звездной системе Сильванны. Противник выстраивал свои традиционно окрашенные в черный цвет корабли в боевой порядок. Пересекая орбиту самой дальней планеты системы, вражеский флот принял форму пирамиды, двигаясь основанием ее вперед. Корабль командующего, как всегда, находился в самой вершине построения.

Со своей стороны, командующий Одиннадцатым флотом Джей Палмер выстроил свои корабли в форме трех расположенных друг над другом дисков, его корабль находился в центре среднего из них — тоже дань давней традиции.

Командующий сидел в боевой рубке корабля, перед центральным экраном, на котором флот дуглариан выглядел классической пирамидой, состоящей из многочисленных точек красного цвета. Корабли собственного флота Джея мерцали на том же экране шестидесятью точками красивого золотистого цвета, и их было явно меньше, чем кораблей противника.

Сильванна, солнце типа G5, выглядела на экране большим зеленоватым шаром. Слева от Палмера располагалось табло потерь. Сейчас на нем горело шестьдесят зеленых огоньков, указывающих, что каждый из его кораблей, приготовившихся к сражению, цел и невредим. Смена зеленого цвета на янтарный указывала на тяжелое повреждение корабля, который не потерял еще способности самостоятельно передвигаться в пространстве. Голубой говорил, что корабль полностью выведен из строя или уничтожен. Справа от его кресла находился подключенный к компьютеру экран.

Палмер был одет в комбинезон оливкового цвета без каких бы то ни было знаков отличия. В предстоящей битве он и его флот должны были стать единым организмом. Корабль команду-

ющего, где находился главный вычислительный центр, был мозгом этого единого организма, а сам Палмер — его душой и сердцем.

Командующий был соответственно экипирован: правый из наушников у него на голове держал Палмера в постоянном контакте с офицером-программистом, находящимся непосредственно у компьютера; по левому командующий получал информацию от любого из шестидесяти капитанов кораблей его флота. К горлу плотно прилегал ларингофон. Руки Палмера лежали на переключателях связи.

— Компьютер, — прорычал Джей, — подтвердите данные.

— Восемьдесят «собак»*, — пробормотал компьютер в правое ухо командующего. — Трасктории пересскуются через час.

Тонкое лицо Палмера скривилось. Он был довольно красивым парнем, и женщины не обходили его своим вниманием. Но сейчас лицо его стало угрюмым, глубокие морщины избороздили лоб и щеки.

Указательным пальцем он ткнул в кнопку сети общего оповещения.

— Перемещение от плоскости эклиптики на 90 градусов к северу и побыстрее, черт побери!

Экран, связанный с компьютером, выдал картинку общего положения его кораблей в пространстве. Состоящий из золотистых точек диск согласованным маневром поменял свою позицию. Сражения в космосе обычно начинались с того, что каждый из противников старался выбрать наиболее выгодную для себя позицию. Главный принцип тактики заключался в том, чтобы не попасть в позицию между неприятельским флотом и солнцем, особенно когда ты находишься в меньшинстве. Дуглариане же, обладающие обычно большим количеством кораблей, стремились полуобхватить корабли землян по фронту, не позволяя им ускользнуть в стороны. Если только им удавалось осуществить этот маневр, можно было считать битву проигранной: превосходящее силовое поле кораблей «собак» оттесняло землян к светилу, которое помогало в этом неприятелю силой своего поля тяготения. Из таких ситуаций выбирались лишь отчаянно везучие одиночки. Силовое поле дуглариан было мощнее, поскольку они атаковали лишь

*На английском — «duglaari». Аббревиатура этого названия должна была бы звучать как «dugs», но земляне того времени были настолько полны эмоций к своему противнику, что предпочли называть их «dogs» — т. е. собаки (прим. переводчика).

находясь в явном большинстве. Они всегда стремились сломать своим полем правильный порядок построения землян и, если это удавалось, битва сводилась к поединкам кораблей между собой, что, учитывая численное превосходство дуглариан, всегда было им на руку.

Правда, случалось, что флот землян замыкался в защитном поле, как еж в клубок, но ни к чему хорошему это не приводило: его просто сталкивали на светило или, при большом преимуществе в численности кораблей, противник сдавливал его снаружи своим силовым полем до тех пор, пока в центре не образовывалась жуткая мешанина из металлических частей кораблей и человеческих останков.

На верхней губе Палмера появились капельки пота. Его флот сейчас поднимался над плоскостью эклиптики, но командующий дуглариан заметил этот маневр, и конус его кораблей поднялся тоже. Оба флота сближались с огромной скоростью. Начало сражения напоминало шахматную игру с заранее известными традиционными дебютными ходами.

План Палмера был прост как дважды два. Если бы его флоту удалось подняться над флотом противника, можно было бы попытаться зайти им в тыл. Тогда уже дуглариане имели бы за своей спиной притягивающую силу Сильванны, которая помогала бы давлению силовых полей его флота, нейтрализовав численное преимущество дуглариан. Силы стали бы приблизительно равными.

Но дуглариане, разгадав маневр Палмера, поднимались над плоскостью эклиптики так же быстро, как и земляне. Опытным взглядом оценив скорость их подъема, Джей не мог не признать, что скорость противника превосходит скорость его кораблей процентов на пять. Земляне быстро теряли преимущество в высоте. Палмер выругался про себя.

— Уменьшить скорость на три четверти, — приказал он.

Флот землян замедлил свой подъем. Было ясно, что противник вскоре окажется выше них, но Палмер надеялся, что разница в высоте не будет расти слишком быстро. Он хотел, чтобы командующий дуглариан оставался в уверенности, что земляне все еще пытаются достичь преимущества в высоте. Если бы ему удалось заставить дуглариан поддерживать эту скорость подъема подольше, тогда...

Вскоре оба флота оказались на одной высоте над плоскостью эклиптики.

— Уменьшить скорость еще на две трети.—Флот землян вновь замедлил скорость подъема. Палмер внимательно изучал данные,

посылаемые ему центральным компьютером на главный боевой экран. Противник скорость не уменьшил. Пока все шло как надо. Учитывая преимущественное положение в высоте, основание их конуса сконцентрирует силовое поле и начнет давить им на диск землян, оттесняя его к солнцу. Но пока они старательно набирали запас высоты. Их скорость подъема уже вдвое превышала скорость землян и продолжала нарастать. Ее уже невозможно было быстро погасить. Решающий момент наступил.

— Прекратить подъем — приказал Палмер, — Всем экстренное торможение. Поворот на сто восемьдесят градусов. Спускайтесь! Спускайтесь! Спускайтесь!

Флот землян прекратил подъем и с нарастающей скоростью ринулся в противоположном направлении вниз, к плоскости эклиптики, пересек ее и продолжил пикирование.

Дуглариане тоже начали срочное торможение, попытавшись преследовать корабли землян. Но момент был упущен! Их командир срсагировал недостаточно быстро. По правде говоря, в выборе позиции он проиграл еще раньше, когда не обратил внимания на замедление подъема землян.

— Поворот на девяносто градусов, — последовал новый приказ.

Теперь флот землян двигался параллельно плоскости эклиптики, чуть ниже. Он, как стрела, промчался под снижающимся флотом противника, оказавшегося теперь между ним и Сильванной.

— Вверх! Поднимайтесь! Выше! Выше! — Флот землян максимально быстро набирал высоту, дуглариане тормозили изо всех сил и тщетно пытались вновь набрать высоту, но земляне сохранили свое преимущество: оба флота поменялись позициями. Внутри неприятельского флота последовало быстрое перемещение кораблей, и вскоре перед диском землян вновь находилось основание конуса, тогда как его вершина была направлена прямо на солнце.

Маневр удался. Противник оказался зажат между Сильванной и земным флотом.

Палмер запросил компьютер, достаточно ли у него сил, чтобы начать давление на неприятельский флот, хотя был почти уверен в ответе. В обычных условиях пульсация силового поля использовалась на кораблях для осуществления самого полета. В тех же случаях, когда корабли располагались близко друг к другу, индивидуальные поля каждого из них складывались в общее силовое поле, способное действовать на любой находящийся перед ним объект, в данных обстоятельствах — флот дуглариан.

Но у тех имелось свое силовое поле, противодействующее полю землян. И сейчас маневры обоих флотов определяли три основных фактора: мощности поля земных кораблей, мощность поля кораблей противника и притяжение Сильванны, с которым должны были бороться дуглариане. Сила поля противника была больше, так как количество кораблей соотносилось как четыре к трем, но если учесть притяжение звезды... Ответ компьютера прозвучал в ухе Палмера:

— Ответ отрицательный. Во всяком случае могло быть и хуже. Сейчас соотношение сил полей равное. Мы не можем сдвинуть их в сторону солнца, но и они не могут нас оттолкнуть. Нулевая ситуация.

Палмер вздохнул с сожалением. Этого он и ожидал. Выиграв позицию, земляне выиграли первый раунд, нейтрализовав преимущество вражеского флота в силе поля. Первая фаза сражения — поиски выгодной позиции — обычно занимала около одного — полутора часов, после чего наступала вторая фаза — борьба на выматывание, которая могла длиться до бесконечности.

Таким образом, в той ситуации, когда сила энергетических полей не давала преимущества ни одной из сторон, оставался лишь один способ нарушить это равновесие — уничтожить как можно больше кораблей противника и тем самым ослабить его поле. Но в условиях противодействия полей любое баллистическое оружие являлось неприемлемым, так как никакой предмет, обладающий массой, не смог бы преодолеть точки соприкосновения полей, где сила действия была равна силе противодействия. Так же неэффективны были антипротоновые пушки, поскольку антипротоны все-таки обладали определенной массой. Не годилось ни ядерное ни термоядерное оружие, потому что взрыв происходил бы на равном расстоянии от обоих противников. Таким образом выбор оружия значительно сокращался. Оставалось лишь термическое.

— Компьютер, — распорядился Палмер, — бери управление на себя. Используй для начала программу ГН-64.

Командующий нахмурил брови. Наступал момент сражения, который он не любил больше всего. Единственным оружием, эффективным в данной ситуации, могли быть лазерные пушки, которые выбрасывали лучи тепловой энергии невероятной силы. Но, как и при любом другом существующем термическом оружии, эти лучи должны были действовать на броню кораблей в течение некоторого времени, чтобы успеть разрушить ее или причинить достаточно серьезные повреждения.

Он бросил взгляд на главный экран, воспроизводящий общую картину сражения. Корабли в центре построения дугларианского

флота начали движение, внешне — вполне хаотическое, вроде бы без всякого плана. Но в этом и был смысл — помешать прицельному огню орудий землян. Что касается кораблей его флота, то они тоже начали двигаться в танце смерти, выполняя столь же сложные и непредсказуемые перемещения в пространстве.

Перемещения эти казались беспорядочными, но лишь на первый взгляд. Кроме необходимости избежать тепловых лучей из лазеров противника, корабли обоих флотов должны были оставаться достаточно близко друг к другу, чтобы не разорвать общего силового поля, давящего на противника.

Никакой человеческий мозг не мог бы совершить такого количества расчетов за единицу времени, поэтому этой фазой сражения всегда командовали компьютеры. Палмеру, как командующему, принадлежало лишь право выбрать одну из тысяч предусмотренных заранее программ, которые были заложены в компьютере, и менять их по мере надобности. В этом заключалось мастерство и опыт командующего флотом. Он мог в любой момент включить соответствующую программу, но на этом заканчивалась его роль командира. С этого момента он уже не мог руководить своим флотом, что ему совсем не нравилось.

Тепловой луч дугларианского корабля скользнул, не причинив вреда, по одному из кораблей внешнего ряда землян. Тотчас же луч лазера настиг один из кораблей в основании пирамиды дуглариан, который немедленно поменял позицию и исчез из поля зрения. Лазерный луч безрезультатно полосовал пустое пространство. Компьютеры обоих флотов пытались предугадать перемещения кораблей противника и направить лучи в точки ожидаемого перемещения. Палмер, как и большинство командующих флота, ненавидел компьютеры. Во-первых — они ограничивали его возможности полного управления флотом во время сражения, во-вторых — Главные Компьютеры, находящиеся на его родной планете, Олимпии, прямым ходом вели эту войну к полному поражению. Компьютеры противника считали быстрее земных, и самих дуглариан было значительно больше, чем землян. Человечеству грозило полное уничтожение, а компьютеры уже триста лет нескончаемо пели одну и ту же песню на проигрыш.

На экране потерь один зеленый огонек превратился в янтарный. Вражеский компьютер, похоже, расшифровал его план ГН64.

— Перейди к программе ГП12, — приказал Палмер. Компьютеру дуглариан понадобится еще некоторое время, чтобы подобрать ключ к новой программе, прежде чем он сможет противостоять ей, и... Наконец-то!

Один из красных огоньков, обозначающих корабли противника, запылал бордовым цветом и исчез. Одной собакой меньше!

Настала очередь дуглариан менять свой план. Эта игра могла продолжаться долго. Как только один из компьютеров начинал предугадывать передвижение кораблей противника, программа менялась и все начиналось сначала. Больше не было сражений лицом к лицу, когда один мощный оружейный залп мог вывести из строя большое количество кораблей противника. Сражения выглядели как медленное выгрызание неприятельских кораблей: один корабль дуглариан — здесь, другой корабль землян — там, пока равновесие противодействующих силовых полей флотов не нарушалось.

К сожалению, так случалось не всегда. Палмер сейчас вспомнил сражение, которым руководил командующий Боумен. Пятьдесят землян против шестидесяти восьми собак. Ничье силовое поле не обеспечивало достаточного преимущества. За каждый уничтоженный неприятельский корабль земляне теряли один из своих. И так продолжалось в течение суток. В конце концов все кончилось полным уничтожением кораблей обоих флотов. Это было чистым идиотизмом! Джей Палмер хорошо знал, что он ХОТЕЛ БЫ сделать: внезапно сломав построение, сосредоточить главные силы в стремительной атаке на корабль командующего неприятельским флотом. Не считаясь с потерями, покончить с ним, а значит — с Главным Компьютером противника, и сражение было бы выиграно. Неприятель не смог бы тогда одновременно избегать лучей лазеров и поддерживать единое силовое поле.

Но он знал, что подобная тактика, даже в случае победы, не избавит его от сурового ответа перед Военным Советом сразу же по возвращении на базу. Даже самые незначительные стычки с противником в своих малейших деталях должны были проходить под неусыпным контролем и руководством компьютеров. Любой командир, достаточно самонадеянный, чтобы бросить вызов мастерству компьютера, наказывался арестом и работами в отхожих местах. И это, если ему повезет!

Еще один огонек на экране потерь зажегся янтарным цветом, затем — голубым. И еще один! Гром небесный!

— Перейти на ГН41!

Проходил час за часом. Сражение продолжалось. Пространство понемногу заполнялось поврежденными кораблями, кусками искореженного металла, облаками осколков в тех местах, где корабли взрывались под лучами настигших их лазеров.

Корабли продолжали битву, оставаясь внутри своих построений и исполняя каждый свой индивидуальный танец смерти. Палмер весь взмок. Ему уже казалось, что он всю свою жизнь провел в этом кресле пилота. Мускулы его большого тела ныли от напряжения, горло пересохло и горело от жажды и непрерывных команд, отдаваемых им по микрофону.

Флот землян уже использовал сотни программ сражения, как, впрочем, и дуглариане.

Палмер окинул мрачным взглядом экран потерь своего флота. Там горело десять янтарных огоньков и семь голубых. Семнадцать кораблей вышло из строя! Дуглариане потеряли лишь четырнадцать. Джей понимал, что мало-помалу он проигрывает сражение. Положение пока еще не было безнадежным. Используя резервную мощность, земной флот удерживал свою позицию. Но если они потеряют еще на десять кораблей больше, чем дуглариане, сражение перейдет в свою третью фазу, и тогда...

— Компьютер, оценка ситуации, — прохрипел он осипшим голосом.

— Вероятность победы «собак», — раздалось у него в ушах, — семьдесят процентов, вероятность победы землян — двадцать три процента, ничейный результат — семь процентов.

Палмер вздохнул. Он принял решение. Как только вероятность победы противника достигнет восьмидесяти процентов, он прервет боевой контакт и вынужден будет отступить. В противном случае...

В противном случае неприятельский флот будет становиться все более мощным по силе своего энергетического поля. Так как сейчас земляне толкали дуглариан по направлению к солнцу Сильванны, конец не будет слишком быстрым, ибо собаки не могут их прижать к светилу. Но, скорее всего, они вскоре изменят свое построение, сменив пирамиду на «полумесяц», концы которого обхватят с двух сторон флот землян, и затем постараются полностью окружить его. Силовое поле противника, став гораздо сильнее поля землян, замкнет земной флот в силовой кокон и будет сжимать до тех пор, пока земные корабли не начнут сталкиваться друг с другом и не превратятся в огромную компактную массу разодранного на куски металла и человеческих тел. В начале войны, триста лет тому назад, такие битвы не на жизнь, а на смерть, происходили с пугающей регулярностью. Нужно было потерять много кораблей и людей, чтобы понять урок: если не можешь победить — дерись, отступая. Беги с тем количеством кораблей, которое можешь спасти. Акты героизма лишь увели-

чивали диспропорцию в количестве кораблей и экипажей в пользу дуглариан.

Восемьдесят процентов явятся сигналом к отступлению.

— Перейти на ГН7.

Чего хватало, по крайней мере, так это программ сражения...

Но еще два зеленых огонька сменили цвет на янтарный, затем на голубой.

— Программа ГН30!

Дьявол их возьми! Вражеский компьютер научился быстрее разгадывать программы землян. Дуглариане, скорее всего, пользовались более совершенной математической системой, благодаря которой быстрее находили ключ к передвижениям кораблей земного флота. Может быть, именно благодаря ей они были лучше...

Нет, только не это! Дуглариане не могут быть ЛУЧШИМИ. Более развитыми технически — да, ибо их цивилизация гораздо старше, мощнее земной, но не ЛУЧШИМИ... Еще один сигнал стал желтого цвета.

— Черт бы вас побрал! — выругался Палмер. — Переключить на ГН13!

Почти тотчас же янтарный цвет сменился голубым. Компьютер противника снова быстро расшифровал новую программу и делать он это стал гораздо быстрее, чем раньше. «Это безнадежно, — с горечью подумал Палмер.

— Давай теперь ГН69, — прорычал он в микрофон.

— Командующий, командующий Палмер! — вдруг раздался в наушниках тревожный голос офицера, приставленного к компьютеру. Палмер догадался, что тот сейчас скажет. — Командующий, компьютер выдает данные о возможной победе дуглариан на восемьдесят три процента. Моя официальная рекомендация в этой ситуации — немедленное отступление. В противном случае нам грозит полный разгром.

Палмер грязно выругался, предварительно отключив связь с компьютером. Официальная рекомендация! Официальная рекомендация офицера, обслуживающего Главный Компьютер, приравнивалась к приказу, даже для командующего флотом. Управление Космическим Флотом руководило кораблями, но войной управляли Компьютеры. Если командующий флотом пренебрегал рекомендацией компьютера, ничто не могло защитить его от трибунала, ничто, кроме блистательной победы.

И это, если еще повезет! Самое же досадное было то, что Тордларкин, программист компьютера, был прав. Сильванна оказалась потеряна. И все же невозможность принимать самостоя-

тельные решения была серьезной моральной травмой для любого боевого командира. Палмер вновь включил связь с компьютером.

— Хорошо, — прохрипел он и динамик. — Рекомендация принята и подтверждена. Он задействовал связь всеобщего оповещения. «Обычная тактика отступления должна получиться, — подумал Джей. — Слава богу, мы не прижаты к звезде...»

— Командующий — всем кораблям! По моему сигналу поменять направление Общего Силового Поля на 180 градусов. Пять... четыре... три... два... один... Исполнение!

Все оставшиеся корабли его флота одновременно меняли направление своих индивидуальных полей на противоположное, и диск, образованный земными кораблями, стартовал с ужасающим ускорением, поскольку к силе их собственного поля добавилась еще отталкивающая сила поля дугларианского поля.

В течение нескольких мгновений вражеский флот оставался в растерянности. Земные корабли воспользовались этим, чтобы оторваться от них на значительное расстояние. Но, едва командующий дуглариан опомнился после внезапного маневра землян, все корабли противника устремились в погоню. Благодаря большой мощности своего поля, они стали постепенно сокращать расстояние. Оба флота стремительно двигались к периферии системы Сильванны, и для землян это был путь к спасению.

Палмер бросил взгляд на боевой Экран Контроля и вновь подключился к компьютеру.

— Тордларкин, достаточно ли мы опередили этих собак, чтобы успеть первыми пересечь орбиту Сильванны?

Последовали долгие мгновения мучительного ожидания ответа, пока компьютер сопоставлял все данные, представленные ему Тордларкиным: расстояние, начальное ускорение, абсолютная и относительная скорость и т. д.

— Ответ утвердительный, — раздался наконец голос офицера. — Они не смогут догнать нас до орбиты дальней планеты системы.

Палмер перевел дух. Сражение было наконец-то закончено. Выйдя за пределы планетной системы Сильванны, земной флот успеет укрыться в Статическом Пространстве и никакому флоту его уже не догнать.

Статическое Пространство не имело ничего общего с мифическим гиперпространством, о котором мечтали первые космонавты. Оно не являлось аномальным состоянием пространства, но представляло собой «пузырь времени». Внутри этого «пузыря» время текло во много раз быстрее, чем снаружи, хотя все осталь-

ные физические константы пространства оставались теми же. Находящийся в Статическом Пространстве корабль не мог превысить локальной скорости света, но, относительно астрономического времени, время в пузыре убыстрялось. Таким образом, сам «пузырь» исчезал из нормального течения времени, чтобы появиться в нескольких световых годах от места старта, на что уходило всего несколько часов внутреннего времени корабля. Во время нахождения корабля во внешнем Статическом поле, внутри корабля возбуждалось внутреннее Статическое поле противоположного знака, благодаря чему экипаж продолжал жить в обычном течении времени, а люди не старели с повышенной скоростью.

Кроме того, когда корабли укрывались в Статическом Пространстве, сохраняя внутри себя собственное, локальное течение времени, они не могли быть обнаружены другими кораблями.

Теперь Земной Флот или, вернее, то, что от него осталось, мог рассчитывать на возвращение на свою базу, расположенную в системе Олимпии.

Палмер вновь включил показатель потерь. Из шестидесяти горевших перед началом сражения зеленых огоньков теперь осталось только тридцать два.

— Уточните потери дуглариан, — попросил он Тордларкина.

— Восемнадцать кораблей, — незамедлительно последовал ответ.

Двадцать восемь кораблей землян и лишь восемнадцать дугларианских!

Транспорты дуглариан, должно быть, находились где-то поблизости в своих «временных пузырях». И сейчас, скорее всего, они готовились к высадке десанта на планеты системы...

Палмер старался не думать о том, что за этим последует. Там оставалось пятнадцать миллионов человек. Их всех уже можно считать мертвецами...

«Нет, — с горечью подумал он, — нет еще... Не сразу, и не все».

Не сразу... Он вспомнил Брислон, планету, на которой он родился и провел первые пять лет жизни. Планету, где погибли его родители. Глазами своего детства он увидел то, что должно было происходить сейчас на Сильванне. В системе Сильванны около пятнадцати миллионов человек и свой флот, способный вместить одновременно около ста тысяч человек. Пятнадцать миллионов — и сто тысяч (!), которые еще могут спастись, прежде чем дуглариане начнут высаживать свой десант. Перед командую-

щим предстала безжалостная арифметика хаоса, бунта и террора, которые должны были последовать за этим.

Он смутно помнил то, что произошло, когда дуглариане разбили флот землян, защищавший систему Брислоны. В ней жило около ста миллионов землян и у них было как раз достаточно кораблей, чтобы позволить ста тысячам счастливиц избежать неминуемой участи. Десятки тысяч обезумевших от ужаса человек дрались за каждое место на кораблях, а до посадки дуглариан оставалось едва ли несколько часов.

Воспоминания Палмера были отрывочными, но яркими. Он вновь увидел бурлящее на взлетном поле человеческое море, корабли, покачивающиеся под напором набивающихся во все свободные отсеки людей. Джей вспомнил горящие здания, выстрелы, повсюду дерутся в звериной ярости люди, им больше не на что надеяться.

Он, его отец и мать с трудом пробирались по битком забитым возбужденной толпой улицам города. В конце концов его с трудом запихнули в переполненный трюм корабля, к другим детям. Прощание с родителями Палмер помнил отчетливее всего. Это был последний взгляд через открытый люк готового вот-вот взлететь корабля. Насколько хватало глаз была видна огромная человеческая толпа, напиральная на взлетную площадку. Тонкая цепочка взявшихся за руки мужчин и женщин — родителей находящихся в корабле детей — пыталась задержать толпу до отлета корабля. Он видел своего отца и мать, хладнокровно стреляющих в эту толпу. Потом волна прорвавшегося людского потока захлестнула их и погребла в своей глубине. Людское море мгновенно заполнило взлетную площадку. В этот миг захлопнулся входной люк.

Взлет корабля избавил его от других жутких сцен, и Палмер никогда не узнал, были ли его родители растерзаны толпой, или выжили, но лишь для того, чтобы погибнуть в неравной борьбе с оккупантами.

Позже, когда он уже достаточно подрос, чтобы понимать, Палмер молил бога, чтобы они погибли при его отлете, растерзанные людьми. Потому что как ни была ужасна такая смерть, она была блаженством по сравнению с тем, что ждало людей, когда прибыли «собаки».

Палмер постарался прогнать воспоминания о Брислоне и родителях. Сегодня речь шла о Сильванне... Скоро дуглариане подведут свои транспорты и займут все три обитаемые планеты системы. И не будет ни огромных пожаров, ни массовых избиений

людей, ни кровавых стычек. Это было бы потерей времени, энергии и средств. «Собаки» слишком практичны, чтобы распылять свои усилия в таком погроме планетарного масштаба.

Люди будут просто согнаны в крошечные резервации и оставлены сами себе. Без медикаментов, без пищи, одежды, машин, даже без воды. Вся остальная территория будет занята захватчиком, который станет терпеливо дожидаться часа, когда люди поубивают друг друга в борьбе за мизер имеющихся внутри резерваций пищи и воды.

Дуглариане не были жестоки сверх нужды. Но этим и ограничивалось их «милосердие» к побежденным. Они не оставляли никому ни малейшего шанса на выживание. Человеческая раса должна быть истреблена!

2

Для представителей Человеческой Конфедерации солнечная система Олимпии являлась почти столицей их мира. Для Джея Палмера же это был родной дом. По иронии судьбы на Олимпию попадала большая часть беженцев с захваченных дугларианами миров. Так как большинство из них составляли дети, правительство Олимпии превратилось в своеобразных приемных родителей для всех сирот. Главной заботой человеческой расы стала борьба за выживание в войне с дугларианами. Поэтому все эти малыши воспитывались, что, впрочем, соответствовало горячему желанию самих детей, с расчетом на военные специальности. Для обычных детских радостей не оставалось ни места, ни времени.

Став главным поставщиком офицеров и солдат Космического Флота, общество на Олимпии постепенно трансформировалось в некую гигантскую военную школу.

Система Олимпии состояла из трех обжитых планет. Олимпия II была планетой размером с Марс, с атмосферой средней плотности. Она стала основной ремонтной базой для космических кораблей и Главным Арсеналом для вооружения. Олимпия IV представляла собой скорее гигантский астероид, покрытый льдом и лишенный растительности. Но именно эти условия и нужны были для размещения там криогенных компьютеров, образовавших главный компьютерный центр Конфедерации. Что касается Олимпии III планеты земного типа, то она стала главным нервным центром Конфедерации, Главной штаб-квартирой военного командования объединенных сил человечества.

Джей Палмер вырос в этом военизированном обществе. Свой досуг он проводил в «городе Отдыха» на Олимпии III. Как ни малопривлекательна была эта планета, она стала его родиной.

Разместив остатки своего поредевшего в сражении флота в мастерских Олимпии II, Палмер воспользовался первым же челночным рейсом на Олимпию IV.

Выйдя из корабля и вдохнув горячий воздух родной планеты, Джей вспомнил, как давно у него не было не только возможности взять отпуск, но и времени, чтобы об этом подумать. Города Отдыха предоставляли военным всевозможные традиционные развлечения, и только сейчас, подумав о предстоящей короткой передышке, Палмер внезапно почувствовал на своих плечах всю усталость, смешанную с горечью поражения, то нервное истощение, которое следует за длительным периодом высокой нервной нагрузки. Он понял, что нуждается хотя бы в коротком отдыхе: одна хорошая пирушка и потом длинный-длинный сон.

Но все это потом. Посадочная площадка для челночного корабля находилась не в одном из городов Отдыха, а прямо перед Пентагон-Сити, Главным Штабом Командования объединенными силами Человечества. Прежде чем предаться долгожданному отдыху, Палмеру предстояла неприятная обязанность отчитаться о проведенной операции перед самим Великим Маршалом Куровски. Спускаясь по трапу корабля, Джей вновь почувствовал знакомое ему ощущение подавленности перед этим огромным геометрическим блоком армированного бетона Пентагона-Сити. Выход из корабля находился прямо напротив одного из входов в здание. Стена этого апокалиптического строения тянулась в обе стороны насколько хватало глаз. Она нависала над человеком как гигантская скала, вершины которой не было видно. У ее подножия любой человек начинал чувствовать себя ничтожным микробом, находящимся под стеклом микроскопа. Бедным, маленьким микробом, который поднял свои глаза к странному окружающему миру, масштаб которого превышает его понимание.

Никакое другое здание по размерам не могло сравниться с Пентагон-Сити ни в человеческом мире, ни в Империи дуглариян, ни, насколько это было известно, даже в самой Крепости Сол. Пентагон-Сити был самым большим зданием во всей изученной Галактике.

С уже забытыми за давностью лет непонятными целями здание было построено в форме пятиугольника, каждая сторона которого имела десять миль в длину и пятьсот в высоту.

Стены из армированного бетона толщиной в сто футов не

имели ни одного окна. Здание было оснащено кондиционерами и собственной электростанцией. Казалось, само время внутри него течет не так, как снаружи. Только прямое попадание крупного ядерного заряда могло разрушить строение, и то лишь его надземную часть. Что же касается подземной части этого сооружения, то она без заметного вреда для себя могла выдержать даже такой удар.

Палмер медленно пересек космопорт в направлении ближайшей к нему двери. У самого подножия он взглянул вверх на нависающую над ним стену гладкого голого серого бетона. При каждом возвращении сюда у командующего мелькала мысль, что Пентагон-Сити был как для него самого, так и для множества других офицеров, символом самой Конфедерации, как когда-то пирамиды являлись символом могущества египтян на далекой и мифической Земле.

И он сам, и все люди, которых он знал, находили это огромное здание достаточно уродливым. Однако, они ощущали перед ним странное чувство, какую-то необъяснимую притягательность. Это здание было уродством, но уродством, дорогим для них, скорее — символом настоящего, чем прошлого. Более всего это походило на монумент, который Федерация поставила сама себе, храм, самый большой и сложный из воздвигнутых когда-либо во славу воинского духа.

У Палмера не однажды мелькала мысль о том, что народ, сумевший воздвигнуть такой город-монумент, способен победить Империю дуглариан. Или почти...

Палмер предъявил пропуск стоящей при входе охране, и после проверки документа, которая для командующего его ранга являлась просто формальностью, был пропущен внутрь здания.

Несмотря на свое название — «сити» — и постоянный контингент служащих, превосходящий пятьдесят тысяч человек, Пентагон-Сити не был задуман как город. Это был, скорее, гигантский административный комплекс, состоящий из пятидесяти уровней над землей и двадцати уходящих под землю, а также из сотни концентрических поясов на каждом уровне.

Войдя в здание, Палмер оказался в наружном поясе первого этажа, уровень №1.

Двери многочисленных бюро выходили в длинный коридор, который тянулся насколько хватало глаз. Сам коридор был шириной с небольшую улицу. Эта иллюзия дополнялась оживленным двусторонним движением маленьких одноместных скутеров. Свободные скутеры парковались у стен.

Только сумасшедший мог предположить, что кто-либо из гостей или даже служащий в самом здании может найти себе дорогу в нужное ему бюро в этом лабиринте, который представлял собой Пентагон-Сити. Таких бюро в здании находилось несколько тысяч. Поэтому все имеющиеся в наличии скутеры, а их было несколько десятков тысяч, были связаны с Главным Компьютером, расположенным глубоко в подземных этажах.

Палмер протолкался сквозь толпу спящих чиновников к одному из свободных скутеров, сел в кресло и застегнул страховочный пояс. Затем, воспользовавшись рядами кнопок, набрал на пульте управления номер нужного ему маршрута: Л50, П1 1001. Л50 указывало на пятидесятый уровень, самый верхний этаж; П1 — первый пояс, центральный из ста; 1001 — номер кабинета Великого Маршала Куровски. Если Палмер захотел бы попасть в бюро, координаты которого были ему неизвестны, он мог воспользоваться справочником, находящимся в сидении каждого скутера.

Джей направил вперед рукоятку двигателя. Скутер двинулся вдоль коридора, пока через полмили не достиг одного из радиальных коридоров, связывающих концентрические пояса с центром «города». Джей свернул и увеличил скорость. Таблички, указывающие номера поясов, замелькали перед ним: сотый пояс... 80 пояс, 50-ый... 30-ый... 20-ый... 10-ый... 5-ый...

В первом поясе скутер вновь повернул и потихоньку въехал в маленький лифт, автоматически включившийся по команде того же компьютера, что управлял и скутерами. 10-ый уровень... 20-ый... 40-ой.

На пятидесятом этаже лифт остановился, и скутер вновь ожил, моментально доставив своего пассажира к двери под номером 1001.

Табличка на двери просто указывала: Главный Координатор. Имени Куровски не значилось, вероятно, в целях экономии: вышедший командный состав менялся с такой быстротой, что было бы просто расточительно расходовать краску на смену фамилий.

Визитер произнес вслух свою фамилию у решетки дверей, и мгновение спустя дверь открылась, приглашая Палмера войти.

Куровски сидел за огромным столом из дюропласта. На его поверхности царил образцовый порядок. Справа находился интерком, слева — коробка для сигар. Всю стену за его спиной занимала огромная политическая карта Галактики. Звезды, захваченные дугларианами, представляли собой четыреста двадцать красных огоньков, расположенных в форме полумесяца между Мирами Конфедерации землян и центром Галактики.

Звезды, принадлежащие Конфедерации, их насчитывалось двес-

ти двадцать. — «Нет, — подумал Палмер, — уже двести девятнадцать», — образовывали эллипс золотистых огоньков, частично охваченный рожками красного полумесяца.

С наружного края эллипса, довольно далеко от него, располагалась большая сфера зеленых огоньков, занимающая всю остальную поверхность карты. Этот яркий зеленый свет означал для любого человеческого существа вне зависимости от того, на какой планете он родился, лишь одно: эта сфера представляла собой мифическую прародину человеческой расы. Солнечную систему — Крепость Сол, закрытую теперь для Конфедерации.

Испешренное резкими складками, лицо Куровски сморщилось в сардонической улыбке, когда он взглянул на застывшего с мечтательным видом перед картой Палмера.

Да и как было не забыться перед всем, о чем напоминало Солнце. Впрочем, это была одна из главных причин, почему карта находилась именно здесь: имея ее у себя за спиной, Куровски рассчитывал пользоваться тем уважением и трепетом, которые она внушала всем находящимся в его кабинете.

— Извините, господин маршал, — очнулся наконец Палмер, приветствуя своего начальника, — это всегда...

Маршал с понимающим видом кивнул своим блестящим черепом.

— Я знаю, командант, знаю, — сказал он. — Именно поэтому она всегда висит здесь: чтобы я помнил о Солнце. Мне кажется, слишком многие не принимают сейчас обещания всерьез.

Он указал Палмеру на одно из твердых и неудобных кресел, стоящих перед его столом.

Палмер сел, не отрывая взгляда от карты. Он вспомнил, что Куровски был одним из Верящих, первый Верящий, ставший главнокомандующим за последнее десятилетие.

— Ну, ладно, Палмер, расскажите мне о Сильванне, — прервал его размышления Куровски.

Мгновение Палмеру пришлось бороться с сильным желанием отвести взгляд в сторону, но он взял себя в руки и прямо посмотрел в голубые холодные глаза Великого Маршала.

— По правде сказать, не о чем особенно рассказывать. Мы потеряли еще одну планетную систему и с ней двадцать четыре корабля. Нам удалось уничтожить восемнадцать «собак». Вероятно, это не может служить оправданием, но, как всегда, нас было меньше, и, как всегда, мы были вынуждены отступить.

Куровски слегка улыбнулся.

— Расслабьтесь, командант, — сказал он. — Я не собираюсь

сажать вас на скамью подсудимых. К дьяволу, старина! Если бы вы сотворили чудо и отстояли Сильванну, вас сразу повысили бы до звания маршала и нацепили Орден Почетного Легиона Конфедерации. И тогда, вероятно, вы стали бы главнокомандующим. Нам не удалось выиграть ни одного сражения за последние семнадцать лет. И если бы мы снимали командующего флотом за каждое проигранное сражение, у нас давно не осталось бы офицеров.

Палмер пошевелился в кресле, ощущая спиной твердость его спинки.

— Господин Маршал, — сказал он, — как я уже докладывал однажды, думаю, мы имели бы лучшие результаты, не доверяя компьютерам решать буквально все задачи. Возьмем Сильванну. В начале сражения мы смогли развернуть флот дуглариан спиной к солнцу. Если бы мне было разрешено разбить их построение и атаковать с тыла корабль, несущий в себе Главный Компьютер, мы смогли бы его уничтожить и тогда, вместо того, чтобы потерять Сильванну, мы бы ее...

Куровски тяжело вздохнул.

— Не будьте ребенком, — прервал он Палмера. — Вы прекрасно знаете, что даже я не могу сделать ни единого жеста против «рекомендаций» компьютера. Это мне нравится не больше, чем вам, но и над Великими Маршалами стоит Военный Совет.

— Но, господин Маршал, те же компьютеры предрекают, что даже при самом лучшем варианте, через полтора столетия мы проиграем войну и «собаки» выкинут нас отовсюду. Что мы теряем?

— Вы не верите Обещанию? — спросил Куровски. Палмер хотел уклониться от прямого ответа, но что-то заставило его остановиться.

— Могу ли я быть совершенно откровенным? — спросил он. — Я хочу сказать... я знаю, что вы один из Верящих и, совершенно не желая вас обидеть или высказать неуважение, я... то есть...

— Не тяните, командант, говорите! — пролаял Куровски. — У вас есть право иметь свое мнение, а у меня есть долг выслушать его, какого черта!

— Хорошо. Правдой является то, что я в ЭТО НЕ ВЕРЮ. В конце концов, мы не получали вестей из Крепости Сол по крайней мере последние двести семьдесят лет. Я думаю, что давая свое обещание, солариане хотели просто завуалировать свой выход из войны. Я не верю ни в какое могучее оружие, пока его не увижу сам, а если не считать, что они оставили нас один на один с «собаками», то почему же они ничего не делают? Почему нам

запрещены все подходы к Солнечной системе? Как можем мы быть уверенными в том, что они не заключили сделку?

— Сделку? С кем?! С «собаками»?

— Да, господин Маршал. А почему бы и нет? Дуглариане соглашаются не трогать Сол, и взамен те выходят из игры, полностью прекращая все контакты. Они бросили нас в пасть льву, а сами спасают свою шкуру.

— Вы говорили когда-нибудь хоть с одним дугларианином, командант?

— Нет, господин Маршал.

— Вот видите, — вздохнул Куровски. — Если бы вы имели такое «счастье», то сразу бы поняли, что все, сказанное вами сейчас, совершеннейшая чушь. «Собаки» начали эту войну с одной только целью: полностью уничтожить ВСЮ человеческую расу! Вплоть до последней планеты. Вплоть до последнего человека! «Собаки»... они, без сомнения, такие же млекопитающие, как и мы, дышат тем же воздухом и развиваются в тех же температурных параметрах, что и мы. Но вы, Палмер, и сами прекрасно знаете, вам не раз доводилось встречаться с этими отродьями: разум их работает на совершенно отличных от нас предпосылках. Для них во всей вселенной существует два вида организмов — они и «гады». «Гады» — это мы. Могли бы мы заключить сделку с «тараканами»? Если и есть хоть одна вещь, которую мы поняли за эти триста лет, так это то, что никакое соглашение с дугларианами невозможно.

— Хорошо. Но тогда, почему Сол вышла-таки из войны? Если действительно уничтожение грозит им тоже, почему они не дерутся? Почему они покинули нас, оставив вместо себя лишь туманные обещания?

«Мы отступаем, чтобы соорудить крепость для Человека в нашей собственной системе, непробиваемый редут, который в нужный момент пошлет свои армии, чтобы уничтожить могущество дуглариан полностью и окончательно». Тьфу! Даже сами слова звучат фальшиво! Конечно, они соорудили у себя Крепость, но не для Человека, а только для солариан.

Куровски пожал плечами.

— Я не знаю всех ответов, — сказал он. — Да и кто их знает? Все, в чем мы можем быть уверены, это то, что через тридцать лет после начала войны с «собаками» на Земле произошло нечто вроде быстротечной революции. Мы даже не знаем ее причин. Все произошло очень быстро. Единственное, что нам известно об их шефе Мак Дее, это то, что все, кому удалось встретиться с ним,

были буквально покорены этой личностью, хотя никто не смог понять его доктрины. Он вытащил Землю из войны, обратился ко всем остальным с Обещанием и изолировал Солнечную Систему. Больше мы не получали никаких новостей вот уже почти триста лет. Для меня существует лишь одна альтернатива: либо я должен вынудить себя поверить в Обещание и надеяться, что однажды, тем или иным способом, ход войны изменится; или верить, что Обещание является пустым звуком и свыкнуться с мыслью о неминуемом уничтожении человечества дугларианами, так как все данные говорят за то, что мы их не можем победить. Большинство людей предпочитают надежду отчаянию.

— Господин Маршал, — тихо спросил Палмер, — вы действительно считаете, что дуглариане лучше нас?

— Конечно нет! — прорывал Куровски. — Это же чистая математика. Триста лет назад, когда наши расы столкнулись в первый раз, человечеству принадлежало 258 солнечных систем, дугларианам — 360. Человек осуществлял межзвездные сообщения в течение 131 года, у «собак» же были звездные корабли уже 300 лет назад. Население нашей Федерации составляло около 100 миллиардов человек против почти двухсот миллиардов у них. Они принадлежат к более древней, более многочисленной расе, значительно дальше нас ушедшей в плане эволюции. Это не значит, что они лучше нас, командант! Взятый отдельно один человек по всем статьям способен померяться силами с любым дугларианином. Им больше повезло, наверно, в том, что они развивались немного дольше, чем мы. В итоге: удача, больше планет, больше кораблей, больше населения.

— Вы не находите, что Сол слишком быстро учла все эти нюансы? — спросил Палмер с горечью. — Они сразу поняли, что из всех миров, заселенных человеком, Сол наиболее удалена от этих «собак». А дальше они могли подумать, что мы, колонисты, смогли бы удерживать их в стороне от конфликта в течение столетий, платя за это нашими планетами, кораблями и нашей кровью, в то время как они преспокойно отсиживают свои толстые задницы и жалобно просят у Бога чуда!

— Командант, — с беспокойством в голосе заметил Куровски, — все мы знаем, что любая война сейчас оканчивается нашим поражением, но мы должны верить, что Сол готовится что-то предпринять. В противном случае всем нам ничего не останется, как лечь и помереть. Мы...

Пронзительно зазвонил интерфон.

— Тихо, — сказал Куровски, хватаясь за аппарат. Глядя в лицо

маршалу, Палмер с удивлением следил, как выражение его меняется по мере поступающей информации: от угрюмого, через растерянность к выражению полнейшего изумления.

— Что?

— Это был командующий разведкой, — почти прошептал неповинуящимся голосом Куровски. — Они только что засекли странный корабль, вынырнувший из Статического Пространства в районе орбиты Олимпии IX. Он не похож ни на один из наших.

— «Собаки»? «Собака»-одиночка, атакующая Олимпию?

— Нет, это не их корабль, — задумчиво ответил маршал. — Шеф разведки доложил, что он вошел в контакт с командиром корабля...

Великий Маршал развернул свое кресло и уставился ошеломленным взглядом на Звездную Карту.

— Они утверждают, что прибыли из Крепости Сол.

Являясь центром защиты Человеческой Конфедерации, система Олимпии охранялась тремя космическими флотилиями полного состава, по сто кораблей каждая. Кроме того, каждая из трех обитаемых планет системы обладала множеством межпланетных кораблей, предназначенных для сообщений внутри планетной системы. К тому же, на Олимпии III находился самый большой гарнизон всех видов войск Федерации.

Несмотря на наличие столь мощной обороны, главное Командование остерегалось принимать сообщение незнакомого корабля за чистую монету. Все это вполне могло быть ловушкой со стороны дуглариан. Никто никогда не видел ни одного звездолета из Солнечной Системы. В течение почти трехсот лет никто даже не слышал оттуда какого бы то ни было голоса. И каким бы неправдоподобным ни казалось появление корабля дуглариан вблизи Олимпии, оно было все же более вероятным, чем появление корабля из Крепости Сол.

Это было столь же нереально, как если бы капитан корабля объявил, что он является Мессией, совмещая в своем лице Христа, Магомета и Будду одновременно.

На самом же деле для большинства государств-конфедератов Крепость Сол, если и не обладала абсолютным престижем, свойственным почитанию этих трех пророков, то была достаточно близка к нему. Человеческая раса была обречена на уничтожение с сомнительной привилегией на то, что она это знала. От десятилетия к десятилетию количество миров, принадлежавших человечеству, уменьшалось, а величие Империи Дуглаари возрастало. У них было кораблей на треть, а людей — в половину больше, чем у федера-

тов. «Собаки» обладали лучшими компьютерами и их было больше. А самое главное — ими двигала маниакальная решимость уничтожить своего конкурента вплоть до последнего человека.

У человечества не оставалось ничего, кроме единственной надежды, какой бы призрачной она ни казалась. Крепость Сол!

В тщательно просчитанной программе войны между человечеством и дугларианами Сол являлась неизвестным фактором. За щитом многочисленных кораблей и минных полей, уничтожающих любой объект, пытающийся пересечь орбиту Плутона, могло скрываться все, что угодно: неизвестное оружие, способное одним ударом уничтожить целую солнечную систему, говорили одни; непроницаемый барьер, утверждали другие; бесчисленная армада кораблей-роботов; конверсионные бомбы; вирус, смертельный для дуглариан и безопасный для человека. И если каталог воображаемого оружия на этом обрывался, так только потому, что безоружному человеку, находящемуся в поисках супероружия, просто больше не хватало воображения.

И вот теперь, спустя 270 лет, армии Крепости Сол прекратили свою изоляцию и направили на помощь... один корабль? Командующий обороной Олимпии предпочел не рисковать. Вдоль всего пути следования корабля солариан к Олимпии III он сопровождался шестьюдесятью кораблями Флота, вооруженными до зубов и готовыми стрелять при малейшем подозрении.

Как только корабль приземлился на поле космодрома, перед южной стороной Пентагона-Сити, он был окружен дивизионом пехоты, в составе которого находилось двадцать штурмовых танков и три портативных лазерных орудия.

Маршал Куровски ожидал прибывших во главе отряда вооруженных солдат, которые находились там не только для торжественной встречи. Маршал стоял в окружении начальника Компьютерной Службы Лориса Майзеля, Начальника Обороны всей системы Олимпии Гастона К'Налы, восьми командующих Театрами военных действий и семи Командующих Флотами. Среди последних находился и Джей Палмер.

Глядя на разворачивающуюся перед ним сцену, Джей с трудом сдерживал смех, уж больно ее участники находились в разных «весовых категориях». За его спиной нависала колоссальная стена Пентагона-Сити, перед ним — ряды солдат в защитных комбинезонах оливкового цвета, танки, орудия... И вся эта мощь была собрана, чтобы противостоять небольшому кораблю, окрашенному в зеленый цвет, мягкий и искрящийся, Крепости Сол.

«Конечно неизвестно, что или кто появится сейчас из не-

большого люка, — говорил себе Палмер, — но все равно, развешивание таких сил по сравнению с одним кораблем — это просто смешно!»

И все-таки люк открылся неожиданно, выпустив шесть человек. В тот же миг по группе высших офицеров, казалось, пробежал едва ощутимый трепет. Все собравшиеся затаили дыхание. Куровски, почувствовав внезапную сухость в горле, нервно оближал губы.

Палмер тоже сразу почувствовал... отличие. Вышедшие из корабля люди были окружены едва ощущаемой аурой, которую просто невозможно было точно определить. И все-таки это были шесть человеческих существ с весьма ординарной внешностью, трое мужчин и три женщины. Две женщины — одна яркая блондинка, другая — рыжеволосая, обе стройные и высокого роста, могли быть квалифицированы как замечательные представительницы женского пола, но не более того, ничего супернеобычного. У их подруги, шатенки с пышной гривой волос, было явно недовольное выражение лица. Двое мужчин из экипажа тоже выглядели вполне обычно: один из них невысокий, другой полный, с темным оттенком кожи, носил маленькие черные усы. Третий мужчина выглядел гораздо представительней. Высокого роста, отлично сложен, большие зеленые глаза под аркой выступающих надбровных дуг, резко очерченный, выразительный рот. Но и в его облике не было ничего экстраординарного.

Все шестеро были одеты в простые туники зеленого цвета; мужчины обуты в короткие сапоги, женщины носили сандалии. Все в этих людях, любая деталь, большая или маленькая, выглядело совершенно обыденно. Кроме общего впечатления.

Они держали себя так, будто им принадлежит вся вселенная, будто они являются наследниками многих и многих поколений и приняли это наследие как нечто само собой разумеющееся. Они, улыбаясь, переглядывались между собой перед этой демонстрацией силы, будто присутствовали на безвкусно поставленном спектакле. Их маленькая группа, казалось, излучает спокойствие и доверие. С беспечным видом они направились к толпе высших офицеров, и даже эта беспечность выглядела проявлением исходящей от них внутренней силы.

— Я — Великий Маршал, Люк Куровски, Главнокомандующий военных сил Объединенного Человечества, — представился Куровски, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Землянин с большими зелеными глазами рассеянно улыбнулся.

— Меня зовут Линго. Дирк Линго.

— Это вы капитан корабля? — спросил Куровски. — Там у вас воинское подразделение?

Палмеру этот вопрос показался просто нелепым. Человек так и лучился властью, как звезда — исходящим из нее светом.

— Да, я — шеф этого корабля, — сказал Линго. Было ясно, что для него это слово являлось титулом.

— Робин Морель, — продолжил он, указывая на рыжеволосую женщину.

— Фран Шаннон, — взмах руки к шатенке.

— Рауль Ортего, — Линго склонил голову в сторону человека с черными усами.

— И, наконец, Макс Бергстрем и Линда Дортин, — указал он на блондинку и блондина с рыжеватыми волосами. Макс и Линда медленно и удивительно согласованно провели взглядом поверх голов присутствующих, как бы читая что-то секретное, видимое только им на лбах людей. Палмер заметил, как по лицам офицеров пробежала волна растерянности и беспокойства, когда по ним прошел взгляд солариан.

Затем движение глаз пришельцев остановилось, и они уставились прямо на него. Глаза в глаза. Джей попытался отвести взгляд и не смог. Он заметил, что обе пары глаз, глядящих на него, были полностью идентичны — большие, спокойные карие глаза с маленькими голубыми крапинками в радужной оболочке. Он ощутил странное давление у себя в мозгу. Потом в его голове что-то взорвалось радостным смехом: он почувствовал нечто вроде наслаждения. Неясная истома охватила его разум, будто рука любимой женщины с нежностью прикоснулась к его душе.

Внезапно солариане отвели глаза в сторону, и странное ощущение тут же исчезло.

— Доб... добро пожаловать в Олимпию, — услышал он заикающийся голос Куровски. Лицо маршала выражало полную растерянность.

— Благодарю вас, — ответил Линго, поднимая взгляд к громадине Пентагона-Сити. — Это... хм... здание весьма впечатляет. Монумент, говорящий о... хм... определенном уровне мышления. В нашей системе нет ничего подобного!

Это замечание никак не походило на комплимент.

— Могу ли я спросить, какова цель вашего визита? Сейчас, спустя три века изоляции? — спросил Куровски, который понемногу приходил в себя. — Я надеюсь, вы прибыли не только для того, чтобы высказать свое мнение о нашей архитектуре?

Линго рассмеялся. Его смех был глубок и музыкален, и в то же время что-то в нем слегка беспокоило.

— А как вы считаете, зачем мы сюда прибыли? — спросил он. — Чтобы победить, конечно.

— Победить в войне? — недоумевающе спросил Куровски. — Вшестером?

— Именно так, — ответил спокойно Линго. — От большего... от большего числа не будет большого толка.

— Вы думаете, мы поверим в эту чушь? — прокрипел маршал. — После трехвекового бездействия, в течение которого вы оставили нас один на один с Дуглаари, после трех веков... Сол имеет наглость послать шесть человек, чтобы учить Конфедерацию, как вести войну? Шесть...

— Маршал Куровски, — прервал его Линго, — вы выигрываете эту войну? Ах, нет! В таком случае любое изменение может только увеличить ваши шансы.

— И что же вы предлагаете?

— У нас есть план. И есть средства для его выполнения. Или, точнее сказать, мы сами являемся этим средством.

— И что же это за план?

Линго обезоруживающе улыбнулся.

— Я уверен, что мы сможем обсудить это в более подходящей обстановке, а не на улице. Впрочем, я считаю, что мое сообщение должно быть представлено вашему Высшему органу власти. Исполнительному Совету или...

— Я мог бы собрать Генеральную Ассамблею Штабов, — скрепя сердце предложил Куровски.

— Это было бы отлично. Теперь вы разрешите нам войти?

Не дожидаясь ответа, Линго повернулся спиной к маршалу и направился к входу в здание в сопровождении остальных членов экипажа. Он даже не потрудился удостовериться, следуют ли за ними Куровски и остальные члены его свиты. Но те молча поспешили за странными гостями. Палмер среди остальных офицеров, чином пониже, пошел вслед за начальством. По дороге он поймал себя на мысли, что поражен той легкостью и непринужденностью, с которой за несколько коротких минут разговора, не приведя никаких весомых аргументов, Дирк Линго смог себя поставить по крайней мере на ту же ступень иерархической лестницы, на которой находился сам Куровски.

Соларианин вел себя настолько спокойно и уверенно, будто просто выполнял свой долг, как того требовала данная ситуация. Будто не было ничего более естественного в том, что никому не

известный пришелец ведет себя с Главнокомандующим вооруженных сил Федерации как... как с простым командующим флотом!

3

Зал Главной Ассамблеи Генерального штаба был, как и следовало ожидать, весьма впечатляющим. Высокий потолок украшала гигантских размеров карта, подобная той, что висела в кабинете Куровски. Одна стена была задрапирована огромным полотнищем, символизирующим флаг Конфедерации: желтая пятилучевая звезда на голубом фоне. Большой стол из дюропластика в форме полумесяца заполнял половину помещения.

Куровски сидел в центре. По бокам, до самого конца стола, в строгой субординации расположились: Главный Программист, шеф разведки, начальник логистики, затем руководитель психологического отдела, Гражданский координатор и восемь Командующих Театром военных действий. Никто из присутствующих не имел звания ниже генеральского. Никто, кроме команданта Джея Палмера, который скромно примостился на стуле в самом конце стола, тщетно пытаясь разобраться в необходимости своего присутствия в этом блестящем обществе. Единственное, что он знал точно — его присутствие, как, впрочем, и само собрание, вызвано вмешательством Дирка Линго...

В тот момент, когда прибывшие солариане были уже на пороге здания Пентагон-Сити, Палмер, следовавший за группой высших офицеров, заметил, как Линго остановился и что-то спросил у маршала. По недовольному выражению, появившемуся на лице Куровски, было件нятно, что вопрос ему неприятен. Вот почему, когда поверх голов всей толпы маршал подозвал его к себе, у Джея на душе заскребли кошки.

— Это командующий флотом Палмер, — представил его маршал.

— Как поживаете, командующий Палмер? — очень учтиво спросил Линго. — Я весьма сожалею о гибели вашего флота.

Палмер чуть не подпрыгнул от удивления. Это было совершенно не в духе Куровски — сообщать первому встречному о только что проигранном сражении. Лишь затем он обратил внимание, что маршал, кажется, поражен услышанным не меньше его самого.

— Господин Линго хотел познакомиться с вами, быстро про-

изнес маршал, пытаясь заглушить только что происшедшую утечку информации. — Я совершенно не понимаю, каким образом...

— Я только подумал, что было бы неплохо встретить боевого офицера, — сказал Линго, — кого-нибудь званием ниже генерала, только что вернувшегося с поля боя...

— Откуда вы это знаете? — взорвался в конце-концов Куровски. — Вы не могли...

— Назовем это хорошо просчитанной ситуацией, — ответил Линго, слегка пожав плечами. — Главное, чтобы на ассамблее присутствовал кто-либо из боевых офицеров, и командант Палмер подходит так же, как и любой другой.

— Об этом не может быть и речи, — вновь заскрипел Куровски. — Никто рангом ниже генерала не может присутствовать на заседании Генерального штаба. В противном случае все...

— У меня нет чина генерала, — произнес Линго с интонацией, заставившей пробежаться неприятному холодку по спинам присутствующих. — И ни у кого из моих друзей. Значит ли это, что ассамблеи не будет?

— Конечно, нет, — пробормотал Куровски. — Это совершенно другое дело. Вы не относитесь к армии Конфедерации. Но командант Палмер подчинен ее субординации. И никакой младший офицер...

— Командант Палмер будет присутствовать на собрании, — спокойно произнес Линго, — или оно вообще не состоится.

Линго говорил очень решительно, однако его спокойствие и уверенность в себе не вызывали ощущения высокомерия.

— Но... — прошептал Куровски, который из всех сил искал пути к почетному отступлению. Линго улыбнулся.

— Если вы таким образом будете чувствовать себя спокойнее, — с самым дружеским выражением на лице вновь обратился он к маршалу, — почему бы вам не представить команданта Палмера как моего персонального гостя. По-моему, это не нарушит вашего протокола и решит все проблемы.

— Ну, хорошо, — сухо ответил Куровски, — командант Палмер, можете быть свободны до заседания Генерального штаба.

В то время как Палмер отдавал честь, собираясь отойти, он почувствовал пристальный взгляд Линго. Джей вдруг ясно ощутил, как замедляется бег времени, и все застывает вокруг. Казалось, зеленые глаза пришельца смеются, но причина такого веселья была известна лишь ему. Внезапно Линго слегка улыбнулся, едва заметно подмигнул Палмеру и... очарование пропало. Каким-то образом, Джей никогда не смог бы этого уточнить, этот

взгляд напомнил ему странное выражение, увиденное им в глазах Макса и Линды, когда те смотрели на него при встрече у корабля.

Сейчас, находясь в конференц-зале Генерального Штаба, он снова вспомнил этот загадочный, осторожно исследующий его мозг, взгляд на космодроме. «Вероятно, именно так Линго узнал об исходе сражения у Сильванны, — внезапно пришла в голову догадка... — Нечто вроде телепатии».

Ему стало неудобно. Какой бы ни была истинная причина настойчивости Линго, она, вероятно, все же каким-то образом связана с этим непродолжительным ментальным контактом. В Палмере росло ощущение, что он становится пешкой в чьей-то шахматной партии, и это ему совсем не нравилось. Охваченный беспокойством Джей бросил быстрый взгляд на шесть кресел с прямыми жесткими спинками, стоящих по внутренней дуге стола и предназначенных для солариан.

Наконец Куровски кивнул головой остальным членам Генерального Штаба, нажал на кнопку интерфона и приказал ввести гостей. Весь генералитет встал, не только для того, чтобы приветствовать землян, но и чтобы успеть сесть первыми при их появлении, дабы показать, кому будет принадлежать приоритет в разговоре.

Солариане спокойно вошли в зал все с тем же немного рассеянным видом, что и раньше. Линго оглядел стоящих за столом, и глаза его, казалось, зажглись от сдерживаемого внутреннего смеха. Затем, прежде чем Куровски успел произнести хотя бы слово, он внезапно сел. Его спутники расположились по бокам.

Весь Генералитет в замешательстве застыл у стола. Линго сделал небрежный жест рукой.

— Присаживайтесь, господа, — с подчеркнутой учтивостью произнес он.

Палмер едва сдержал смех. Это было великолепно исполнено. Линго очень ловко выиграл еще одно очко. Куровски сел, но по его лицу пошли красные пятна.

— Мне кажется, что первым пунктом нашей беседы должен был бы стать короткий брифинг о настоящем состоянии военных действий, чтобы наши друзья-солариане смогли сориентироваться, — постарался он взять инициативу в свои руки. — В конце концов, они так долго находились вне всякого контакта с противником... Если вы взглянете над собой, то увидите политическую карту исследованной части Галактики. Красный цвет обозначает звезды, захваченные Империей, наши же...

— Мы знакомы с этими картами, — прервал его Линго. — Продолжайте, пожалуйста.

Куровски на мгновение смешался и бросил на Линго короткий негодующий взгляд. Затем, взяв себя в руки, продолжил:

— Тем лучше. Как вы сами можете убедиться, им принадлежит на четверть больше Солнечных систем, чем нам. Почти такое же преимущество у них в кораблях и живой силе. Этого достаточно, чтобы мы мало-помалу проигрывали эту войну. Наши самые последние расчеты указывают на то, что мы сможем противостоять им еще не более одного столетия. Это война ресурсов, медленная, вязкая, логичная, как сами дуглариане. Это...

— Все это старая история, маршал Куровски, — вновь прервал его Линго. — Такая информация нам не может быть чем-то полезной, поскольку, если она что-то и доказывает, то лишь то, что мы действительно проиграем войну как раз по тем причинам, по которым вы ее проигрывали в течение трех столетий. Думаю, мы сэкономим больше времени, если вы позволите Раулю задать несколько вопросов. Он наш Дирижер Игр.

— Кто?

Линго улыбнулся.

— Дирижер Игр, — повторил он. — Чтобы было яснее, скажем просто, он наш главный стратег. Рауль!

Палмер вновь восхитился той непринужденностью Линго, с которой тот в очередной раз перехватил инициативу в этих дебатах.

— Ты прав, Дирк, — сказал Ортега, вставая. — Мне кажется, будет достаточно трех вопросов. Первый: кто определяет общую стратегию Человеческой Конфедерации?

— Я, Главнокомандующий, — напряженно ответил Куровски. — Я...

— Минутку, маршал, — вмешался Майзель, начальник Вычислительного Центра. — Я думаю, более корректно будет сказать, что общую стратегию разрабатывает Главный Компьютерный Центр на Олимпии IV.

— Значит, это компьютеры всегда разрабатывают глобальную стратегию? — уточнил Ортега.

— Конечно, — ответил Майзель. — У «собак» большое преимущество в людях и кораблях. Поэтому мы должны в полной мере использовать все наши ресурсы, применяя их наиболее рациональным способом, в чем, конечно, помощь компьютеров незаменима.

Ортега фыркнул:

— Они ничегошеньки не поняли за эти триста лет, — прошептал он Линго. — Мак Дей был прав. Второй вопрос, — Ортега вновь повернулся к Майзелю и Куровски, — постоянны ли прогнозы компьютеров относительно того, что даже используя все имеющиеся ресурсы на сто процентов, вы все равно проиграете войну дугларианам?

— Мы вам уже сказали, — ответил Куровски.

— Тогда какого черта вы продолжаете использовать компьютеры в войне?

Палмер едва не вскочил на ноги и не зааплодировал, услышав этот вопрос. Даже по лицу Куровски пробежала тень удовлетворения. Ортега своим вопросом коснулся самых сокровенных сомнений, которые испытывали все без исключения боевые командиры. Почему не попробовать рискнуть повести игру по своим правилам, если в любом случае терять уже нечего?

Но у Майзеля ответ уже был готов, старый классический ответ.

— Потому что используя наши ресурсы с максимальной эффективностью, что можно рассчитать только при помощи компьютера, мы будем в состоянии максимально растянуть сроки войны и таким образом использовать возможность появления за это время нового оружия, способного свести на нет преимущество дуглариан и...

— Другими словами, — прервал его Ортега, — чем дольше страус держит голову в песке, тем больше его шансы остаться в живых?

Линго великодушно улыбнулся.

— Извините Рауля, — сказал он. — Как все Знатоки Игр, он склонен упрощать ситуацию до максимума. Вот почему наши стратегии ведут себя иногда с нелицеприятной прямоотой. Но я должен вам сказать, что его анализ в своей основе точен. Вы никогда не пробовали поступать обратно тому, что предписывали компьютеры? Пробовали ли сделать нечто неожиданное, чего простая машина не смогла бы понять?

— Вы хотите сказать, предпринимали ли мы попытку самоубийства? — ухмыльнулся Майзель. — Прежде всего, лишь благодаря компьютерам нам удастся еще кое-как сдерживать этих «собак».

— А почему бы и не последовать простой интуиции? — спросил Ортега.

— Вы теряете чувство меры, — взвизгнул Майзель.

Линго и Ортега обменялись взглядами и вздохнули.

— Ну что же, — пробормотал Ортега сквозь зубы, — сделаем еще одну попытку.

— Вы попытаетесь нам объяснить, что в любом случае нам не выиграть этой войны? — спросил Куровски. — Стоило ли прилетать ради этого после трехсот лет изоляции? Чтобы придти сюда и бросить нам...

— Совсем нет, — успокоил его Линго. — По правде говоря, мы вам привезли то, что вы с такой надеждой ждали от нас — секретное оружие, фактор, который одним ударом изменит ход войны.

— На самом деле? И что же это такое?

— Мы, — улыбаясь ответил Линго.

— Вы?

Линго сделал жест в сторону молчащих до сих пор Макса и Линды.

— Вы думаете, — начал Макс монотонным голосом, — что солариане в своей изоляции превратились в мегаломанов. Вы думаете, что командант Палмер был прав в своем подозрении о том, что обещание скорее всего является ширмой, за которой пряталась трусость солариан...

— Откуда вы знаете об этом? — задыхаясь, прокричал Куровски. — Никто не мог слышать этого разговора с глазу на глаз, только я и Палмер.

— Вы думаете, — вступила в разговор Линда Дортин, — что мы не можем знать о разговоре, который происходил здесь, в то время как мы еще только приближались к планете. Вы считаете, что есть лишь один способ получить такую информацию — читать чужие мысли... Что только телепаты могли бы сделать то, что делаем мы сейчас...

— И, конечно, вы будете правы, — проговорил Линго.

— Вы... Вы все являетесь телепатами?

— Нет, — ответил Линго. — Только Линда и Макс. У каждого из нас свои собственные таланты, да и не нужно иметь в группе больше двух телепатов.

— И это ваше секретное оружие? — спросил Куровски. — Телепатия? Ей, конечно, можно найти применение, но как мы будем ее использовать против Дуглаари?

— Телепатия — только часть оружия, — ответил Линго. — Может быть, попробуем дополнительную демонстрацию?.. — он тихонько засмеялся. — Линда, может быть... хм... командант Палмер, не хотите ли вы немного станцевать для нас?

— Что-о-о? — воскликнул Палмер. Он почувствовал, как что-то осторожно проскользнуло в его голову. Помимо его воли руки и ноги Джея стали двигаться сами по себе. Он вскочил на стол.

Ноги его дергались во все убыстряющемся темпе, пальцы рук защелкали как кастаньеты.

И командант Джей Палмер стал лихо отплясывать джигу на столе конференц-зала.

— Палмер, прекратите! Я вам приказываю, остановитесь! — крикнул ему Куровски.

— Я... я не могу... — растерянно пробормотал Палмер, продолжая выделывать колёнца. — У меня не получается!!!

— Хватит, — приказал Линго, и Палмер в тот же миг восстановил контроль над своим телом. Весь красный и потный, задыхаясь, он едва дотащился до своего кресла.

— Как вы только что видели, — сухо продолжил Линго, — телепатия обладает... хм... некоторыми дополнительными возможностями, кроме прочтения чужих мыслей. Как и в большинстве других областей, коммуникация предполагает подчинение себе.

— Вы хотите сказать, что сможете обучить этой технике и наших офицеров?

— Вряд ли, — ответил Линго. — Для этого надо обладать талантом. Он есть или его нет. Нет, наш план включает в себя другие действия, более прямые. Вы видели, как можно управлять поступками офицера Палмера. Как вы думаете, что будет, если мы попробуем воздействовать подобным образом на Кора, императора дуглариан?

— На Кора? Вы хотите сказать, что собираетесь отправиться в систему Дуглаари?

— Совершенно верно.

— Теперь мне все ясно, — прохрипел Куровски. — Вы все сумасшедшие. Вы никогда не сможете добраться до Дуглаари в целости и сохранности. У них столько кораблей охраняет границы системы, что ни один микроб не проскочит туда незамеченным. Как вы помните, физически невозможно выйти из Статического Пространства внутри любой солнечной системы. Таким образом, от границы внешней орбиты системы вы должны будете двигаться в открытом космосе с помощью Силового Поля. У вас не будет ни единого шанса. Они разнесут вас в клочья прежде, чем вы достигнете орбиты Дугла VI.

— Вы правы, — согласился Линго. — Мы не сможем добраться до Кора, если станем прокладывать дорогу силой. Однако существует способ, который позволит нам проникнуть на Совет Мудрости.

— Это какой же?

— Мы пообещаем им полную капитуляцию Конфедерации.

— Как? Что?! — взорвался весь генералитет в едином хоре возмущенных голосов. Линго рассмеялся.

— Расслабьтесь, господа. Я не предлагаю Конфедерации сдаться в действительности, а только поручить мне эту дипломатическую миссию, позволяющую нам попасть к Кору.

— Они никогда не согласятся на это, — ответил маршал. — «Собаки» не пойдут ни на какие переговоры. Они упрямы в своем решении уничтожить человеческую расу и никогда не согласятся на какие-либо условия.

— А кто говорит об условиях? — спросил Линго. — Мы придем смиренно просить капитуляции без всяких условий. Это будет, — скажем мы, — более логично, чем попусту растрачивать силы в наверняка проигранной войне. Прагматизм, господа, прагматизм! Никакой человек не сможет думать так, но именно так думали бы дуглариане на нашем месте. Они приверженцы чистой логики. Они обожают логику и прагматизм, как вы должны были бы догадаться, поскольку вот уже три века пытаетесь вести войну их методом, без большого успеха, но с завидной постоянностью.

— Быть может, это и удастся... — пробормотал Куровски.

— Вы думаете, — внезапно раздался голос Макса Бергстрема, — что в этом предприятии вы ничем не рискуете, кроме потери шести солариан.

Куровски покраснел и принялся неловко оправдываться, но Линго прервал его.

— Ладно, — сказал он, — вы не должны стыдиться своих мыслей. Это хорошо рассчитанный риск, и вы правы в том, что здесь мы вам ничем особенно и не сможем помочь. Нам нужен высокий представитель Генерального Штаба, наделенный полномочиями для весомости переговоров... скажем, Главнокомандующий!

— Если вы думаете, что я буду рисковать своей шкурой в этой безумной затее...

— Успокойтесь, господин маршал. Я предвидел, что особого энтузиазма с вашей стороны не обнаружу, и поэтому предлагаю следующее. Почему бы не послать одного из старших офицеров, без которых здесь можно пока обойтись? Конечно, вы должны будете возвести его в ранг Полномочного Представителя Посла, на время, конечно, и повысить его звание до генеральского...

Куровски пожевал губами.

— Вы хотите сказать, что кто-нибудь, скажем... командующий флотом? Кто-нибудь типа Палмера?

— Вот именно.

— Минутку, — вскочил Палмер. — Я...

— Замолчите, командант Палмер, — взвизгнул маршал.

— Генерал Палмер, — поправил его Линго, — с этого момента — генерал Палмер.

— Генерал Палмер, приказом от сегодняшнего дня вы назначаетесь Полномочным Послом Генерального штаба при команде Крепости Сол.

— Но, господин маршал... — начал было Палмер.

— Мне кажется, достаточно дискутировать на эту тему, — прервал его Линго. — Мы все очень устали и думаем отбыть завтра утром. Командант, извините, генерал Палмер, мы вас ждем на борту в одиннадцать часов утра. Извините, господа...

Не считаясь с церемониями, Линго и остальные солариане разом поднялись и покинули собрание, как королевская семья, дающая знать придворным, что аудиенция закончена.

Оставшиеся в зале возбужденно переговаривались, разбившись на мелкие группы, а Палмер остался наедине со своими мыслями. И только сейчас он полностью осознал то, что сделал Линго.

Это был удар, нанесенный рукой мэтра. По сути дела именно Линго руководил заседанием с начала и до конца. Он контролировал беседу с такой точностью, что смог заставить Генеральный Штаб принять важное решение без консультации Компьютера, чего не случалось уже почти триста лет.

Генеральный Штаб, не раздумывая, принял план землян. Все было проделано на одном дыхании. Но, если хорошенько подумать, план этот являлся чистейшей воды абсурдом.

Предположим, им удастся добраться до Кора, что было весьма сомнительно, несмотря на красивую речь Линго. Предположим далее, что им удастся внушить все необходимое Главнокомандующему силами Дуглаари. А дальше что? Каким образом можно внедрить инициативу, которая должна изменить ход войны, не вызвав подозрений армии и народа. Заставив их танцевать джигу?

Нет, земляне должны обладать еще какими-то козырями. Палмер понятия не имел, что бы это могло быть, но все равно эта затея ему совершенно не нравилась.

Единственное, что он знал наверняка, так это то, что вляпался в хорошенькую заварушку.

Палмер медленно шел по космопорту в направлении корабля землян. Забросив на плечи рюкзак со снаряжением, он пытался выполнить довольно трудную задачу — идти и ни о чем не думать.

Было очень важно не думать о... о том, что находилось у него в рюкзаке.... так как, если земляне смогут прочесть его мысли...

Накануне у них состоялась короткая встреча с маршалом Куровски. К тому моменту маршал уже успел детально обдумать план, предложенный соларианами.

— Конечно, все это кажется смешным и наивным, — начал маршал. — Мы с вами хорошо знаем, что шансы добраться до Кора минимальные. Я не буду вам морочить голову, Палмер. Но во всей этой затее есть по крайней мере два важных момента, из-за которых мы должны попробовать. Во-первых, вам, как босвому офицеру, это должно быть особенно приятно, мы уже добились кое-чего в данной истории.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Думайте, Палмер, думайте. Одно то, что Генеральный Штаб принял к осуществлению план землян без предварительной консультации с Компьютерным Центром устанавливает прецедент. И даже если ваша миссия не увенчается успехом, даже если вы... хм... не вернетесь, это сможет нам позволить снова противостоять компьютерам в будущем. Это нам даст, быть может, возможность передать командование настоящим офицерам, способным мыслить самостоятельно... как вы и я, а не таким дубам, вроде Майзеля. И, конечно, в случае, если план выгорит... В конце концов, что мы теряем?

— Ничего, кроме одного из командующих флотом, — вздохнул Палмер, позволив себя убедить.

— Нет, сэр... нет, Джей, — торжественно сказал Куровски. — Я вам обещаю, что бы ни случилось, звание генерала вам присвоено окончательно. Когда вы вернетесь, об этом будет объявлено официально. Если же... в противном случае ваше звание вам присвоят посмертно. Это самое малое, что мы можем для вас сделать.

— Благодарю вас, сэр, — без особого энтузиазма поблагодарил Палмер. — Но я все же не понимаю, какой успех могут нам принести солариане, даже если им удастся навязать Кору свое влияние!

— Я предполагаю, что они заставят Кору отдавать такие приказы, которые приведут к потере части, наибольшей части воинских сил дуглариан. Хорошо известно, если они потеряют, скажем, три или четыре тысячи своих кораблей, мы, по крайней мере, сравняемся с ними в количестве. В таком случае можно рассчитывать, что удача повернется к нам лицом. В конце концов, при нашей стратегии ведения боя количество кораблей играет главную роль. Эх! Если бы я мог, то с удовольствием помнил всю эту

систему Олимпий на три-четыре тысячи дугларианских кораблей! Вы не думали, почему они никогда прямо не атаковали Олимпию или даже Сол? Потому что они слишком умны, чтобы рисковать своими кораблями в большом количестве.

— Все это так, конечно, — согласился Палмер. — Но я все еще не представляю, каким образом солариане надеются завершить этот маневр, и уверен, что мы совершаем большую ошибку, полностью доверившись им.

— Доверять им? — удивился Куровски. — Кто говорит о доверии? Почему вы думаете, что я рискую жизнью столь опытного офицера, как вы, в этой безумной затее? В конце концов мы могли бы произвести в ранг генерала какого-нибудь лейтенанта. Мне нужен человек, который смог бы быстро принять решение на месте. Линго назначен руководителем этой миссии, но я вам даю полномочия поменаться с ним ролями, если того будут требовать обстоятельства. Если вы заподозрите малейший признак нечистой игры, вам разрешается взять командование кораблем на себя и вызвать часть или весь флот Конфедерации, находящийся в данном секторе. Вы примените силу, если того потребуют обстоятельства и не будет иного выхода. Вы также должны быть готовы к тому, чтобы взорвать и сам корабль, на котором будете находиться. Вам нужно быть экипированным в достаточной мере, с учетом этих возможных обстоятельств. А поскольку вас могут обыскать, отнесите свой рюкзак в лабораторию Секретной Службы. Они сумеют упаковать в него необходимое количество оружия и взрывчатки, чтобы вы чувствовали себя увереннее при любом повороте событий. Куровски встал и протянул руку.

— Удачи, генерал Палмер.

Палмер поправил висевший на плече рюкзак, в котором был спрятан целый маленький арсенал: дезинтегратор, лазер-Деррингер, парализующий пистолет, новый тип атомной бомбочки с запаздывающим взрывом, выглядевшей как электробритва. Более мелкое оружие, равно как и необходимое количество деталей, позволяющих собрать на месте необходимое вооружение, были спрятаны в отворотах, швах, замках рюкзака и одежды. При тщательном обыске солариане могли бы обнаружить часть этого вооружения, но все — никогда...

Корабль Крепости Сол казался удручающе обычным. Он был, конечно, гораздо меньше привычных босских кораблей, которыми командовал Палмер, и, к тому же, был окрашен в дурацкий ярко зеленый цвет. Опытный взгляд сразу определил на нем широко использующиеся Генераторы Силового поля и обычные

антенны Статического поля на носу, корпусе и хвостовой части корабля.

Входной люк открылся, и Дирк Линго вышел ему навстречу. Палмер сосредоточился, стараясь выбросить из головы все ненужные мысли, когда увидел, что вслед за Линго показался Макс. Оба спустились на бетон астропорта. Палмер еще выше вскинул свою ногу на плечо и поднялся на первую ступеньку трапа.

— Минутку, генерал Палмер, — сказал Линго. — Макс!

Палмер приказал своему мозгу не думать ни о чем. «Не думай о...», — говорил он себе. — Не думай о том, что у тебя в... Не думай! Не думай!»

Бергстрем смотрел на него спокойным ровным взглядом. Палмер почувствовал, как острый червячок зашевелился у него в голове, слегка покалывая в разных местах. «Не думай об оружии!» — внушал он себе. — Не думай даже о том, что ты не должен об этом думать... Ла-а, Ла-а... Ло-о». Палмер попытался занять свои мысли абстрактными символами, простым шумом, чем-то вроде паразитических токов в электросети; и все-таки Бергстрем медленно проникал все глубже и глубже в его сознание.

Внезапно Джей почувствовал, как его затопила волна огромного удивления, даже смятения и тут же понял, что это не его собственные ощущения, что они принадлежат Макс, но продолжал по-идиотски мысленно вопить: ...Ло-о... о... е-с-с...

Судя по всему, на Макса его «паразиты» не производили никакого впечатления, а лишь, казалось, усиливали его любопытство. Палмер ощущал, что «шуп» телепата проникает все глубже и глубже в его сознание, обыскивает все закоулки памяти вчерашнего дня, будто Бергстрем листал энциклопедию. Наперекор сопротивлению Палмера в нее вошли воспоминания о вчерашнем разговоре с маршалом, посещение им лаборатории Секретной Службы, инструкции офицеров...

Затем давление внезапно прекратилось, и Джей снова почувствовал себя хозяином собственного мозга. Бергстрем с улыбкой повернулся к Динго.

— Генерал принес с собой все, кроме сточной трубы из кухни, Дирк, — сказал он весело и вновь повернулся к Палмеру.

— Я думаю, вам лучше оставить ваш рюкзак здесь, — сказал он. — Это настоящая скобяная лавка.

— О чем это вы говорите? — голос Палмера прозвучал как-то жалобно.

— Вы не кажетесь самому себе смешным, пытаетесь надуть телепата? — все так же спокойно спросил Макс.

— Я говорю о дезинтеграторе, о парализующем пистолете, о лазере, о...

— Ладно, ладно, — проворчал Палмер, — ваша взяла. Но разрешите мне взять по крайней мере что-нибудь из сменного белья, — тотчас добавил он, опуская свой мешок на землю.

— Какая униформа вам больше нравится, — спросил Макс улыбаясь. — Та, в которой есть баллончики с газом, спрятанные под обшлагами, или другая, где находятся части от электропистолета, зашитые в подкладку, или третья, где...

— Ну, хорошо, — вздохнул Палмер. — Сдаюсь. Надеюсь, меня можно понять...

На душе у него стало противно. С удрученным видом он швырнул свой рюкзак на землю и начал карабкаться по лестнице, ведущей к входному люку корабля. К черту эти игры! Как вообще можно было думать об обмане телепата?

Палмер не знал, прочел ли Бергстрем его последние мысли, но, во всяком случае, на лицах гостей играла веселая ухмылка.

— Генерал, — позвал его Линго, закрывая входной люк, — не принимайте все так близко к сердцу. Вас можно понять. У вас были все основания не доверять нам и соответственно вооружиться. Это, в общем-то, выглядит вполне естественным, вы должны быть подозрительны по отношению к нам.

— И так же естественно, что вы тоже мне не доверяете?

Линго улыбнулся.

— Совершенно верно. Пока один-ноль в нашу пользу. Кто знает, может быть в следующий раз вы отыграетесь. Без обид?

Палмер пожал плечами.

— Без обид, Линго.

— Вам, наверно, хотелось бы посмотреть, как мы управляем кораблем? — спросил Линго. — Я думаю, вам это будет интересно. Может быть, слегка нагонит страху, но зато чрезвычайно поучительно для знающего человека. Пройдем в рубку!

Отсек по управлению кораблем не был похож ни на что, виденное Палмером раньше в космических кораблях. В зале находилось четыре кресла для экипажа, но лишь два из них были действительно связаны с механизмами управления, а два других предназначались для пассажиров.

Перед одним из кресел располагался небольшой экран с различными циферблатами, другое было снабжено переговорным устройством, различного рода рычагами и педалями, а также еще одним приспособлением, отдаленно напоминающим руль автомобиля.

И все. Не было ни экрана компьютера, ни каких-либо навигационных приборов, ни датчиков энергии поля, ничего.

В кресле перед экраном сидела Фран Шаннон. Она рассеянно улыбнулась вошедшим в рубку.

— Фран — наша Эдетик, — сказал Линго, что, впрочем, Палмеру ни о чем не говорило. Линго указал ему на одно из пассажирских кресел, а сам устроился во втором кресле управления.

— Вы сейчас увидите еще одну из моих маленьких способностей, — сказал он, обращаясь к Джею. — Я обладаю абсолютной чувствительностью к ощущению Пространства-Времени. Это можно сравнить в какой-то мере с абсолютным слухом в музыке. Я могу чувствовать траекторию полета, ускорение, торможение, отклонение от курса и так далее. И дам в этом сто очков любому компьютеру.

Палмер откинулся на спинку кресла и почувствовал себя совсем маленьким.

— Не станете же вы утверждать, что управляете кораблем вручную? — слабым голосом произнес он. — Вы можете взлететь без помощи компьютера?

Линго разразился громким смехом.

— Включите экран, — скомандовал Линго, нажимая на кнопку переговорного устройства.

У Палмера перехватило дыхание. Весь полусферический потолок рубки превратился в один огромный экран. Создалось впечатление, что они сидят в вороньем гнезде какой-то огромной машины. Над ними простиралось глубокое небо, где-то далеко внизу находилось поле астропорта. От этого сразу закружилась голова.

— Я вас предупреждал, что картина будет впечатляющей, а? — спросил Линго уверенным голосом. Затем приказал. — Локализатор взлета.

В огромной голубой сфере неба над их головами появилась красная линия. И сразу же под прямым углом к ней — другая линия, желтого цвета.

— Искусственный горизонт и нормальное тяготение, — объяснил Линго. — Готов к взлету.

Линго приступил к управлению кораблем. Палмер почувствовал, как заработали генераторы Силового Поля. Корабль приподнялся над поверхностью космопорта и стал уверенно набирать высоту, все более увеличивая скорость. Теперь Палмер мог видеть, как земля медленно исчезала из поля зрения. Впечатление было такое, будто он находился не внутри, а с наружной стороны

корабля. Взлет продолжался со все более увеличивающейся скоростью.

Палмер хорошо знал, что отклонение от вертикали при взлете даже на три градуса может стать фатальным для корабля, и именно поэтому взлетом всегда управлял бортовой компьютер.

Но, невероятно: как только намечалось колебание по оси, Линго гасил его в ту же секунду. В это невозможно было поверить, но это было очевидным! Они не разбились. Наоборот, скорость подъема все увеличивалась, и вскоре уже Олимпия превратилась в огромный глобус, затем — в диск, и они оказались на орбите.

Всюду вокруг них сверкали звезды. Казалось, в рубке исчезли стены и они просто парили в космическом пространстве. Палмер закрыл глаза, не в силах справиться с усиливающимся головокружением.

Поборов себя через мгновение, он смог открыть их вновь и, к большому удивлению, понял, что головокружение исчезло. Вновь открывшаяся картина Космоса даже доставила ему удовольствие.

— Локализатор курса, — потребовал Линго. Желтая и красная линии уступили место сетке белых линий, разделивших поле зрения на квадраты, каждый из которых соответствовал одному градусу полусферы.

— Направление на Дугл, — вновь скомандовал Линго. Пришла очередь Фран, которая до этого безучастно разглядывала огромное звездное поле, тысячи и тысячи красных, желтых, зеленых и голубых звезд. С помощью одного из индикаторов на пульте управления она сконцентрировала круг красного цвета на светиле бледно-желтого цвета, расположенном почти в центре полусферы. Линго надавил одну из кнопок своего кресла, и на потолке появилось красное кольцо, как раз в том месте, где Палмер подозревал расположение геометрического центра полусферы.

— Для данного момента это достаточно точно, — пояснил Линго. Он поманипулировал рычагами и скорость корабля стала быстро нарастать. Быстрее, еще быстрее, еще...

Палмер потерял счет времени. Вид открытого Космоса, все усиливающееся ускорение действовали на него гипнотически. Час проходил за часом, тяга Силового Поля все нарастала, разгоняя корабль до скорости, близкой к скорости света. Должно быть, Палмер немного задремал, так как он вздрогнул от внезапно раздавшегося голоса Линго.

— Хорошо. Мы находимся за орбитой Олимпии IX. Можно

проводить последнюю коррекцию перед входом в Статическое Пространство.

— Минутку! — встрепнулся Джей. — Вы не можете войти в Статическое Пространство без помощи компьютера! Это чистой воды сумасшествие!

К счастью, было совершенно невозможно выпрыгнуть из Статического Пространства внутри какой-либо солнечной системы, так как давление огромной массы звезды непреодолимо препятствовало выходу корабля из него, пока вы не удалитесь на безопасное расстояние. Но существовала, увы, возможность включить генераторы Статического Поля вблизи какой-нибудь звезды, что влекло за собой не только немедленный взрыв двигателя и корабля, но и превращение самой звезды в Новую. Вот почему все солнечные системы обеих противоборствующих рас скрупулезно охранялись патрульными кораблями, поскольку теоретически можно было предположить, что найдется какой-нибудь корабль-камикадзе, который возьмется за такую задачу. Во всяком случае на данном этапе войны вопрос этот казался чисто теоретическим.

И вот без всякой видимой причины Линго подвергает опасности превращения Олимпии в Новую. Просто безумие — так рисковать, включая генераторы Статического поля без знания точной дистанции от звезды, которую мог рассчитать только компьютер.

— Успокойтесь! — сказал Линго. — Мы свободно определяем точное направление движения корабля.

И Линго начал манипулировать рычагами и педалями своего кресла. Маленький красный кружок, располагающийся внутри желтой звезды — Дугл, заскользил по направлению большого красного круга в центре экрана. Два круга соприкоснулись, затем маленький круг появился точно в центре большого, как точка мишени.

«Но, если Линго ошибся и мы находимся слишком близко, то целью станет Олимпия», — подумал Палмер.

— Проверить все показатели, — вновь приказал Линго в переговорное устройство и затем, через мгновение:

— Включить Статическое Поле.

Палмер задержал дыхание. Огромное звездное пространство вокруг него внезапно исчезло, и Палмер очутился в туманном, пульсирующем лабиринте Статического Поля, которое деформировало Время, превращая видимое пространство в один головокружительный цветовой смерч.

Генератор не взорвался! Линго был прав. Он действительно

оказался способен управлять кораблем на таких больших расстояниях. Олимпия не пострадала, а они мчались теперь прямо в объятия Дуглаари!

4

— Ну что, генерал, все в порядке? Мы все еще целы, и Олимпия сияет как всегда.

— Будем надеяться, что это не игра случая, — проворчал Палмер, неохотно признавая свое поражение.

— Я все еще думаю, что вы слишком рисковали.

Линго покинул кресло для пилота.

— Если бы риск действительно существовал, я бы согласился с тем, что провоцировать взрыв еще одной Новой — плохая шутка. Но когда вы доверяете решение аналогичной задачи компьютеру, ему-то вы верите! А что такое компьютер? Это же продукт человеческого мозга. Так уж лучше верить самому мозгу, чем тому, что его заменяет.

— Ну, это несколько поверхностный взгляд на... — начал Палмер, но Линго остановил его движением руки.

— Оставим эти споры на потом. Наше путешествие будет долгим, так что у нас еще масса времени поспорить на эту тему. Весь экипаж сейчас собрался в кают-компании. Как вы смотрите на то, чтобы пропустить стаканчик?

Кают-компания не походила ни на одно из внутренних помещений кораблей, известных Джею. Стены были обшиты сосной, а пол покрывал огромный толстый ковер зеленого цвета. Мебель своими тяжелыми формами напоминала антикварные образцы и была большей частью из обшитого кожей дерева. Вдоль одной из стен протянулась стойка бара, который оказал бы честь даже клубу Генералов в Пентагон-Сити. Другая стена представляла собой практически один огромный экран. В углах комнаты находились стерео и видеосистемы и масса другой аппаратуры, о предназначении которой можно было только догадываться. В центре комнаты стоял большой овальный стол, напоминающий бильярд, где вместо сеточек луз находились какие-то полости, заполненные разноцветным песком.

Палмер застыл на месте, с удивлением осматриваясь. «Одна лишь эта комната стоит больше, чем вся оставшаяся часть корабля», — в замешательстве думал он.

Линго сделал знак Раулю Ортега, выполнявшему роль бармена.

— Как насчет «Девяти Планет» для генерала? — спросил он. Ортега забренчал бокалами и бутылками.

— Это... гм... царские хоромы для космического корабля, — проговорил Палмер. — Совсем не то, к чему я привык.

Робин Морсель, уютно расположившаяся в глубоком кресле, звонко рассмеялась.

— Война — это ад, генерал.

Ортега закончил приготовление загадочного коктейля и протянул Джею большой запотевший бокал, наполненный жидкостью девяти различных не смешивающихся между собой цветов: бледно-голубого, коричневого, пурпурного, морской волны, бурого, зеленого, желтого, синего и оранжевого.

— Каждый цвет — одна из планет Солнечной системы, — сказал Ортега, подмигивая Палмеру.

Тот недоверчиво глядел на гигантских размеров запотевший бокал. Впечатляющий коктейль!

— Пейте мелкими глотками, медленно, — посоветовала вошедшая вслед за ними Фран Шаннон. — Не больше одного уровня за один раз.

Палмер поднес бокал к губам и сделал пробный глоток. Жидкость первого уровня была максимально холодной. «Плутон, наверное», — подумал он, пытаясь припомнить названия планет Солнечной Системы. Четыре следующих слоя жидкости также были очень холодными, но степень их охлаждения уменьшалась от слоя к слою.

Шестой слой оказался более густым, на вкус — старое сухое вино. «Марс», — догадался он. Седьмой нес успокоение, тепло и был нежным по вкусу. Это могла быть только Земля. Зато восьмой просто обжег горло, оказавшись горячим и крепким до такой степени, что у Палмера полезли глаза на лоб.

— У-у-ух... — едва выдохнул он, оглушенно покачивая головой, но, передохнув и набравшись смелости, храбро выпил оставшееся до конца.

Весь экипаж собрался теперь вокруг него, с одобрением покачивая головами и улыбаясь.

— Из Рауля вышел бы первоклассный бармен, — заметил Макс. — Когда вы почувствуете себя вполне готовым, попросите его приготовить вам «Суперновую».

Палмер медленно покачал головой. И вся компания закачалась в такт с ним. Движения казались ему медленными, как вечность.

— Мне кажется, что я принял уже достаточно, — оглушенно пробормотал он. — Какого черта вы намешали в этой микстуре?

— О, мне понадобился бы целый день, чтобы вам это объяснить, — ответил Ортега, пряча улыбку в усах.

— Зови меня просто Джей, — внезапно предложил Палмер. Он начал чувствовать, как голова у него становится все легче и легче, а колени все более ватными, будто он шел не меньше дня без остановки.

— Надеюсь, что не отравлюсь... — произнес он заикаясь, и, почувствовав головокружение, плюхнулся в ближайшее кресло. Произнося первые слова, он хотел придать им иронический смысл, но в конце фразы, которая показалась ему нескончаемой, он подумал, не отравил ли это на самом деле. В конце концов, разве можно доверять этим соларианам...

— Не ломайте себе голову, Джей, — посмеиваясь, сказала ему Робин Марсель, — после этого напитка все вначале чувствуют себя одной ногой в могиле, но это лишь первое впечатление.

— А что... что, будет еще второе? Голова кружилась все сильнее. Палмер потерял ощущение реальности. Сейчас он не мог бы даже сказать, сколько человек находится с ним в комнате. Миллионы, казалось ему. Воздух сгустился и приобрел осязаемость и аромат. Он медленно струился, как густой сироп. Палмер никогда не был так пьян, как в данный момент, и он не мог понять, нравится ему это или нет. Теперь он себя чувствовал хорошо, голова свободная и легкая, настроение приподнятое, но мысль оставаться в таком состоянии долгое время была скорее пугающей и даже омерзительной.

Или Бергстром прочел его мысли, или остальные поняли по выражению его лица, но весь экипаж веселился вовсю, глядя на него, а Ортега просто стонал от удовольствия.

— Не берите в голову, Джей, — сказал Линго. — Это тоже пройдет.

Линда Дортин проскользнула к проигрывателю, и приятная нежная музыка заполнила зал. Фран Шаннон уселась перед синтезатором запахов и начала импровизировать. Тотчас же воздух наполнился запахами весны. Основу составлял тяжелый и густой дух свежескошенной травы. И на этом фоне Фран стала поочередно создавать ароматы различных цветов: розы, лилии, ландыша... Пахучие «фразы» наплывали и исчезали в неожиданной синхронности со звуками музыки.

Палмер начал чувствовать распирающую головную боль. Казалось, голова его вот-вот лопнет, в то время как остальная часть

его «я» расслабилась под всесокрушающим напором опьянения, запахов и звуков музыки. Никогда еще он не испытывал подобного пира души.

Но это-то его и беспокоило. Палмер никогда не употреблял, ничего похожего на «Девять Планет» и не мог предположить, какие будут после этого последствия. Его новые друзья уверяли, что напиток совершенно безвреден, но чего стоят их слова на самом деле? Может быть, они будут теперь держать его все время в подобном состоянии эйфории? А может, этот коктейль полностью сокрушит волю? Или, несмотря на все заверения Робин, коктейль был все-таки отравлен?

Палмер был выпивохой не больше, чем любой другой солдат, находившийся в отпуске. Ему приходилось и раньше напиваться до чертиков. В таких случаях, зная, что он хватил лишку, Джей старался отосидеться где-нибудь в уголке, ожидая, пока винные пары несколько рассеются.

Сейчас он испытывал как раз такое состояние. Джей не чувствовал себя ни больным, ни испуганным, его не тянуло «поплакаться в жилетку», но он чувствовал, что с него достаточно.

К сожалению, Палмер совсем потерял счет времени и не знал, как долго он пробыл в этом состоянии. Еще хуже было то, что ему была совершенно не известна длительность действия напитка. Пропитанный запахом роз, туман окутывал его со всех сторон. Ему казалось, что он уже целую вечность находится в этой густой и теплой атмосфере, и это состояние будет длиться... длиться...

Внезапно все кончилось.

Туман вдруг рассеялся, как пена для бритья в горячей воде.

С ошеломляющей быстротой он оказался совершенно трезв. Это было ни на что не похоже. Только что он был пьян в стельку, а сейчас голова стала ясной, мысли четкими, ни малейшей тени тяжести в голове или мигрени. Он был свеж как огурчик, будто проспал не менее семи-восьми часов глубоким спокойным сном. Ко всему прочему ему страшно захотелось есть.

— Ага, — сказал Ортега. — Я вижу, все прошло. Вот за что я особенно люблю этот «ерш». Каждый из семи первых слоев немного более пьянящий, чем предшествующий. Восьмой слой — отрезвляет, но действует с запаздыванием, дает почувствовать эффект от первых семи. А последний слой — стимулирующий. Опьянение, хорошая ночь сна, а потом свежесть и бодрость во всем теле — и все это за двадцать минут.

— Двадцать минут! — воскликнул Джей. — Это длилось только двадцать минут?

— Ни секундой больше, — ответил Ортега.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Линго.

— В отличной форме. И жутко проголодался.

— Это сделано наверняка умышленно, — вмешалась Линда Дортин. — Обед готов.

Она нажала расположенную за баром кнопку и часть стены отошла в сторону, открывая большой стол, накрытый на семь персон.

Палмер и трое мужчин сели и приготовились к трапезе. Джей ожидал, что дамы присоединятся к ним, так как здесь имелись, по-видимому, самые невероятные удобства, и надо было ожидать, что стол сервировался автоматически.

Вместо этого женщины направились к другой секции стены. Новое нажатие кнопки, и панно открылось, являя взору дымящуюся супницу, порезанное кусками вареное мясо, жаркое и блюда с ассорти.

К удивлению Палмера женщины стали накладывать еду сами. И это оказалось для него самым сильным впечатлением из всего, что он успел увидеть. Обед, сервируемый таким древним способом, являлся для его новых друзей возможностью расслабиться и было видно, что женщинам доставляло огромное удовольствие обслуживать мужчин.

— Это почти как в старые добрые времена, когда существовал обычай есть всей семьей, как нам рассказывали, — заметил Джей.

— Почти, — ответил Линго. — Вы же знаете, что было время, когда «семья» состояла из трех или четырех поколений. В ту эпоху каждый обед был церемонией с весьма сложным ритуалом. Конечно, все это не происходило без многочисленных осложнений. Мужчина руководил такой большой семьей часто до конца дней своих, и не его вина, если близкие становились похожими на банду вонючих отбросов, он тащил свой крест до кончины.

— Но, думаю, этим достигалось ощущение принадлежности к роду, клану, — задумчиво пробормотал Палмер. — Я хочу сказать, что почти чувствую, на что это было похоже. Все это в какой-то мере ободряло индивидуум, вносило комфортность в его мироощущение.

— Да, может быть, — сказал Ортега. — Но не забывайте, что это не мешало им довольно часто грызться между собой по вся-

кому поводу. Социальная структура способствовала тому, что люди собирались в группы, часто совершенно случайно, что не благоприятствовало стабильности как самих групп, так и общества в целом.

— Рауль, вы слишком цинично смотрите на эти вещи, — раздался голос Фран. — По-моему, это было очень романтическое время.

— Конечно, конечно, слишком романтическое. Знаете ли вы, что эти романтики имели привычку убивать друг друга хотя бы из-за того, что обнаруживали свою жену с кем-нибудь другим?

— О, довольно, Рауль. Хватит нам рассказывать сказки! — засмеялась Фран.

— Да! Сказки! — улыбнулся Ортега. — Я ничуть не преувеличиваю и могу вам сказать, что подобное еще практикуется на некоторых планетах Конфедерации. Не так ли, Джей?

— Да, конечно, гм... я хочу сказать, что если вы хотите сказать то, что... что я думаю, о чем вы хотите сказать. Хм... никто из вас не женат?

— И да, и нет, — ответил Ортега.

— Да и нет! Как это? — воскликнул Палмер. — Вы или женаты, или не женаты?

— В таком случае — нет, с вашей точки зрения, — взял слово Линго. — Но с нашей — скорее — да. Мы все женаты, в определенном смысле. Мы все рассчитываем друг на друга. И можно сказать, что живем в семье. Но, с другой стороны, мы все абсолютно независимы друг от друга и совершенно свободны в возможности иметь связь вне группы.

Палмер в замешательстве посмотрел на него.

— Например, — сказала Робин, — вы не являетесь членом нашей группы, но ничто вас не обязывает спать одному все время, не правда ли?

— Что, что! — у Джея перехватило дыхание, и он поперхнулся.

Все шестеро солариан вновь зашлись в пароксизме смеха, и он спросил себя, правильно ли оценивает значение сказанного...

Ортега что-то мастерил за стойкой бара. В другом углу комнаты Фран читала книгу. Макс и Линда были заняты...

Палмер, сидя в шезлонге между Линго и Робин, не мог понять, что, собственно, делали Линда и Макс. Сидя рядом на канпе, они пристально глядели в глаза друг другу, не шевелясь, не произнося ни единого слова. Палмер бросил взгляд на Робин, вновь посмотрел на безмолвную пару и опять перевел свой взгляд

на Робин. Это, со всей очевидностью, был вопрос. Девушка рассмеялась.

— Не спрашивайте у меня. Я не телепат, — ответила она. — Они... ну... словом, они общаются между собой, как это могут делать лишь симпатизирующие друг другу, или даже больше. Я лично предпочитаю проявлять свои симпатии менее экстравагантным способом. И она подмигнула ему.

Палмер смущенно заерзал в своем кресле, бросая исподтишка взгляды на Линго и стараясь определить, заметил ли тот этот эпизод. Но Линго в это время задумчиво глядел прямо перед собой и улыбался каким-то своим мыслям.

— А что вы об этом думаете, Джэй? — спросила Робин.

— Хм... о чем?

— О привязанности. Разве вы не считаете, что это вполне естественно, выражать свою симпатию, привязанность друг к другу? Я имею в виду обычные способы. Кто для мужчины и женщины является... — тут она бросила на него пристальный взгляд. Палмер снова нервно взглянул на Линго, который продолжал сидеть с отсутствующим видом.

— Ну... конечно, если двое любят друг друга, они должны бы... я хочу сказать, что целомудрие, как таковое, исчезло уже во времена Фрейда.

— Нет, нет, — ответила Робин. — Я не говорю о любви, я имею в виду именно расположение друг к другу, привязанность. Не смещите меня, говоря, что мужчина и женщина должны обязательно любить друг друга, чтобы...

— Конечно, нет! В самих сексуальных отношениях нет ничего заслуживающего порицания. Это вполне естественно...

Робин рассмеялась.

— Это совсем не то, что я хотела сказать, — воскликнула она. — Вы не понимаете, что означает слово нравиться? Это не значит — любить кого-то, но относиться к нему с расположением, привязанностью, он вам не безразличен, понятно? Я люблю Дирка, например. Но... это не мешает тому, что вы мне нравитесь, не так ли?

Слова были двусмысленны, но глубокий дружеский горячий взгляд девушки говорил сам за себя. Палмер не чувствовал себя способным отплатить ей той же монетой и поэтому чувствовал себя очень неуютно. В конце концов, говорил он себе. Линго сидит здесь же рядом. Он вновь взглянул на него. На этот раз соларианин ответил ему взглядом, в котором не было ни гнева,

ни ревности. Ничего, кроме удовольствия. Линго, не скрывая, забавлялся замешательством Джея.

— Не правда ли, я вам нравлюсь, Джей? — продолжала безжалостно допрашивать его Робин. — Я хочу сказать, что вы не находите меня ни уродливой, ни глупой?

— Да, конечно, нет! Почему? Конечно, вы мне нравитесь, Робин!

Она тихонько засмеялась и окинула его ласковым взглядом.

Палмер понял вопрос, но не знал, как на него ответить. Не знал, как он хотел бы на него ответить. Поэтому генерал предпочел сделать вид, что ничего не заметил.

У Линго из груди вырвалось нечто между клокотанием и рыданием, которое он тотчас же подавил. Похоже, он изо всех сил сдерживал смех, который давно уже его разбирал. Он взглянул на Робин, пожал плечами и поманил ее рукой.

Она в свою очередь пожала плечами, вежливо улыбнулась Джею, встала, подошла к Линго и села ему на колени.

Смеясь, Линго быстро поцеловал ее в кончик носа и пошутил:

— Мне кажется, ты теряешь квалификацию, Робин.

— Не всегда же выигрывать, — ответила та, целуя его. Красный от смущения, с полным сумбуром в голове, Палмер встал, подошел к книжному шкафу и взял один из фолиантов.

Несколько минут спустя Макс и Линда оторвали взгляды друг от друга и, так и не произнеся ни слова, одновременно встали с дивана. Макс что-то сказал Фран Шаннон, и они вместе вышли из зала.

В это время Линда подошла к Ортеге, прошептала ему что-то на ухо, и эта пара в свою очередь покинула помещение рука об руку.

Палмер лежал в койке, продолжая чувствовать себя довольно скверно после происшедшего в кают-компании. Его каюта являлась уютным маленьким помещением, где кроме кровати имелись стол, шкаф и несколько полок, — как и во всех других каютах корабля.

День был утомительным. Чем дольше генерал находился между солариан, тем меньше он их понимал. В своем привычном мире они казались еще более странными и непонятными, чем на Олимпии.

Палмер потряс головой. «Может быть, они — банда гедонистов?» — подумал он.

Еще никогда в жизни Джей не видел подобного роскошного

убранства космического корабля, а при выполнении такой важной миссии, как их, это казалось почти преступлением.

«Но, может быть, — подумал он, — я совсем не прав, оценивая их с этой точки зрения».

Весь комфорт корабля был лишь одной из немногих деталей. Характер их взаимоотношений внутри группы, вот что занимало его больше всего. Иногда казалось, что это действительно одна большая семья. Но когда Джей вспоминал фразу: «...спать одному все время». И этот вопрос о разнице между «нравиться» и «любить».

Робин.

«Она так на меня смотрела... Будь я проклят, если это не приглашение. А Линго находился совсем рядом и, кажется, совсем не обратил на это внимания... а потом, вдруг, они стали вести себя совсем как супруги, которые давно уже живут вместе. Линда и Макс смотрели, смотрели друг на друга, а ушли каждый с другим партнером! Бессмыслица какая-то!»

Палмер, конечно, не был наивным мальчиком и не все ночи он проводил в одиночестве. Но в то же время у него никогда не было женщины, которая действительно что-то значила для него. Для него существовала четкая градация: либо супружеские отношения, либо случайные непродолжительные связи.

Но к какому типу можно отнести взаимоотношения этих двух? Как такое возможно?

И, однако, у солариан были, скорее всего, именно такие отношения — что-то среднее между постоянными и случайными. В обществе солариан должны были действовать какие-то правила, хотя бы правила вкуса, но Палмеру до сих пор не удалось и близко подойти к их пониманию.

Вся эта история была сплошным идиотизмом. «Я смог бы быстрее понять шестерых дулариан, хотя это невозможно даже в принципе», — подумал он устало. Путешествие обещало быть долгим.

Джей нерешительно остановился перед дверью кают-компании. Логически рассуждая, он понимал, что нет никакого резона не смотреть в глаза Линго и Робин, но он чувствовал, что это выше его сил.

Покорившись, он пожал плечами и вошел. Нечто вроде внезапной боли охватило все его тело и заставило вздрогнуть, когда Джей переступил порог комнаты. Все члены экипажа сгруппировались вокруг эллипсоидного стола в центре зала. Царил ожив-

ленный разговор, слышался смех. От них веяло ощущением дружбы и поддержки, братства и сердечности.

Палмер понял чувство, охватившее его при входе. Это было ощущение оторванности, одиночества, невозможности быть одним из них. Эти люди обладали чем-то. В них было что-то, что они поровну делили между собой, не становясь при этом рабами этого что-то, что позволяло им проводить долгие недели путешествия к Дуглаари в атмосфере доброжелательности, не тяготясь заботами и не прибегая к помощи грязного гедонизма.

У них были корни. Каждый из них имел корни в пятерых остальных, и Палмер интуитивно догадывался, что для этой шестерки любое место в Галактике может служить родным домом.

«Только у солдата, — подумал он с горечью, — никогда не бывает своего очага».

— А, Джей! — заметил его Линго. — Это должно вас заинтересовать. Очень увлекательная игра. Идите сюда!

Палмер подошел к столу. Семь маленьких кучек того, что казалось окрашенным в различные цвета песком, располагались на столе. Сверху их прикрывал кусок прозрачного пластика.

— Что это? — спросил Джей.

— Стол для телекинеза, — ответила Робин. — Мало кто из людей обладает настоящим талантом в телепатии, вроде Макса и Линды. Но у каждого есть некоторые скрытые способности. Эта игра позволяет любому человеку испытать свои телепатические возможности.

— И как надо играть?

— Поверхность стола самым тщательным образом отполирована, — ответил ему Ортега. — Окрашенный песок состоит из мельчайших стальных шариков, отшлифованных столь гладко, что они имеют минимальное трение. Между прозрачным пластиком и поверхностью стола удален воздух. Таким образом трение о поверхность и сопротивление воздуха сведены до минимума. Каждый шарик, взятый отдельно, обладает очень маленькой массой. У меня, скажем, довольно средние способности в телепатии, но смотрите — сейчас я постараюсь воздействовать на кучку зеленого цвета.

Ортега перевел свой взгляд на поверхность стола и сосредоточился. Под удивленным взглядом Палмера «песок» в зеленой кучке пришел в движение. Она медленно превратилась сначала в плоский круг, а затем в неправильной формы кольцо. Мало-помалу контуры его стали изменяться, пока через несколько минут зеленые частички не сформировали две более или менее отчетливые буквы «Р.О.»

— Неплохо для любителя, — заметил Макс. — Конечно, мы с Линдой делаем трюки и посложнее...

Кучка красного «песка» на столе внезапно пришла в движение, будто состояла из микроскопических насекомых, которые стали быстро расползаться по столу. Через несколько секунд на поверхности пылало алое сердце. Желтая кучка приняла форму стрелы и «пронзила» сердце. Некоторое число желтых шариков упали сверху на сердце и сформировали инициалы «МБ» и «ЛД».

— О, ну это действительно..., — пробормотал Ортега, в досаде наморщив нос. Все засмеялись.

— Попробуйте теперь вы, Джей.

— Что вы! Не думаю, чтобы у меня получилось...

— Не бойтесь, вперед!

— Ну, ладно... что мне надо делать?

— Думайте только о «песке», — сказал Ортега. — Попробуйте поработать с голубым цветом.

Палмер пожал плечами и постарался сосредоточенно глядеть на кучку голубого «песка». «Двигайтесь! Двигайтесь!.. — думал он. — Вперед, черт возьми, шевелитесь!»

Казалось, не произошло ничего существенного. Только несколько одиноких бусинок скатилось с вершины холмика к его краю. Палмер еще некоторое время усиленно напрягал свою мысль. Ему показалось, что на периферии кучки теперь было больше песчинок и сама она стала более плоской, чем вначале. Может быть, это ему только показалось, но...

— Отлично для первого раза! — воскликнула Робин и захлопала в ладоши, когда Палмер оторвал наконец свой уставший взгляд от стола.

— Действительно? — недоверчиво спросил он.

Робин ответила ему радостной улыбкой.

— Действительно, Джей. Большинство людей не могут с первой попытки передвинуть даже единственную песчинку. Быть может, среди нас оказался еще один скрытый телепат!

Палмер засмеялся как ребенок. Эти люди действительно интересовались им, с полной искренностью и сердечностью. Может быть...

— Может быть, мы недооценивали Конфедерацию столько лет, — сказал Ортега. — И эти планеты кишат скрытыми телепатами?

Тон был вполне дружеским, но ирония явно сквозила в его голосе, и Палмер почувствовал, как червь недоверия к этим замечательным существам вновь закопошился в нем. Вероятно, что-то промелькнуло на его лице, так как Робин участливо спросила его:

— Что-то не так?

— А... нет, ничего... Я пойду... почитаю что-нибудь.—Он покинул компанию и подошел к книжным полкам. Бродя без определенной цели между книжными рядами, Палмер продолжал чувствовать на себе их взгляды, хотя, казалось, они были полностью поглощены игрой. От этого генерал чувствовал себя еще более неуютно. Под их скрытыми взглядами он еще больше ощутил свою чужеродность всему, что его окружало. Но хуже всего было то, что каким-то образом эти взгляды говорили ему, что причина такой «чужеродности» таится, скорее всего, в нем самом.

Ему не спалось. Палмер сидел на краю кровати, смущенный и раздраженный одновременно. Солариане пытались предложить ему что-то, чего он не смог понять. Он чувствовал в глубине души, что большая часть его самого желала этого подарка, более того, страстно жаждала его. Палмер вырос и стал мужчиной в воснизированном обществе, в цивилизации, имеющей в течение трех столетий лишь одну цель — война. Он был солдатом, и неплохим солдатом. Здесь ему было не в чем себя упрекнуть. Насколько помнит Джей, он никогда не думал о другой специальности. Он всегда знал, что будет воснным. И вот, получается, что ему чего-то недостает, чего-то, о чем он раньше даже и не подозревал, пока не встретил этих странных людей, владеющих тем... что он еще никак не может сформулировать для себя.

И еще. Еще оставалась его миссия, быть может, самая важная миссия за всю историю Конфедерации. Каковы все-таки истинные намерения солариан? Совпадала ли их цель с задачами Конфедерации? Насколько они искренни, говоря, что их главная задача — выиграть эту войну? Не прячется ли здесь скрытая попытка спасти Крепость Сол любой ценой, ценой, быть может, всей остальной человеческой расы?

При других обстоятельствах он, не задумываясь, вошел бы в состав их группы. Но теперь... мог ли он позволить себе полностью доверять, не зная точно цели их миссии? С другой стороны, если он станет членом их группы, не поможет ли это ему быстрее узнать об истинных замыслах солариан? В конце концов, если он докажет им свое желание к сотрудничеству, не сделает ли это их более откровенными и доверчивыми? Правда, если им было, что скрывать от него... От противоречивых мыслей трещала голова. В дверь кто-то постучал.

— Входите, — неохотно разрешил Палмер.

Это была Робин Морель. Она открыла дверь, вошла и села рядом с ним на край кровати. Внимательно поглядев на Палмера, она участливо спросила:

— Вас что-то мучает, Джей?

— Эта миссия — далеко не самое приятное из поручений, — ответил он. Слова прозвучали гораздо суше, чем Палмеру того хотелось. Сейчас, глядя на Робин, он еще раз подумал о том, насколько привлекательна эта молодая женщина, и о том, что он совершенно не знает, как вести себя с ней. От этого его внутренний дискомфорт еще более усилился.

— Я думала о другом, — произнесла Робин тихим голосом. — О той глупой враждебности, которая стоит между вами и нами, членами группы. Мы очень четко ее ощущаем и думаем, что вы тоже ее чувствуете. Путешествие было бы гораздо легче и приятнее, если бы она исчезла.

— Вы ждете от меня полной доверительности, не так ли? А сами? Вы сами-то доверяете мне? Не вы ли отобрали все мое оружие? Разве это доверие?

— А как человек, который приходит к вам вооруженным до зубов, может рассчитывать на доверие? — спросила, слегка улыбувшись, Робин.

— Согласен. Очко в вашу пользу. Получается, что мы не можем полностью доверять друг другу.

— Но так не должно быть!

— Не вижу, как можно изменить это положение. Я — офицер флота Конфедерации. Вы — солариане. Наши сообщества были оторваны друг от друга на целых три столетия и не по нашей вине.

— Но ведь у нас общий враг, не так ли?

— В самом деле? Ах, черт возьми, — он саркастически рассмеялся, — наконец-то и вы это заметили!—Его тон сменился и стал скорее угрюмым.

— Вот уже триста лет мы едва сдерживаем этих «собак», неимоверно напрягая все наши силы, ценой огромных потерь как в кораблях, так и в людских ресурсах. И все равно мы проигрываем. А что за это время сделали вы?

— Мы тоже участвовали в этой битве, но несколько иным способом, — ответила Робин все тем же ясным и спокойным голосом. — Конечно, вам пока это трудно понять и оценить. До тех пор, пока вы действительно не станете членом нашей группы. Почему вы не хотите попытаться?

— Попытаться... что? — насторожился Палмер.

— Испытать нас, понять нас, попробовать нас. Ведь мы такие же люди, не монстры. Мы очень хотим стать вашими друзьями. В некотором смысле, который пока не слишком понятен для вас, мы даже хотим стать больше, чем вашими друзьями.

— Что вы имеете в виду?

Вероятно, что-то все-таки промелькнуло у него на лице, несмотря на все его старания казаться спокойным и бесстрастным.

Робин вновь улыбнулась.

— Может быть, не совсем то, что вам сейчас показалось. Хотя, например, нет никакой логики в том, с нашей точки зрения, чтобы вы все ночи проводили в гордом одиночестве. За исключением лишь одной причины — вы этого хотите сами.

— Я считал, что вы и Линго?..

— И правильно считали. Тут вы абсолютно правы. Но... но мы не принадлежим один другому. Человек не является вещью, которая может принадлежать или быть собственностью другого; Джей.

— Вы хотите сказать, что он бы не ревновал? И между вами ничего не изменится?

— А что должно измениться? Вы что, заберете у него что-то? Разве я, образно выражаясь, буду его женщиной в меньшей степени, чем была раньше? Или буду его любить меньше? Нет. И он это знает. Впрочем, ведь все будет происходить внутри группы.

— Когда вы так говорите, у меня создается впечатление, что вы хотите сказать: это не покинет пределы семьи.

— В каком-то смысле — да, — Робин наклонила голову. — Группа, это... видите ли, если вы никогда не были членом какой-нибудь группы, очень трудно дать вам представление об истинных взаимоотношениях внутри нее. Да, это немного похоже на семью, но семью, в которой нет своего «патриарха», руководителя, главы.

В ней царят отношения полного равенства. Люди образуют какую-нибудь группу, исходя лишь из собственного желания. Они свободны создавать любые, какие им только правятся, отношения вне группы и иметь другие отношения с ее членами. Например, такие, которые существуют между Дирком и мной, или еще более интимные, как между Линдой и Максом... По правде говоря, Джей, невозможно все это объяснить чужому. Вы должны сами почувствовать, тогда вам многое станет ясным.

Палмер чувствовал, что его во многом привлекает возможность стать членом такой группы. Нет, он не то чтобы полностью понял все из того, что ему пыталась объяснить Робин — основная идея оставалась для него еще весьма туманной, — но его очень подкупало то, как она ему это говорит. Если поддаться ее дово-

дам, если он согласится войти в состав их группы, для него это будет в каком-то смысле равнозначно тому, как если бы он вернулся домой. Хотя раньше он никогда не знал родного очага...

Однако вдруг это именно то, во что они хотят заставить его поверить? Вдруг это ловушка? Приманка, во всяком случае, выглядит очень привлекательно...

— Что вы на это скажете, Джей?

— Я хочу лечь спать и хорошенько подумать об этом.

— Один? — она лукаво улыбнулась.

— Один, — буркнул в ответ Джей, будучи в полном разладе с самим собой.

5

Когда Робин покинула его каюту, Палмер почувствовал, что он не в силах заснуть. И вновь уселся на край кровати.

«Сколько же времени я нахожусь на этом корабле? — подумал он. — Кажется, уже целые годы...»

Палмер скривился. Перед его внутренним взором замелькали годы — страницы его прежней жизни — класс, школа, казарма, корабль, а потом, в повторяющемся ритме, — сражение, отступление, отпуск, сражение... и так до бесконечности. В войне, длящейся уже несколько столетий, жизнь офицера быстро принимала форму бесконечного повторения одних и тех же действий. Два последних дня принесли ему больше событий и новых ощущений, чем два последних года. Даже несколько больше, чем это можно было проглотить за один раз...

В его жизни появилась Робин... солариане... и эта миссия. И это было самым главным из всего. Но что собой представляет в действительности их миссия? Приказ маршала предписывал проводить переговоры в полном согласии и под руководством солариан, если они только не попытаются вести двойную игру.

«В этом случае, — подумал Джей, — мне нужно будет попытаться захватить командование кораблем, а в случае неудачи — уничтожить его». Он, правда, совершенно не представлял себе, каким образом это можно было бы осуществить. Ведь он находился лицом к лицу не с обычными людьми, а с теми, кто не только свободно читает мысли, но и может полностью подчинить его волю.

Чувствуя себя абсолютно разбитым, но слишком взвинченным, чтобы заснуть, Палмер поднялся с койки и стал ме-

рять шагами каюту. Вопросом вопросов оставался один, но самый главный: мог он верить соларианам или нет? С первого взгляда они представлялись самым дружелюбным народом Галактики. От их группы исходили такая теплота, такое участие, откровенность, которых Палмер не встречал раньше в своей жизни. Они не знали, что такое ревность, и, по всей очевидности, действительно были способны... все делить между собой. При нормальных обстоятельствах он был бы более чем счастлив назвать этих людей своими друзьями... или чем-то большим, чем друзья.

Но эти же люди силой проникли в его сознание, втянув за собой в эту весьма сомнительную миссию, которая, скорее всего, не принесет ничего хорошего, кроме мучительной и бесполезной смерти. Какими бы ни были их человеческие качества, они от этого не становились менее соларианами, чем были. А что такое Крепость Сол? Это синоним секретности и неизвестности. Как догадаться, в какую сторону за три века изоляции изменился народ Солнечной Системы?

Если даже в личной жизни солариане стали настолько малопонятны, то разве не разумно будет предположить, что мотивировка их политики тоже может коренным образом измениться и стать совершенно чуждой планам всего остального Человечества Конфедерации?

Палмер снова сел на кровать и стал раздеваться. По крайней мере, один вопрос был для него совершенно ясен, — он должен был узнать побольше. Он должен выяснить всю правду о Крепости Сол и об этой миссии, невольным участником которой он стал.

«Самый простой способ, — подумал он, — предоставить событиям развиваться своим ходом. Они хотят, чтобы он стал членом их группы? Прекрасно, пусть так и будет! А там... посмотрим».

Джей скорчил гримасу. В принципе это отлично согласовывалось с полученными им предписаниями: позволить событиям развиваться своим чередом. Что же касается Робин... то ореол мученичества его никогда особенно не привлекал.

В кают-компании было почти пусто. Только Рауль Ортега, сидя в одиночестве за стойкой бара, медленно тянул что-то через соломинку из большого бокала.

Вместо приветствия он молча кивнул Палмеру, взял со стола

запотевший графин и налил красный тягучий напиток во второй бокал.

— Держите, — он протянул бокал Джей. Палмер с недоверчивым видом посмотрел на напиток. Ортега рассмеялся.

— Это всего лишь старое доброе красное вино, — сказал он. — Вкусное и холодное. Палмер слегка пригубил бокал.

— Действительно, — согласился он. — Я бы сказал даже, отличное вино.

— Одно из лучших, — с видом знатока подтвердил Ортега и внезапно сменил тему. — Почему вы нам не доверяете, Джей?

— А с чего бы это мне вам доверять? — в том же тоне ответил Палмер. — Вы читаете мои мысли, не считаясь с моими желаниями. Вы отбираете у меня все оружие. Вы тащите меня за собой в эту самоубийственную авантюру. Ко всему, вы еще являетесь выходцами из Крепости Сол, где никто уже не был в течение трех веков. Какой довод вы можете мне привести в пользу того, что я должен вам доверять?

— Вы еще живы, — произнес Ортега своим невозмутимым голосом.

— Что же вы хотите этим сказать?

— Подумайте немного, Джей. Вас разоружили. Макс и Линда прекрасно могут прочесть все ваши мысли и заставить ваше тело делать то, что они ему прикажут. Вы никоим образом не можете повредить нам, тогда как мы можем сделать с вами все, что захотим. Вот вам довод, почему вы должны верить нам.

— И это вы называете доводом? — с возмущением воскликнул Джей.

— Да, и, по-моему, лучший. — Ортега сделал длинный глоток. — Вы ничего не добьетесь, не доверяя нам. Повторяю вам, вы никак и ничем не можете повредить ни нам, ни нашему кораблю, как бы вы ни хотели. Сами же находитесь в нашей полной власти. Поэтому я вновь спрашиваю вас, чего вы добьетесь, слепо не доверяя нам?

— Звучит достаточно убедительно. Другими словами, у меня нет особого выбора: я могу быть либо пленником, либо желанным гостем.

— Абсолютно верно. Мы предлагаем вам дружбу, настоящую дружбу, Джей. Примите нас такими, какие мы есть, и наше путешествие сразу станет гораздо приятнее. Не боритесь против нас, Джей, этим вы себе наживете лишнюю головную боль, и все. Попробуем жить, доверяя друг другу, хорошо?

Палмер пожал плечами и сделал большой глоток.

— Знаете, Рауль, — сказал он, — очень может быть, что вы окажетесь правы.

«Только, быть может, не совсем так, как вы это себе представляете», — мысленно добавил Джей.

Палмер скромно улыбнулся Робин, сидящей напротив него за столом. Он принял решение. Он больше не будет держаться в стороне от солариан, постарается выглядеть таким, каким они хотели бы его видеть — до определенного момента. По крайней мере, до тех пор, пока он не выяснит достаточно, чтобы понять истинную цель своих «хозяев» и решить, достойны ли они или нет его доверия. Он смог наконец поставить перед собой четкую цель: ближайшая задача — внедриться в группу.

Кроме того, в данном случае у этой необходимости были и свои приятные стороны.

— Чему вы улыбаетесь, Джей? — вежливо поинтересовался Линго. — Неужели вы и Робин?..

— Конечно же нет! — едва не подпрыгнул от неожиданности Джей. Опять его застали врасплох!

— Во всяком случае, еще нет, Дирк, — невинно уточнила Робин.

Палмер залился краской стыда, что еще больше прибавило веселья окружающим. Спустя некоторое время Джею удалось преодолеть себя, и он присоединился к хохочущей публике.

— Кажется, я впервые вижу, как вы сместесь, — заметил Линго. — Делайте это почаще. Смех вам идет, Джей. С самого начала путешествия у нас была несколько напряженная атмосфера. Мы все...

— Робин говорила с ним об этом еще вчера вечером, — прервал его Макс Бергстрем.

— Откуда вам... — невольно вырвалось у Джея.

Бергстрем, улыбаясь, постучал указательным пальцем по правому виску.

— Вы все никак не можете привыкнуть. Ведь вы в свою очередь решили подвергнуть нас испытанию. Мы будем только рады. Добро пожаловать в нашу Группу, Джей!

— А что, в мире уже нет никого, кто мог бы сохранить остатки своего «я» в неприкосновенности, когда рядом находится кто-нибудь из вас, телепатов? — спросил Джей, стараясь скрыть готовое прорваться раздражение.

— Да сколько угодно, — ответила Линда. — Только это происходит несколько иным способом, чем вы себе представляете.

— Прекрасно. И что же для этого нужно?

— Все очень просто, — вновь вступил в разговор Линго.

— Существование даже незначительного количества телепатов ставит перед обществом новые социальные проблемы, довольно деликатные. Впрочем, это же касается и всех других талантов. Если бы в обществе не существовало органических групп...

— Извините?..

— Группы, подобной нашей, состоящей из шести-семи человек, обладающей различными способностями, или талантами, как мы их называем. Человеческая раса всегда имела в своем составе индивидуумов, наделенных необычными способностями, да и в пределах обычных варьировала весьма широко, от деревенского дурачка до того, кого мы все привыкли называть гением. Эта вариабельность по числу и интенсивности различных талантов у людей представлена гораздо шире, чем, скажем, у дуглариан. Но вплоть до недавнего времени с точки зрения развития человеческого общества в целом, конечно, этот разброс и спорадичность проявления таланта были скорее во вред человечеству, потому что люди, имеющие одинаковые способности, всегда стремились объединиться в некое сообщество, чаще всего враждебное по отношению к оставшейся части человечества. Возьмите, к примеру, самую примитивную структурную единицу общества — семью. Ее можно было бы определить как группу людей, по структуре своей наиболее близких друг к другу генетически. Единицы, подобные или очень похожие друг на друга, всегда стремятся к сближению, они обладают свойством формировать маленькие или большие группы — от обычной семьи (как самая маленькая структурная единица), до самых больших — государств, основанных на принципе национального единства, своеобразное государство — нация. За примером не надо долго ходить: в пределах Конфедерации имеется сколько угодно планет, заселенных народом исключительно одной национальности.

— Я никогда не думал над этой проблемой под таким ракурсом, — пробормотал Палмер. — По-вашему выходит, что государства-нации являются не чем иным, как итогом социального развития семьи.

— А чем же иным? Самые большие социальные единицы общества всегда обусловлены свойством своей мельчайшей структурной единицы — «базовой структурой».

— Тогда раса является естественным развитием идеи, клана! — воскликнул Джей. — Точно... Это так очевидно, что я удивляюсь...

— Именно по этой причине человеческая раса никогда не являла собой единого целого. Ваша Конфедерация сама по себе тоже является группой кое-как притертых друг к другу отдельных планетарных государств. Не будь Дуглаари, не существовало бы и Конфедерации. Исчезни общая опасность, и она тотчас бы рассыпалась, так как в основе своей опирается на социальную единицу — семью.

— Ну, а при чем здесь телепаты?

— Представьте, — продолжал Макс Бергстрем, — что мы, телепаты (а нас в Солнечной системе несколько миллионов), решили рассматривать себя как единую расу, как особый клан, а всех остальных считать...

— Довольно! — Палмера передернуло от отвращения.

— Я понял идею.

— Вы поняли часть идеи, — поправил его Линго.

— Телепатия — не единственный талант. Возьмите нас шестерых: среди нас два телепата, Макс и Линда, Рауль — Дирижер Игры...

— Дирижер Игры? Я уже слышал это словосочетание во время Ассамблеи Генерального Штаба. Но что это значит? Нечто вроде стратега? — Ортега улыбнулся.

— Это похоже настолько же, насколько «солдат» похож на «наемного убийцу».

— Видите ли, Джей, — продолжал Линго, — быть Дирижером не так-то просто. Этому нельзя научиться. Это такой же талант, врожденные способности, которые передаются по наследству, по крайней мере в какой-то своей части, как, скажем, и телепатия. Рауль обладает инстинктивными способностями вести военные сражения любых масштабов — от локальных планетарных до галактических, каковой является наша война с Дуглаари. И в этом для него мало разницы, вести ли боевые действия или играть в карты или шахматы.

— По-вашему получается, что это какой-то ходячий Человеческий Компьютер Стратегии, так же как и вы сами — Человеческий Компьютер по Пилотированию звездолета? — Линго вновь улыбнулся.

— Вам, вероятно, это трудно принять, Джей, но ни один из Компьютеров и в подметки не годится настоящему Дирижеру Игры. Повторяю, ни один из ныне существующих Компьютеров, ни у нас, ни на Дугле. Так как, кроме того, что он учитывает все объ-

ективные данные, Дирижер подсознательно еще руководствуется массой субъективных факторов. Такими, например, как психология противника, идеей «блефа» и тысячью других ничтожных факторов, которые не учитываются ни одним компьютером. Можно, в принципе, сделать компьютер, способный хорошо играть в шахматы, так как шахматы являются строгой логической игрой, но никакой компьютер никогда не сможет соперничать с хорошим игроком в покер.

— И таких как мы — миллионы, — сказал Ортега.

— Представьте себе, что случится, если мы будем рассматривать себя как отдельную человеческую расу?

— Теперь Фран, — вновь взял слово Линго. — Она — эйдетик, то есть обладает абсолютной памятью. Она — наша энциклопедия, настоящий «банк информации». Ну, а Робин представляет собой нечто вообще уникальное и неосознанное — специализированный неспециалист. Можете представить себе такое? В отсутствие лучшего термина мы называем это «отмычка».

— Повсюду в Солнечной системе люди обладают столь разнообразными талантами? — поинтересовался Джей.

— Прямо в яблочко, — ответил Линго. — По мере того как развивалась человеческая раса, отличия между индивидуумами усиливались, вместо того, чтобы нивелироваться. Специализация становилась все заметнее. И если бы раса продолжала опираться в своей организации на нации, то кланы и группы подобных друг другу стали бы объединяться...

— И человеческая раса взорвалась бы!

— Вот именно. Органичная Группа — это новая базовая структурная ячейка общества, опирающаяся не на подобие или соответствие друг другу ее членов, а как раз на различие между ними. Это не просто отличная идея — это необходимость, вызванная эволюцией общества. Как обычные, так и наделенные различными талантами люди организуются в базовые структуры-группы. Цивилизация, опирающаяся на такую структурную ячейку, существующую на базе функциональной кооперации, естественно, будет стабильной и сплоченной.

— Как же вам тогда удастся принимать какие-либо общие решения, имея такую организацию? — недоуменно спросил Палмер. — И потом, кто или что цементирует такую Группу, является связующим звеном между индивидуальностями, так сильно отличающимися друг от друга?

— Вот мы и подошли к пункту, с которым вам, как человеку, командующему другими людьми, будет труднее всего смириться.

Дело в том, что умение руководить, командовать кем-то — это тоже талант, как телепатия, телекинез, предвидение и прочее. Дирк является нашим руководителем, «шефом», так мы его называем. Как Дирк, ни на секунду не задумывавшийся над тем, стать ли ему телспатом или эйдетиком, так и никто из нас не может представить себя в роли «шефа».

— Вот сейчас вы сидите и думаете про себя, — вмешалась Линда Дортин: «Господи! Ну и попал же я в передрагу!» Конечно, для вас все это должно звучать несколько обескураживающе. Ваша цивилизация базируется на ином фундаменте. Но мы понимаем... И отдаем себе отчет в том, насколько это тяжело для вас. Могут сказать за всех, что каждый из нас постарается помочь вам, Джей. Сейчас вы хотите остаться один, чтобы спокойно переварить все услышанное, верно?

— Да, — пробормотал Палмер, несколько оглушенный этой новой концепцией. К собственному удивлению, он не испытывал ни малейшего гнева за то, что Линда без его согласия использовала свои способности, высказав вслух его мысли. Джей понял, что это вызвано не ее нескромностью, а, скорее, любезностью, желанием помочь ему.

Когда он выходил из-за стола. Робин на мгновение задержала его.

— Я приду к вам, Джей, когда вы захотите этого сами.

— А как вы об этом узнаете? — И тут же чертыхнулся в глупине души. Ну, конечно, она сразу же узнает, если он захочет ее видеть. Теперь Палмер понимал этику телспатии. Макс и Линда будут читать его мысли лишь в том случае, когда это станет необходимо Группе.

Или, если он сам этого захочет. Палмер не переставал думать об этом, пробираясь по узкому проходу между шкафом и койкой своей каюты. Какая странная организация общества! И это еще мягко сказано. Правила столь необычного сообщества солариан опрокидывали предпосылки даже той единственной цивилизации, которая была известна Джей, его собственной.

И ему стать частью этого? Доверять выходцам из такой странной цивилизации? Насколько это возможно, даже при его горячем желании?

Вот представить себе всю необычность общества Дуглариан, уж чего проще — ведь они прежде всего были не люди. Но солариане на сто процентов человеческие существа, от пяток до кончика носа, но со столь необычной логикой, что дуглариане в сво-

ей прямолинейности и целеустремленности казались ему ближе, чем эти люди.

«Но всякая ли странность есть синоним худшего, — спросил он себя. — Быть отличным в чем-то от остальных, значит ли это нести угрозу всем своей непохожестью? Разве так уж невозможно представить себе, что другая, необычная структура будет в то же время лучшей? И люди Крепости Сол, не могут ли они быть даже, более человечными, гуманными, цивилизованными, чем представители всей остальной Конфедерации?»

Как же найти объективный способ выяснить правду? Если этого не сделать, между Конфедерацией и Крепостью Сол никогда не будет полного доверия, как не могло быть мира между «собаками» и Человечеством. Но, здраво размышляя, кто есть солариане? Они такие же люди, как и мы! Так? Это мужчины... женщины... Быть может, если Робин...»

Палмер почувствовал, как что-то затеплилось у него в груди и догадался, что Робин в эту минуту направляется к нему.

Спустя несколько минут она открыла дверь. И Джей принял как должное тот факт, что Робин даже не постучала перед тем как войти.

Они вновь уселись на его кровати. Робин смотрела на него с теплой ободряющей улыбкой женщины, уверенной в себе, в своей красоте. И все-таки, несмотря на то, что она казалась ему бесконечно привлекательной и желанной, Джей никак не мог избавиться от ощущения, что рядом с ним существо из совершенно иного мира.

— Ну как, теперь немного лучше? — она небрежным, но таким очаровательным жестом головы отбросила непокорную прядь с лица. Палмер похолодел. Жест был таким обычным... и таким зовущим?!

В следующую секунду он почувствовал, что лицо его горит. Джей был почти парализован мыслью о том, что находится наедине с роскошной женщиной, такой желанной и, одновременно, такой далекой; с женщиной, предлагающей ему всю неизведанную ранее теплоту человеческих отношений и, в то же время, несущую с собой холод неизвестности.

— Скорее хуже. Я еще больше запутался.

— Из-за нас? Или не можете разобраться в самом себе?

— Думаю, и то и другое, — ответил Джей. — Мы столь разительно отличаемся друг от друга. Я не могу вас понять, я хочу сказать — понять до конца. Хорошо Макс с Линдой, они телепа-

ты. Могут проникнуть в самые глубины моего сознания и узнать, кто я на самом деле, какими мотивами руководствуюсь...

— Они могли бы это узнать, но никогда не прибегнут к этому, — прервала его Робин. — Для них это так же невозможно, как для вас зайти без стука в чужую комнату.

— Тогда еще можно дышать! — облегченно вздохнул Джей. — Но все равно, для меня вы остаетесь пока что такими же непонятными, как и дуглариане.

— Поверьте, Джей, между вами и мной гораздо больше общего, чем между любым из нас с дугларианином. Мышление «собак» базируется на строжайшей логике. Для них — это важнейший из принципов. Мы же, люди, алогичны по своей сути. Обе наши культуры, ваша и моя, развивались в общем русле в течение тысячелетий человеческой истории. Мы одной расы, и у нас один и тот же враг. Она снова рассмеялась.

— И, конечно, в биологическом аспекте у меня с вами гораздо больше возможных точек соприкосновения, чем с какой-то «собакой».

Палмер бросил на нее выразительный взгляд и, пытаясь еще свести все к шутке, спросил:

— Как мне прикажете вас понимать? — В ответ Робин вновь проказливо улыбнулась:

— А как вы хотели бы это понять, Джей?

— А как хотели бы вы, чтобы я понял?

Улыбка Робин стала еще нежнее и чуть-чуть печальнее.

— Вы этого еще не поняли? — она медленно протянула руку и провела по его волосам, пропуская пряди волос между пальцами.

Палмер нерешительно коснулся плеча женщины. Затем он поднял руку и нежно погладил самыми кончиками пальцев ее лицо.

— Кажется, я понял, — сказал он, привлекая девушку к себе.

Робин перевернулась в постели, оперлась на локоть и улыбнулась сидевшему в изголовье кровати Джей:

— Ну что, так уж все было страшно?

Палмер сделал над собой усилие и улыбнулся.

— Да нет...

— Вот и прекрасно. Тогда в чем дело, откуда вновь эта хмурость на лице, Джей?

— Наше путешествие может продлиться несколько недель. Значит, мы все семеро будем заперты внутри корабля довольно длительное время...

— Ну и что?

Палмер криво усмехнулся.

— Что?... все бы ничего, но Дирк... Я хочу сказать, вы и Дирк... Ситуация грозит стать весьма неприятной, если мы с Дирком будем «на ножах».

— А зачем вам быть «на ножах» с Дирком? — недоумевающе подняла на него глаза Робин.

— Что касается меня, я этого не хочу. Но откуда ведь не следует, что он не захочет относиться ко мне подобным образом.

Робин вздохнула.

— Я считала, что мы уже решили эту проблему. Подумайте, Джей, давайте договоримся раз и навсегда. Запоминайте хорошенько: Дирк — это мой мужчина. Вам нечего соревноваться с ним по этому поводу. Вы мне нравитесь, но к вам я не испытываю тех же чувств, которые мне внушает Дирк. Я это знаю. Дирк это знает. Надеюсь, что вы теперь тоже это знаете. Ни у кого нет ни малейшей причины испытывать ревность. Палмер нахмурил брови.

— Вы хорошо сказали, Робин, но вы — не мужчина. У мужчин на подобную ситуацию существует несколько иной взгляд. Скажем, самцы оленей всегда сражаются за своих важенок. Понимаете, что я имею в виду? Я знаю, если бы я был Дирком...

— Но вы, не Дирк, Джей, — она терпеливо улыбнулась. — И не самец оленя. Мы — люди, а не животные. Знаете, чего вы действительно боитесь?

— Чего?

— Вы боитесь, что Дирк никак не прореагирует на это, не проявит ни малейшего признака ревности. — Палмер постарался принять удар достойно.

— Что вы имеете в виду?

— Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать, Джей. Будьте честны с самим собой. Не ваша вина, что вы испытываете подобные чувства. Вы — продукт вашей цивилизации. Смиритесь с этим, Джей. Если вы сможете понять это, вы будете способны бороться и побеждать это в себе.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — живо запротестовал Палмер. Но как-то уж слишком живо.

— Вам действительно хочется, чтобы Дирк приревновал меня, — сказала Робин.

Палмер натянуто улыбнулся.

— Зачем мне хотеть этого? — спросил он. — Лично я ничего не имею против Дирка.

— Конечно, нет. Не в этом дело. Но ваша цивилизация, ваша культура всегда приучала мужчин мериться силой друг с другом, быть соперниками. Если бы Дирк ревновал меня к вам, это бы значило, что он считает вас соперником, что в чем-то вы превосходите его. Но если он этого не делает, то вам это не очень приятно, так как для вас, подсознательно, это означает, что вы для него не тот мужчина, с кем можно было бы вступать в противоборство. То есть, вы ошутили бы его превосходство над собой.

— Что за дикая философия! — взорвался Джей. — Вы считаете, что мы смотрим на жизнь, как на бесконечную собачью драку...

— Это вы сами сказали! — не преминула поддеть его Робин и уже спокойнее продолжила: — Будьте откровенны, Джей, разве не под таким углом зрения вы рассматривали эту проблему до сих пор? Я еще раз повторяю, Дирк не будет ревновать, и, кстати, он сам вам дал это ясно понять. Подумайте-ка лучше, не является ли это бессмысленное соперничество плодом домыслов вашего «Я»?

Палмер надолго замолчал, чувствуя себя уязвленным. «Но ведь я действительно не собираюсь отнимать ее у Линго, — подумал он, — и Линго это знает. Тогда какой смысл нам обоим изображать из себя ревнивых самцов?»

Однако, поточнее оценив свои собственные ощущения, Джей вынужден был признать, что его самолюбие все-таки пострадало бы, не прояви Линго ни малейшего признака неудовольствия. Это было бы почти оскорблением, словно Дирк прямо сказал бы ему: «Вы не доросли еще до того мужчины, который мог бы составить мне конкуренцию».

Урок был горьким, но Робин, безусловно, права. Теперь он понимал это.

— Может быть... я подчеркиваю, что только может быть — вы и правы, — преодолевая внутреннее сопротивление вынужден был признать он.

Робин, улыбаясь, взяла его за руку:

— Я знаю, чего вам стоило сделать это признание. То, что вы сами являетесь себе судьей, не делает задачу более легкой. Именно такая храбрость превращает человека в мужчину, а не в бодающегося быка. Если вы действительно поняли это, Джей, я думаю, вы готовы к тому, чтобы понять и принять тот факт, что могут существовать не похожие на вас люди, культура которых, психология и вся шкала ценностей базируются на совершенно отличных от ваших посылках, и которые, однако, не являются для вас совершенно чужими. Они не менее человечны, чем жите-

ли, населяющие миры Конфедерации, и даже, скорее, более гуманны.

— Вы себя имете в виду? — спокойно спросил Джей. — Ну что же, скорее всего — вы правы. А теперь я хочу предложить вам вернуться в кают-компанию. Откровенность за откровенность. Позвольте вам признаться, что до того момента, пока я не получу обратных доказательств, мне будет казаться, что Дирк все-таки будет счастлив врезать мне как следует по физиономии.

Когда Джей вслед за Робин переступил порог кают-компании, Линго встретил его понимающей улыбкой.

Рядом с Дирком удобно развалился в кресле Марк Бергстрем. Палмер покраснел и бросил на телепата сердитый взгляд. Линго перехватил его и улыбнулся еще шире.

— Нет, Джей, — обратился он к смущенному конфедерату, — вы в полной безопасности от чтения мыслей и можете пользоваться этой свободой столько, сколько пожелаете сами. Хотя, конечно... хм, если у вас будет особое настроение или приятное открытие, которым вы захотите поделиться со всей Группой, Макс и Линда смогут объединить наши сознания, чтобы мы смогли порадоваться вместе с вами. Но это решение всегда принимается самостоятельно и строго добровольно. Насильно в ваш внутренний мир никто лезть не собирается.

— Вы... э-э-э... разве вы не сердитесь? — растерянно пробормотал Палмер. — Я хочу сказать...

— А почему я должен сердиться? — спросил Линго, устремляя на Джея открытый взгляд своих светящихся пониманием и добротой огромных зеленых глаз. Я ничего не потерял, зато вы приобрели многое. Почему же мне не порадоваться за вас? Мне кажется, сейчас вы чувствуете себя во много раз лучше, расслабились, успокоились. Это даже видно со стороны, правда, Макс?

— Мне кажется, я совершенно не изменился, — запротестовал Джей.

— В этом я немного опытней вас, Джей. То, что вы расслабились, сквозит во всех чертах вашего лица, во-первых. Во-вторых, ваша мускулатура потеряла свою напряженность, движения стали более мягкими и плавными. Вот вам пример: держу пари, что окружность вашей шеи уменьшилась на одну шестнадцатую дюйма по сравнению с тем, каким вы взошли на борт. Изменилась ваша походка, она стала более пластичной и гибкой. Вы стали не похожи на себя прежнего и в десятке других мельчайших деталей.

Более спокойным и уверенным, менее напряженным, менее враждебным.—Палмер нервно рассмеялся.

— Вот это анализ! Вы, пожалуй, пугаете меня больше всех остальных, Дирк!

И он почти не шутил в тот момент. Сам, без слов Линго, Джей вряд ли ощутил собственные происшедшие изменения, особенно, что касается мускулатуры. Но все верно. Вероятно, такой мгновенный анализ являлся следствием того, что они называли «талантом руководить». Сколько же еще неизвестных способностей таили в себе эти таланты?

— Вы все еще продолжаете считать нас странными, — вмешался Макс, — что, впрочем, вполне объяснимо. Но мне кажется, вы начинаете понимать, что «странность» и «отличие» не являются синонимами «плохого» и «отвратительного». И я вам сейчас это докажу. Подойдите к столу для телскинеза. Линго, Робин и Палмер последовали за ним.

— Мы знаем в тысячу раз больше об эффектах, связанных с телепатией, чем о причинах, вызывающих ее появление, — сказал Макс. — Но достоверно известно, что состояние психики и душевное равновесие неким определенным образом влияют на усиление телепатических способностей. Вы помните, Джей? Когда вы впервые попытались сдвинуть с места крошечные частички этого «песка», вам удалось переместить лишь несколько шариков. Рауль, который обладает минимальными способностями скрытого телепатического таланта, как и вы, сумел в тот раз выложить из «песка» свои инициалы. Естественно, тренировка играет в этом определенную роль, но в данном случае решающим фактором в столь различных итогах той попытки являлось ощущение Раулем своей принадлежности к органической Группе. У вас же оно отсутствовало полностью. В этом и заключалась существенная разница между вами. Другими словами, степень интегральности каждого члена в составе Группы влияет определенным образом на его результат.

— А теперь, вперед, Джей, — подбодрила Робин. — Проверьте свои силы над этой кучкой зеленого цвета. Для начала постарайтесь просто сделать ее более плоской. Я думаю, вас ждет маленький сюрприз.

Неуверенно улыбаясь, Палмер сосредоточил свое внимание на конической куче микроскопических стальных шариков. И вот одна, затем вторая, третья, четвертая частички заскользили друг за другом с вершины к подножию маленького холмика. Пять... девять... пятнадцать...

Джей напрягся изо всех сил. Его голова, казалось, вот-вот лопнет от скрытого в ней напряжения. Он попытался собрать всю свою волю в единый неосоздаваемый комок и мысленно давить им на заостренную вершину этого холмика. Внезапно он почувствовал, что каким-то необъяснимым образом в него вливается психическая энергия остальных членов Группы, помогающая ему. Двадцать пять... тридцать... пятьдесят.

— Bravo! — воскликнула Робин и радостно захлопала в ладоши.

Неимоверно уставший и счастливый, Палмер с трудом перевел дух и оторвал взгляд от поверхности стола.

Холмика больше не существовало. На столе остался просторный слой зеленого цвета.

— Неужели у меня получилось? — не веря своим глазам, выдохнул Джей.

Робин с сияющим лицом уже стояла рядом и церемонно поцеловала его в обе щеки.

— В силу данных мне полномочий я объявляю вас, Джей Палмер, Почетным Соларианином и членом нашей Группы, — торжественно объявила она.

Палмер улыбнулся до ушей и изобразил нечто вроде реверанса. Несмотря на всю несерьезность момента он вдруг почувствовал, что его действительно приняли в свою среду эти непостижимые люди. Более того, он ощущал большую гордость и удовлетворение от всего случившегося.

И все-таки нечто весьма странное еще окружало его. Одна органическая Группа представляла собой, вероятно, маленькое сообщество очень тесно связанных друг с другом людей. Реально это была семья, или, по крайней мере, соларианский эквивалент семьи.

Тогда возникал вопрос. Почему они так хотят заполучить в Группу совершенно чуждого им человека? Зачем прилагают столько усилий для того, чтобы посторонний оказался по-настоящему интегрирован в нее?

За этим крылся какой-то не ясный еще замысел. Но какой? Для страха причин у них явно не было, это очевидно. Палмер не мог представлять для них серьезной угрозы, тем более, если учесть, что рядом всегда находился один из телепатов. Скорее всего, таинственная причина связана с их миссией. А какова все же истинная цель этой миссии?

Палмер сокрушенно вздохнул. Стоило решиться одной проблеме, как сразу же возникала новая. И сколько их еще будет.

Прогуливаясь без определенной цели по коридору, Палмер вдруг оказался у дверей каюты Линго. (А может, не вдруг?) Дверь была широко открыта. Линго сидел в кресле с книгой в руках. Следовало воспользоваться случаем. Палмер просунул голову в дверь.

— Дирк, у вас есть свободная минутка?

— А, Джей, входите, — Линго опустил книгу на колени. — Присаживайтесь, Палмер опустился на краешек постели.

— Буду откровенен с вами, Дирк. Лично мне вы очень симпатичны, но я все же никак не могу избавиться от недоверия к вам и к тому, что вы собираетесь сделать. Не то, чтобы я не верил лично Дирку Линго, но у меня большие сомнения вызывают причины, побудившие Крепость Сол предпринять это путешествие. — Линго понимающе кивнул головой.

— На вашем месте и с вашей подготовкой я тоже сомневался бы. Вы — солдат. И, если верить Максу и Линде, а у меня нет причин сомневаться в их мнении, вы замечательный солдат. Один из лучших. Вы теперь уже, наверное, догадались, что нам было довольно много известно о вас еще до той Ассамблеи Генерального Штаба, и что мы именно вас сразу решили взять с собой на корабль. И, однако, я могу вас понять. Скажите мне, если бы обстоятельства потребовали того, могла Конфедерация пожертвовать мирами Крепости Сол, чтобы выиграть войну? Как вы считаете? Скорее всего — да, не так ли?

Палмер почувствовал себя весьма неуютно под внимательным взглядом собеседника. Он внутренне пожегся, ибо знал, что Линго абсолютно прав в своем предположении. Дирк, безусловно, заметил смущение Палмера и слегка улыбнулся:

— Не берите в голову. Конфедерация оказалась бы совершенно права, поступая именно таким образом, если бы обстоятельства заставляли ее сделать выбор. Как сказал один из классиков: «Война — это ад». Но, я думаю, вас смущает другое. Вы...

— ...Вы могли бы отправиться к Дуглаари, чтобы заключить с Кором сепаратный мир, не так ли, — быстро произнес Палмер. — Ну вот, я сказал это и доволен, что сказал. В конце концов, ваша точка зрения тоже вполне объяснима. «Собаки» могли бы согласиться оставить Крепость в покое, если Сол пообещала бы не вступать в драку ни под каким предлогом. Может быть, ваша философия призывает теперь придерживаться нейтралитета? Знаете, если бы Сол открыто объявила, что Конфедерация никогда не

дождется выполнения Обещания, мы потеряли бы всякое желание к сопротивлению, так как ваша пропаганда столько лет внушала нам, что у нас есть еще опора за спиной, есть легендарная Крепость, которая в критический момент переломит хребет врагам. А тут опора вдруг исчезла бы. «Собаки» быстро сориентировались бы в создавшейся ситуации и, естественно, непременно бы воспользовались ею. Разве ради такой легкой победы дуглариане не пошли бы на то, чтобы оставить одну изолированную солнечную систему и гарантировать ее неприкосновенность?

По лицу Линго пробежала мгновенная судорога, но он быстро справился с собой, и вновь перед Палмером сидел внимательный, серьезный собеседник. Пристально взглянув в глаза Джей, Дирк несколько раз отрицательно кивнул головой.

— Вы не понимаете намерений Сол, Джей. И еще меньше вы понимаете дуглариан. Извините за резкость.

— А как бы это мне удалось? — спросил Джей с горечью в голосе. — Вы нас оставили драться и умирать одних, приносить в жертву этой проклятой мясорубке все больше и больше народу, в то время как сами оставались в стороне...

Едва заметная тень промелькнула в глазах Дирка, и горькие складки пролегли от углов рта к подбородку.

— Ах вот как! Значит, только вы приносили людей в жертву Молоту войны, так? — резко спросил он. — А мы лишь наслаждались жизнью, так вы полагаете? Однако вы видели органическую Группу и теперь знаете, что Сол пережила настоящее социальное потрясение. Вы что думаете, подобные революции происходят безболезненно? Мак Дей превосходно разобрался в самой природе войны. Это был великий человек. Его величие и значимость вам даже трудно себе представить. Он понял, что, следуя логике развития событий, человечество в нынешнем его состоянии обречено. Дуглариане превосходили нас во всем. У них было не только неоспоримое преимущество в технике и воинских силах, но, кроме того, им удалось заставить нас драться «на их территории», то есть, их методами и по их логике, где они были несравненно сильнее людей. Их компьютеры, значительно лучшего качества, обеспечивали Империи неоспоримое преимущество во всех операциях. Человек должен был достичь такой же эффективности в применении компьютеров или позволить вышвырнуть себя из Галактики. И это должно было произойти не в течение столетий, а за несколько десятилетий. Вот почему люди захотели трансформировать себя в «собак», но в «собак»-людей, превосходящих истинных дуглариан. Не суперлюдьми, Джей, а супердугларианами.

Поэтому вначале они постарались усовершенствовать свои методы борьбы, сделать их строго логичными, как у противника. Но ошибка заключалась в самой предпосылке данной методики. Дело в том, что у дуглариан логика мышления и поступков заложена в самих генах, это основа их мышления, в то время как человек, по сути своей, существо алогичное. Поэтому на том пути человеку никогда не было суждено даже сравниться с истинным дугларианином. Именно это и понял Мак Дей. Он догадался, что ведение войны по правилам и законам логики, навязанными нам «собаками», значит обречь себя на поражение с первых же дней.

— Нам это все известно, — сказал Джей. — Но некоторые из нас не могли просто поднять кверху лапки и ожидать конца света. Они почитали за честь умереть в сражении.

— Ах, какая патетика! — взорвался наконец Линго, глаза которого, казались, метали зеленые молнии. — Какое геройство! Да поймите вы, это же идиотизм чистой воды, бестолку размахивать кулаками, видя, что ни один удар не достигает цели, вместо того, чтобы остановиться и как следует возбудить то серое вещество, которое вы называете мозгом! А вот Мак Дей задумался всего лишь над одним вопросом: почему «собаки» развязали эту войну. Почему столь логически мыслящая раса бросила все свое могущество против человечества, хотя та же логика доказывает, что человек при всех равных условиях никогда бы не смог их победить. Человечество никогда не представляло реальной опасности для Империи дуглариан. Их демографическая экспансия в два раза превышает человеческую. Достаточно подождать некоторое время, пусть даже несколько столетий, и они превзошли бы нас в размере популяции уже не в соотношении четырех к трем, как сейчас, а четырех или даже пяти к одному. Разве это не логично с их стороны? Абсолютно логично. Но нет же, они начали атаку. Почему? Почему не стали дожидаться обычной победы временем?

— Я... мне как-то не приходилось задуматься над этим.

— Вот именно! Вы ни разу не дали себе труда задуматься над столь очевидной вещью. Впрочем, не только вы, не расстраивайтесь! Для этого надо быть Мак Деем. И он нашел ответ, объясняющий все — дуглариане боятся человека, причем не просто боятся, а испытывают сильнейший, смертельный страх перед ним!

— Что?!

— Да, подумайте, друг мой, подумайте! — воскликнул Линго, ударяя кулаком по лежащей у него на коленях книге. — Дуглариане эффективны в своих действиях почти на сто процентов. Наша же с вами общая история неоднократно доказывала, что человек,

попавший в вынужденную ситуацию, может вдруг проявить себя эффективным образом более чем на сто процентов! Когда человек забывает о своих слабостях, он иногда становится способен на такие подвиги, которые, мысля логически, просто не в состоянии совершать. Сколько в нашей истории таких примеров! Естественной базой мышления человека является алогичность! Человек всегда будет пытаться сделать то, от чего любой дугларианин сразу откажется в силу своей четкой логики, считая предприятие невозможным. А люди все-таки пытаются. И иногда, против всякой логики, они добиваются успеха. Этого-то не понимают и боятся «собаки». И боятся, что не смогут понять никогда. Поэтому мы для них отвратительны, непредсказуемы, «гады», одним словом, или... боги!

— Хорошо... но как это объясняет вашу столь длительную самоизоляцию?

— Мак Дед понимал, что человек тоже боится своей алогичности. Меньше, правда, чем дуглариане, но, тем не менее, это так. Поэтому человек всегда страшился самого себя, пытаясь забыть, заглушить в себе всякие неожиданные проявления необычности. С точки зрения Мак Дея, человек — это «единственное животное, которое никогда не сможет понять само себя». Разум боится того, чего не может понять. История всех человеческих формаций и сообществ показывает, что на всех этапах развития общество пыталось отрицать алогичность характера человека. Мак Дей понял, что единственной надеждой этого Человека остается создание нового общества, которое благоприятствовало бы развитию именно этой алогичности, и ставшее по-настоящему гуманным. Он, конечно, не мог точно определить те формы, которые оно должно приобрести, но был твердо уверен: человечество обречено преуспеть в этом или погибнуть. И он знал путь.

С помощью своих сторонников Мак Дей захватил власть и изолировал Солнечную Систему. Затем он стал последовательно разрушать существующий социальный порядок. Все компьютеры были выброшены на свалку. Все правительственные органы разогнаны. Исключение составила лишь армия, основной задачей которой отныне стало поддерживать состояние изоляции. Мак Дей сбросил человечество с вершины скалы в хаос, надеясь, что оно найдет способ отрастить крылья прежде, чем достигнет дна пропасти. Это было самое отчаянное предприятие, на которое когда-либо решался человек. Страдания народа были невообразимы. Вам никогда не догадаться о тех ужасах, которые оказались намеренно выпущенными на свободу. Мак Дей знал, как это

должно быть страшно! Он также знал, что ему не прожить так долго, чтобы увидеть, прав он был или нет, кем он станет для потомков — героем или величайшим монстром в истории Человечества. И, однако, у него хватило смелости пойти на этот эксперимент.

Рассказ просто потряс Палмера. Истинное положение вещей оказалось куда ужаснее, чем он себе представлял.

— И у него получилось? — подавленно спросил Джей.

— Как видите. Из хаоса и всеобщего помешательства стала медленно выкристаллизовываться новая социальная структура, в своем базисе влияющая на проявление талантов и создание органических Групп. Она полностью стабилизировалась не так уж давно, менее чем столетие назад. Кое-что, некоторые проявления, которые даже я не могу вам описать, уже отторгнуты обществом. До того момента новое общество было, естественно, не в состоянии вступить в схватку с дугларианами. Сегодня мы, наконец, готовы. Эта миссия — наш первый ход.

— И все же, что представляет собой ваша миссия? Это ведь несколько отличается от того, о чем вы говорили во время Генеральной Ассамблеи, не так ли? Это что-то... нечеловеческое?

— Да нет же, — с досадой воскликнул Линго, — человеческое, истинно человеческое. Вот уж если и есть что нечеловеческое, так это ваша Конфедерация!

— Но вы не собираетесь сказать мне о ее истинной цели?

— Нет, Джей, — с сожалением глядя на собеседника ответил Линго. — Понимаю, как вам неприятно это слышать, но вы еще не готовы воспринять нашу трактовку. То, что мы собираемся сделать, алогично. Вы не сможете оценить ее должным образом и просто испугаетесь. Я могу только просить вас верить нам. Поразмышляйте о том, чему должна была подвергнуть себя Сол, чтобы эта миссия стала реальностью. Я очень прошу вас, Джей, доверьтесь нам.

Подозрения больше не терзали Джея, когда он думал о таинственной цели солариан. Он чувствовал, что его сомнения уступили место другому ощущению, гораздо более сильному: уважению и даже некоторой робости перед необычностью их судьбы.

— Я постараюсь, Дирк, — ответил он. — Действительно постараюсь.

— Вот и отлично, Джей, я...

— Дирк! Дирк! — Ортега просунул голову в проем внезапно распахнувшейся двери. — Мы пересекли границу владений Империи дуглариан.

Линго встал с кресла.

— Пойдемте со мной, Джей, — пригласил он Палмера. — Нам пора выходить из Статического Пространства.

6

Фран Шаннон уже сидела в своем кресле перед экраном управления, когда Линго, Ортега и Палмер поспешно вошли в рубку управления. Дирк сразу занял место во втором кресле для пилотов, а Джей и Ортега расположились в «гостевых» креслах, стоящих в глубине рубки. Они были снабжены выносными микрофонами, соединенными с общей коммуникативной сетью.

Линго включил большой в форме полусферы экран, и они оказались в центре водоворота из разноцветных линий, пятен и других немыслимых геометрических построений, представляющих собой Статическое Пространство.

— Вы уверены, что мы находимся внутри границ Дуглаари, Фран, — спросил Линго.

— Ответ положительный, — кивнула она. — Мы едва ли не в четверти светового года от одного из их периферических светил.

— Рауль, — обратился Линго, — как ты считаешь, «собаки» могут держать патрули так далеко от центра Империи?

— Уверен в этом процентов на девяносто, — ответил Ортега. — Должен напомнить в этой связи, что дуглариане с самого начала военных действий прочно взяли инициативу в свои руки. С тех пор, насколько мне известно, ни один из наших кораблей не пересекал границ контролируемого ими сектора пространства. Я бы предположил, что большую часть патрульных кораблей они расположили по периферии всей зоны, охраняя границу, а остальные следят за безопасностью наиболее важных центров Империи.

— Даже если это и так, мне кажется, сразу натолкнуться на их патруль — маловероятно. Значит, лучший вариант для нас в данном случае — направиться прямо к какой-либо из ближайших к нам звездных систем дуглариан. Есть такая, Фран? — обратился Линго к соседке.

— Да. В 0,221 светового года от нас.

— Достаточно близко. Приготовиться к выходу в нормальное пространство.

Палмер не мог дальше сдерживать себя.

— Вы что, ребята, совсем свихнулись? — нервно спросил он. — Какого черта! Это же явная глупость!

— Спокойно, Джей, — сказал Линго, — мы просто собираемся выйти из Статического Пространства. Вы ведь слышали.

— А что, нельзя найти более приятного способа самоубийства? — голос Джея был полон сарказма. — Это же элементарно, стоит нам вынырнуть вблизи любого их солнца, на нас сразу же набросится свора патрульных кораблей. А вооруженье у них — о-го-го, не чета нашему!

— Совершенно с вами согласен, Джей. Именно поэтому мы так и поступим.

Линго перевел один из рычагов управления от себя до упора, и окружавший до сих пор корабль хаос цвета и красок внезапно исчез, открыв взору картину обычного космического пространства. Бездонная чернота космоса залила экран, пронизанная яркими точками далеких светил. Одно из них светилось значительно ярче остальных, хоть и находилось далеко. Оно выглядело жирной точкой на фоне остальных. Ортега указал туда пальцем:

— Вот она. «Собаки», как и мы, предпочитают звезды типа «Г».

Фран нажала одну из кнопок, и экран покрылся сеткой белых пересекающихся линий, положившейся на видимый сектор окружающего их пространства. Большой красный круг в самом центре экрана указывал линию направления полета корабля. Вновь поманипулировав рычагами и кнопками, Фран вызвала появление на экране меньшего красного круга, переместив его таким образом, чтобы яркая точка ближайшего светила оказалась точно в центре.

Линго вновь нажал на рычаг, пробудив к жизни генератор Силового Поля. Быстро работая руками на пульте и педалями своего кресла, он постепенно изменил позицию корабля таким образом, чтобы малый круг, в котором пылало ближайшее солнце дуглариан, переместилось точно в центр большого красного круга, указывающего направление движения полета.

Теперь они летели прямо к звезде, пограничному форпосту «собак» на их границе!

— Зафиксировать направление. Включить сигнальные прожектора! — распорядился Линго по микрофону.

— Что, сигнальные прожектора? — завопил Палмер. — Господи, да что здесь происходит, объяснит мне кто-нибудь? Мы прямиком движемся к звезде этих «собак», да еще украшенные фонариками, словно рождественская елка! Бери, не хочу. Вы сейчас вызовете на себя все патрули сектора, неужели не понятно?

— Именно этого мы и добиваемся, — спокойно ответил Орте-

га. — Конечно, рано или поздно они все равно обнаружили бы наше присутствие, поэтому с прожекторами будет быстрее и надежнее.

— Но это же чистой воды сумасшествие! Что нам мешает покрыть все расстояние до Дуглаари не выходя из Статического Пространства? Нас никто бы не обнаружил. А сейчас мы просто мишень в стрелковом тире, подходи и тренируйся на здоровье!

— Пошевелите немного мозгами, Джей, — спокойствие Ортеги было непробиваемо. — Олимпия, если я помню, это столица вашей Конфедерации, так? Ее охраняет немало кораблей. Что случится, появившись внезапно корабль дуглариан у границы планетной системы Олимпии? Что предпримет ваше командование в таком случае?

— Вы сместесь? Они превратят его в пыль, разве не ясно? Что еще? Кто же его допустит к границам системы? Чтобы он включил свой генератор Статического Поля и превратил Олимпию в Новую?

— Правильно. А что же вы думаете, «собаки» меньше заботятся о безопасности своей столицы, чем Олимпия? Вы считаете, что у нас есть шанс проскочить два миллиарда миль внутри системы Дуглаари и остаться при этом целыми и невредимыми?

— Нет... но ведь я именно об этом и не перестаю вам твердить, — воскликнул Джей. — Приближаясь к Дуглаари, мы имеем столько же шансов выжить, сколько их у комка снега, чтобы не растаять, попавшего на раскаленную плиту! Признайтесь же, что вся эта затея с миссией безумна и невыполнима!

— Вовсе нет. Просто...

— Рауль, хватит объяснений, — прервал его Линго.

— Теперь не время. Посмотри туда!..

На обзорном экране рядом с желтой звездой появилась крошечная точка.

— Вот уж действительно, пример бдительности, — проворчал Линго. — Могли бы и подождать немного. Фран, дай большее увеличение.

Экран на мгновение погас, затем осветился вновь. Солнце дуглариан на нем выглядело уже в виде небольшого желтого диска. Прямо перед ним, чуть сбоку от светила, появился целый рой мерцающих, перемещающихся огоньков.

— Один... два... двенадцать... пятнадцать... двадцать кораблей, — сосчитал Ортега, — идущих на полной скорости прямо на нас.

— Вперед, увеличьте скорость до максимальной! — приказал Линго. — Джей, возьмите микрофон! — Палмер молча повиновался.

— Что мне делать? — спросил он, совершенно сбитый с толку малопонятными для него действиями солариан.

— Сейчас нет времени на объяснения, — сказал Линго. — Вы обещали верить нам. Момент настал. Я хочу, чтобы вы сделали следующее: скажите им по микрофону, кто вы, а также то, что мы направляемся прямо к Дуглу, желая вручить нашу капитуляцию самому Кору. Повторяйте это безостановочно. Они уже в пределах действия радио. Начинайте.

— Но...

— Пожалуйста, Джей.

Палмер покорно пожал плечами. «О'кей, — подумал он, — я должен вам довериться, поскольку ничего другого не остается».

— Говорит генерал Джей Палмер, Полномочный Посол военного командования Объединенных Сил Конфедерации. Мы направляемся к Дуглу с документами лично императору Кору о полной и безоговорочной капитуляции Человеческой Конфедерации. Говорит генерал Джей Палмер, Полномочный Посол военного командования Объединенных Сил Конфедерации...

Эскадра дуглариан со все нарастающей скоростью мчалась на встречу кораблю солариан. Он тоже продолжал увеличивать ускорение. Скорость их сближения становилась ужасающей и продолжала увеличиваться с каждой секундой полета.

— Мы направляемся к Дуглу с документами лично императору Кору о полной и безоговорочной капитуляции Человеческой Конфедерации. Говорит генерал Джей Палмер...

Джей увидел на экране, что эскадра неприятельских кораблей начала перестраиваться, превращаясь в вогнутую полусферу. Это был обычный финальный тактический ход, рассчитанным на окружение вражеского корабля. Если они продолжат свое движение, то их корабль вскоре окажется внутри этой полусферы, сомкнувшейся за ними и образующей шар. А дальше все просто: объединенные Силовые Поля неприятельских кораблей превратят корабль в лепешку...

— ...Полномочный Посол военного командования Объединенных Сил Конфедерации. Мы направляемся...

Корабли дуглариан уже нависали над ними, можно было отчетливо различить каждый, вытянутый, как акула, черный и угрожающий. Через несколько минут щупальцы их полей протянутся вперед, замкнут полусферу в круг, и тогда...

Линго нажал на кнопку и через шестьдесят секунд, необходимых для разогревания генератора Статического Поля корабли дуг-

лариан исчезли с экрана за сполохами невероятных цветовых пятен Статического Пространства.

Палмер едва перевел дух. Они вернулись в Статическое Пространство вовремя, еще мгновение, и....

— Отлично, Джей, — перевел дыхание Линго. — Можно немного расслабиться.

— Ну, а теперь, может быть, кто-нибудь объяснит мне смысл происходящего? Какого дьявола мы так рисковали?

— А вы так до сих пор и не поняли, Джей? — спросил Ортега. — Мы не можем вот так, за здорово живешь, вынырнуть из Статического Пространства в окрестностях системы Дугла. Нас тут же растерзают, вы же сами сказали. Поэтому-то мы и делаем то, что даст нам единственный шанс на победу. Надо подготовить наше появление. Пробудить интерес дуглариан к себе. Заставить их заинтересоваться нами настолько, чтобы они смогли удержаться от немедленного залпа при виде нашего корабля. Мы обязаны заставить их пойти на контакт с нами прежде, чем они начнут стрелять.

— Ну, вы слишком многого захотели, — ответил Джей. — «Собаки» никогда не отличались любопытством. Они играют наверняка. Поэтому, скорее всего, сначала превратят нас в пыль, а потом, может быть, начнут задавать себе вопросы, что за безумец решил появиться в одиночку вблизи их границ. Вы действительно рассчитываете, что одно наше появление и радиопередачи удержат их палец на гашетке?

— Нет, — сказал Ортега. — Поэтому я думаю повторить еще пару раз.

— Что-о? Но теперь «собаки» уже предупреждены и будут готовы! Риск увеличивается!

— У нас нет выбора. Мы должны внушить им, что наше появление здесь не случайно, и мы добровольно отдаем себя в их руки. А чтобы это выглядело более убедительно, нам нужно показаться им еще раза два.

— И как велик будет процент того, что нам удастся достичь пределов Дугла, если предположить, что мы уцелеем во время этой игры в кошки-мышки?

— Он очень высок, — спокойно ответил Ортега. — Приблизительно один к двум, если постараться.

Палмер с мрачным видом продолжал сидеть в кресле, сжимая в руке забытый микрофон. Они приблизились к следующей при-

надлежавшей дугларианам звезде, готовые вновь дергать за хвост спящего льва. Что приготовили им «собаки» на этот раз?

Линго нажал на кнопку, и корабль опять находился в обычном пространстве Космоса.

— Вон они! — воскликнул Линго, указывая на группу дугларианских кораблей, которые при их появлении сразу же начали менять направление полета, перестраиваясь и явно намереваясь перехватить их корабль. Но, как мгновенно определил Палмер в этот раз, здесь были уже не патрульные корабли, а грозные военные крейсеры в количестве не меньшем, чем целый флот!

— Они быстро приближаются, Джей, и уже в пределах дальности радиосвязи. Начинайте, Джей!

— Говорит генерал Джей Палмер, Полномочный Посол военного командования Объединенных Сил Конфедерации. Мы направляемся к Дуглу с документами лично императору Кору о полной и безоговорочной капитуляции Человеческой Конфедерации...

Говоря в микрофон, Джей продолжал внимательно следить за перемещениями неприятельских кораблей. Расстояние между ними быстро сокращалось. Флот шел в атаку! Но на этот раз дуглариане изменили своей обычной практике. Вместо того, чтобы образовать из кораблей полусферу, готовую захлопнуться в шар, вражеские корабли выстроились в форме плоского диска, точно по оси движения корабля.

— ...Мы направляемся к Дуглу с документами лично императору Кору о полной и безоговорочной капитуляции Человеческой Конфедерации...

Внезапно из самого центра диска вырвался длинный яркий язык пламени. Палмер успел понять, что это залп огромного количества ракет, несущихся теперь с безумной скоростью к их кораблю.

— Быстрее вытаскивай нас отсюда! — захрипел он Линго. — Быстрее!

— Что слу...

— Нажми на кнопку, тебе говорят! — в ярости зарычал Джей.

Линго лишь бросил быстрый взгляд на лицо офицера и повиновался. Он нажал на кнопку, включая генератор Статического Поля. Теперь надо было ждать долгую томительную минуту, пока генератор нагреется.

Пространство перед кораблем солариан внезапно превратилось в стену ослепительного пламени, когда одновременно взорвались выпущенные неприятелем ракеты, обрушив на корабль чудовищную волну огромной температуры и всепроникающей радиации. И в этот миг все исчезло с экранов: крейсеры «собак»

и море огня, несущееся навстречу обреченному кораблю. Они вновь оказались в спасительном Статическом Пространстве.

— Еще чуть-чуть... и они бы нас накрыли, — Ортега тревожно покачал головой. — Если бы не Джей...

— Я все-таки не понимаю, что произошло, Джей, — сказал Линго. — Как вы узнали, что они собираются использовать заряды с упреждающим взрывом? Мне казалось, они либо используют старую тактику и постараются нас окружить, либо дадут преграждающий огонь на поражение.

Палмер с трудом раздвинул занемевшие губы.

— Интуиция старого солдата, — ответил он. — В последний раз они были недостаточно быстры, чтобы окружить нас, поэтому естественно предположить, что теперь «собаки» попытаются использовать что-либо более стремительное, чем окружение или обычные контактные снаряды. Как только я заметил это, то сразу сообразил: они решили свести с нами счеты при помощи радиационного излучения упреждающих взрывов, учитывая, что такое излучение распространяется со скоростью света, значительно обгоняя самые быстрые ракеты.

Ортега задумчиво покачал головой и испытующе посмотрел на новоиспеченного генерала.

— Что же они нам приготовят в следующий раз?

— После всего того, что случилось, вы хотите предпринять еще одну попытку? — удивился Джей, глядя, как Линго опять готовит корабль к переходу в нормальный Космос.

— Вы же знаете, что у нас нет выбора, — ответил ему Ортега.

— Рауль, во всем этом есть одна вещь, которая остается мне непонятной. Почему бы им не сказать, что это корабль из Крепости Сол? Сол — это магическое слово, даже для дуглариан. Особенно, если учитывать их подсознательную мотивацию — страх. Зачем продолжать так по-идиотски рисковать?

— Очень разумно, Джей, — ответил Ортега. — Кое-чему вы уже научились. Но еще не все детали вам известны. Дело в том, что наша принадлежность к Крепости является для нас главным козырем в этой игре, и хотелось бы подольше держать его в секрете. «Собаки», с которыми мы сейчас играем в кошки-мышки, принадлежат к низшим ступеням иерархической лестницы дуглариан, для которых личная инициатива просто немыслима. Они живут по приказу — уничтожать все и любые вражеские корабли. Это для них абсолют. Что земляне, что солариане, что конфедераты — для них это ничего не значащие слова. Они помнят одно: все — враги, и поэтому должны быть мгновенно уничтожены. Наша единственная

надежда состоит в том, чтобы добраться невредимыми до Дугла, и вот уж там мы потребуем разговора с чиновниками не ниже Командующего обороной всей системы Дуглаари. Поставьте себя на их место, Джей. На Дугле сейчас знают о том, что неизвестный корабль должен появиться где-то поблизости от орбиты внешней планеты системы. Срочно создается комитет по встрече этого корабля. И я очень надеюсь, что во главе такого комитета будет стоять один из высших офицеров, имеющий достаточное влияние и самостоятельность, чтобы удержаться от приказа открыть огонь, узнав, что непрощенные гости прибыли из Крепости Сол. Мы надеемся, что он догадается проконсультироваться с Высшим военным начальством, а может быть, и с самим Кором о дальнейших действиях. И тогда, если Кор окажется достаточно заинтригованным...

— Звучит, в общем, совсем не глупо, — согласился Джей, поразмыслив над планом. Внутренне он был совершенно уверен, что никакой компьютер не смог бы рассуждать подобным образом. Настоящая игра в покер, перед чем компьютеры оказываются бессильны. Бросок костей, где роль кубиков играют их жизни — и, быть может, судьба всего человечества будет спасена!

План хорош, но удастся ли его осуществить — абсолютно неясно, поскольку впереди еще один раунд этой смертельной игры в кошки-мышки, решающий раунд. Дуглариане, вероятно, кипели от ненависти и желания разделаться с неусловным кораблем, дважды оставившим их с носом.

— Приготовиться к выходу из Статического Пространства, — сказал Линго в микрофон и спустя мгновение нажал кнопку.

На экране в абсолютной черноте Космоса засверкали многочисленные звезды. Почти в самом центре жаркими лучами звездного огня пылало огромное желтое солнце.

И сразу же чуть в стороне от звезды появилась россыпь огоньков, потом еще одна, и еще... Их скопление быстро увеличивалось в размерах, указывая на огромную скорость составляющих их кораблей, которые на раздирающих пространство столбах ревущего огня направлялись прямо к ним, угрожающие и беспощадные, как сама смерть.

Внезапно чернота Космоса и вражеские корабли снова исчезли, уступив место красочному хороводу Статического Пространства.

Линго, переводя дыхание, с шумом вытолкнул воздух из легких, Ортега тоже вздохнул с облегчением.

— Что случилось? — спросил Палмер.

— Мы опять едва не попались, — ответил Линго, — и я не

побоюсь признаться, что в этот раз, действительно, мне стало не по себе. Можно сказать, я испугался.

Палмер непонимающе смотрел на него.

— Мины, — объяснил Линк. — Мины-роботы, вооруженные к тому же лазерными пушками. Мы тоже используем такие. Вокруг Крепости Сол несколько минных поясов. Они оснащены детекторами всех известных типов, по крайней мере, наши. Всевозможные радары, датчики теплового и инфракрасного излучения, ультрафиолетового, датчики радиоизлучения, лазерная телеметрия и так далее — все, что вы можете себе представить, способствующее обнаружению предмета любой температуры, силы гравитации, любого излучения. Обнаружение, направление на объект, расчет расстояния и траектории занимают считанные секунды. К счастью, мины оказались в нескольких световых минутах от нас, что дало мне возможность вовремя вернуться в Статическое Пространство.

— И что теперь? — Линго повернулся к Ортеге.

— Рауль, можно ли обогнуть заминированный сектор и продолжить путь к Дуглаари?

Ортега долго смотрел на извечный карнавал красок и света Статического Пространства, который странным образом действовал успокаивающе на нервную систему, возвращая уверенность в собственных силах, представляя собой зону приятного расслабления после перипетий реального пространства.

— Никакого шанса, — наконец заговорил Ортега. — Если мы сейчас напрямик направимся к Дуглу, все наши предшествующие возникновения в реальном Космосе наверняка будут расценены как наши ошибки при расчете курса. И когда «собаки» узнают, что нам удалось избежать мини-роботов, они переведут управление минных полей вокруг своего центрального светила на автоматический режим. Тогда у нас практически не останется ни единого шанса уцелеть, где бы мы там ни появились. Нет, нужно войти с ними в контакт где-то здесь, на периферии. Мы должны придумать какой-нибудь способ... Но какой?!

— Подождите-ка, — воскликнул вдруг Палмер, — кажется, я нашел! Пока лишь смутная догадка, но с вашей помощью... Скажите мне, эти мины несут информацию о том, состоялся контакт или нет?

— Во всяком случае, у нас мины-роботы обязаны это делать. Думаю, и у дугларианских должна существовать обратная связь, — ответил Ортега.

— Тогда «собаки» отправят свой патруль на место состоявшегося контакта, не правда ли?

— Продолжайте, Джей.

— Так вот. Может быть, моя версия и несколько притянута за уши, но, если бы мы смогли выйти из Статического Пространства точно за патрульными кораблями, они явились бы защитным экраном между нами и минами, так? Я думаю, эти мины-роботы оборудованы приспособлением, позволяющим отличать свой корабль от чужого. И если их корабли будут заслонять чужака, вряд ли они рискнут стрелять... Хотя, патрулей может быть несколько, и тогда мы рискуем оказаться между вражескими эскадрами. Но, если точно рассчитать время, я думаю, у нас будет где-то около минуты, прежде чем мы снова окажемся вынуждены нырнуть в Статическое Пространство.

— Ну, парень, ты попал в самую точку! — радостно воскликнул Ортега. — Может быть, у тебя скрытый талант «Дирижера Игры»?

Палмер засмеялся:

— В конце концов, я был не самым плохим командующим Флота, прежде чем превратиться в «свадебного» генерала.

— Вы справитесь с этим, Дирк? — спросил Ортега.

— Надеюсь. Во всяком случае, мы попытаемся. Посмотрим... Патруль дуглариан уже должен быть в пути... Фран, дайте мне примерный расклад времени, необходимого для пересечения траектории полета этого патруля, учитывая, что мы продолжаем движение в Статическом Пространстве не меняя направления, а также тот факт, что и дуглариане покинули орбиту внешней планеты, скажем, три минуты назад.

У Палмера все похолодело внутри. Сама мысль доверить решение этой сложнейшей задачи человеческому мозгу шла в разрез со всем его жизненным и военным опытом. На его памяти с подобными задачами могли справляться лишь компьютеры.

Но на борту соларианского корабля компьютера не было. Зато находилась Фран Шаннон, эйдетик. Сейчас она откинулась на спинку своего кресла, расслабила мышцы всего тела и устремила в пространство взгляд своих зеленых глаз, лишенный всякого выражения, направленный, казалось, не вовне, а внутрь себя. Палмер подумал, наблюдая за ней, какая же чудовищная работа проворачивалась сейчас за этим спокойным чистым лбом.

Наконец ее взгляд вновь принял осмысленное выражение и она выпрямилась в кресле.

— Вам необходимо выйти из Статического Пространства ро-

вно через пять с половиной минут, начиная с этого момента, Дирк. Естественно, это приблизительный просчет ситуации, так как мы не можем рассчитывать на внешние данные, находясь в Статическом Пространстве. Но это все, что я могу сейчас сделать.

— Было бы, конечно, лучше иметь расчет поточнее, — пробормотал Линго с озабоченным выражением на лице. — Но, что делать. Джей, держите крепче свой микрофон и начинайте говорить сразу, как только мы вынырнем. У вас не будет времени ни на оценку ситуации, ни на что другое. Вам придется говорить очень быстро.

За тридцать секунд до момента выхода в реальное пространство Линго начал обратный отсчет.

— Джей, — вновь обратился он к Палмеру, — начинайте говорить! Не ждите, там ли дуглариане или нет. Двадцать пять... двадцать... пятнадцать... десять... пять... три... два... один...

Линго нажал на кнопку — и вот они вновь в нормальном пространстве.

— Говорит генерал Джей Палмер, Полномочный Посол военного командования Объединенных Сил Конфедерации...

Пока он выговаривал эти слова со всей возможной скоростью, на которую был способен, Палмер не сводил глаз с главного экрана. С одного взгляда он понял, что его замысел удался! Между их кораблем и минами-роботами находились патрульные корабли дуглариан. Победа!

— ...направляемся к Дуглу с документами лично императору Кору о полной и безоговорочной капитуляции...

Быстрый взгляд в сторону светила... вторая эскадра патрульных кораблей на полных парах мчалась на помощь первой. случилось то, что он, правда, предвидел, но во что уж очень не хотелось верить. Они оказались в ловушке. Все кончится очень быстро. Вот уже вторая эскадра выпустила залп. Они явно не хотят рисковать. Минуты через полторы снаряды достигнут цели...

— Говорит генерал Джей Палмер... — он старался не сбиться с ритма, понимая, что, быть может, это его последние слова. За это время первая эскадра кораблей, должно быть, тоже определила их местонахождение, по тому что стала выполнять стремительный разворот на сто восемьдесят градусов. Закончив маневр, они, в свою очередь, выплюнули еще одну волну ракет и снарядов. Корабль солариан оказался в точке, к которой с двух сторон с огромной скоростью приближались два роя смертоносных зарядов, подобно мухе, к которой стремительно неслись две гигантские ладони...

— ...императору Кору...

— Довольно, парень! — воскликнул Линго, нажимая на кнопку.

Статическое Пространство! Живые и невредимые! Ортега зашелся в безумном смехе. Палмер долго смотрел, как тот хватается за живот, в изнеможении падает в кресло и вновь начинает хохотать.

— Ваше чувство юмора не перестает меня удивлять, — наконец сказал Джей, устав наблюдать за его конвульсиями. — Всего лишь несколько секунд отделяли нас от весьма неприятного конца, а вы находите это забавным?

— Да нет же, нет... — с трудом проговорил успокоившийся наконец Рауль. — Ну и «собаки», чтоб их!.. Нет, Палмер, с вами скучно, у вас слишком бедное воображение! Да вы только представьте себе сложившуюся там, где мы только что были, ситуацию. Один патруль, тот, что находился впереди от нас, сделал залп всеми орудиями и ракетами. Второй, сзади, произвел те же манипуляции. Но мы-то уже здесь, а ракеты и снаряды все еще там и несутся навстречу друг другу. Да ведь они расстреляли друг друга! — Ортега с силой хлопнул в ладоши. — Ба-бах! — крикнул он. — Конечно, не все снаряды попадут в цель, но и мало что уцелеет от этих двух эскадр, я думаю. В этот раз они прореагировали слишком уж быстро. Да, Джей, хотел бы я сейчас послушать, что они там говорят друг другу, если только осталось, кому говорить.

— Я плачу кровавыми слезами! — подхватил Палмер.

— А все вы, Джей! — сказал Линго. — Благодаря вам мы выиграли эту партию. Но это лишь начальный этап. Следующая остановка — Дугл.

7

Все собрались в рубке управления. Линго и Фран занимали свои обычные места перед пультом. Робин Морель и Линда сидели в «гостевых» креслах. Макс Бергстрем стоял рядом с Линдой. Ортега и Палмер расположились по обеим сторонам кресла Линго. Момент «Х» приближался.

Долгое путешествие подошло к концу. «Когда Линго нажмет на кнопку, — думал Палмер, — мы окажемся точно у периферии планетной системы Дугла.»

Конфедерат незаметно исподтишка оглядел солариан. Макс и Линда, как обычно, не обращали ни на кого внимания, занятые

мысленной беседой. Фран внимательно изучала пульт управления, будто видела его первый раз. Робин не сводила глаз с затылка Линго, слегка покусывая себе губы. Ортега слепым взглядом следил за безумным красочным хаосом Статического Пространства, думая о чем-то своем.

Линго был полностью поглощен манипуляциями на пульте управления кораблем. Наконец он закончил все приготовления и замер в кресле, положив палец на кнопку, возвращающую их из Статического в реальное пространство.

К своему большому удивлению Палмер внезапно почувствовал, как внутри него поднимается теплая волна признательности к его шести новым друзьям, представителям во многом еще непознанной и таинственной цивилизации солариан. Это ощущение приходило к нему и раньше, и Палмер сразу узнал его — это было чувство, которое Джей всегда испытывал перед тем, как направить свой флот в атаку. Чувство тесной сопричастности людей, которым уже приходилось вместе встречать смерть лицом к лицу, побеждать ее, и которые снова готовы стоять с тобой рядом плечом к плечу. Это было «чувство локтя», взаимной молчаливой преданности, которое возникает лишь в спаянном воинском коллективе.

Лишь одному Богу известно, какое им суждено будущее, а также дальнейшие действия солариан в заключительной фазе их загадочного плана. Но после того, как они вместе сражались и побеждали дуглариан, что значило, в конце концов, различие их собственных культур? Все они были людьми и вместе шли на врага, один за всех и все за одного.

В своем внезапном наитии Палмер, наконец, понял, какое чувство появляется у человека от ощущения причастности к одной из органических Групп. Это было похоже на то, что чувствуют старые бойцы в ночь накануне сражения, та духовная близость, возникающая перед лицом смертельной опасности, то слепое доверие и подчинение, которое, возникнув однажды по эту сторону порога между жизнью и смертью, уже не покидало их никогда. Ощущение редкое для конфедерата. Но оно придавало силу и уверенность, вносило в душу спокойствие и комфортность.

— О'кей, — произнес наконец Линго, взяв одной рукой микрофон и нажимая другой на кнопку, — вот мы и прибыли.

В то же мгновение они оказались в реальном пространстве. Первое, что увидел Палмер, — сияющий диск Дугла.

Солнце приятного, теплого золотистого цвета, размером чуть

меньше Сола. Вокруг вращались шесть планет. Вторая планета этой небольшой звезды дала жизнь немыслимой расе созданий, Империи, поставившей себе целью уничтожение всего Человечества. И дети этой планеты не видели для себя другого исхода, как погибнуть самим или подчинить себе великую расу существ, обязанную своим рождением третьей планете Солнечной Системы.

Только чуть позже Палмер заметил корабли. Сотни военных кораблей Империи, с их несколько вздутыми очертаниями, напоминающими акул, до предела нажавшихся смертоносной начинки и готовых в любой момент извергнуть ее назад в виде снарядов, ракет, торпед или лазерных лучей. В своем классическом построении в виде вогнутой полусферы они огромным щитом расположились между кораблем солариан и звездой.

При виде этой картины у Палмера перехватило дыхание. Зрелище было впечатляющим и одновременно ужасающим той мощью противника, которая осознается не просто умозрительно, но и визуально.

Здесь оказалось сразу сосредоточено не менее трех флотов. Их совместное Силовое Поле было способно превратить корабль настойчивых «гостей» в исковерканную консервную банку за несколько секунд.

Линго хладнокровно рассматривал огромное скопление кораблей, закрывавшее путь к конечной цели их путешествия. Он держал микрофон у самых губ, но продолжал хранить молчание.

И вот гигантская амеба пришла в движение, заметное даже невооруженным глазом. Ее псевдоподии-щупальца с четырех сторон сначала медленно, затем, все более ускоряясь, потянулись к одинокому кораблю Крепости Сол. Медленно, но неуклонно (а на самом деле с огромной скоростью) центр гигантской армады стал надвигаться на них, заполняя собой все поле зрения видимого пространства, пока полностью не заполнил огромный полусферический экран корабля. Наконец щелкнул переключатель, и Линго заговорил.

Но, Господи, что это был за голос! Джей и представить себе не мог, что Линго способен говорить так. Подобный голос мог принадлежать лишь какому-нибудь сверхъестественному существу, самому Создателю! Палмера прежде всего поразила его интонация — мощная, ледяная, до ощущения бегающих по спине мурашек, с непререкаемой авторитарностью, затоплявший сознание и глушивший собственную волю, побуждающий только к одному: повиноваться. Этот голос заполнил, казалось, всю Вселенную.

— Солдаты Империи Дуглаари! Мы пришли к вам с миром.

Этот корабль доставил сюда Полномочного Посла Человеческой Конфедерации, прибывшего для переговоров с Его Величеством Императором Кором о полной и безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Конфедерации. Это мирный корабль, мы не собираемся вступать с вами в схватку.

Здесь голос Линго слегка изменил тональность и приобрел ярко выраженный презрительный оттенок, смешанный с устрашающим высокомерием, будто внезапно его устами заговорил всемогущий дьявол.

— Не смейте противостоять этой миротворческой миссии, — раздался повелительный приказ. — Если вы нападете на этот корабль, то сами будете ответственны за весь тот ужас и несчастья, что обрушатся на ваши головы. У нас на борту Полномочный Посол Человеческой Конфедерации. Но это не корабль Конфедерации. Это корабль крепости Сол! — Палмер с трудом очнулся от гипнотического воздействия этого сверхчеловеческого голоса. В рубке царила полная тишина. «Да, — подумал Джей, — такой голос заставляет забыть обо всем, кроме одного — пойти и исполнить то, что сказано... или умереть... Но подействует ли он таким же образом и на дуглариан?»

В течение нескольких минут на экране, казалось, ничего не менялось. Неприятельский флот неотвратно и угрожающе накатывался на застывший на месте маленький зеленый корабль. Затем движение его замедлилось, все заметнее и заметнее сбавлялся темп, и вот уже корабли застыли в неподвижности, молчаливые и угрожающие.

В рубке царила все та же абсолютная тишина, казалось, слившаяся с Великой Тишиной окружающего их безбрежного Космоса.

Ортега не сводил глаз с неподвижных вражеских кораблей, различимых уже невооруженным взглядом.

— Ну, что же, — сказал он наконец, — мы еще живы, а это уже кое-что. Признак если и не стопроцентной удачи, то, во всяком случае, удовлетворительный. Могу побиться об заклад, в данный момент командующий этой армадой не отнимает от уха наушника, а от губ — микрофона, и всю дискутирует с начальством о своих дальнейших действиях. Интересно, с кем он говорит? Достаточно ли мы разогрели любопытство Кора для того, чтобы тот заинтересовался нами и открыл дорогу? Вот в чем главный вопрос.

— Вам не кажется, что Дирк немного «пережал»? — спросил Палмер. — В конце концов, это ведь обычный блеф. Не захочет

ли Кор вместо каких-то там переговоров, раздавить нас одним ударом, как муху, и все?

— Вы рассуждаете сообразно стандартному человеческому мышлению, Джей, — ответил Ортега. — Приписываете «собакам» человеческие эмоции и предпосылки. Поговорите-ка таким же тоном, как Дирк, с кем-нибудь из людей, и у вас будет отличнейший шанс получить в ответ хороший апперкот. Но дугларианс, слава Богу, будут оценивать ситуацию со своих позиций, с точки зрения формальной логики. Первое: мы, уже дважды ввязавшись в стычки с их кораблями, ни разу не проявили враждебных действий. Второе: мы сознательно кладем голову в пасть льву, — ведь они в любой момент могут расправиться с нами, и мы это знаем. Третье: Дирк построил свою речь так, что создал противоречие между первой и второй его частью. Следствием этого явится тот факт, что дугларианам сложно придти к какому-либо логическому заключению. У «собак» сейчас голова должна раскалываться от попыток осмыслить услышанное, потому что им совершенно непонятна концепция блефа. В то же время дуглариане чрезвычайно осторожные существа. Я не думаю, что они рискнут уничтожить возникшую загадку, не попытавшись сначала разгадать ее. По крайней мере, будем надеяться.

— Глядите, — воскликнула в этот момент Робин. — Один из кораблей дуглариан отделился от общей массы и медленно направился в их сторону.

— Похоже, это корабль командующего, — прошептал Палмер.

— Скорее всего, вы правы.

Корабль остановился точно посередине между флотом дуглариан и кораблем Крепости Сол.

Внезапно ожило радио, и в рубке раздался странный, совершенно лишенный обертонов голос, монотонный и невыразительный.

— Гад Сол, который на Дугл самый великий прийти сюда, свою капитуляцию могуществу Кора сделать чтобы, это корабль вы должны в Дуглаари следовать. Там о своей участи ничтожной, от Совета Мудрости узнавать.

— Удалось! — воскликнули одновременно Ортега и Линго.

— Действительно удалось, — пробормотал про себя Палмер. — Только что именно?

Дугларианский корабль вел их за собой во внутреннее пространство планетарной системы звезды — столицы Империи. Линго,

включив маршевые двигатели Силового Поля, следовал за ним строго в «кильватерном» строю, стараясь не слишком приблизиться к нему, но и не отстать. Что было, впрочем, нетрудно, так как флагманский корабль, а это был он, двигался с постоянной скоростью.

Спустя некоторое время следом за ними двинулась вся армада неприятельских кораблей. Наблюдая за ее маневрами, Палмер увидел то, что и ожидал увидеть:

— Взгляните сюда, — позвал он Линго, указывая на экраны заднего обзора. Гигантская полусфера приблизилась к ним настолько, что корабль солариан оказался точно в центре окружности сечения этой огромной геометрической фигуры.

— Вы понимаете, что это означает? — снова спросил Джей. — Теперь они могут окружить нас в любой момент, раньше, чем вам удастся запустить в ход генератор Статического Поля. Сейчас мы полностью в их власти.

— Я предвидел это, — сказал Ортега. — Вы думали, они позволят проникнуть нам в святая святых на иных условиях? Они не любят рисковать и действуют наверняка. И теперь хотят быть уверены, что успеют предпринять все защитные меры, если у нас вдруг проснется самоубийственное желание запустить генератор СП вблизи их солнца и этим превратить его в небольшую Новую. За ту минуту, которая потребуется для запуска генератора, дуглариане десять раз смогут нас окружить и раздавить в лепешку Силовым Полем. Пока они оправдывают наши надежды. Можно лишь восхищаться тем, как они точно и согласованно выполняют все эти геометрические построения.

— Ну и восхищайтесь себе на здоровье, — недовольно проворчал Палмер. — У меня от них только мурашки по коже.

— Вас можно понять, вы ведь никогда не сталкивались с ними на таком близком расстоянии. Но не забудьте при этом отметить, что никто из людей еще не находился столь близко к Дуглу, как мы с вами.

— Ах-ах-ах! Как мы горды и счастливы! У меня это почему-то больше ассоциируется с радостным блеянием овец, весело бегущих за вожаком-бараном, ведущим их под нож мясника.

Корабль уже пересек орбиту внешней планеты системы. Дугл-VI — маленький, насквозь промерзший в космическом холоде мир, лишенный атмосферы. Но не жизни. С помощью увеличивающих систем было прекрасно видно, что большая часть этой планеты занята одним нескончаемым аэропортом, где находились мириады космических кораблей, готовых взлететь по первому сиг-

налу. Дугл-V и Дугл-VI были гигантскими газовыми скоплениями, подобными Юпитеру и Сатурну. По мере того, как их корабль все больше приближался к внутренним планетам системы, к самому сердцу Империи, Палмер чувствовал, как в нем все сильнее нарастает беспокойство. Членам Группы нетрудно было выглядеть спокойными, они, по крайней мере, знали, чем займутся, стоит им приземлиться на Дугл. Он же продолжал оставаться в полном неведении. Перед его друзьями стояла проблема справиться с одним неизвестным: дуглариане, их реакция и поведение, которое, в известной мере, можно было просчитать заранее. Но перед собой Палмер видел не менее двух проблем. Впервые за время, прошедшее с той ночи, проведенной им с Робин Морель, Джей вновь чувствовал себя обособленно от Группы. Одиноким и настороженным. В нем снова ожили былые недоверие и страх. Он, конечно, понимал, что должен доверять соларианам, иначе все становится бессмысленным. Ему не справиться с двумя противниками. Но сердцу своему приказать не мог, и оно томительно ныло в предчувствии неумолимо приближающегося часа «Х», цели их миссии.

На расстоянии полутора световых лет от центрального светила пролегла орбита Дугла-III планеты, очень близкой по размерам к Земле, но атмосфера и температура на ее поверхности больше походила на климатические условия Марса. На ней были хорошо видны большие города, укрытые под неким подобием громадных прозрачных куполов, разбросанных повсюду на поверхности в странном геометрическом порядке. Большие зеленые прямоугольники длиной в сотни миль чередовались с подобными же прямоугольниками, но желтого цвета, похожими на цвет пустынных областей Олимпии. Вероятнее всего, на планете велось единое управляемое хозяйство.

От дальнейшего созерцания поверхности этой планеты Палмера отвлекла внезапно раздавшаяся трель разнообразных щелчков и свистков. Взглянув на пульт управления, Джей увидел целый ряд загоревшихся на ней мигающих огоньков. Ожили стрелки некоторых приборов, назначения которых Палмер до сих пор не знал. У одних стрелки бешено метались от одного конца шкалы к другому, у некоторых — напряженно дрожали, застыв в критическом красном секторе.

Линго поднял голову от приборной доски и с сардонической улыбкой повернулся к Палмеру.

— Наконец-то, — сказал он удовлетворенным тоном, — я все ждал, когда же они начнут.

— Что начнут?

— Проверять нас своими детекторами, — Линго показал на мигающие огоньки. — Это наши индикаторы такого рода обследования. Можно сказать, контрразведка. Судя по всему, наших друзей-«собак» больше всего волнует вопрос, не прячем ли мы на борту атомное оружие или вещества с радиоизотопной активностью.

— Они предусмотрительны. Кажется, подумали обо всем?

— Кроме того, о чем невозможно додуматься, — загадочно произнес Ортега, еще больше сгустив перед Палмером туман неопределенности и неуверенности.

Цель их путешествия скромно пряталась под густой вуалью белоснежных облаков, почти полностью закрывших поверхность планеты.

— Солариане! — вновь ожил динамик. — Вы следовать пункт приземления точно должны. Тысяча стволов лазерных пушек на вас нацелены есть. Любое отклонение разрешенного пути ваше уничтожение полное повлечет.

— Он забавно строит фразы, — усмехнулся Линго, — но все же мысль свою излагает достаточно ясно. Сложно не понять.

Корабль солариан вслед за ведущим его кораблем Дуглаари начал спуск по широкой спирали, вклиниваясь в атмосферу планеты. На высоте десять тысяч метров оба корабля вынырнули из облачного покрова, и, наконец, впервые в истории Человечества глаза людей увидели поверхность планеты Дуглаари.

Неизвестно, какой ожидал ее увидеть каждый из них, но вид у всех был разочарованным. Впрочем, многие обитаемые планеты с такой высоты выглядят примерно одинаково.

Палмер различил берег моря. Цвет воды казался обычным, ничем не отличающимся от водной глади родной планеты. Сейчас корабль дуглариан спускался к большому городу, расположенному на обширной прибрежной равнине. С первого взгляда в облике города, в его очертаниях было что-то весьма странное, но что именно, сразу не определишь. Пожалуй, он казался чересчур геометричен. Когда они приблизились, Палмер ясно смог увидеть, что город состоит из концентрически расположенных, будто проведенных циркулем окружностей, строений с широкими проспектами или авеню, радиальными лучами расходящимися из геометрического центра города на идеально точном расстоянии друг от друга. Все вместе создавало впечатление градусной сетки буссоли компаса, наброшенной сверху на город.

Центральный круг имел радиус полторы — две мили. Ведущий людей корабль направился именно туда. Плавнo снижаясь, он приземлился почти в самом центре круга, в нескольких сотнях ярдов от какого-то строения, по форме напоминающего огромный перевернутый стеклянный ящик. И столь же уродливый.

Линго посадил свой корабль рядом. Настал знаменательный момент — люди наконец достигли поверхности планеты Дуглаари (как она значилась на всех звездных картах Конфедерации).

С земли столица Империи внушала еще меньше восторгов, чем ее вид сверху. В архитектуре зданий и ансамблей не было ничего, что могло бы поразить воображение. Скорее наоборот, своей строгой геометричностью она отталкивала и утомляла взор. Корабль солариан стоял на большом взлетном поле аэропорта, окруженного по периферии высокой металлической стеной.

В центре поля возвышалось высокое стеклянное сооружение строгой прямоугольной формы. В стороне виднелось еще несколько подобных зданий, размером помельше. Между этими стеклянными «ящиками» пытались оживить пейзаж несколько стросний в виде больших серебристых сфер, опирающихся на колонны, выполненные то ли из более темного металла, то ли из камня.

Остальная часть огромного, уходящего за линию горизонта города представляла собой бесконечное повторение зданий, возвышающихся во внутреннем круге. Большие прямоугольники из стекла и стали, высокие и низкие, узкие и широкие, чередующиеся с серебристыми сферами и шарами, опирающимися на «паучьи лапки». И так тянулись миля за милей, бесконечной унылой чередой, насколько хватало глаз, отличные друг от друга лишь размерами и похожие своей безобразностью. Тусклый дневной свет, с трудом пробивающийся сквозь густой слой серых облаков, не добавлял живости в этот однообразный архитектурный пейзаж, делая общую картину еще более унылой и безрадостной.

Все вместе производило довольно неприятное впечатление и было похоже на реализованную в стекле и металле мечту какого-то архитектурного маньяка, полностью лишённого всяческого воображения.

— Добро пожаловать на веселый Дугл, самую жизнерадостную столицу Галактики! — с изрядной долей сарказма в голосе воскликнула Робин при виде этой серости и уныния. — Уф! Этого само по себе достаточно, чтобы оправдать войну с народом, имеющим подобное представление о красоте и эстетическом вкусе.

В каком-то смысле ее замечание несло нечто больше, чем обычная шутка или констатация факта.

— А вот и комиссия по торжественной встрече, — сказал Макс.

В ближайшем к ним здании широко распахнулись двери, и оттуда на бетон посадочной полосы стали медленно выползать приземистые машины, по внешнему виду очень напоминающие танки. Выехав на взлетное поле, они молниеносно развернулись в цепь и довольно быстро покатали к кораблю. Окружив его со всех сторон, тяжелые машины замерли на месте, нацелив на корабль жерла лазерных пушек.

У одной из этих бронированных махин откинулся люк, и оттуда высыпало около полудюжины дуглариан, рысцой устремившихся к кораблю. Расстояние не позволяло подробно рассмотреть черты их лиц, но не могло скрыть длинных стволов энергетических ружей, которыми они были вооружены. Оружия не имелось лишь у бегущего впереди этой команды, являвшегося, вероятно, их командиром.

— Рауль, Джей, надо встретить наших гостеприимных хозяев, — сказал Линго, направляясь к выходу из рубки.

Пока они спускались к переходной камере, дуглариане успели доставить к кораблю нечто вроде передвижного трапа и подняться к входному люку. Проход был открыт, и впервые за триста лет военных действий противники смогли воочию увидеть друг друга.

На первый взгляд казалось, что дугларианин целиком состоит только из шеи и ног. Это было двуногое существо, прямоходящее, без хвоста, с головой и двумя руками. На этом его физическое сходство с человеком ограничивалось.

У этих созданий были длинные ноги, с мощной, хорошо развитой мускулатурой, покрытые, как и все остальное тело, тонкой короткой шерстью темно-коричневого цвета. Туловище непропорционально короткое, круглой формы, без всякого признака талии, по форме очень напоминающее надувной шар для игры на пляже. Из самой широкой его части тянулись две длинные мускулистые руки, заканчивающиеся шестипальными ладонями, каждая с двумя противостоящими большими пальцами. Длинную гибкую шею венчала большая треугольная голова с огромными кожистыми ушами по бокам, весьма напоминающими уши летучей мыши. Единственным местом у этого существа, не имевшем волосяного покрова, являлось лицо, обтянутое темной и плотной на вид кожей, состоящее из двух больших красных глаз с почти черной радужкой по краям большого приплюснутого носа, едва выступающего над уровнем щек. Рот же, как ни странно, напоминал очертания челове-

ческих губ. Ростом дуглариане не отличались от обычного человека. Первый, стоящий на трапе дугларианин был одет в нечто вроде короткой, коричневого цвета, туники без рукавов. На ногах поблескивали короткие черные сапоги.

Продолжев минутное замешательство, связанное с обоюдным удивлением при виде друг друга, находящийся впереди дугларианин вошел в переходную камеру, почти оттолкнув при этом тройку встречающих его людей, и освободив таким образом проход для десяти своих сородичей, как две капли воды похожих на ворвавшегося первым, за исключением цвета их туник, имевших одинаковый грязно-серый цвет, и в руках они держали термические ружья.

— Кто у вас командир? — грозно произнес Линго. Дугларианин в коричневой тунике устремил на него яростный немигающий взгляд красных глаз, полностью лишенных век.

— Я, Хаарар Ралашапки Корис, — на безупречном английском языке произнес он. — Я командир этого эскорта.

При абсолютно точном построении фраз дугларианин полностью игнорировал ударения, что придавало его речи несколько странный оттенок.

— Вы хорошо говорите по-английски, Хаарар Корис, — сделал комплимент Линго.

— Я дипломированный специалист Института Изучения Человески и Человеческой Цивилизации. В мои функции, кроме всего прочего, входит и необходимость изучения немислимых структур человеческого языка.

Корис четко выговаривал каждый слог, не связывая их друг с другом и не меняя тональности, и Палмер наконец понял, что речь дугларианина напоминает ему телефонный автоответчик.

— Это самое большое помещение на вашем корабле? — спросил Корис.

— Конечно, нет. Странный вопрос.

— Дело в том, что такая каморка слишком мала для нас и мы не можем оставаться здесь длительное время. Вы должны запомнить на будущее, гад, что от вас исходит очень неприятный запах. Длительное пребывание в таком небольшом помещении в компании гада человеческого способно вызвать в моем пищеварительном аппарате нарушения, подобные тому, что вы называете тошнотой. Это было бы нежелательно.

Палмер не замечал, как непроизвольно сжимает и разжимает кулаки, слушая этот разговор. На лицах Ортеги и Линго не проступало никаких эмоций. Они были спокойны и бесстрастны.

— Только сумасшедший, — сухо ответил Линго, — мог не заметить, что эта каморка, как вы изволили выразиться, является ни чем иным, как переходной камерой, предназначенной для выравнивания атмосферного давления внутри и снаружи корабля, особенно при условиях полета в космическом пространстве. Разве на ваших кораблях не предусмотрены подобные помещения?

— Не считая себя сумасшедшим, — ответил Корис без малейших признаков раздражения или гнева, — должен вам сказать, что мне не знакомы такие детали. Предлагаю продолжить разговор где-нибудь в другом помещении корабля. Я уже отмечаю в себе некоторые возмущения пищеварительного тракта, пока управляемые, но очень неприятные.

— В таком случае перейдем в кают-компанию, — пригласил Линго. — И будьте любезны, постарайтесь, чтобы вас не стошнило на ковер по дороге.

— У вас нет никаких прав на мои любезности, гад.

Корис двинулся вслед за Линго по коридору, дав знак стражникам следовать за ним.

— И все-таки я приложу определенные усилия, чтобы удержаться от опорожнения моих пищеварительных путей. Такое растранжиривание пищевых продуктов было бы нерациональным.

Остальные члены экипажа собрались к тому времени в кают-компании. Корис, едва появившись на пороге, пролаял что-то своим солдатам, после чего они быстро разбежались по сторонам, замерев на равном расстоянии друг от друга по всему периметру кают-компании. Их термические ружья были направлены в центр комнаты, туда, где сгруппировался весь экипаж.

— Судя по той информации, которая была мной получена ранее, я не ожидал здесь столкнуться с таким количеством человеческих гадов, — сказал Корис, обводя своим яростно пылающим взглядом группу стоящих перед ним людей. Вероятно, не голос являлся у дуглариан выразителем их душевного состояния. Потому что за все время разговора Корис ни разу не изменил механической интонации слов. Зато уши этих существ, казалось, жили отдельной жизнью, вздрагивая, сворачиваясь, повисая или, наоборот, расправляясь во всю свою немалую величину, сопровождая этими движениями каждую фразу, сказанную дугларианином. Если это можно было назвать языком чувств и эмоций, то для людей он оказался совершенно незнаком, и оставалось лишь догадываться о значении всех этих «ушастых» метаморфоз. Вот и сейчас, при последних словах Кориса, его уши растопырились в стороны на всю ширину ушных раковин, в очередной

раз напомнив собой распростертые крылья летучей мыши, и мелко негодуяще затряслись.

— Вам и не нужно знать, — холодно ответил Линго. — Это не входит в ваши функции.

Уши Кориса бешено задергались из стороны в сторону.

— Вы, гады, находитесь на планете Дуглаари, — голос Кориса был холоден и бесстрастен. — Вы — пленники Дугларианской Империи. Не в вашей компетенции решать, что является, а что не является моими функциями и работой. А вот в ваши функции не входит обсуждение вопросов или приказов офицеров Империи. Вы — пленники, и не более того. В ваши функции входит беспрекословное повиновение моим приказам и безусловная правдивость при ответах на мои вопросы. Ничего другого.

— Но мы не ваши пленники, — возразил Линго.

В ответ Корис вновь разразился потоком режущих человеческое ухо звуков, являющихся дугларианской речью. Термические ружья поднялись и нацелились на людей.

— Если вы попытаетесь сбежать, — сказал Корис, — то будете убиты на месте. В случае, если вам каким-то образом удастся вновь захватить управление этим кораблем, он будет немедленно разрушен огнем вооруженных боевых машин, которые его сейчас окружают. Если допустить невозможное и все же представить себе, что вам удастся взлететь, то знайте, что корабль будет испепелен тяжелыми лазерными орудиями, следящими за каждым его движением. И если вдруг корабль, уже при абсолютно невыносимых обстоятельствах все-таки вырвется за границы атмосферы, его ждет встреча с Имперским Флотом, который постоянно контролирует пространство над столицей...

— Этого вполне достаточно, — резко прервал его Линго. — Вы полностью убедили меня в безнадежности любой попытки к бегству. Пожалуйста, избавьте нас от описания кровавых подробностей.

— Количество пролитой крови зависит только от вас, гад, — отозвался Корис. — Вы должны исполнять обязанности пленников, или вас ждет немедленная смерть.

— Я еще раз повторяю, мы не являемся вашими пленниками. Нам поручено выполнить дипломатическую миссию, и прошу вас рассматривать наш визит именно в таком качестве.

— Вы — наши пленники, — настаивал Корис. — Вы — наши враги. Вы находитесь на территории Империи Дуглаари. Из этого следует, что вы не можете считаться никем иным, кроме захваченных в плен врагов. Другой классификации и быть не может. Я не понимаю смысла дипломатической миссии.

— В этом и состоит моя ошибка, — спокойно признал Линго. — Я не должен был надеяться на ваше понимание и, тем более, принятие такой миссии. Это превышает ваши функциональные обязанности. Ведь вы солдат, да? Скажите нам, в чем заключаются ваши непосредственные обязанности?

— Да, вы правы, гад, — сказал Корис, и бешеное трепыхание его ушей несколько успокоилось. — Я солдат Империи. Моя главная функция состоит во всемерном содействии поражению и уничтожению противников Империи. Предназначение солдата — убить врага.

— Что пытается сделать Линго? — шепнул Палмер Ортеге. — Заставить этого типа прикончить нас?

— Успокойся! — так же тихо ответил Рауль. — Дирк знает, что делает.

— Может ли солдат сдаться врагу при определенных обстоятельствах? — спросил Линго.

— Мне ничего не известно об этом. Нас этому не учили, — ответил Корис.

— Я так и думал. Сдаться — значит сложить оружие и отдать себя в руки врага в надежде, что результат данного действия будет предпочтителен продолжению борьбы.

Уши дугларианина судорожными рывками стали дергаться вверх-вниз.

— Подобная концепция пригодна лишь для гада. Она невозможна для солдат Империи, так как единственно приемлемый вариант продолжения борьбы — окончательная победа народа Дуглаари над всеми своими врагами. Для моего дальнейшего нормального функционирования крайне нежелательно даже знакомство с сутью подобной концепции. Мне нужно будет ее стереть из памяти, как только я закончу мою сегодняшнюю неприятную работу.

«Господи, да он не идет, а прямо бежит к собственной смерти и нас тянет с собой», — подумал Палмер. Но вдруг понял весь смысл этой рискованной игры, затеянной Линго. Логика являлась главнейшей чертой мышления дуглариан. Но не могла ли она одновременно считаться слабым звеном этого мышления?

— Следовательно, вы утверждаете, что не хотели бы даже рассматривать саму вероятность добровольно отдать себя в руки врага? Для вас — это нечто непостижимое, что невозможно ни оценить, ни понять?

— Плен — это перевернутая концепция, пригодная лишь человеческим гадам, вымысел их искаженного мышления, их при-

митивного мозга. Это зло, против которого дугларианский солдат имеет стойкий иммунитет.

— Ну хорошо, — задумчиво произнес Линго. Было заметно, что он тщательно обдумывает дальнейшие слова. — Вам сейчас придется поднапрячь все свои мозговые извилины, дорогой Корис, и постараться все же нас понять. Речь идет о судьбе всей Империи. Мы здесь для того, чтобы передать Человеческую Конфедерацию в руки Империи Дуглаари. Вам понятен смысл и значение этого шага?

Корис ничего не ответил, но уши его внезапно обмякли и повисли жалкими тряпочками по бокам головы.

Палмер сочувственно улыбнулся. Было ясно, что сама мысль — отдать целый народ, всю расу в руки врага потрясла даже это малопривычное существо.

— В чем дело? — спросил Линго. — Вы не в состоянии рассмотреть это предложение?

— Это не в моих силах, — ответил Корис, уши которого медленно оживали, принимая свою обычную форму.

— Что вы хотите этим сказать? Никто среди вас, дуглариан, не в состоянии рассмотреть простой вопрос капитуляции одного народа другому? — Уши Кориса вздрогнули и мелко задрожали.

— Прекратите вести себя столь вызывающе, гад, — все тем же безучастным монотонным голосом проговорил дугларианин. — Совет Высшей Мудрости в состоянии понять и решить любую задачу. Рассмотрение столь необычных концепций, вроде вашей, входит в функции Совета, а моя задача, как солдата, состоит еще и в том, чтобы находить и поставлять их ему.

— Вы хотите сказать, что у вас появилось намерение представить нас Кору и Совету Мудрости? — воскликнул Линго, всем своим видом изображая крайнее удивление.

— Совершенно верно, гад, — ответил Корис, уши которого наконец успокоились. — Совет и Кор смогут разобраться с вашей странной проблемой.

— Думаю, у нас нет другого выбора, — вздохнул Линго. — Нам лишь нужно немного времени для приведения себя в надлежащий вид.

— Та одежда, что сейчас облачает вас, вполне удовлетворяет нашим вкусам.

Линго пожал плечами.

— Вам решать. Конечно, вы знаете, что эта одежда кишит микроскопическими паразитами, присущими человеческому орга-

низму. И мне хотелось переодеться в стерильную. Но... Я восхищен вашей отвагой!

— Идите и переоденьтесь в стерильную одежду, гады, — немедленно последовал приказ.

— Очень хорошо. Мы будем готовы через несколько минут, все шестеро.

— Вас здесь семеро, гад.

— Я вас умоляю, — застонал Линго, как бы в отчаянии закатывая вверх глаза, — нас здесь только шесть, четыре мужчины и две женщины.

— Вы что, не умеете считать? Здесь три самки: одна — с коричневой шерстью на голове, другая — с красной, и третья — с желтой.

Вдруг солариане, все, кроме Линды Дортин, внезапно стали разыгрывать странное представление: испускать жалобные вздохи, всхлипывать, в отчаянии заламывать руки, изображая крайнюю степень безутешности и горя.

— Что тут происходит? — поинтересовался Корис.

Испутив последний, самый длинный и отчаянный вздох. Линго повернулся к своим друзьям.

— Мы должны простить его. Ведь он всего-навсего иностранец. Этого следовало ожидать, — он вновь обращался к Корису. — Женщина-блондинка, которую, как вы утверждаете, видите, не приписана к экипажу. Значит, с официальной точки зрения, ее здесь просто не существует. Ни в течение двух прошедших дней, ни в дальнейшем. Эта проблема относится к области чисто человеческих отношений, и существует абсолютный запрет даже упоминать о ней. Эта несуществующая женщина должна остаться здесь, на корабле. Действовать иначе означало бы нанести императору Кору недопустимое, с нашей точки зрения, оскорбление! И мы с вами были бы ответственны за возможные ужасные последствия такого необдуманного шага.

После длительного молчаливого обдумывания новой возникшей проблемы, во время которого Корис пытался, вероятно, осознать еще один аспект алогичности человеческих взаимоотношений и их странные обычаи, он наконец сказал:

— Ладно. Самка с желтой шерстью на голове может остаться на корабле. Бегство отсюда невозможно, и, при необходимости, от нее можно будет так же легко избавиться здесь, как и в зале Совета Мудрости.

— Избавиться? От кого?

— Только не начинайте вновь проявлять свою дремучую глупость, гад, — все тем же монотонным, унылым голосом произнес Корис. — Вы смогли проникнуть на поверхность Дуглаари. А вскоре увидите воочию зал Совета Высшей Мудрости Империи. Несмотря на всю свою недоразвитость, вы должны все же понимать, что было бы совершенно неприемлемо и неразумно оставлять в памяти врагов столь важные сведения, которыми вы уже владеете. В конце концов, пусть мельчайший, пусть один на много триллионов случаев, но существует шанс, при котором вам удастся сбежать с планеты тем или иным способом. Эта возможность должна быть сведена к абсолютному нулю. Поэтому, как только Кор и Совет Мудрости вас допросят, весь экипаж будет немедленно предан смерти.

8

Линго нырнул в свою каюту и почти сразу же появился вновь, нагруженный целым ворохом одежды.

— Это для вас, Палмер. Надевайте!

— Что это? — недоуменно спросил Джей, неуверенно принимая одежду из рук Линго. Встряхнув ее, Джей убедился, что предложенные ему Лингом тряпки представляют собой нечто вроде униформы. «Ее создатель, вероятно, обладал отвратительным вкусом», — отметил он про себя. Это был мундир ярко-зеленого цвета с малиновыми отворотами, обшлагами и воротником, к тому же весь расшитый золотыми галунами.

— Это форма для торжественных выходов, — с трудом сдерживая смех выговорил Линго. — Не удивляйтесь... Она... Ну, в общем, мы предвидели, что мундир вам может понадобится, и поэтому приготовили все заранее. — Палмер скептически осмотрел костюм.

— Никогда не видел подобной безвкусицы!

— Одевайтесь побыстрей, — поторопил Линго. — Комментарии оставим на потом. Эта... вещь... имеет большое психологическое значение. Наши эстетические требования и вкусы здесь не при чем. Мы должны создать определенное впечатление, и костюм посла в данной ситуации играет не последнюю роль. Но сейчас не время дискутировать. Помните наш договор? Быстрее переодевайтесь и постарайтесь вернуться в кают-компанию прежде, чем у нашего волосатого друга зачесется палец на спусковом крючке.

Слегка подтолкнув Палмера, Линго вернулся в свою каюту и захлопнул дверь.

Спустя некоторое время Джей стоял у двери в кают-компанию, нервно одергивая полы и лацканы своего нового мундира. Одновременно он пытался успокоиться. Костюм был сшит великолепно и сидел на нем, как влитой. Но, взглянув на себя в зеркало, Палмер не мог удержаться от смеха при виде столь опереточного генерала. Костюм состоял из ярко-зеленых брюк и рубашки с белоснежным кружевным жабо. Фрак такого же цвета был украшен двумя огромными эполетами из золотистой ткани, с золотыми перевитыми шнурами и аксельбантами.

Широкий черный пояс стягивал его талию, будучи скрепленным спереди большой сияющей медной пряжкой. Обувью служили короткие черные сапоги из блестящей хромовой кожи, расшитые золотой нитью. И венчало все это великолепие белое кепи с длинным козырьком, украшенным золотыми дубовыми ветвями и эмблемами.

Малиновые отвороты воротника и рукавов соперничали по яркости с алым плащом, спадающим с его плеч. Впереди он был скреплен огромной фибулой из кроваво-красных рубинов.

Умирая от смеха над своим отражением в зеркале. Джей спрашивал себя, почему Линго забыл такую важную деталь подобного костюма, как церемониальное оружие, сабля, шпага или алебарда. Вот было бы смеху!

«Ах, да, — подумал он, — вероятно потому, что «собаки» не подпустили бы тогда его к Кору и на пушечный выстрел. Ведь для них любое оружие — это оружие, неважно, церемониальное или боевое».

Настроение сразу упало.

Солариане уже собрались в кают-компанию, когда туда вошел Джей. Чувствовалось, что они сменили одежду специально, желая еще ярче оттенить великолепие нового наряда Палмера и сосредоточить на нем внимание своих будущих собеседников. Все, за исключением Линды Дортин, которая держалась несколько в стороне от остальных, были одеты в черные обтягивающие комбинезоны, полностью лишенные каких-либо украшений, кроме скромного золотого значка с изображением солнца, прикрепленного на левой стороне груди.

Общее впечатление от внешнего вида солариан создавалось весьма мрачное, даже в чем-то зловещее. Униформа делала их похожими на послушников какого-то религиозного ордена, приготовившихся выполнить некий мрачный таинственный обряд.

Появление Палмера повергло его сотоварищей по группе в восторг, что было заметно по их, плохо удававшимся попыткам согнать с лица веселое выражение и принять более подобающий данному моменту вид.

Даже Корис при появлении этого сверкающего яркими красками павлина, казалось, оцепенел на какое-то время. Об истинном значении его эмоций было трудно догадаться, но такое солариане увидели впервые: шея у него вытянулась в длину и стала совсем тонкой, голова с неменяющимся выражением налитого кровью бычьего взгляда вдруг начала подпрыгивать, сопровождаясь бешеным хлопанием растопырившихся во всю ширину ушей по черепу (может быть, он так аплодировал?!).

Поиграв таким образом своей головой и ушами с минуту, Корис наконец успокоился и произнес обычным бесстрастным тоном:

— Следуйте за мной, гады. Мы отправляемся в Совет Мудрости.

Несмотря на то, что Палмер был готов к неожиданностям городского пейзажа благодаря внутреннему экрану, он все же поразился той абсолютной непохожести окружающего на земной, когда спустился на твердую бетонированную поверхность космопорта.

Вокруг них, насколько хватало глаз, расстилался город; стекло и металл в сером, угнетающем свете Дугла, спрятанного за толстым слоем облаков. Столица Дуглаари скорее напоминала гигантскую фабрику или чудовищных размеров машину, чем обычный город с жилыми кварталами. Палмер никак не мог себе представить, что где-то здесь могут находиться парк, игровая площадка или базарная площадь, озеро или хотя бы клочок зелени. Здесь, в этой мерзости, простирающейся до бесконечности, в этом невообразимом конгломерате шаров и стеклянных квадратов. Городские шумы сливались в один монотонный гул, который лишь усиливал впечатление о немых размерах механизма, все части которого крутятся, вертятся, вращаются и трутся хорошо смазанными поверхностями друг об друга.

Запах в воздухе — острый запах клинической дезинфекции, запах больницы, перегретого металла, запах больших общественных помещений. Это не был какой-то искусственный или синтетический запах, так пахла сама среда, искусственно изуродованная до полной своей неестественности.

Палмер почувствовал озноб, несмотря на жаркий, сухой воз-

дух снаружи. Ему пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от быстрой подпрыгивающей походки длинноногих дуглариан.

Робин и Фран оглядывали окружающую их действительность с одинаковым выражением брезгливого отвращения на лицах. Макс, как это часто бывало, шел с отсутствующим выражением на лице, мысленно оставшись на борту корабля рядом с Линдой. Линго и Ортега тоже мысленно витали где-то в облаках и не обращали особенного внимания на местные достопримечательности.

Группа приближалась к Залу Мудрости. Еще несколько минут, и они окажутся перед этим зданием, которое, в определенном смысле, являлось Капитолием Империи дуглариан. Центральный вход представлял собой обычную квадратную дверь, утопленную в стену из гладкого металлопластика.

— Входите, гады, — приказал Корис.

За входной дверью столь важного государственного здания люди ожидали увидеть огромный внутренний холл и были весьма поражены, оказавшись в маленькой замкнутой комнатке, стены которой были выложены странным полупрозрачным материалом.

В стене напротив центрального входа, через который они вошли, располагались десять дверей, каждая с лампочкой наверху. Рядом с каждой стоял аппарат, похожий на тот, с помощью которого в компьютер вводится кодированная информация.

Корис сразу подошел к одному из таких аппаратов и начал манипулировать кнопками и рычажками, усеявшими всю переднюю панель аппарата и очень напоминавшими клавиатуру пишущей машинки.

— Я закодировал наше появление в Совете Мудрости, — сказал Корис. — Теперь следует ждать инструкций.

Через несколько минут зажглись сигнальные лампочки двух дверей, а их створки медленно заскользили вверх, открывая взору два тоннеля с гладкими стенами и высоким потолком. Поверхность каждого из них составляла беззвучно скользящая, широкая лента. Из кодирующего устройства раздался высокий, режущий ухо звук, после которого прозвучала очередь шелкающих и клацающих звуков, сопровождаемых появлением текста на маленьком экране, вмонтированном в панель аппарата. Корис впился в него глазами.

— Вы, гады, должны воспользоваться правым тоннелем, — сказал он. — Солдаты Империи пойдут в левый. Мы вас сейчас покинем, гады. Вы были закодированы на входной канал Совета Мудрости. Не рассчитывайте на то, чтобы не подчиниться инструкции по той лишь простой причине, что остались без наблю-

дения. Всякая необходимость в охране отпадает, как только вы закодированы. Теперь любое уклонение от приказа повлечет за собой ваше немедленное уничтожение. Идите.

Группа солариан во главе с Линго, не говоря ни слова, гуськом двинулась к правому тоннелю. Люди поочередно исчезали в проеме двери, увлекаемые транспортной лентой куда-то вглубь, во внутреннее помещение Совета Мудрости. Палмер вошел последним. Шагнув на движущуюся ленту, он бросил взгляд назад, успев заметить, как дверь при входе в тоннель скользнула вниз, отрезав им возможное отступление.

Каждые двадцать-двадцать пять ярдов лента выносила их на пересечение нескольких коридоров. Но необходимости ломать себе голову над вопросом, куда двигаться дальше, не было. При их приближении откуда-то сверху падали щиты, перекрывающие все входы и выходы, кроме одного. Палмер почувствовал себя молекулой воды, несущейся по трубам запутанного водопровода. Кем бы ни был тот, кто руководил их продвижением вперед, этот путь регулировался простым закрытием и открытием соответствующих клапанов. Вероятно, впервые с момента своего создания эта «канализационная система» несла в себе человеческие существа, наделенные чувствами и эмоциями, что, впрочем, здесь не имело значения, так как свободы выбора у них не существовало.

Иногда, несмотря на скорость, с которой закрывались на перекрестках входы в другие коридоры, Палмеру удавалось кое-что разглядеть. Танталовы пытки для личности, обладающей естественной любознательностью.

Один коридор вел в большой зал, заполненный какими-то механизмами, вокруг которых суетились несколько десятков дуглариан, выполняя только им понятную работу. Другой позволял увидеть часть помещения, напомнившего Палмеру торговый зал магазина. В других отсеках находились панели компьютеров, полки со съестными припасами, еще какие-то предметы, предназначение которых оставалось для Палмера загадкой.

Наконец движущаяся лента вынесла их в комнату, очень похожую на зал ожидания или тюремную камеру: помещение было совершенно пустым, если не считать длинной плоской скамьи, тянувшейся вдоль стены. Высоко под потолком располагался забранный решеткой громкоговоритель. И все.

Лента остановила свой бег, и за ними опустился щит, полностью перекрыв людям возможный выход из комнаты.

И сразу ожил громкоговоритель. Пленники Дуглаари явственно услышали шелчок.

— Гады! Вы останетесь здесь до того момента, пока Кор не пожелает допросить вас. Не пытайтесь покинуть помещение!

Вновь послышался щелчок выключателя, и голос умолк. Экипаж корабля оказался запертым где-то глубоко внутри комплекса, носящего название Совет Мудрости. Палмер присел на холодную жесткую скамью.

— У меня такое ощущение, что мы находимся не в обычном здании, а попали во внутренности огромной машины, — пробормотал он.

Линго улыбнулся и присел рядом с ним.

— Вы даже не догадываетесь, насколько близки к истине, Джей, — сказал он. — Это здание и есть машина. Вернее — компьютер.

— Все здание? Компьютер? А я-то думал, что мы оказались в зале перед Советом старейшин каких-нибудь мудрецов. А как же дворец Кора? Совет Мудрости?

— Это все и есть дворец Кора, помещение Совета Мудрости, и сам Совет — один гигантский компьютер, — сказал, подходя к ним, Ортега.

— Как целое здание может быть одновременно компьютером и?..

Линго невесело рассмеялся.

— Не только одно здание, Джей. Весь город. В каком-то смысле — вся Империя Дуглаари.

— Что?

— Конфедерация многого не знает об Империи, — произнес Линго, поднимаясь со скамьи. Он медленно стал вышагивать вдоль гладкой стены. — Многого, чего, впрочем, лучше бы никогда и не знать. Мак Дей сумел решить несколько задач, помогавших приоткрыть тайну поведения дуглариан. Видите ли, Джей, в самом начале войны мы буквально по косточкам разбирали каждое сражение, пытались понять причину постоянных неудач. Мало того, нам удалось захватить несколько «собак» живыми... Некоторые вещи, которые мы узнали благодаря этому... в общем, они нам дали лишний повод побыстрее изолировать Сол от Конфедерации. Поскольку, если бы Конфедерация узнала когда-нибудь о них... — Линго пожал плечами и продолжал с горечью. — Ваши соотечественники, Джей, уже испытывают изрядную долю пессимизма, чувствуя, что постепенно проигрывают эту длительную войну. Но только сейчас, после трех столетий отчаянной борьбы. А что было бы, узнай они всю правду в самом начале войны? У них не осталось бы никакого желания сопротивляться.

Линго остановился и взглянул на Палмера, и тот впервые увидел в зеленых глазах соларианина страдание, вызванное грузом большой ответственности, взятой на плечи его народа, желающим защитить другое человеческое сообщество.

— Джей имеет право знать всю правду, Дирк, — вдруг произнесла Робин. — Его жизнь сейчас в опасности, как, впрочем, и наша.

— Ты права, Робин, — вздохнув, ответил Линго. — По крайней мере, мы обязаны это сделать для него. Джей, что вы знаете об истории Империи? Дуглариане — существа с безупречной железной логикой. Вы никогда не задавались вопросом — почему? Откуда у них появилась такая способность?

— Не знаю... может быть, это продукт эволюции мозга? — неуверенно произнес Палмер. Но, взглянув на Линго, сразу понял, что не угадал.

— Нет, — сказал Линго. — Естественное развитие биологического вида не предполагает строгой логичности. За исключением того случая, когда кто-то начинает управлять эволюцией. Что и произошло с дугларианами около тысячи лет тому назад. Мы не знаем этой истории подробно. Все, что нам известно, реконструировано по обрывочным и далеко не полным сведениям, полученным от нескольких захваченных в плен дуглариан. Поэтому наши знания весьма фрагментарны. Судя по всему, когда-то у дуглариан правил великий вождь, тысячу или даже больше лет тому назад. Этот дугларианин объявил себя Кором. Это не имя собственное, а титул, приблизительно адекватный императору или диктатору. Этот первый Кор был гением. Но, к несчастью, и абсолютно сумасшедшим типом, по крайней мере, с точки зрения наших представлений о нормальности. Линго вновь принялся расхаживать по комнате.

— Человеку довольно сложно понять, что у них там произошло. Уже тогда дуглариане по своему психическому складу весьма отличались от нас. У них значительно меньше выражались индивидуальные качества, зато в большей мере — стремление к некоей коллективной общности, к единому коллективному разуму типа сообщества муравьев или пчел. Понимаете, что я имею в виду? Нам кажется, для того, чтобы по-настоящему разобраться в механизме мышления дугларианина, надо постараться представить себе не просто обычного представителя Дуглаари, а индивида, например, охваченного паранойей. Первый Кор знал, естественно, что когда-нибудь ему придется умереть. Но в своем безумии он не хотел смириться с этим. И со всей решительностью и целеустрем-

ленностью помещанного он предпринял попытку стать правителем Империи навечно, даже после смерти. Для чего и создал этот, так называемый Совет Мудрости.

— Как? Но ведь Совет предполагает присутствие...

— Ничего подобного! Мак Дей, когда он разобрался в истинной сущности этого Совета, предпочел никогда больше не распространяться на этот счет. Потому что Совет Мудрости дуглариан — это не разновидность законодательной власти, как принято считать в Конфедерации. Это... это тот самый город, в котором мы сейчас находимся. Да и не город как таковой. Все, что мы с вами видели на поверхности и здесь, внутри, — это единый механический организм, огромный невообразимый компьютер. Первый Кор создал эту электронную систему, передав машине всю полноту власти над Империей. Мы думаем, если хорошенько поискать, даже сейчас можно было бы обнаружить кое-что от того, самого первого монстра-компьютера, превратившегося в Совет Мудрости. Заботясь о самосохранении, нынешний Совет наверняка имеет дублирующие блоки и системы, рассредоточенные по разным местам Империи, чтобы при необходимости мгновенно заменить функции действующего в данное время компьютера. Но их местонахождение нам так и не удалось выяснить. Судя по всему, это — наиболее охраняемый секрет дуглариан. Как бы там ни было, теперь мы точно знаем, что в Империи не существует правительства в том привычном смысле, в каком обычно оно представляется человеку. Компьютер и есть правительство. Более того, Совет Мудрости по сути своей в корне отличается от вашего Компьютерного Центра на Олимпии. Это не просто суперсложная машина, выбирающая лучший вариант из многих. Это — единый организм, интегрированный в самую сущность Империи и обладающий невообразимым количеством прямых и обратных связей, пронизывающих все структуры общественной организации этого общества. Каждая военная акция, решение экономических проблем, развитие промышленности, вооружения, вплоть до личной жизни каждого дугларианина — все диктуется и управляется Советом Мудрости.

Этот компьютер не советует — он командует! Палмер чувствовал себя оглушенным и растерянным от полученной информации.

— Что же получается?... Получается, что Кор — не более чем марионетка, подставное лицо в Совете Мудрости? А Империя управляется... механизмом?..

Линго засмеялся. Но смех его не был радостным.

— Да нет, все не так просто. Обычному компьютеру подобная

задача просто не под силу. Он может лишь найти наиболее эффективный метод для достижения поставленной цели. Но при нем обязательно должен кто-то находиться для того, чтобы поставить перед машиной эту задачу и определить цель. Выбор цели не является задачей логики, а сама логика базируется на основе предпосылок. Никакая логическая система не может определять свои собственные предпосылки, поэтому никакой компьютер не может сам определять для себя цель. Она произвольно должна быть поставлена перед ним чьим-то разумом.

— Другими словами, — продолжил Палмер, — в компьютер должна быть введена программа. Перед ним нужно поставить задачу, иначе он не будет работать.

— Совершенно верно! Функция Кора и заключается в том, чтобы программировать компьютер. Он вырисовывает Совету определенные цели Империи, и компьютер начинает функционировать в полном соответствии с этими целями, вместе с Кором.

— Да, но в таком случае Кор реально управляет Империей, а Совет Мудрости занимается исполнением полученных распоряжений.

— Вот именно в этом-то и заключается вся суть! — воскликнул Линго, стукнув по стене кулаком. — Вся загвоздка в том, что после смерти очередного Кора, именно компьютер подбирает наследника. Совет мудрости сам выбирает себе будущего программиста! А у Совета — абсолютная власть. Он дал Совету Мудрости власть над всем, полную, абсолютную, тотальную! И этот компьютер сделал из дуглариан новую абсолютно логически мыслящую расу. Путем воспитания, обучения и селективного отбора наиболее одаренных в течение более чем тысячелетия. Как следствие этого, теперь с полной уверенностью можно сказать, что все дуглариане несут в себе черты одной личности — личности самого Совета Мудрости.

— Но зачем? Каким же чудовищем надо быть, чтобы сформировать мышление целой расы по образу и подобию какой-то машины?

— Надо быть монстром весьма своеобразным, — согласно кивнул головой Линго. — Чудовищем, одержимым идеей бессмертия. Мы же говорили, что первоначально компьютер не мог делать больше того, к чему он был приспособлен, ему нужно было поставить задачу, то есть запрограммировать. И вот первый Кор дает ему первые предпосылки. Он вложил в компьютер электронный эквивалент своей личности, свою безумную цель и связал все это законами формальной логики.

— Я не...

— Да поймите же, наконец! — воскликнул Линго, впервые проявив признаки возбуждения и глубокой обеспокоенности. — Компьютер перестал быть просто машиной. Он обрел индивидуальность! Причем обладающую тем же безумием и стремлением к той же цели, что и его «родитель», но с возможностями всей расы в целом и непрерывно растущим в течение столетий техническим и экономическим потенциалом. Сверх того — непогрешимая логика действий и стопроцентная эффективность! И, наконец, чтобы все было тип-топ. Совет сам выбирает своего программиста. Для будущего Кора он находит такую индивидуальность, которая, как снятая с оригинала калька, соответствовала бы менталитету первого Кора, для чего в течение вот уже тысячи лет Совет строит воспитание и образование дугларианской молодежи таким образом, чтобы мышление подрастающего поколения максимально приблизилось к способу и методу мышления первого Кора. Потом ему останется выбрать наиболее совершенную копию. Да, Джей, увы! Империя дуглариан — это бред воспаленного воображения сумасшедшего механизма, но сам этот механизм — суть параноидального существа, его безумного «Я», умершего почти тысячу лет назад.

Палмер, оцепеневший от изумления, с трудом сохранял ясность мысли. Так вот какова истинная сущность их врага! Не народ, не правительство, а лишь один организм, вросший своими щупальцами в эту планету, в этот народ, единственный и бессмертный! Теперь понятно, почему компьютерный Центр на Олимпии-IV всегда проигрывал состязания с ним. Да он ему просто в подметки не годился! Центр определял стратегию Генерального Штаба Конфедерации, в то время как Совет Мудрости является собственно самой Империей, которая управлялась... кем?..

— Что-то я запутался. Так кем же на самом деле управляется Империя?

Линго саркастически улыбнулся и пожал плечами.

— Выбирайте сами, — ответил он. — С одной стороны, первый Кор действительно достиг своей безумной цели и приобрел бессмертие. Компьютер правит Империей. Кор управляет компьютером. Но компьютер взращивает и затем выбирает Кора по собственному усмотрению. А Совет Мудрых, то есть компьютер, несет в себе личность первого Кора, так что Империя управляется Кором? Советом Мудрости? Или призраком дугларианина, умершего тысячу лет тому назад? Что было вначале, яйцо или курица?

— И против этого вы хотите бороться? Шесть человек против одного Организма, представляющего собой целую Империю?

Линго прекратил мерить комнату и взглянул прямо в глаза Джею. Этот взгляд был полон такой решимости, что Патмер догадался об ответе раньше, чем его услышал.

— Да, — ответил Линго шепотом, прозвучавшим для Джея подобно раскатам грома, — да, мы пришли, и мы будем сражаться с этим компьютером. Кором и всей его Империей! Мы будем бороться и победим! Потому что мы обязаны это сделать. Империя дуглариан не имеет права на существование. Это раковая опухоль, грозящая смертью всему живому в Галактике. Она должна быть уничтожена ради любви ко всем остальным живущим и чувствующим существам, наделенным разумом, где бы они ни находились. В честь светлой памяти Мак Дея, ради осуществления старого Обещания, данного от чистого сердца и со всей возможной искренностью, Джей. Мы уничтожим ее. Мы должны это сделать. Мы...

Внезапно послышался едва слышный шорох, и дверь в одной из стен медленно поползла вверх.

И сразу же из громкоговорителя раздался монотонный металлический голос.

— Гады. Войдите в открывшийся коридор немедленно. Кор вас ждет.

Тоннель привел их в огромное прямоугольное помещение, похожее на полутемную пещеру, размером приблизительно сорок пять на девяносто ярдов и высотой в три этажа. Движущаяся лента дорожки несла людей вдоль одной из стен, сквозь живой коридор сотен вооруженных до зубов солдат, неподвижно застывших бок о бок по периметру всего помещения.

Вся дальняя стена комнаты представляла собой лицевую панель гигантского компьютера: тысячи или десятки тысяч вводных устройств, принтеров, экранов, кодирующих систем и других приспособлений обслуживались целой армией техников и программистов. К высоко расположенным над полом участкам вели многочисленные перекидные мостики.

Перед этим огромным комплексом возвышалось нечто, отдаленно напоминающее трон, в цоколе которого размещалось до полудюжины экранов различных размеров и форм. Все это освещалось неверным меняющимся светом вспыхивающих и гаснущих экранов и сигнальных лампочек, что создавало впечатление веселой игры праздничной иллюминации накануне большого праздника или карнавала.

Но это впечатление тотчас же рассеивалось при взгляде на существо, восседающее на «троне» с зажатым, подобно скипетру, микрофоном в руке. Существо, не сводившее взгляда с информационных экранов, являлось старым дугларианином с серой, местами выпавшей, шерстью. И это морщинистое существо было самым могущественным повелителем во всей изученной Галактике — Великий Кор всех дуглариан!

По мере того как движущаяся дорожка приближала их к подножию трона, Палмер все отчетливее ощущал на себе гнетущее ощущение могущества и власти, которые, казалось, волнами расходились от этого старого, сморщенного создания. Это была воля, могущество и дух целой расы, сконцентрированные с помощью гигантского компьютера в одном индивидууме. Эти качества Кора явно бросались в глаза и были понятны даже людям, несмотря на все психическое и физическое различие между обеими расами. Палмер чувствовал, как смелость покидает его. Душевное смятение еще больше усиливалось при мысли о том, каким шутком гороховым он выглядит в своем идиотском опереточном наряде. То, что он видел, являлось самым олицетворением беспредельного Могущества.

Но, взглянув на лица стоящих рядом солариан, Палмер ощутил страх едва ли не больший, чем тот, который внушил ему Кор. Окруженные сотнями солдат, лицом к лицу с самим Кором, этой персонифицированной мощью, Ортега, Макс, Робин и Фран держали себя с таким видом, будто они пользуются специально предоставленным им удобством передвижения, исходя лишь из собственной учтивости, так как удобства эти были весьма примитивны при внимательном их рассмотрении. Лица друзей, спрятанные под черной тканью облегающих комбинезонов тела были почти не видны в темном полумраке огромного зала. Казалось, что над полом плывут лишь их белые лица, словно маски театра с застывшим выражением тонкой презрительной полуулыбки. Они олицетворяли собой загадочную тайну Крепости Сол, распространившуюся по всем уголкам Вселенной с помощью пропаганды конфедератов. Их поза, любой жест выдавали в них хозяев этой Вселенной... И настолько сильной казалась эта иллюзия, что даже Палмер чувствовал себя вполне способным поверить в нее.

Но если все солариане держали себя так, словно они принадлежали к сливкам высшего общества, то Линго олицетворял собой чуть ли не самого Господа Бога! Его сверкающие зеленые глаза полосовали медленно проплывающие мимо лица солдат. И так велика была их сила, что ни один дугларианин не мог выдер-

жать его взгляда, они склоняли голову при его приближении, подобно собакам, готовым лизать сапоги при одном взгляде своего хозяина. Линго остановился, слегка уперев руки в талию, губы кривились в пренебрежительной улыбке, казавшейся вызовом.

Палмер подозревал, что за этим блестящим фасадом нет ничего сверхординарного, но сложно было недооценить блестящее искусства перевоплощения и внушения, с которым все это проделывалось. Надменная ледяная гордость солариан могла быть не более, чем блефом, но так блестяще и смело преподносимым, что он имел все права на существование наряду с истиной.

Перед лицом этой истины Палмер почувствовал в себе гордость человека, усиливающуюся от сознания того, что он, Палмер, был принят в Группу таких невероятных существ, как эти солариане, рожденные на свет древнейшей прародиной всего Человечества, истинным средоточием добра и справедливости.

Он понимал, что, если ему и удастся покинуть эту комнату, то, скорее всего, в виде свежее испеченного трупa. Но столь ужасная перспектива как-то вдруг совсем перестала его волновать, удалясь все дальше и дальше, пока не исчезла совсем, уступив место осознанию значимости надвигающегося исторического момента.

Сейчас им предстоит противостоять самому Кору, Совету Мудрых и всей дугларианской Империи каждой частицей души, каждой искоркой гордости, пылающей в истинно человеческом сердце! И уже одно это было своего рода победой!

Движущаяся транспортная лента поднесла их к самому подножию трона и остановилась.

— Все с трепетом должны склоняться перед волей всеведущего Кора, — раздался старческий дребезжащий голос дугларианина, сидящего на троне.

Сотни солдат, как единый, хорошо смазанный механизм, одновременно преклонили колени. Движением руки Линго подал Палмеру знак последовать их примеру. Скрепя сердце, Палмер неуклюже повиновался.

В зале остались стоять лишь пять неподвижных черных статуй — солариане.

— На колени, гады, — запинаясь, повысил голос старый Кор, — на колени перед могуществом Дуглаари!

Его большие перепончатые уши затрепетали по краям головы, как крылья огромной летучей мыши.

— Знайте, вы находитесь перед Великим Кором всех дуглариан. Знайте также, что посредством Главного Микрофона Импе-

рии, который находится у меня в руке, и Главных Экранов Информации у моих ног, я нахожусь в прямом контакте с самим Советом Мудрости, главным органом правления всей Империи Дуглаари. Мы есть Дуглаар. Узнайте это и преклоните колени.

Линго выступил вперед, и в абсолютной тишине зала холодной звонкой сталью прозвучал его спокойный насмешливый голос:

— Это животные должны становиться на колени перед соларианами и никогда наоборот.

Солдаты, находившиеся ближе всего к людям, вскочили на ноги, наставив на них дула своих термических ружей, готовые стрелять по первому сигналу. Кор остановил их властным движением руки. Другой рукой он сделал знак, повелевающий подняться всем остальным солдатам.

— Не будем опускаться до уровня этих примитивных гадов, не владеющих Великой Логикой мышления, — сказал он своим тихим монотонным голосом. — Я слышал, вы прибыли сюда, чтобы сдаться. Такая информация поступила и в Совет Мудрости, который в связи с этим издал следующее постановление: мы должны принять вашу капитуляцию. Совет Мудрости определил и условия этой капитуляции: все воинские подразделения Конфедерации немедленно прекращают любые враждебные действия против Имперских Сил. Все солнечные системы, занятые в данный момент популяцией человеческих гадов, включая первоначальное гнездо расселения, известное под названием Крепость Сол, должны быть немедленно сданы Имперскому Флоту и заняты его оккупационными частями. Гады, населяющие эти системы, данным постановлением лишаются всех прав и собственности. Размножение гадов запрещается. Запрещается иметь и хранить любые виды оружия. Каждый гад становится собственностью Империи. Таковы условия капитуляции.

Линго звонко рассмеялся, и стены эхом отразили его презрительный смех, который, казалось, заполнил весь этот огромный зал, где никто не смел издать лишнего звука. Потом, внезапно прекратив смех, Линго шумно втянул воздух ртом и плюнул. Плевок пролетел по длинной снижающейся траектории и угодил прямо в цоколь «трона».

Даже существам, не знакомым с человеческой цивилизацией, был понятен смысл столь величайшего оскорбления. Несколько солдат рванулись было вперед, намереваясь, вероятно, схватить преступника, но тут же застыли на месте. Лишь бешеное вращение их глаз выдавало всю силу эмоций, испытываемых ими в дан-

ный момент. Макс Бергстрем глядел на них спокойным взглядом, лишенным всякого выражения, будто углубившись в созерцание чего-то, видимого только ему. Но Палмер хорошо знал, что означает этот спокойный холодный взгляд — солдаты потеряли контроль над своим телом и стали послушными куклами в руках соларианина.

— Боюсь, что вы совершили ошибку, — сказал Линго твердо и уверенно.

— Совет Мудрых никогда не совершает ошибок, — ответил Кор, сопровождая свои слова бешеным трепетанием ушей. — Совет Мудрости — это сама логика. И вся его структура не позволяет совершать неточных расчетов.

Линго вновь рассмеялся. На этот раз иронично и снисходительно, как учитель над учеником, совершившим глупую ошибку.

— Ну, хорошо. Тогда скажем так: Совету Мудрости выдали неполную информацию.

— Если вы хотите сообщить дополнительную информацию, сделайте это, — загремел усиленный динамиками голос дугларианина. — Наш зал напрямую связан с Советом Мудрости. Каждое ваше слово тут же будет закодировано и доведено до сведения Совета.

— Отлично, — улыбнулся Линго. — У вас прекрасно организована служба информации. Примите мои поздравления. Сейчас я сообщу данные, которых вам недостает, чтобы принять действительно верное решение. Эти данные — наши условия капитуляции.

Линго обворожительно улыбнулся и продолжал:

— Вы видите перед собой Полномочного Посла человеческой Конфедерации, — указывая на Палмера, произнес он таким пренебрежительным тоном, будто речь шла не более чем о прибрудной собачонке, затесавшейся в свору чистопородных псов голубой крови. — Вы знаете, они странные создания, даже приятные в некотором роде для тех, кто любит нечто такое, вы понимаете? — Линго доверительно подмигнул Кору, неопределенно повертев в воздухе рукой. — Да... Но они больше не представляют для нас никакого интереса. Мы настолько превзошли их в своем развитии, насколько наши предки превзошли обезьян. Эти примитивные человеческие существа, населяющие миры Конфедерации, теперь принадлежат вам и можете с ними поступать, как вам заблагорассудится. Крепость Сол лишает их своей защиты и покровительства.

До Палмера не сразу дошел смысл тирады Линго. Но по мере

осознания сказанного его безмерное удивление стало трансформироваться во все усиливающийся ужас, ледяными тисками охвативший его сознание, превратив его на какой-то промежуток времени в статую, подобно жене Лота, превращенной Богом за непослушание в соляной столб. «Что же это такое?.. Солариане с ним с самого начала ломали комедию?! А как же клятва о защите?.. Дружба... Помощь... Верность данному слову? Неужели они настолько коварны, что просто воспользовались этими понятиями, чтобы ослепить его, заморочить голову, усыпить бдительность... Бдительность! О, Куровски, как ты был прав! Они грязно и подло обманули его, обвели вокруг пальца, используя в качестве половой тряпки, вышвырнув теперь за ненадобностью!»

Палмер с трудом распрямил онемевшее вдруг тело и взглянул на солариан. Те спокойно стояли с застывшими равнодушными лицами, бесстрастно глядя перед собой и не обращая на Палмера никакого внимания.

— Негодяи, предатели, вы недостойны называть себя людьми!.. — хриплый голос, казалось, раздирал ему гортань, и Джей не сразу понял, что эти слова принадлежат ему. Подняв чугуном налившиеся руки он с недоумением взглянул на них и, продолжая что-то бессвязно выкрикивать, бросился на Линго.

Но едва его руки коснулись шеи Дирка, Джей почувствовал, как собственное тело ускользает из-под его контроля. Он ощутил, как воля Бергстрема «вливается» в его мозг, ломая и круша его собственную волю, опутывает сознание и берет контроль над ним. Как Джей ни сопротивлялся, мысленно делая невероятное усилие, пальцы его рук медленно разжались, сами руки безвольно повисли вдоль туловища, и он понял, что больше не может пошевелить по своему желанию ни единой мышцей, ни одним мускулом.

— Довольно, мой друг, довольно, — небрежно бросил Линго, слегка отодвигаясь от застывшего в неподвижности посланника Конфедерации. — Держите себя в руках. Иначе Максу придется навсегда усмирить вас.

Палмер понял всю бессмысленность своих усилий, — любой на его месте был сразу обречен на проигрыш в неравной борьбе с телепатом. Для него внезапно все потеряло значение. Привычный мир рушился. Солариане встретили его как брата. Он стал для них даже более близок чем брат, по крайней мере, они так утверждали. И впервые, став полноправным членом их Группы, он изведal чувства, дотоле никогда не испытанные им, чувство гордости, привязанности, желание держать свою душу открытой для

всех, необычайная острота эмоций и переполненность ими... И все это было лишь подлым обманом! Жалкая гнусная хитрость, как раз в духе солариан, которая прослеживалась во всех их предшествующих поступках, начиная со знаменитого «Обещания»! Тьфу! Доказательства налицо: солариане были и остаются самыми банальными лицемерами и предателями.

Он почувствовал себя опустошенным. Смелость, жажда борьбы, стремление к победе — все покинуло его. Чего ради? Он был один, и таким одиноким не приходилось еще быть ни одному из человеческих существ. С одной стороны, самый яркий враг человечества, с другой, — наиболее отвратительные предатели за всю историю человечества. На что он мог еще рассчитывать?

И когда ощущение покорности и безысходности полностью завладело им, Палмер почувствовал, что вновь может управлять своим телом, Макс «отпустил» его. А чего ему теперь бояться? «Птичка в клетке, — с горечью подумал Джей. — Он знает, о чем я думаю и что ощущаю. Он знает, что я побежден...»

— Продолжим нашу беседу, прерванную столь грубым и бессмысленным образом, — говорил между тем Линго. — Итак, мы передаем вам власть над содружеством человеческих колоний, имеющих себя Конфедерацией, в полное и безраздельное пользование. Можете делать с ними все, что вам заблагорассудится. Взамен Сол ставит вам всего два условия.

Для убедительности Линго высоко поднял руку с двумя растопыренными в виде буквы V пальцами.

— Первое, — он загнул палец с видом гурмана, предвкушающего давно желаемое блюдо. — Империя дуглариан должна подписать соглашение о том, что на вечные времена переходит под высокое покровительство Крепости Сол. Второе, — Дирк даже зажмурил глаза от удовольствия (вероятно, гурман уже наслаждался блюдом), — в подтверждение пункта первого и с целью демонстрации своей доброй воли и желания сотрудничать Империя передает Крепости Сол четыре тысячи своих боевых кораблей.

Еще не успело замереть эхо его последних слов, как Линго вновь преобразился. Резко выбросив вперед свою правую руку с указующим перстом, нацеленным прямо в лоб Кору, он, казалось, стал еще выше ростом, и голос его загремел, заполняя раскатами грома все воздушное пространство вокруг оглушенных дуглариан.

— Если вы будете настолько глупы и недалекосвидны, что откажетесь от этих более чем великодушных предложений, — голос Линго приобретал все более угрожающий оттенок по мере того, как он говорил, — я должен буду вас предупредить, что в таком

случае ваша Империя не просуществует и десяти лет. Этого срока вполне достаточно для того, чтобы Крепость Сол смогла подготовиться и была в состоянии одна, лишь собственными силами напасть и раздавить Империю как гнилой трухлявый пенёк. Выбор, естественно, остается за вами.

В зале воцарилось гробовое молчание. Кор долгое время оставался неподвижным, приходя в себя от невиданной наглости и фанфаронства собеседника. Подобных ощущений ему наверняка не приходилось испытывать в течение всей своей долгой жизни. Лишь уши императора выдавали, что тот еще жив, совершая совершенно беспорядочные, хаотические движения, говорящие, быть может, о некотором смятении чувств их владельца. Но когда он, наконец, смог заговорить, голос его от этого не стал более выразительным.

— Гад, вы осмеливаетесь предъявлять подобный ультиматум Империи? Вы осмеливаетесь оскорблять Кора, Совет Мудрости и в их лице весь народ, выставляя подобные требования?

Линго небрежно и снисходительно ухмыльнулся и принял еще более непринужденную позу.

— Условия, предъявленные вам, куда более великодушны, чем те, которых вы заслуживаете на самом деле, — сказал он. — Не советую вам испытывать далее наше терпение.

— Вы совсем потеряли рассудок или являетесь полным сумасшедшим, что в вашем языке приблизительно равнозначно. Совет Мудрости просчитал, что полная победа над человеческой Конфедерацией произойдет через семьдесят восемь лет. По истечении этого периода Крепость Сол останется одна и испытает на себе всю мощь Империи...

— Еще задолго до конца этого периода, — копируя Кора, заунывным, монотонным голосом произнес Линго, — Империя Дуглаари перестанет существовать. Через десять лет Крепость Сол, одна, будет способна разнести вас в пыль и пепел. Выслушайте меня внимательно и тогда посмотрим, как воспримет Совет Мудрости те новые данные, которые я согласен вам предоставить. — В настоящее время, то есть сейчас, я особо заостряю на этом ваше внимание: сейчас необходимо не менее восьми тысяч лучших боевых кораблей Империи, чтобы прорвать оборону Крепости. Это непреложный факт, хорошо известный как нам, так и вам, и здесь не нужен компьютер, чтобы понять и оценить его, хватит и ваших собственных мозгов. Но этого количества кораблей достаточно именно сейчас. Сколько их будет нужно через десять лет, не берусь сказать даже я, но, думаю, что всей вашей промышленности

не справиться с этой задачей, даже с учетом того, что вы прекратите терять корабли в схватке с силами Конфедерации, ибо, внимание, я перехожу к самому главному: к концу этого периода Крепость Сол будет обладать столь мощным и разрушительным оружием, которое вам и не снилось.

Линго протянул вперед руку и стал для убедительности загибать пальцы.

— Непроницаемые силовые экраны. Преобразователи, полностью конвертирующие любую материю в энергию, приборы, позволяющие обнаружить и локализовать корабли, находящиеся еще в Статическом Пространстве. Способ превращения любой звезды в Новую на расстоянии во многие парсеки от нее, вместо того, чтобы приближаться к ней так, как сейчас, если пользоваться для этой цели генераторами Статического Поля. Вот несколько наиболее ярких примеров среди множества других, которые утомили бы вас, начни я их перечислять полностью. Надеюсь, это достаточно убедительный перечень, чтобы вы могли согласиться со мной в том, что, если Империя не пойдет на наши условия, ей не продержаться и десяти лет. Если Совет Мудрости сможет найти решение этой проблемы, я желаю ему самой плодотворной работы!

И Линго вновь рассмеялся самым язвительным образом.

Кор молчал. Глядя на его безжизненно повисшие уши, Палмер мог предположить, что тот должен испытывать глубокое потрясение от внезапно обрушившейся на него новости. Но вот старец зашевелился и пролаял что-то высоким скрежещущим голосом по-дуглариански. Техники, до того застывшие как изваяния перед лицевой панелью компьютера, суматошно засуетились у кодирующих приспособлений, вводя новые данные в компьютер. Громадный зал вновь замер в тишине, прерываемой лишь шуршанием обуви техников по полу, когда они спешили от одного вводного устройства к другому, да приглушенным бормотанием и пощелкиванием приборов самого гигантского механизма. Кор оставался в абсолютной неподвижности, не сводя глаз с экранов поступающей и выходящей информации, расположенных перед ним. Хозяин и раб Совета Мудрости.

Прошло довольно много времени, прежде чем Кор наконец зашевелился. На экранах появились первые строчки заключения, выданного компьютером, и император наклонился, впившись в них глазами. Прочитав текст, Кор выпрямился на «троне», и уши его медленно приняли обычное положение и форму. Некоторое время Кор пристально глядел на Линго, словно еще раз желая изучить противника перед решающей схваткой. Его немигающие

красные глаза проверяли на прочность взгляд огромных изумрудных глаз соларианина. Некоторое время длилась немая дуэль. Ни один из противников не уступал. Тогда Кор вновь заговорил:

— Совет Мудрости закончил расчеты и вынес решение, гады, — он медленно обвел взглядом всю группу стоящих перед ним людей. — Это вы плохо считали, гады, в чем я, собственно, и не сомневался. Воля Дуглаари непобедима!

Он немного помолчал, неожиданно для людей покачав головой в таком истинно человеческом стиле, что Палмер от удивления вздрогнул, будто император сожалел о том, что вынужден будет сейчас произнести.

— Совет Мудрости считает, — продолжил он, — что все типы оружия, перечисленные вами, вполне возможны с чисто научной точки зрения. Естественно, для нас трудно сейчас точно установить, в какой стадии разработки находится у вас то или иное оружие и когда оно будет готово. Далес, Совет Мудрости считает, и тут он полностью с вами согласен, что если действительно в течение ближайших десяти лет вы станете обладателями такого оружия, вы сможете победить Империю.

Палмер невольно задержал дыхание. Неужели это сейчас произойдет, и Сол купит себе независимость и свободу ценой жизни остального Человечества? Неужели для этих иуд жизнь миллиардов людей ничто по сравнению с десятью годами, необходимыми им для создания своего сверхоружия?

«Ну уж нет, дудки, — в ярости подумал он, — если нам и суждено будет умереть, то солариане разделят нашу участь!»

Кор еще больше нагнулся вперед, угрожающе нависнув над стоящей у подножия его трона группой людей.

— Однако, — продолжал он, — Совет Мудрости просчитал все возможные варианты и пришел к заключению, что вопреки вашему самонадеянному заверению ни одна из изолированных солнечных систем, включая даже Крепость Сол, в настоящее время не способна сопротивляться одновременной атаке четырех тысяч военных кораблей. Математические расчеты могут быть вам представлены, если вы на том настаиваете.

Линго сделал пренебрежительный жест рукой.

— Тем лучше, — проскрипел старый Кор, и крылья его ушей возбужденно задрожали. — Позвольте напомнить вам, гады, что сейчас Империя Дуглаари имеет на своем вооружении семь тысяч боевых кораблей. Совет Мудрости подсчитал, что трех тысяч будет вполне достаточно, чтобы сдерживать неприятельский Флот на границах Империи столько времени, сколько понадобится ос-

тальным четырем тысячам кораблей, сформированным в единый невиданный в истории Флот, чтобы немедленно атаковать Крепость Сол и подвергнуть ее полному уничтожению. Вашему супериоружию не суждено родиться, гады. Сол не продержится больше десяти недель, может быть, даже меньше. Советом Мудрости уже отданы необходимые распоряжения по концентрации сил и подготовке экспедиционного корпуса в четыре тысячи кораблей. Не пройдет и нескольких месяцев, как Крепость Сол прекратит свое гнусное существование, гады.

Кор бесстрастно осмотрел лица стоящих внизу солариан, переводя взгляд от одного к другому по очереди, никого особо не выделяя. Уши его внезапно скрутились в трубочки и плотно прижались к голове, что, вероятно, указывало на улучшение настроения старого императора.

— Начало этого, давно разрабатываемого плана, воистину будет служить источником незабываемого удовлетворения и станет венцом моей жизни к вящей славе Империи и всех дуглариан, — разразился он вдруг неожиданно цветистой фразой, вновь заставив удивиться Палмера, считавшего дуглариан начисто лишенными каких-либо иных способностей, кроме математики, логики, прикладных наук и так далее, необходимых для чисто прагматического образа жизни. Но, оказывается, старый Кор еще не закончил, и его последние слова заставили Джея задрожать по-настоящему:

— ... и начнем мы осуществлять этот план немедленно с освящения его ритуальной казнью этих пяти солариан и их домашнего животного, Посла человеческой Конфедерации. Гады, час ваш пробил. Вы будете немедленно казнены!

9

Дирк Линго всжливово улыбнулся Кору.

— Это вряд ли, — ответил он. — Если только вы не сгораете от желания умереть вместе с нами. Вы и ваш Совет Мудрости.

— О чем это вы, гад? Совет Мудрости покрывает собой многие квадратные мили. Чтобы его уничтожить, потребовалась бы бомба с огромным термоядерным зарядом.

— Совершенно с вами согласен. Уж не думаете ли вы, что, отправляясь сюда, мы не знали об этом. Макс! — Он сделал жест Бергстрему. Тот кивнул головой и подошел к самому подножию трона.

Подняв лицо к сидящему Кору, Макс устремил на него, казалось бы, полностью лишенный какого бы то ни было выражения, взгляд. И в ту же секунду его губы зашевелились. Высоким монотонным голосом Макс стал произносить какие-то непонятные слова и совершенно не вообразимые для человеческого языка звуковые сочтения. Палмеру приходилось несколько раз слышать образцы дугларианской речи, и теперь он с удивлением узнал в том, что исторгал из себя Макс, язык этих «собак». Приходилось лишь удивляться, как Максуду удалось так долго артикулировать мышцами губ, носоглотки и языка и не вызвать их судороги.

Судя по всему, произношение Макса если и не было идеальным, то, по крайней мере, вполне приемлемым и понятным для дуглариан, так как уши Кора бешено задергались на голове.

— Откуда вы можете знать об этом, гад? Вы что, читаете мои мысли?

Линго снова кивнул головой, и Макс, повернувшись спиной к Кору, неторопливо занял свое прежнее место среди друзей.

— А вы гораздо хитрее, чем кажетесь с виду, — насмешливо заметил Линго, вновь обращаясь к Кору. — Вы совершенно правы: Макс — телепат. Действительно, сейчас он вам продемонстрировал чтение мыслей. Так как вы думали на дуглаари, а Макс, смею вас заверить, совершенно не знает вашего языка, он лишь зарегистрировал и воспроизвел звуки, для него совершенно лишённые смысла. Ни он сам, как, впрочем, и никто из нас, совершенно не поняли того, что он сейчас вам сказал. Но, конечно, с кем-нибудь другим, говорящим по-английски, например с другим телепатом, он может поддерживать настоящую двустороннюю связь на достаточно большом расстоянии.

— Очень интересно, гад. Благодарю за новые сведения о себе и вашей расе. Они будут введены в наши компьютеры до вашей казни. А теперь...

— Еще минутку! — прервал его Линго. — Я подхожу к самому интересному моменту. Если вы запросите дополнительную информацию у Хаарара Кориса, вы, несомненно, узнаете, что перед вами не все члены экипажа. Один из нас остался на борту корабля. Женщина по имени Линда Дортин. Так вот, она — второй телепат нашей группы, и сейчас находится в контакте с Максом, оставаясь в курсе всего, что здесь происходит.

— Ну и что? Что это вам дает, гад? Вы думаете, ей удастся ускользнуть? Что же, пусть попытается! Лазерные пушки астропорта превратят ваш корабль в пар прежде, чем он оторвется от земли и...

— О, у нее нет ни малейшего желания взлетать сейчас, — с той же иронической улыбкой на губах продолжил Линго. — Более того, она терпеливо будет дожидаться нашего возвращения, после чего мы рассчитываем взлететь с планеты, отдав должное вашему удивительному гостеприимству, — он коротко рассмеялся, отвесив легкий насмешливый поклон в сторону Кора. — Думаю, вы будете только счастливы избавиться от нас, и чем раньше, тем лучше. Видите ли, на нашем корабле имеется термоядерный заряд, компактный, но достаточно мощный, чтобы уничтожить Совет Мудрости на всей территории, которую он занимает. Стоит Максу передать ей мой приказ, или, если она узнает, что мы убиты... — Линго медленно поднял правую руку и провел ладонью поперек горла. Жест был достаточно красноречив и интернационален, что-бы дугларианин понял его.

— Вы блефуете! — Кор с бесстрастным выражением на лице откинулся на спинку кресла. — Вы принимаете меня за полного идиота, гад? Неужели вы действительно думаете, что мы позволили бы приблизиться вашей посудине не то, что к планете, а даже к окрестностям всей системы Дугла, не обследовав заранее ваш корабль с целью выявления радиоактивного излучения? Я точно знаю, что на нем нет ни крупинки, способной к излучению каких бы то ни было частиц...

— Как знать, как знать, — лукаво ответил Линго. — И все-таки, будь я на вашем месте, услышав подобное заявление, я не стал бы рисковать понапрасну и проверил все еще раз самым тщательным образом.

— Я вижу, вы готовы пойти на все и заявлять невесть что, лишь бы продлить мгновения вашей гнусной жизни, гад. Не так ли? Ну, ладно! Дабы быть полностью уверенным, я прикажу провести повторное обследование. Но не рассчитывайте на большой выигрыш времени гады! Во всех экипажах, окруживших ваш корабль, имеются детекторы радиоактивного излучения.

Кор пролаял несколько слов на дуглаари в микрофон и установил на экраны табло, расположенные перед ним.

Внезапно спокойствие покинуло его. Широко растопыренные уши поникли, а красные, налитые кровью, глаза бешено завертелись в глазницах. Сжатая в кулак рука грохнула по подлокотнику кресла.

— Чушь какая-то! Этого просто не может быть! Детекторы указывают на сильный источник радиоактивного излучения на вашем корабле, — прорычал он. — Как вам удалось обмануть наши детекторы при посадке? Это невозможно!

— Невозможно для вас, — невозмутимо ответил Динго, — но в этом нет ничего удивительного, вы всего лишь один из дуглариан. Ну ладно, мой мохнатый друг, я думаю, ситуация вполне ясна и не требует дополнительных разъяснений. Предоставьте нам возможность спокойно взлететь, и вы останетесь живы и невредимы, как, впрочем, ваш Совет Мудрости. Убейте нас, и вы умрете тоже. И ко всему, еще на нескольких сотнях квадратных миль, в центре которых мы находимся, все превратится в пыль. Маленький такой бу-у-м! У вас есть выбор!

Рыкающим голосом Кор вновь отдал какой-то приказ техникам, сразу засуетившимся перед панелями компьютеров.

— Я передал ваше предложение Совету Мудрости, — сказал он. — Теперь нам остается дожидаться его решения.

Через несколько минут томительного ожидания Кор оторвал взгляд от экранов и взглянул на людей. Уши его вновь воинственно топорщились на голом черепе.

— Решение принято, — объявил он. — Совет Мудрости изменил свое прежнее постановление. Вы свободны и можете покинуть планету.

— Это очень мудрое решение, — медленно растягивая слова, произнес Линго. Он не сводил внимательного взгляда с лица Кора. — Но, если бы я был на вашем месте, я не останавливался бы на середине пути. А потому не буду столь наивен и не поверю, что вы позволите нам взлететь, чтобы затем не попытаться взорвать наш корабль, как только расстояние до планеты станет достаточно большим, чтобы не причинить ей вреда. Исходя из этого я вынужден вас предупредить. При любом маневре ваших кораблей, которые, безусловно, будут сопровождать нас с момента взлета, предполагающем их враждебные намерения к нам, мне достаточно будет активизировать генератор Статического Поля, и Дугл превратится в Новую.

Уши императора вновь затрепетали от сдерживаемой ярости.

— Очень интересно! Вы считаете себя самыми умными на свете, а нас держите за дураков? Итак, вы догадались о результате ответа Совета Мудрости, но, боюсь, тут вы перехитрили самих себя, потому что слабое звено вашего плана так и бросается в глаза. Скажите-ка мне, что вам помешает включить генератор Статического Поля как только вы покинете поверхность планеты, вне зависимости от того, будете ли вы атакованы или нет, и тем самым уничтожить всю систему Дугла?

— Это повлекло бы за собой наше немедленное самоунич-

тожение, — пожал плечами Линго. — А мы не собираемся погибать.

— Почему же мы должны верить? Вам прекрасно известно, что системы, дублирующие работу того или иного отдела Совета Мудрости, рассредоточены в разных местах Империи и находятся в состоянии консервации. Для того, чтобы их активизировать и запрограммировать, понадобится много времени, что отодвинет дату окончательного уничтожения Крепости Сол на несколько месяцев. Как я могу быть уверен, что вы не решились пожертвовать своими жизнями, чтобы дать своим соплеменникам больше времени для подготовки к обороне против нашего вторжения?

Линго улыбнулся.

— Тут я с вами согласен. Никакой уверенности. Вы можете рассчитывать только на мое слово.

— А почему я должен ему верить? — возразил Кор. — Если только и вы не примете в залог мое слово. Я обещаю, что ваш корабль может спокойно покинуть планетную систему Дугла, но в плотном окружении кораблей нашего флота, вплоть до той точки пространства, где включение вашего генератора Статического Поля станет безопасно для звезды. Флот будет занимать такую позицию, чтобы быть готовым раздавить вас внутри вашего силового поля в течение той минуты, которая необходима для разогревания Генератора. Как вы знаете, уловить волны включенного Статического Поля очень просто, тем более на том коротком расстоянии, на котором будут находиться наши корабли. Поэтому у них окажется достаточно времени для того, чтобы вас уничтожить прежде, чем интенсивность поля возрастет до опасной величины. Но, я даю вам слово, что мы к этому прибегнем лишь в случае угрозы с вашей стороны взорвать себя и нашу звезду.

— А как я должен знать, не собираетесь ли вы уничтожить нас таким способом, не дожидаясь включения нашего генератора?

Уши императора конвульсивно сжались.

— Никак. Вы должны поверить мне на слово.

Линго нахмурил брови. Палмер впервые почувствовал, что соларианин заколебался, прежде чем сделать следующий ход, и это ощущение доставило ему неожиданное удовольствие. Он улыбнулся про себя. Было вполне очевидно, что никто из собеседников не доверяет друг другу. Линго попался в собственную ловушку. Палмер внезапно подумал о том, что он совершает одну ошибку за другой в протекающих переговорах. Кор не поверил в неприступность Крепости Сол, и теперь «собаки» ускорят свои приго-

товления, чтобы обрушить на нее всю ужасающую мощь своего флота. Вот к чему привело высокомерие и хвастовство Линго. Теперь он сам оказался в положении канатоходца, внезапно потерявшего баланс и страшшегося сделать следующий шаг, грозящий ему неминуемым падением.

Палмер почти забыл, что от исхода этих переговоров напрямую зависит, останется он в живых или нет.

— Один момент, Дирк, — в разговор внезапно вмешался Рауль Ортега. — Разрешите мне продолжить за тебя.

Он повернулся к императору.

— Совет Мудрости имеет прямую коммуникацию с этим залом? — спросил он. — Я хотел бы предложить его вниманию несколько довольно сложных расчетов.

— Да, у нас прямая связь, — ответил Кор.

— Отлично. Мы с вами находимся в сложной ситуации. Прежде всего хочу вам напомнить, что мы можем уничтожить Совет Мудрости, если решимся умереть сами. Вы также можете нас уничтожить, если согласитесь умереть и разрушить ваш Совет Мудрости. Но, по-моему, разумнее было бы предположить, что вы хотите остаться в живых и иметь Совет целым и невредимым, так же, как и мы хотели бы сохранить свои жизни. С другой стороны, вы предпочли бы выкинуть нас с планеты, если бы могли иметь гарантии, что мы не спровоцируем возникновение Новой внутри системы Дугл.

— Естественно, — заметил Кор. — Что стоит смерть каких-то семерых людей по сравнению с разрушением Совета Мудрости. Тем более, что Крепости Сол все равно не избежать своей участи, и она в любом случае будет уничтожена.

— Таким образом, — Ортега облизнул кончиком языка пересохшие губы, — перед нами встает вопрос доверия. Мы оба, вы и я, предпочитаем взаимную безопасность взаимному уничтожению. Мы, по крайней мере, очень хотели бы этого. Главное препятствие в том, что вы не можете полагаться на наше обещание не входить досрочно в Статическое Пространство, уничтожая при этом ценной наших жизней систему звезды Дугл. Что касается нас, то ничто не сможет нас убедить, что вы не попытаетесь уничтожить нас силами вашего флота при первой же подвернувшейся возможности.

Другими словами, если флот будет находиться достаточно близко, чтобы уничтожить нас прежде, чем нам удастся проникнуть в Статическое Пространство, мы должны полагаться на ваше слово; если это расстояние будет большим — вы должны довериться нам.

В любой из этих двух ситуаций кто-то из нас находится в более выигрышной позиции.

— Вы абсолютно точно сформулировали дилемму, гад.

— Ага! — воскликнул Ортега. — Но существует еще одна возможная ситуация, способная удовлетворить обе стороны. Ситуация, которая обяжет каждую из сторон доверять друг другу. Я предлагаю следующее: пусть Совет Мудрости рассчитает курс нашего корабля, флота сопровождения и расстояние между ними таким образом, чтобы вашим кораблям для того, чтобы уничтожить нас, понадобилось времени ровно столько, сколько его было бы необходимо для разогревания Генератора Статического Поля на нашем корабле, что немедленно превратит ваше солнце Дугл в Новую. Таким образом у каждой из сторон будет равное количество шансов как на выигрыш, так и на проигрыш: пятьдесят на пятьдесят. Риск, что наш корабль будет уничтожен прежде, чем выйдет в Статическое Пространство, будет равен вашему риску увидеть, как Дугл превращается в Новую, ценой, естественно, наших жизней. Мы проверим, конечно, все расчеты компьютера, чтобы исключить малейшую возможность мошенничества. Поставленные в такие условия, никто из нас не сможет ничего добиться, пытаясь первым нарушить равновесие, так как его шансы достичь успеха были бы абсолютно равны возможности проиграть.

Палмер почувствовал головокружение. Сколько сил было вовлечено в эту отчаянную схватку... Следя за ходом рассуждений Ортеги, он все время чувствовал, что тот что-то упустил, не придал значения какой-то, едва ощутимой, но очень важной детали вопроса... «Нет, с меня достаточно. И так уже голова кругом идет», — подумал Джей.

Судя по всему, так думал не только он. Красные глаза императора покраснели еще больше. Он шумно дышал, с хрипом выталкивая из себя воздух. Огромные уши бешено сотрясали воздух над головой, помогая, вероятно, дыханию и остужая голову одновременно. Как ни трагичен был момент, Палмер едва не рассмеялся, настолько голова старого дугларианина походила в этот момент на огромную нелепую летучую мышь.

Но Кору, в отличие от Палмера, не было необходимости ломать себе голову в поисках противоречий в предложенном Ортегой плане. К его услугам была вся невообразимая мощь гигантского вычислительного центра. Он сделал повелительный жест рукой с зажатым в ней микрофоном в сторону техников, обслуживающих компьютер, и что-то произнес на дуглаари.

Вновь у панелей, куда вводились новые данные для компьютера, закипела лихорадочная деятельность.

Потекли долгие минуты томительного ожидания. В сумрачном зале царила полная тишина, прерываемая лишь пощелкиванием реле и приглушенным гудением, выдававшим работу «Совета Мудрости». Палмер напряженно вглядывался в игру огоньков, пробегающих по панелям гигантского компьютера. Он знал, что от расчетов, которыми был сейчас занят этот электронный монстр, зависит его жизнь или смерть. Но теперь, после вероломного обмана солариан, это уже не имело большого значения для него лично, когда вся человеческая раса была обречена. Какая-то часть его сознания кричала о жажде жизни, но другая желала провала замыслов солариан. И это желание было гораздо сильнее самой жажды жизни. Отмещение является, конечно, слабым утешением, когда оно подразумевает собственную смерть, но это все-таки лучше, чем ничего.

И было еще что-то, чего Ортега не учел в своих рассуждениях. Палмер никак не мог ухватиться за ускользающий кончик предчувствия, которое никак не хотело воплотиться в законченную мысль. Он лишь чувствовал холодок тревоги где-то в районе солнечного сплетения. Впрочем, неважно, каким образом, но он знал, что Ортега упустил какую-то крошечную, но очень важную деталь...

Наконец, когда протекли, казалось, целые столетия ожидания. Кор зашевелился, впившись глазами в ряд чисел, появившихся на экране компьютера. Прошло еще несколько минут. Наконец он поднял голову и взглянул на «послов». Лицо его было спокойно и непроницаемо. Уши ленивыми складками обвисли по бокам головы.

— Совет Мудрости закончил свои расчеты, гад, — произнес император. — Он принимает ваше предложение при условии, что малейшее отклонение от заданного им курса повлечет за собой ваше немедленное уничтожение.

— Согласен, — ответил Ортега, — также при условии, что если один из ваших кораблей постарается незаметно приблизиться к нам, мы тотчас же включим генератор Статического Поля.

— Договорились, гад. Сейчас вы немедленно вернетесь на свой корабль. Стража проведет вас самым коротким путем.

Император вновь прохрипел что-то, и десять стоящих ближе всего к экипажу солдат вышли вперед, окружив людей плотным кольцом. Солариане небрежно повернулись спиной к Кору и спокойно пошли в направлении движущейся дорожки, ведущей прочь из зала. Перед ними встало еще пять солдат, которые возглавили процессию.

К Палмеру тоже подошли двое дуглариан, крепко схватили за руки и заставили встать на колени. Трое других направили на него свои термические ружья.

Линго внезапно остановился и резко развернулся на каблуках. В его огромных глазах мелькнул и пропал зеленый льдистый отблеск.

— Что это значит? — отрывисто спросил он.

— Это означает, что офицер Конфедерации, который сопровождал вас, сейчас будет казнен, — насмешливо ответил Кор. — Ничего больше. Вы можете спокойно возвращаться к себе на корабль.

— Минуточку! — Линго протянул руку к Палмеру, указывая на него пальцем, словно на неодушевленный предмет. — Он пойдет с нами.

— Вы только что заявили, что люди Конфедерации больше не находятся под протекторатом Крепости Сол, — возразил ему Кор. — Следовательно, этот офицер не может больше рассчитывать на вашу защиту. И, как всякий пленник, он будет немедленно казнен.

— Не так быстро. Мы предлагали снять наш протекторат над Конфедерацией при условии, что вы согласитесь с нашими требованиями. Вы их не приняли, поэтому договор теряет силу. Или я вас плохо понял? Значит ли это, что вы согласны теперь отдать нам четыре тысячи кораблей? Если так, то...

— Достаточно, гад! Прекратите! — уши Кора вновь пришли в хаотическое трепыхание. — Вам и так позволили убратся отсюда живыми. Не пытайтесь ставить новые условия. Возвращайтесь на корабль, пока мы не передумали!

— Приказывай своим подчиненным, «собака»! — покраснел от гнева Линго. — Этот офицер пришел сюда в составе общей делегации, и я несу за него такую же ответственность, как и за любого другого члена моего экипажа. Клянусь самой паршивой дворнягой в мире, он уйдет отсюда вместе с нами! Или я немедленно прикажу взорвать бомбу, находящуюся у меня на корабле!

Уши Кора забились еще сильнее, но логика мысли и поступков для дуглариан были превыше всего.

— Ну хорошо, — вздохнул император. — Мы не смеем подвергать опасности наш Совет Мудрости из-за идиотской сложности человеческих поступков. Забирайте своего конфедерата, и убирайтесь прочь!

Палмера рывком поставили на ноги и потащили к движущейся дорожке, к соларианам. По дороге он не удержался и бросил на Линго полный отвращения взгляд. Соларианин спас ему жизнь,

да, но лишь для того, чтобы еще раз продемонстрировать Кору свое превосходство. Странно, но сейчас Палмер испытывал гораздо больше симпатии к «собаке», который хотел его убить, чем к человеку, спасшему ему жизнь.

— Я очень сожалею, Джей, — сказал Дирк Линго, — но сейчас будет работы выше головы и мне не хотелось бы ждать от вас какого-либо импульсивного поступка. Он был бы, впрочем, совершенно бессмысленен и неосуществим, должен вас предупредить.

Палмер в который раз напряг мышцы, пытаясь разорвать путы, приковавшие его к одному из кресел зала контроля корабля солириан. Тщетно. Как и все предшествующие попытки.

— Поберегите свои извинения для себя, грязный предатель! Вам еще придется сожалеть о вещах куда более важных.

Линго щелкам тумблерами, готовясь к взлету. Фран Шаннон уже сидела в своем кресле у экрана контроля. Ортега занимал кресло с другой стороны.

— Вещи и события не всегда выглядят тем, чем они являются на самом деле, Джей, — сказал Линго, приводя в действие большой полусферический экран.

— О, да! Вот тут вы, безусловно, правы! — выкрикнул вне себя Палмер. — По всем внешним признакам вы — люди, достойные гордо называть себя так, покровители, друзья... больше, чем друзья. А я развесил уши, когда вы приняли меня к себе, сделали членом своей Группы. Наслушался ваших рассуждений о благородной миссии Крепости Сол по спасению всего человечества. Чего они стоят! И кем же вы оказались в действительности! Трепачами! Мало того — предателями!

Линго внимательно вглядывался в низко нависшее над ним небо, покрытое толстым слоем серых облаков, и демонстративно игнорировал присутствие Палмера.

— Они должны появиться с минуты на минуту, — прошептал он про себя.

Палмер не унимался:

— Если бы у вас было хоть чуть-чуть соображения, — продолжал он кричать, — вы должны были бы взорвать вашу бомбу, как только вернулись на корабль. По крайней мере, уничтожили бы этот проклятый Совет Мудрости. А теперь вы бежите, трусливо поджав хвост.

— Бомбу? Какую бомбу? — рассмеялся Ортега. Линго и Фран

переглянулись и присоединились к Ортеге. — Разве вы не слышали, что сказал Кор? Невозможно обмануть детекторы радиоактивности и незаметно провезти сюда малейший источник ядерного распада. На корабле нет никакой бомбы.

— Что? Но... ведь детекторы при повторной проверке установили мощный источник излучения...

— Когда же вы научитесь трезво думать? — с досадой воскликнул Линго. — Вспомните: когда мы все были там, во дворце, на корабле оставалась Линда, наш второй телепат. А мозговые волны являются разновидностью электромагнитных колебаний и достаточно мощными, чтобы быть обнаруженными детекторами, настроенными на мельчайшие изменения электромагнитного поля. Если телепаты могут подчинить себе мозг другого существа и заставить его выполнять свои команды, неужели вы думаете, что им будет трудно воздействовать на такие чувствительные инструменты, как детекторы, создав иллюзию появления радиоактивности там, где ее нет на самом деле?

— Вы хотите сказать, что все это было телепатическим трюком? Как и все остальное?

— Вот, вот. Вы точно заметили, Палмер! — ответил Линго. — И бомба явилась таким же трюком, как и все остальное. Как и все остальное.

— Вот они! — воскликнул в этот момент Ортега, протянув руку к низко нависшим тучам.

Военные корабли дуглариан вынырнули из облачного покрова и стали быстро снижаться. Десять... двадцать... пятьдесят... сто. Более двухсот боевых кораблей образовали гигантский зонтик над посадочной площадкой, зависнув в воздухе на высоте около двух миль.

— Корабль солариан — командующему дугларианским флотом... Корабль Крепости Сол — дугларианам... — начал вызывать противника Линго. — Мы готовы к взлету. Направление и скорость — как было договорено.

— Сообщение получено. Взлет разрешен, — раздалось в динамиках.

Линго тронул рукоять управления Силовым Полем. Корабль легко и плавно оторвался от поверхности астропорта и стал медленно набирать высоту. Армада дугларианских кораблей над ним пришла в движение и так же медленно стала уходить вверх, сохраняя между собой и кораблем солариан постоянное расстояние в две тысячи футов. Покинув атмосферу и развив достаточную скорость, флот дуглариан произвел перестроение, приняв форму

огромной вогнутой полусферы, обращенной своей вогнутостью вперед. Корабль солариан занял позицию точно по оси центра сферы, несколько впереди от воображаемой плоскости сечения. Такая позиция обеспечивала ему мгновенный отрыв от флота противника даже при незначительном ускорении. В то же время малейшее замедление скорости полета ставило корабль солариан под немедленный удар силового поля дугларианского флота. Постепенно наращивая ускорение, корабль все дальше и дальше уходил от планеты в сопровождении внушительного эскорта, строго соблюдавшего расстояние.

Глядя на экраны внешнего обзора, Палмер увидел удручающую картину, так знакомую ему по недавним сражениям с неприятелем. Экраны всех направлений, кроме одного, были заполнены изображениями вражеских кораблей. Ему подумалось, что он видит силу в ее самом чистом виде. Силу, сулящую смерть.

«Как бы храбры и ловки ни были солариане, на этот раз нам не выкрутиться», — с горечью подумал он. Его охватило чувство глубокого сожаления. Он вспомнил ощущение дружеской поддержки и товарищества, ту атмосферу полного и безграничного доверия друг к другу, воцарившуюся на корабле во время их полета к Дуглаари. Ему доставило болезненное удовлетворение думать о тех днях, как о канувших в безвременную Лету, мысленно прочесть им эпитафию. Его ощущение сейчас было схоже с тем, что испытывает подросток, внезапно открывший для себя, что его отец, до этого бывший для него образцом верности и непогрешимости во всем, оказался таким же, как и многие другие вокруг него.

Внезапно Джей понял, что уже давно прокручивает в голове последнюю фразу Линго: «... бомба была хитростью, трюком, как и все остальное. Как и остальное.»

Все, что Линго сказал Кору, являлось блефом, ложью или преувеличением; бомба, непобедимость Крепости Сол... Вероятно, и все сверхоружие, о котором он тогда говорил, тоже вряд ли существует!

Учитывая обстоятельства, в которых они находились, их утверждение о наличии такового звучало не более убедительно, чем пропаганда Конфедерации на ту же тему... Но... но тогда почему Линго предупредил Кора об оружии, которое Крепость готова создать в ближайшие годы?

Зачем он хвастал, заявляя, что понадобится не менее восьми тысяч боевых кораблей, чтобы сокрушить всю мощь Крепости Сол, хотя, по логике вещей, было вполне достаточно четырех тысяч, чтобы сделать любое сопротивление бессмысленным?

Как солариане могли хоть на мгновение поверить в то, что Совет Мудрости позволит себя одурачить столь дурацким заявлением? Скорее всего, за всем этим был запрятан какой-то секретный план, который солариане не захотели открыть ему. И уж тем более «собакам»! И, если это не более, чем уловка, быть может, Линго продолжает хитрить, предлагая отдать Конфедерацию в полную власть дуглариан? Впрочем, Кор не клюнул на это предложение... На самом деле, вдруг осознал внезапно Джей, предложение это было высказано в столь вызывающем тоне и такими словами, что конечная цель его была вызвать, скорее, отказ, чем согласие. Да, Линго, без сомнения, рассчитывал именно на такой эффект, и поэтому его предложение было ни чем иным, как очередной хитростью.

Палмер понял, что сейчас, когда их корабль на полной скорости удаляется от Дуглаари, балансируя на том кратчайшем расстоянии, отделявшим его от вражеского Силового Поля, как канатоходец над бездной, он понял, насколько велико его желание вновь довериться соларианам. Без этого доверия весь полет терял смысл, становился безумным, безнадежным предприятием. Пусть они спасут свои жизни или погибнут, но миф о непобедимости Крепости Сол вот уже три столетия поддерживает Конфедерацию в ее борьбе против Империи. И если откроется, что это не более, чем миф и обман, с человечеством будет покончено, и параноидальный кошмар, заключенный в Империю дуглариан, охватит всю Галактику.

Просто погибнуть было само по себе не слишком весело. Но еще больше Палмер боялся погибнуть бесцельно, одиноким и преданным, с ужасным предчувствием, что вскоре его участь разделит все человечество.

Единственной надеждой на то, что каким-то образом можно еще избежать столь жуткого конца, являлась его вера в эту шестерку загадочных существ, которые, если судить по их последним поступкам, были величайшими предателями Человечества за всю историю его существования...

Джей отчаянно пытался заставить себя поверить им и хорошо знал, почему он хочет этого. Но было очень непросто убедить себя в их правоте.

— Не нравится мне все это, — прошептал Ортега, не сводя взгляда с гигантской амобы неприятельского флота.

— Что-то здесь не так. Кор уж чересчур быстро согласился с нашим предложением. Какой смысл, в самом деле, разрешить нам покинуть планету, не добившись для себя ничего сущес-

твенного? Нет, что-то не так. Боюсь, он все-таки в чем-то нас подловит...

— Да будет тебе, Рауль, — отозвался Линго. — Не ломай себе голову. — Надо больше доверять своему таланту. Ты их обвел вокруг пальца, вот и все. Для них более логично дать нам возможность унести ноги и не подвергать опасности Дугл, чем попытаться нас уничтожить, рискуя превратить свое светило в Новую.

— Логичнее всего было бы уничтожить нас без риска потерять Дугл, — ответил Ортега. Чувствовалось, как он взволнован. — Именно под таким углом зрения Совет Мудрости должен был рассматривать эту проблему. Будь я на их месте, я бы прикинул эту возможность и...

— Да, но каким образом? Вот в чем вся соль, Рауль. Смотри, если они постараются нас окружить, у нас есть шанс, пятьдесят на пятьдесят, успеть включить генератор Статического Поля прежде, чем они будут в состоянии раздавить нас своим Силовым Полем. Мы же все рассчитали именно с таким условием, не так ли? Как только мы минуем точку полета, начиная с которой мы сможем войти целыми и невредимыми в Статическое Пространство без риска превратить Дугл в Новую...

Лицо Линго вытянулось. Он побледнел.

— О, нет! — воскликнул Ортега. — Вот оно! Ну, конечно! Как же я мог так ошибаться!? Зачем рисковать, уничтожая нас, пока существует возможность превратить Дугл в Новую? Но почему же, дьявол меня заberi, не попытаться окружить нас, как только минует эта опасность и включение нашего Генератора уже не будет угрожать их солнцу? Готов побиться об заклад, Совет Мудрости уже высчитал ту самую микросекунду полета, когда будет достигнута эта точка траектории! Они начнут окружать нас в тот самый момент, когда почувствуют себя в безопасности. Если маневр им удастся, мы погибнем: если мы их опережим и включим Генератор, они, во всяком случае, ничем не рискуют. Их шансы на успех останутся все теми же — пятьдесят на пятьдесят, но уже без угрозы для их светила и всей системе.

— Черт! И мы ничего не можем изменить? — тихо спросил Линго.

— Неужто лиса попалась в собственную ловушку, а, предатели? — возбужденно спросил Палмер. — Если бы вы, чертовы солариане, сражались бок о бок с нами, вместо того чтобы изолироваться, вы знали бы, что дуглариане — превосходные тактики. Вы знали бы, что они не сделают ни малейшего маневра, пока не просчитают все варианты и не выберут тот, который даст им на-

ибольший перевес. Вот, например, в моем последнем сражении с ними, мы...

«Ну, конечно! — подумал он вдруг. — Конечно, это именно тот способ, который может помочь нам. Солариане, безусловно, блестящие стратеги, но они не сражались вот так, лицом к лицу, уже многие столетия. Иначе они сразу догадались бы об этом. Это же обычная уловка, применяемая кораблями Конфедерации, и не слишком сложная. Просто ее надо чуть-чуть подправить, учитывая данную ситуацию, но...»

Он горько улыбнулся. Если армия Конфедерации чему-то и научилась в этой войне, так это искусству отступления.

— Что происходит, Джей? — спросил Ортега, который повернулся к Палмеру и не сводил внимательного взгляда с его лица.

— Почему бы вам самому не ответить на этот вопрос, стратег игры? — вернул ему вопрос Палмер. — Любой мало-мальски мыслящий командующий Конфедерации знал бы на вашем месте, как поступить. Обычная тактика. Самый банальный из маневров. Быть может, это как раз слишком просто для ваших изворотливых мозгов. Ах, какая жалость!

— Бросьте валять дурака, Джей! — прервал его Линго. — Не забывайте, что и вы находитесь на этом корабле, вам угрожает такая же опасность, как и всем нам. Если вы знаете выход из создавшейся ситуации, то ничего не выигрываете, пряча его от нас!

— Ничего, кроме отщепенца, Линго, — ответил Палмер.

— Лишь сумасшедший может отказаться от жизни ради возможности отомстить. Это лишено всякого смысла. И потом, я не считаю вас сумасшедшим, Джей.

Это был хороший довод. Зачем ему бессмысленная гибель, особенно сейчас, когда не знаешь, повлечет ли она за собой смерть твоих врагов или уничтожит... Друзей.

— О'кей, Линго, — сказал он. — Вы, как всегда, выиграли.

Корабль продолжал мчаться к периферии планетной системы Дугла, преследуемый по пятам неприятельским флотом. Он уже пересек орбиту Дугла-V и, все наращивая скорость, устремился к орбите последней из планет системы — Дуглу-VI, к границе сферы, внутри которой пуск в действие генератора Статического Поля корабля солариан мог превратить светило этой системы в Новую. Для экипажа корабля эта орбита была границей безопасного полета.

— Точное расстояние до орбиты, Фран? — спросил Линго,

нервно следя за стеной вражеских кораблей, неподвижно застывшей на экранах заднего обзора.

— Мы находимся в десяти минутах полета от орбиты Дугла-VI при сохранении постоянной скорости.

— Момент настал, Линго, — произнес Палмер. — Теперь или никогда. Но помните, вы должны делать это очень-очень плавно.

— Вы уверены, что это возможно? Они не могут засечь наш маневр?

— Я ни в чем не уверен, — сухо ответил Джей. — Но, думаю, они вряд ли обратят на это внимание. Я бы сказал, что суммарная масса кораблей их флота превышает массу нашего судна минимум раз в триста. Поэтому наша абсолютная скорость уменьшится всего лишь на треть процента. А если мы растянem это торможение на десять минут, то она не будет превышать одной тридцатой процента. Я не думаю, чтобы они смогли заметить столь незначительное изменение в скорости, а если и заметят, то в течение целой минуты оно будет настолько минимальным, что не вызовет подозрений. То есть сейчас мы поступим как раз обратно тому, чего они опасаются.

— Отлично, Джей, — сказал Линго. — Ставки сделаны, господа!

С тщательно выверенной скоростью Линго начал постепенно уменьшать мощность Силового Поля. Корабль едва заметно сбавлял скорость, и расстояние, отделяющее его от дугларианского флота, чуть-чуть сократилось — едва ли на сотню ярдов. Расстояние, которым можно было пренебречь в сравнении с планетарными масштабами.

Но этого крошечного изменения позиции корабля относительно неприятельского флота было достаточно, чтобы на него стала действовать сила мощного объединенного Силового Поля дугларианских кораблей.

— Есть контакт с их Полем, — объявил Линго. — И, кажется, они ничего не заметили.

— Пока все идет как надо, — заметил Палмер. — Теперь продолжайте уменьшать мощность нашего Поля, очень плавно, потихоньку, но постоянно. Вы должны так рассчитать маневр, чтобы наше Силовое Поле упало до нуля как раз в момент пересечения нами орбиты Дугла-VI.

Невольно напрягшись всем телом, Палмер следил за тем, как Линго осторожно манипулирует на пульте управления кораблем, все больше и больше уменьшая мощность их собственного Силового Поля.

«Все должно получиться, — думал он. — Их масса настолько больше нашей, что они никогда не догадаются, что мы движемся уже не за счет силы собственного поля, а они сами толкают нас своим полем, как поршнем, вперед. И как только мы пересечем орбиту Дугла-VI...»

— Мощностъ — восемьдесят процентов от исходной, — объявил Линго. — Семьдесят... шестьдесят... тридцать... двадцать... десять... — Он снял руку с пульта и облегченно перевел дух.

— Получилось! Наше Силовое Поле на нуле, и теперь они сами несут нас на себе. И думаю, они этого не подозревают.

— Отлично. Теперь все зависит от хронометража, — заметил Палмер. — Вы должны включить Поле на максимум мощности за десять секунд до того, как мы пересечем внешнюю орбиту, и перейти в Статическое Пространство ровно через десять секунд после этого. Если вы включите генератор Статического Поля слишком рано — все пропало! А если опоздаете, «собаки», с их более мощным Силовым Полем, смогут догнать корабль несмотря на наше добавочное ускорение и окружить. Все зависит от точности хронометража. И от внезапности маневра.

— О хронометраже можете не беспокоиться, — ответил Линго, — будем надеяться, что наш маневр застигнет их врасплох. В противном случае...

— Даже не думай об этом! — вступил в разговор Ортега.

— Фран, — сказал Линго, — я хочу, чтобы ты дала мне два отсчета времени от десяти до нуля. Первый, обратный, в десяти секундах от орбиты Дугла-VI, второй, как только мы начнем двигаться собственным ходом.

— Поняла, Дирк.

Снаружи ничего не менялось. Строй «конвоя» соблюдал прежнее построение.

«Мы готовы к выполнению маневра, — подумал Палмер. — Но мы здесь не одни. Хотел бы я знать, о чем сейчас думает командующий дуглариан...»

— Мы почти у цели, Дирк, — сказала в этот момент Фран, прервав ход мыслей Джея. — Двадцать секунд до нужной нам точки... пятнадцать... десять!

Линго положил правую руку на рычаг управления Силовым Полем. Указательный палец его левой руки навис над кнопкой включения Генератора Статического Поля.

— Девять, восемь... пять... четыре... три... два... включай!

Линго резко рванул рычаг на себя. Силовое Поле включилось на полную мощность.

До этого момента корабль солариан несясь в пространстве с той же скоростью, что и дугларианский флот, толкаемый вперед его суммарным Силовым Полем. Теперь собственное внезапно включенное Силовое Поле придало его скорости дополнительный мощный толчок, способный разогнать корабль почти до скорости света. Специальные поля гасили инерцию внезапных ускорений и торможений, без чего ни одно живое существо не смогло бы остаться в живых внутри корабля.

Как пущенный из пращи камень, корабль солариан рванулся вперед в немыслимом ускорении, мгновенно оторвавшись от Силового Поля дуглариан. Фран Шаннон начала новый отсчет времени.

— Один... два... три... четыре... Палмер не отрывал взгляда от вогнутой поверхности дугларианского постросния, быстро уменьшающейся в размерах на экранах заднего обзора. Но вот сфера, сотканная из множества точек, вздрогнула... и перестала уменьшаться!

Командующий дуглариан пришел в себя от неожиданного маневра солариан. Его флот начал ускорение. Но Палмер надеялся, что их неожиданный бросок вперед все же дал им достаточно времени, прежде чем неприятель сможет догнать их...

— шесть... семь... восемь...

«Собаки» стали медленно приближаться. Благодаря огромной суммарной мощности их Силового Поля военные корабли противника могли развить гораздо большее ускорение, чем одиночный корабль солариан. Выигранное расстояние сокращалось.

— девять... десять... время!

Линго левой рукой нажал на кнопку. Нескончаемая минута начала перебирать четки своих шестидесяти секунд, пока разогревался Генератор Статического Поля. Тем временем дугларианский флот, как гигантская амеба, все ближе и ближе протягивал свои щупальца, стремясь заключить корабль солариан в смертельные объятия.

Секунда... еще секунда... и все вдруг прекратилось. Вражеские корабли, Дугл и остальные звезды небесной сферы внезапно исчезли за Мальстремом цветов и красок: корабль нырнул в Статическое Пространство.

Линго шумно перевел дыхание.

— Наконец! А теперь — в путь! — с облегчением сказал он.

— В путь — куда? — едко спросил Палмер.

— А куда бы вы хотели, Джей? К Крепости Сол, конечно!

10

Переведя полет корабля в автоматический режим, Линго встал из-за пульта управления и подошел к привязанному в кресле Палмеру.

— Я хочу вас поблагодарить, Джей, — сказал он. — Мы обязаны вам жизнью.

— Мне не нужны ваши благодарности, Линго, — отрывисто произнес Джей. — Я спас этот корабль по единственной причине — мне не повезло, что я тоже оказался на его борту. Как вы правильно заметили, самоубийство — глупая штука. Но что касается вас, предатели, вы можете катиться...

— Не будем уточнять, куда, — улыбнулся Дирк. — Мы все равно остаемся вашими друзьями. Впереди у нас долгий путь, и хотелось бы, чтобы он стал приятным для всех. Джей, не расценивайте нас как заклятых врагов. Мы ждем вашего возвращения в Группу, где вы бы смогли вновь обрести душевный покой.

— Ну да, конечно, и в доказательство вашего хорошего ко мне расположения вы продолжите держать меня связанным в этом чертовом кресле. Я тронут до глубины души!

— Но вы же понимаете, что мы привязали вас с единственной целью. В тот момент было не до объяснений — корабль находился в опасности, — терпеливо объяснял Дирк. — У вас нет ни оружия, ни возможности бежать с корабля. Если вы дадите слово вести себя спокойно, я тотчас же вас развяжу.

Палмер попытался пожать плечами насколько это позволяли путы на руках.

— О'кей, — сказал он, — валяйте. Естественно, я не могу оставаться спеленатым, словно тюк с бельем, все путешествие к вашей Крепости. С моей стороны не будет ни одного угрожающего жеста, обещаю. Но прошу вас избавить меня от своих объятий.

— Как хотите, — ответил Линго, развязывая узлы веревки. — У вас будет еще достаточно времени, чтобы привести нервы в порядок.

Палмер встал и сделал несколько неуверенных шагов, растирая руки и массируя мышцы ног, пытаясь восстановить кровообращение. Затем он решительно повернулся спиной к Линго и пошел к двери, ведущей из рубки.

— Куда вы, Джей?

— К себе в каюту, если вы не имеете ничего против. Мне все время чудится здесь неприятный запах. Как сказал бы наш общий

друг Корис: «Я уже чувствую в себе некоторое неприятное возмущение пищеварительного тракта».

Несколько часов Палмер валялся на койке в своей каюте, уставясь взглядом на противоположную стену и предаваясь мрачным размышлениям. Путь до Крепости Сол продлится несколько недель, и он чувствовал, что для него эти недели будут равносильны годам.

«Неделя в этом гнезде предателей, — с горечью подумал Джей, — для меня все равно что тысяча лет. А я-то хорош! Почему не предоставил возможности дугларианам раздавить этот вонючий корабль как грецкий орех? Все кончилось бы в одну минуту. А я лишь продлил агонию.»

Чего он, в конце концов, достиг, спасая корабль и собственную жизнь? Несколько недель здесь, запертый в одном корабле с этими негодяями; еще несколько недель на Земле, а потом — спускающиеся с небес «собаки», крушащие все на своем пути. И пра-родина Человека канет в вечность.

«Может ли мне понравиться такой спектакль? — спрашивал он себя с горьким недоумением. — Безучастно смотреть, как гибнет колыбель человечества?»

Джей прискрасно осознавал, что если и была в этом какая-то часть мстительного удовлетворения, то слишком мизерная, ибо не понять, что смерть Земли означает гибель всей человеческой цивилизации просто невозможно.

В течение трех столетий миф о Крепости Сол поддерживал Конфедерацию в ее бесчисленных поражениях, поддерживал, несмотря на предсказания компьютеров об окончательном поражении в течение ближайших ста лет. Везде, на всех планетах. Крепость Сол олицетворяла собой надежду людей и поддерживала в них решимость сражаться до конца. Это был последний Бастион, Скала Веков, Цитадель Всего Человечества.

И вот теперь оказывалось, что Крепость — не что иное, как новые ложь и обман.

Вновь тяжелое ощущение одиночества завладело им. Он находился один на один с правдой, которую разум отказывался принимать, как невероятна она ни казалась. Джей чувствовал, что гибнет последнее Божество человека, и, как любое из предшествующих, это тоже рождено страхом отчаявшегося разума, его безнадежной попыткой убежать от угрожающей действительности неминуемого конца.

Разумом Джей понимал, что с точки зрения биологического вида человечество, как раса, должно иметь свои моменты рождения, расцвета, угасания и, в конце концов, вероятно исчезнет в

глубинах мироздания, превратившись в нечто иное на своем пути развития или ассимилировавшись с какой-то другой, более молодой и сильной расой. Такой исход неизбежен, но он не пугал своей неотвратимостью и горечью, это был естественный конец, а не тот Армагеддон, который уготовлен Человеку расой «собак».

Палмер постарался представить себе огромное инертное пространство Галактики, сквозь которое мчался их корабль. Миллиарды звезд, миллионы обитаемых планет, разделяющая их бездонная пропасть ледяного ничто, управляемые железной рукой законов материи, физики и пространства.

Чем перед лицом всей этой безбрежности являлся человек, его жизнь? Досадным отклонением, незначительным пороком в огромном океане мертвой материи? По масштабам Галактики элемент наличия жизни был статистически ускользаемым, им можно было бы пренебречь. Что такое объем всей биомассы Галактики с момента ее возникновения вообще до настоящего времени. Собранная вместе, она не превзошла бы размерами звезду-карлика, пылинку в бесконечности. А разум представлял собой лишь одну миллиардную часть всей жизни во Вселенной.

И этот атом разума организовывал Вселенную, преобразовывал ее, придавал смысл безжизненным скалам и камням, слепым пылающим облакам газа и пыли.

И этот атом разума карабкался изо всех сил, цепляясь за каждый час своего существования, которому он мог принести в жертву все, ради еще нескольких месяцев своей жизни.

Вот в чем заключалось преступление Крепости Сол.

Дирк Линго совершил невозможное — он изобрел новый грех. Он согрешил не против человека или Бога, нет, он согрешил против самой жизни. Вселенная, в конце концов, это всего лишь огромное поле битвы, где жизнь воевала со смертью, где разум, совесть и способность чувствовать бились за выживание, за право находиться в бесконечном океане небытия. Итак, Крепость Сол переходила к врагу. Более великого предательства невозможно себе представить. Империя Дуглаари не стояла на стороне жизни, она была агентом небытия, провозвестником самой смерти.

Вплоть до этого дня Палмер не понимал истинной сути врага, борьбе с которым он посвятил всю жизнь. Империя была самым воплощением безумия. Ее целью и смыслом существования являлись не стремление увеличить территорию или нагнать побольше, не желание создавать новые миры, оплодотворенные разумной жизнью. Нет. Единственная цель Дуглаари — смерть, уничтожение любых проблесков разумной жизни. Но в чем будет заключаться смысл жизни дугла-

риан, когда они достигнут своей маниакальной цели? Не заставит ли эта сверхзадача исчезнуть тогда и сам Совет Мудрости, а всех дугляриан — последовать вслед за компьютером в объятия небытия?

Так что же? Гигантский, невообразимых размеров суицид целой расы? И Вселенная останется пустой, девственно чистой от проблесков разума? Нигде ничего, кроме облаков, сверкающего межзвездного газа, насквозь промерзших или раскаленных скал и сотни триллионов кубических миль... пустота?

Палмер ошалело помотал головой. Нет, так действительно можно тронуться... Воды этого океана были слишком глубоки, чтобы рисковать, исследуя их в одиночку...

Внезапно он понял, что, несмотря на все свое отвращение и ненависть, испытываемые им сейчас к соларианам, ему рано или поздно придется все же установить с ними если не мир, то хотя бы временное перемирие. Мысль умереть вот так, в одиночку, лишенным какого-либо контакта с людьми, была не просто ужасной, она стала невыносимой.

Да, солариане повели себя как последние негодяи, став самыми гнусными из предателей в истории Человечества, но они же люди. Поэтому, несмотря на всю мерзость и гадость, на всю ненависть, разделяющую их, они вполне могли стать последними человеческими существами, которые останутся с ним до последнего момента его жизни.

В дверь постучали.

— А пошли вы...

Тогда постучали настойчивее.

— Уходите. Идите к черту!

Джей понимал, что позже ему придется взглянуть им в глаза, но не сейчас. Не сейчас, когда ярость и гнев переполняют его, когда он хочет остаться один с горячим пеплом рухнувшей Вселенной, один со своими слезами, оплакивая себя. Землю и все Человечество!

— Это я, — послышался из-за двери голос Робин.

Ну да, конечно, кто же еще, Человек, которого бы он хотел видеть меньше всего на свете, которого больше всего ненавидел, за исключением, пожалуй, лишь Линго, и единственного, кого он не мог просто так взять и послать к черту.

— Ладно, входите, — проворчал он.

Робин ногой открыла дверь и осталась стоять в проеме, смотря на Палмера с непереносимым состраданием и держа по наполненному бокалу в каждой руке.

— Рауль приготовил для нас парочку «Суперновых», — мягко про-

изнесла она, присаживаясь на край кровати рядом с Палмером. — Выпейте, сразу станет гораздо лучше, — и она протянула ему бокал, наполненный голубой прозрачной жидкостью.

— Откуда я знаю, может быть, это яд, — все так же недовольно пробурчал Джей, недоверчиво глядя на жидкость, в глубине которой при встряхивании изредка возникали как бы жемчужные искорки света.

— Не будьте ребенком. Джей, — Робин была терпелива. — Не считаете же вы на самом деле, что, если бы мы хотели вас убить, то прибегли бы к подобной хитрости. Проще было все сделать руками дуглариан. Вот бы уж кто порадовался. Ну, ладно, не упрямитесь, — она вновь обворожительно улыбнулась.

— Единственное, что я понял, — мне никогда не понять логики вашего мышления, — удрученно произнес Палмер.

— Джей, хотите один маленький тост? Очень, очень старый земной тост, не знаю, известен ли он вам: «Если яд есть в твоём вине, пусть моя жизнь будет платой за твою».

Продолжая улыбаться, она взяла стакан из рук Палмера и залпом выпила его. Джей почувствовал себя неуютно. Он был тронут очевидной заботой о нем. Не говоря ни слова, он взял второй бокал и тоже опустошил его.

Помня об эффекте, произведенном на него «Девятью планетами», он приготовился ко всему. Ко всему, но не к тому, что почувствовал.

Первое впечатление было, что жидкость абсолютно безвкусна. Будто он выпил стакан чистой холодной воды. Он ощущал, как влага, не оставляя никакого вкуса, скользит по его пищеводу. Секунды три ничего не происходило. Потом родилось странное ощущение, будто какая-то часть его самого начала впитываться в эту жидкость вместо ожидаемого им ощущения ее проникновения в кровяное русло. Его эмоции, его ненависть, гнев, страх, казалось, вдруг отделились от него и сконденсировались в некое подобие шара, образовавшегося где-то в самом центре желудка. Шар увеличивался в объеме, набухал, делался все плотнее. Чувствовать его тяжесть и давление становилось все труднее и труднее.

Сознание же Палмера стало вдруг ясным и чистым, как никогда. Он почувствовал невообразимое спокойствие. Все расслабилось в нем, все, натянутые до предела, струночки нервов. Бесстрастным, почти безучастным взглядом он вдруг смог увидеть себя со стороны, оценить с полной объективностью свои недавние мысли и поступки, которые с необычной яркостью и быстротой всплывали из сознания. С отстраненностью постороннего че-

ловека он как бы издали наблюдал за маленьким солнцем, разгорающимся в основании его грудины: оно состояло из клубка выделенных в чистом виде эмоций.

Наблюдая, как они кипят в этом месиве, свиваются в жгуты, переливаются всеми цветами радуги в сияющем горниле маленькой сверкающей сферы, Джей, казалось, присутствовал на каком-то странном и гротескном спектакле, который не имел к нему ни малейшего отношения.

Затем шар взорвался.

Во время последующей за взрывом ужасной минуты, за долгие мгновения головокружения и тошноты он почувствовал сильнейший взрыв его собственной ненависти, пронзившей все существо. Они прошли сквозь него, как лучи радиации проходят сквозь тонкий листок бумаги. Прошли, рассеялись... и исчезли. Без следа.

И он почувствовал себя очищенным огнем этого взрыва, чистым, спокойным, открытым всему миру. Эта ненависть не была составной частью его сути. Она являлась результатом столкновения с внешними факторами, которые ему не удалось преодолеть или победить. И когда ненависть взорвалась в нем фейерверком очищающего огня, она уничтожила этим саму себя, вернув Палмера в привычное, естественное для него состояние. Он вновь обрел самого себя.

Чистый серебристый звук вернул Джея к реальности окружающего мира. Это смеялась Робин.

— Теперь вы понимаете, почему коктейль называется «Суперновая»?

Палмер смотрел на Робин взглядом, полным спокойствия и умиротворенности, он больше не видел в ней своего врага, предателя, но ощущал лишь женщину, молодую очаровательную женщину. Ведь ей тоже пришлось испытать на себе действие этих чудовищных сил. И кто знает, как глубоко они смогли поразить ее. Поэтому кем бы она ни была, что бы она ни сделала, она и остальные солариане, несмотря на свое преступление, тоже стали в каком-то смысле жертвами. Преступник и жертва в одном теле, свет и мрак в одном и том же сознании — в этом весь человек, испокон веков.

— Подозреваю, я вел себя несколько мелодраматично, — смущенно сказал Палмер.

— Не более, чем мы, — успокоила его Робин. — Вся разница заключалась лишь в том, что мы делали это с вполне определенной целью. Но во многом исход как раз зависел от вас, от того, что вы будете действовать именно так, как вы и поступили.

— Этот напиток, должно быть, слишком силен для меня. Я что-то никак не могу вас понять.

— Нет, Джей. Вы не пьяны. «Суперновая» не пьянит. Она просто заставляет увидеть и оценить собственные эмоции как бы со стороны, с точки зрения чистого разума. Она дает возможность выделить и сконцентрировать их, ослабить напряженность, если в этом есть необходимость, а то и избавиться от тех, что мешают, по крайней мере, на некоторое время. Очень полезный напиток, особенно в критических ситуациях, когда необходимо иметь особенно ясное сознание, не обремененное влиянием эмоций.

— Если я не пьян, то что вы хотите сказать, утверждая, будто намеревались сделать то, что сделали, с целью заставить меня выполнить то, что сделал я? Боюсь, для меня эти слова значат лишь то, что вы ими маскируете какой-то новый подвох. Или нет?

— Кажется, теперь вы готовы услышать правду. По крайней мере, ее часть.

— Вот, вот! Это все, на что я здесь имею право, — с обидой сказал Джей. — Маленькие островки истины и материи лжи.

Робин покачала головой.

— Я вижу, что эффект коктейля начинает рассеиваться, — сказала она. — Жаль, что он не столь длителен как хотелось бы. Сделайте маленькое усилие и вспомните, как хорошо вы почувствовали себя, когда эмоции не мутили ваш разум.

Действительно, Палмер и сам уже заметил, что ощущение им собственного сознания стало меняться. Оно уже не было таким кристально холодным и ясным, таким отстраненным, как в первые минуты после того, как он выпил коктейль. Он узнал ставшую уже привычной для него смесь внутреннего смятения, гнева и ненависти, они все отчетливее давали о себе знать.

И все-таки сейчас он ощущал их по-другому. Джей понял и почувствовал, что каждую складывающуюся ситуацию можно рассматривать под двумя углами зрения: эмоционально и спокойно, контролируя себя. Он научился абстрагироваться от лишних эмоций. И теперь, хотя эмоции все быстрее и быстрее возвращались к нему, он знал, что приобретенные сейчас знание и умение останутся с ним навсегда, до самой смерти.

— Сознаться, вы все это время играли мной. С первой минуты моего пребывания здесь, на корабле, вы управляли моими мыслями и поступками. Зачем? Чего вы добивались?

Робин глубоко вздохнула. И лицо, и вся она как-то сразу расслабились, будто с плеч наконец-то сняли невидимый тяжелый груз.

— Да... — прошептала она. — В какой-то мере мы вас... изме-

нили. К вашей же пользе. Вспомните, каким вы были в самом начале, прежде, чем встретились с нами, и сравните с теперешним. Оцените сами эти изменения и ответьте, довольны вы или нет?

Джей вспомнил... и недели показались ему годами. Лишь теперь, оглядываясь назад, он смог в полной мере оценить, насколько расширилось его видение мира, он стал значительно опытнее, развил знания о новых взаимоотношениях между людьми. За эти несколько недель он столькому научился, так внутренне созрел и закалился, как не смог этого сделать и за последние десять лет службы во Флоте.

Он чувствовал себя старше и мудрее лет на десять, не меньше. Не уставшим, а более зрелым.

Несмотря на чин генерала, присвоенный ему накануне отлета солариан, Джей пересек порог их корабля все тем же командующим флотом. Теперь же он знал относительно дуглариан, войны, человеческого сознания и Крепости Сол столько, сколько и не снилось даже Великому Маршалу. Звание генерала теперь не было для него пустым, лишенным смысла и значения, звуком. Джей чувствовал, что теперь он носит его по праву.

Перемены существенны. В этом не было никаких сомнений. И эти изменения ему нравились.

— Вы удивились, оглянувшись назад, да? — спросила Робин. — Вы действительно стали лучше, Джей. И я не удивлюсь, если вы вскоре станете Главнокомандующим всех сил Конфедерации. Вы вполне компетентны для этого и даже больше, чем кто бы то ни был. Да и вы сами чувствуете свое соответствие этому званию. Скорее даже этот пост будет маловат для вас.

— Смеетесь? И даже если так, то что это меняет? Война проиграна, — резко сказал он. — Земля вот-вот будет уничтожена. И, когда Конфедерация узнает об этом, всякая воля к сопротивлению тут же рухнет. Это результат ваших трудов.

— Вы просто еще не все знаете, Джей. Поэтому не надо отчаиваться раньше времени. Думаю, что теперь вы подготовлены к тому, чтобы узнать все, или большую часть того, что осталось вам узнать. Сейчас вы должны поговорить с Дирком. Он ждет вас и хочет принести свои извинения.

— Извинения? Разве можно извинить предательство? — Она пожала плечами.

— Идите в рубку управления и будьте самим собой, — пожелала Робин, выпроваживая Палмера из каюты.

В рубке никого кроме Линго не было. Сидя в пилотском кресле,

он с рассеянным видом следил за сполохами Статического Пространства, игравшими на большом обзорном экране.

— Присаживайтесь, Джей, — указал он на соседнее кресло, — и устраивайтесь поудобнее.

Палмер сел.

— Робин утверждает, что вы собираетесь извиниться передо мной, — лишенным выражения голосом сказал он. — Думаю, вам лучше известно, куда вы их можете послать. Нет, как можете вы оправдать и простить себе такую глупость — попытаться продать всю человеческую расу!

Линго хрипло рассмеялся:

— То, что вы обвиняете меня в предательстве, я могу понять, но что касается моей глупости, извините! Этим вы даже немного обижаете меня.

— Довольно, Линго, — резко прервал его Палмер, — хватит валять дурака! Вы сами отлично понимаете, что проболтались. Я могу понять то, что вы пытались сделать, даже если меня тошнит от этого. Блефовать перед дугларианами, только чтобы они оставили в покое Крепость Сол, даже если для этого нужно предать всех остальных людей Конфедерации! И тогда у вас хватит времени, чтобы создать ваше супероружие. Да, но какой ценой?.. Вас это совершенно не трогает! Главное, что вы, солариан, будете существовать... Но, кажется, вы перехитрили самих себя, нет? Ведь получается, что сейчас у вас не будет времени для сооружения этого оружия. Дуглариане не поверили и вот-вот нападут на вас.

Но, едва закончив свою гневную и патетическую тираду, Палмер понял, что его слова ушли как вода в песок. В который раз Линго ставил его в положение человека, грозящего палкой воробьям.

Повернувшись лицом к Палмеру, он продемонстрировал самую лучезарную из своих улыбок с растянутым в смехе от уха до уха ртом. Не в силах сдержать обуревавшие его чувства, Джей несколько раз ударил ладонью по подлокотнику кресла.

— Так вы тоже поверили! — ликующе воскликнул Линго, перестав задыхаться от смеха. — Дирк, прими мои поздравления! — он пожал сам себе руку. — А теперь, постарайтесь припомнить, Джей. Все то супероружие, которое я перечислял там, перед Кором, оно ничего вам не напомнило? Не похоже ли все это на те слухи, которые распространяла пропаганда Конфедерации под разным соусом, подавая их то в одном, то в другом уголке Галактики? Клянусь, я не придумал ничего нового. Все сказанное мной взято из ваших же текстов. Все эти басни. Конечно, это являлось

ложью от первого до последнего слова. Никто не в состоянии будет и через века произвести на свет что-нибудь из того списка, что я перечислил. Позвольте мне сказать вам одну вещь, Джей, которая немного удивит вас. Для того, чтобы сокрушить защитную систему Крепости Сол, в данный момент хватит всего четырех сотен дугларианских кораблей. Что же говорить о четырех тысячах?

— Как? — у Палмера от неожиданности вытянулось лицо. — Ведь вы же сами... Так что же вы сместесь, какого черта?! Значит, вы блефовали с единственной целью — заставить дуглариан думать, будто Крепость Сол еще довольно крепкий орешек? Но в результате вы перестарались, и теперь Совет Мудрых направит к Земле флот в десять раз превышающий тот, которого будет вполне достаточно, чтобы развеять ее обломки по Вселенной. Чего же вы добились?

Линго отрицательно покачал головой, иронично поблескивая своими зелеными глазами.

— Ах, Джей, Джей! Ведь вы способны к большему. Почему вы видите только то, что лежит на поверхности? Не спешите делать выводы. Кстати, вы слышали когда-нибудь сказку про Братца Кролика?

— Про кого?

— Про Кролика. Была такая старинная сказка на нашей старушке-Земле. Этот Братец Кролик отличался необыкновенной хитростью и ловкостью, чем и пользовался в затруднительных ситуациях. Да, надо сказать, что жил этот Кролик в густом колючем кустарнике. В один прекрасный день к своему большому несчастью Братец Кролик повстречался с Братцем Лисом и не смог удрать от него. Братец Лис решил сначала поугаять Братца Кролика и стал перечислять ему длинный список ужасных мучений, которым он собирался подвергнуть свою жертву. Но вместо ожидаемой реакции страха и отчаяния бедный Братец Лис услышал, как Братец Кролик благодарит его за бесконечную жалость и милосердие. Что такое? Братец Лис спрашивает, почему Братец Кролик благодарит его за то, что он пообещал живьем освежевать его и сварить в кипящем масле, на что наш герой ответил: «Вы сказали, что всего лишь сварите живьем в масле, сдерете с меня шкуру и съедите. Ну, конечно же. Братец Лис! Как мне после этого не благодарить вас за столь безмерное великодушие! Ведь вы же не собираетесь швырнуть меня в тот ужасный кустарник с такими длинными острыми иголками!»

— Ну и что? Какое это имеет отношение...

— Ну, ты дашь, старина! — вздохнул Линго, сокрушенно ударив себя кулаком по колену. — Ты что, не в состоянии догадаться, что Братец Лис сделал после этих слов? Он, конечно же, швырнул Братца Кролика в самый густой куст. Именно туда, куда и мечтал вернуться наш Братец Кролик с первой минуты своего плена.

Палмер сидел, забыв закрыть рот.

— Вы хотите сказать?..

— Вот именно, и ничего иного! — Линго победно улыбнулся. — С самого начала до конца. Все происходило точь-в-точь с наметленным планом.

Он вздохнул, сморщил лоб, и тихо сказал уже совершенно серьезно:

— Вот только за это я и хотел попросить у вас прощения, Джей. Но только за это. Мы использовали вас. Вы тоже были частью общего плана. Вы никогда не спрашивали себя, а зачем нам, собственно, так называемый Посол Конфедерации? Ведь, в конце концов, если бы речь шла всего-навсего о хитрости, как мы сказали об этом вашему маршалу, чтобы с ее помощью добраться до живого Кора, мы могли бы использовать в качестве липового посла любого из нас, не так ли?

— Но это не было хитростью! Вы действительно рассчитывали откупиться от Кора Конфедерацией, поэтому вам и нужен был посол.

— Бросьте ребячиться, Джей, — жестко сказал Линго, — вы и сами уже перестали так думать. Вы можете себе представить хоть на мгновение, что Конфедерация ратифицирует капитуляцию, на каких бы льготных условиях она ни была вами заключена? Конечно же, нет, ни за какое золото в мире! И вы считали нас настолько недалекими, чтобы поверить в то, что вы первым будете согласны сдать в плен этим «собакам»? Нет, Джей. Нам нужны были только вы, чтобы действовать именно так. Как вы и действовали.

— Что? Вам нужен был кто-то, кто попытается вас убить?

— Вот именно. Это, и только это сделало весь план живым. Мы должны были быть уверены, что «собаки» поверят в наше намерение сдать им Конфедерацию. А единственный способ убедить их в этом состоял в том, чтобы и вас заставить поверить в нашу измену, вызвав у вас соответствующую реакцию. Что вы так прекрасно и продемонстрировали. Вы отлично сыграли роль Посла Конфедерации, вероломно преданного своими братьями. Мои поздравления!

— Видите ли, Дирк, — нахмурился Палмер, — я вовсе не играл!

— Конечно, нет. В этом-то и вся прелесть! Вы никогда не смогли бы обмануть «собак», если бы попытались ломать комедию. Вы должны были вести себя естественно, искренне поверив в наше предательство.

— Но почему?

— Чтобы придать плану правдивость. Атакуя меня, вы убедили Кора в нашей слабе Конфедерации. И когда он попался на удочку, или, вернее, когда в подобное поверил Совет Мудрости, последующие события стали разворачиваться в своей очередности: Крепость Сол больше не защищает Конфедерацию. Следовательно, Сол использует Конфедерацию, чтобы выиграть время. Значит, Сол нуждается в этом времени, чтобы успеть соорудить то оружие, которое я им перечислял. Из всего этого следует, что Империи не следует подвергать себя излишнему риску, а необходимо срочно изменить свои стратегические планы и атаковать Крепость Сол сейчас, а не после падения Конфедерации, как планировалось раньше.

— Вы хотите сказать, что цель всей миссии, единственная ее цель, заключалась в том, чтобы убедить Империю Дуглаари немедленно атаковать Крепость Сол?

— Точнее сказать, — устало ответил Линго, — наша цель — убедить «собак» в необходимости напасть на Крепость как можно большими силами. Чем больше, тем лучше.

Это объясняло все! Палмер чувствовал, что большего изумления ему не испытать за всю свою жизнь. Он был ошеломлен открывшейся перед ним перспективой. Все противоречия мгновенно исчезли. Все разбросанные кусочки мозаики слились в одну яркую картину.

Солариане просто «вешали лапшу на уши» Генеральному Штабу, желая включить в состав экспедиции человека с естественной реакцией на предательство. Им был нужен так называемый Посол, чтобы убедить Кора в новой лжи. Кор и Совет Мудрости должны были проглотить наживку с бредовым супероружием, чтобы принять решение немедленно напасть на Крепость Сол!

Все выстраивалось в стройной логической последовательности. Но из этого следовал совершенно безумный вывод!

— Но почему, Линго, почему? — воскликнул Джей. — Какой же цели мы достигли? Уничтожения Крепости Сол, и все?

— Чего мы достигли, вы спрашиваете? — Линго вновь задумчиво смотрел на не прерываемую ни на мгновение игру красок Статического Пространства. — Того, чего еще никому не удава-

лось сделать за последние триста лет. Подумайте, старина, раскиньте мозгами! В течение трех столетий «собаки» навязывали нам свою войну, свою стратегию и тактику. Они развязали ее, имея большое преимущество в кораблях, и впоследствии очень тщательно старались не рисковать по крупному и сохранить это преимущество навсегда. Поэтому они никогда не задействовали более трехсот кораблей в одной битве.

— Да, действительно. Кстати, мы тоже. Ни одна из изолированных солнечных систем не стоит риска потерять триста кораблей. В такой войне, как эта, корабли стоят больше всего остального.

— Вот именно, Джей, вот именно! Поэтому «собаки» могли делать все, что хотели. Это была война на истощение. Война, в которой соотношение количества кораблей играло главенствующую роль, и которую они начали со значительным превосходством, как в технической базе, так и в живой силе. Вот почему наши веселые «собаки», эти вонючие псы, абсолютно логичные в своих посылках и заключениях, старались никогда не терять этого преимущества. Это их война, на их условиях, с самого первого дня. Сегодня такому положению вещей пришел конец!

— Я все еще не улавливаю сути. Ведь четыре тысячи военных кораблей разнесут Крепость на мелкие кусочки. Вы сами так сказали!

— Джей! Заставьте же работать ваше серое вещество, черт побери! Никогда еще «собаки» не рисковали и десятой частью того, чем они готовы теперь рискнуть. Первый раз в истории этой затянувшейся войны мы заставили их сражаться на наших условиях. Эта война больше не будет войной на измор, войной, которую мы должны проиграть. Мы заставили их сделать ставку на выигрыш в войне благодаря одному сражению. Что случится, если вдруг весь этот флот в четыре тысячи кораблей будет уничтожен при атаке на Крепость Сол?

— Что? Что... Да весь ход войны тогда изменится, вот что. Изменится коренным образом вся ситуация. Мы тогда поменяемся с «собаками» местами. Теперь у нас будет преимущество в кораблях! И это будет наша война!

Внезапно он осознал всю грандиозность подобного исхода. Судьба всей человеческой расы теперь прямо будет зависеть от того, что произойдет, когда огромная армия дуглариан наладет на Сол. Если Крепость падет, Конфедерация потеряет всякую надежду на победу, и от ее боевого духа ничего не останется. Для «собак» это будет простая рутинная операция по очистке территории.

Но, если Флот будет уничтожен супероружием солариан... сверхоружием? Каким сверхоружием?

— Но ведь такого оружия не существует? — растерянно воскликнул Джей. — Это же был обман, ловушка. Вы сами только что сказали. Более того, вы утверждаете, что Крепость Сол не выдержит осады и четырехсот крейсеров «собак», не так ли?

— Да, именно так я и говорил, и это еще весьма оптимистическая цифра.

— Но тогда нам неминуемо грозит поражение! «Собаки» уничтожат Землю и...

— А вот здесь я, на вашем месте, остановился бы, — Линго загадочно и печально улыбнулся, приложив для убедительности палец ко рту, как бы накладывая на губы печать молчания. — Есть еще один вид оружия, который ускользнул от вашего внимания. О котором Кор также не подумал. Оружие, которым мы владели всегда.

— Всегда? Но что же это может быть?

Линго отвернулся и вновь стал смотреть на сверкающий водопад красок Статического Пространства, в котором несясь их корабль со скоростью, во много раз превышающей скорость света. Он спешил на встречу с Судным Днем, к своему Армагеддону. В свете этого фейерверка огня лицо Линго, казалось, само утратило все краски и напоминало теперь меловую маску театра Кабуки.

— А что бы вы хотели, чтобы это было? — медленно произнес Линго, и слова тяжелым знаком вопроса повисли в воздухе. Помолчав немного, он так же тихо ответил, будто сам себе:

— Чем же это может быть иным, как не самой Крепостью Сол?

11

Макс и Линда проводили время у стола телекинеза. Дирк и Робин выбрали для себя рубку управления, где они в течение последней недели все чаще усидывались вдвоем. Фран, удобно устроившись в кресле, небрежно перелистывала какую-то толстую книгу, Ортсга, как всегда в свободное время, перебирал и переставлял что-то, находясь за стойкой бара. Все было как всегда в эти последние дни их путешествия.

Все, казалось, жили в атмосфере усиливающегося нетерпения, будто в воздухе витало ощущение, предчувствие. Они чувствовали себя подобно клиенту, находящемуся в приемной врача. Ритм жизни Группы, да и сами взаимоотношения в ней, заметно изменились за последнее время. Палмеру было доста-

точно трудно различить индивидуальные особенности в изменении поведения каждого из солариан, он мог ухватить только общее впечатление, складывающееся из десятка нюансов. В итоге получилось, что Макс и Линда все больше времени проводили в немых беседах друг с другом и не обращали внимания ни на кого вокруг; Робин и Линго стали все чаще прятаться от окружающих и чем дальше, тем дольше становилось их отсутствие; Фран пыталась загрузить себя чтением книг; Ортега чаще слонялся по всему кораблю, вспугивая в укромных уголках уединившихся, не зная, к чему приложить руки.

Однако солариане оставались все так же близки друг другу, как и раньше. Их Группу никоим образом нельзя было считать распавшейся, хотя внешние проявления в поведении каждого из них могли бы вызвать подобную мысль. Джей всей кожей чувствовал это, но не знал, как и чем объяснить происходящее. Может быть, отношения в Группе изменились оттого, что изменились их личные психические и психологические потребности в результате всех перенесенных потрясений? Этого он не знал, но чувствовал, что общий дух единства Группы, дух поддержки, ощущение родного очага остались. Но теперь это был, скорее, дух не молодой жизнерадостной семьи, а пожилой, умудренной опытом жизни, пары, для которой помолчать вдвоем было гораздо важнее и нужнее, чем бесконечное сотрясение воздуха словами.

Понимая или предполагая, что понимает, причину всех этих изменений, Палмер беспокоился, тем не менее, с каждым днем все сильнее. Наконец, он не выдержал.

— К черту, Рауль, — сказал он, забирая из рук Ортеги прозрачный бокал, который тот с остервенением протирает чистой салфеткой. — Выкладывайте, что происходит?

— Что? — вдруг очнувшись от своих мыслей, Ортега недоуменно уставился на Джея. — Ах, ты об этом. Да так, ничего существенного. Каждый размышляет на свой манер. Ничего больше.

— Я не об этом, и ты это прекрасно понимаешь. Но вы все стали такими напряженными! Складывается впечатление, что все стремятся залезть в свою скорлупку, как рак-отшельник, и отгородиться от остальных.

— Но и о тебе не скажешь, что ты весел, как зяблик.

— Ну, это немудрено. Легко ли думать, что участь всего Человечества будет решена через несколько недель. Довольно трудно себе представить, особенно профессионалу, что все может решиться

в одной битве. Учти при этом, что мы, конфедераты, выросли на том, что война будет длиться по крайней мере еще столетие...

— Да оно так, вероятнее всего, и будет, — Ортега плеснул себе виски в бокал. — Вернее, я даже уверен, что будет именно так. Даже если «собаки» в одночасье потеряют четыре тысячи своих кораблей, у них еще останется три тысячи. Империя есть Империя, она не взорвется и не исчезнет на следующий день после сражения. Они просто поменяются с вами местами и станут вести ту же игру. Медленно отступая, они будут потихоньку освобождать одну систему за другой, пытаясь вновь навязать вам свою тактику. И это может затянуться на все ближайшее столетие. С единственной разницей, что теперь мы будем диктовать им правила игры.

— Если дуглариане разгромят Сол, — задумался Палмер. — Конфедерация не станет чувствовать себя более обездолженной, чем она есть сейчас, это с военной точки зрения. Она всегда рассчитывала только на свои ресурсы. Но в психологии может произойти качественный скачок, и они поймут свое поражение и дальше будут сражаться лишь по привычке, без азарта, без надежды. А это не может длиться долго...

— Они? — Ортега вопросительно поднял брови. — Почему они, а не мы?

— Налей-ка мне стаканчик, Рауль, — попросил Палмер. — Да, я умышленно сказал они. Видишь ли, в том, что касается лично меня, я уже не знаю, кто я есть на самом деле. Я слишком долго пробыл с вами. Для простого конфедерата я теперь слишком много знаю об истинной собачьей сути наших врагов, да и обо всей войне.

Он сделал большой глоток.

— Длиться долго... Как-то Робин сказала мне, что я изменился. И вот, прислушавшись к себе, заглянув в собственное «Я», мне внезапно стало понятно, что она имела в виду и насколько была права. Этого не замечаешь, пока специально не задумаешься или не понаблюдаешь за собой. То, что я обнаружил в себе, меня, можно сказать, поразило. Мне не доставляет большого удовольствия говорить об этом, но я стал совсем по-другому смотреть на многие вещи. Возьму, к примеру, нашу Конфедерацию... она стала мне казаться какой-то искусственной, лишенной своей сердцевины, неполной... не могу найти точного слова. Наивной какой-то. Я уже не могу сказать о себе, что принадлежу ей полностью и безоговорочно.

— Ага, — пробормотал Рауль, посасывая напиток. — Пентагон-Сити.

— Что?

— Я говорю — Пентагон-Сити. Эта... штука... воплощает в себе все несуразности и ошибки Конфедерации. Он тебе ничего не напоминает, Джей? Никакого другого здания?

— Что?... Ах, да, ты прав, напоминает — Дуглаар! Зал Совета Мудрости! Так же строго функционален и так же уродлив по сути.

— И тот, и другой олицетворяют собой тупик. Специализация, Джей, специализация. Правило эволюции, чем больше ты специализируешься, тем ближе ты к вымиранию. Давай поразмышляем. Что случится, когда война закончится и, скажем, все «собаки» будут уничтожены? Империя исчезнет. Чем займутся люди? Конфедерация, это бледное подобие Империи, специализирована на войне. На этом завязана ее экономика, научно-технический потенциал, воспитание, пропаганда и так далее. Ты лучше знаешь. Что будет, когда все это рухнет и больше ничего не будет нужно? Смотри, даже в том, что касается религии — ваша вера в «Обещание», в Крепость Сол, это ведь своеобразная религия, не правда ли? Даже религия приобрела чисто утилитарный специализированный характер — религия войны! И вот этого единственного цемента, скрепляющего Конфедерацию в нечто единое — войны — вдруг не станет. Ведь у вас даже нет настоящего правительства, лишь Военное Командование Объединенного Человечества, и все. Вы жили и живете войной, она у вас в крови. И от этого будет очень трудно избавиться.

Палмер опустошил свой бокал.

— Да, ты прав. Я вижу будущее человеческой расы в примере Крепости Сол, если у нас есть будущее. Я подсознательно чувствовал это все время, но боялся признаться даже себе самому. В вас есть что-то... новый тип человечности, я бы сказал, гуманности, основанной именно на той базе, благодаря которой человек стал отличаться от животного. Конфедерация ведет в тупик, к отрицанию всего того, что сделано, чтобы человек стал Человеком. Я хотел бы только...

— Что, Джей?

Палмер вздохнул. В его сознании, казалось, прорвалась какая-то плотина, сдерживающая дотоле мысли и ощущения.

— Я хотел бы только иметь возможность стать частью этого, Рауль. Я знаю, как вы все старались помочь мне, и теперь, по крайней мере, я могу по достоинству оценить ваши усилия. Но, вероятно, я переоценил свои возможности, — я еще слишком конфедерат. За моей спиной и во мне самом слишком много лет совершенно иной цивилизации. Я не могу участвовать в том, что

вы... С другой стороны, теперь, когда я попробовал вкус иной жизни, других взаимоотношений, совершенно иного подхода к различным сторонам жизни, я чувствую, что принадлежать Конфедерации я тем более не могу. Я остался один, Рауль. Я стал самым одиноким существом на свете. Я знаю слишком много... и слишком мало... А, к черту! Налей-ка мне еще стаканчик, и побольше!

Ортега до краев наполнил бокал Джей и налил себе столько же.

— Ты снова ошибаешься, Джей, — сказал он, слегка покачивая бокал в руке и глядя куда-то поверх головы Палмера. — Будущес не в нас. Мы не можем им быть. Нас только пять миллиардов против двухсот миллиардов людей, живущих в мирах Конфедерации. Мы можем быть лишь семенем, зародышем, началом чего-то совершенно нового. Мы должны раствориться во всей массе человеческой расы, чтобы дать начало новой прогрессивной формации общества. Нас нельзя рассматривать как расу Человека Нового или Человека Будущего. Нет. Мы всего лишь часть той новой человеческой расы, которая должна появиться.

Он залпом опорожнил свой бокал и как-то по-новому тепло взглянул на Палмера.

— Будущее — это ты, Джей, — сказал он вдруг.

— Я? Смеешься? Да я — часть ничего, нуля! Я не принадлежу ни вам, ни Конфедерации. Я — никто и нигде.

— Будущее не имеет конкретного места. Джей. Оно всегда где-то. Кто был всегда вынужден развиваться, эволюционизировать? Существо, вытесненное, выброшенное из своей экологической ниши. Или умри, или развивайся, таков закон. Поэтому такое, уже принадлежащее будущему, существо — залог развития этого будущего, оно всегда одинаково. Первая рыба, выбравшаяся на берег и вынужденная прожить на нем достаточно долго, чтобы дать жизнь новому потомству, была одинока. Первые обезьяны, спустившиеся с деревьев, были одиноки. Одинокими были и первые люди, решившие поселиться на других звездах. Не наступило бы ни одного изменения, не существой кто-то, непреодолимо убежденный, что он не сможет существовать в том, что его окружает. Они не могут жить в обыденной повседневности.

— Эта вселенская идея звучит не очень-то ободряюще.

— Вселенная сама по себе не та штука, которая может ободрить. Ведь это не вы ее создали себе в удовольствие, не я, не самый первый Кор. Вселенной плевать на ваш комфорт и удобства, Джей. И я надеюсь, что этим не обижу вас, но если обижу, тем хуже, нам тоже плевать на это.

— Что вы хотите этим сказать? В чем ваша ошибка?

— Вы думаете, что это неправда! — вздохнул Ортега.

— И все-таки мы на самом деле решили взять с собой Посла Конфедерации, и нам был нужен некто больший, чем обычный простофиля. К черту все! Если бы нам нужно было только это, Куровски сыграл бы такую роль еще лучше, чем ты. И не думай, что мы не смогли бы его убедить следовать за нами в этом путешествии, стоило нам только захотеть. Но нам не нужен был тип вроде твоего маршала. Вспомни тот день, когда мы приземлились на Олимпии. Помнишь, как Макс и Линда вслушивались в то, что копошится в ваших черепушках. Думаешь, из простого любопытства? Нет, друг мой, они искали кое-что. Они искали тебя... Не понял? Они искали не удовлетворенную настоящим положением вещей личность, кого-то, кто не мог полностью выразить себя в силу условий, в которых вынужден находиться. Человека, способного быстро прогрессировать, что, ты должен это признать, является не слишком частым явлением в Конфедерации. Короче, Макс и Линда искали подопытную морскую свинку. Ты был участником эксперимента, Джей, не подозревая об этом. Если тебя это может утешить, то скажу, что мы считаем данный эксперимент весьма успешным.

Слова Ортеги неприятно поразили Палмера и невольно заставили поежиться.

— О чем это ты говоришь? — не очень уверенно спросил он, хотя хорошо понял смысл сказанного. И знал, что Ортега тоже знает, что он понял.

Ортега согласно кивнул головой, он глядел прямо в глаза Палмеру, подтверждая этим его догадку.

— Мы должны были знать, способны ли люди из Конфедерации к изменениям, способны ли понять и принять как естественную часть человечества таких новых для них людей, какими стали мы, — медленно произнес он. — Для того, чтобы человеческая раса однажды стала единым целым, нужны люди, которые остались бы в стороне от Конфедерации и одновременно не принадлежали бы к Крепости Сол, то есть, с одной стороны, не были бы соларианами, с их достаточно определенным видением мира, с другой, избегли б того тупика, в который неминуемо вела Конфедерация. Такие люди, как ты, Джей. Мостик между нами и остальным человеческим сообществом. Да, органическая Группа — это социальная ячейка будущего. Но людям, всю жизнь проводившим в этой социальной структуре, будет довольно трудно передать организующие такую группу идеи людям со стороны. А люди из Конфедерации, — вспомните себя, — не смогут понять всей

насушной необходимости изменения социальной структуры Конфедерации. Вот для этого и нужны такие, как ты, Джей. Мостики. Мостики между прошлым и будущим. Нравится тебе это или нет, но ты уже стал таким, каким мы хотели тебя видеть.

— Я думаю, мне нужно было бы возненавидеть вас, — сказал Палмер. — Но у меня не получается, потому что я стал вас понимать. Мне кажется, даже Крепость Сол стала предметом эксперимента, да? Это все ваш Мак Дей. По-моему, он с вами поступил даже более жестоко, чем вы со мной, потому что он экспериментировал вслепую, сам отчетливо не представляя, куда приведут общество его опыты. Он создал вам условия для необходимого изменения, бросил общество в хаос, из которого можно было выбраться, приняв тысячу различных направлений. Какое из них вы выберете, он не мог ни предвидеть, ни управлять процессом целенаправленно. Так что, вы тоже были подопытными свинками, Рауль, или кроликами, если вам так больше нравится.

Он подмигнул Ортеге. Тот рассмеялся, хлопнув Джея по плечу.

— Согласен. Тем или иным образом, но, в принципе, можно считать, что все человечество является предметом эксперимента. Нашего, Мак Дея или эволюции. Добро пожаловать в «Клуб подопытных свинок», Джей! Или кроликов? — он вновь засмеялся и протянул собеседнику руку. Джей крепко пожал ее. Ортега обернулся к стойке, выбрал новый напиток и вновь наполнил стаканы.

— Давай выпьем за них, — предложил он, — за тех, что были, есть и будут.

— Если будут, — сказал Палмер, опрокидывая свой бокал. И тут же наполнил снова.

— Теперь мой черед. Еще один тост, — Джей высоко поднял бокал. — За дым Отечества, за родной очаг, где бы он ни находился.

Ортега нахмурился и резко поставил свой бокал на стойку, едва не разбив его.

— Я не буду пить за это!

— Что случилось? Я сказал что-то не так? Но ведь вы возвращаетесь к себе, не так ли? На Землю, в Крепость Сол. Хотел бы я...

— Не надо хотеть! Не хотите, когда вы не знаете, чего вы хотите! Как я желаю не возвращаться никуда. Направляться куда угодно, только не к себе на Землю... Я даже завидую вам, Джей, что у вас нет своего родного дома. Очаг, это место, которое рано или поздно приходится покинуть.

— Но не навсегда же. Или ты имеешь в виду флот Дугла? Но о

чем тут сожалеть, если вы сами решили направить атаку «собак» на Крепость. Линго упоминал о наличии какого-то супероружия...

Ортега приглушенно выругался.

— Да, конечно, оружие, — сказал он с горечью. — Только никакое это не супер. Ничего в этом роде. Каждая победа имеет свою цену, и чем грандиознее победа, тем дороже она стоит. А иногда приходится платить заранее и еще молиться, чтобы товар был вовремя доставлен. — Он допил свой бокал и вышел из-за стойки.

— Я устал немного. Пойду, пройдусь, посмотрю, все ли в порядке в рубке управления.

И Ортега ушел, оставив Джея в задумчивости перед двумя пустыми бокалами.

Палмер уже привыкал к некоторым странностям своих попутчиков. Но в этот раз необычность их поведения превысила все нормы. Происходило что-то весьма странное и непонятное для него.

Он как раз думал об этом, направляясь из каюты в общий зал. И чем больше он размышлял, тем более убеждался, что происходит нечто из ряда вон выходящее. С каждым днем корабль приближался к Солнцу. Но, вместо того чтобы радоваться этому, что было бы вполне естественно, солариане впадали во все большую меланхолию. Вместо обычного смеха и шуток в кают-компании царил теперь атмосфера смутного беспокойства и напряженности, на лицах чаще можно было увидеть нахмуренные брови или задумчиво-отстраненное выражение, чем улыбку или искрометный взгляд.

Разговоры стали какими-то вялыми, банальными, велись вполголоса и часто неожиданно прерывались без видимой к тому причины...

Чем бы ни было это вызвано, солариане не могли или не хотели разделить это с Палмером. Между ними вставала стена непонимания, и любая инициатива с его стороны преодолеть эту стену натывалась на вежливые уклончивые ответы.

По известным только им причинам солариане старались что-то скрыть от него.

«Ладно, — подумал он, входя в кают-компанию, — что бы это ни было, ждать осталось недолго. До Земли не более дня полета.»

Стоя у дверей, Джей обвел взглядом помещение. Свет был приглушен, и в зале царил приятный полумрак. Макс и Линда, эта, ставшее в последнее время совершенно неразлучной, пара, сидели на канаве и, по обыкновению, были поглощены своим телепатическим общением. Фран с рассеянным видом листала книгу. Робин стояла рядом с музыкальным центром. Увидев Палме-

ра, она приглашающе кивнула ему головой, включила и села на диван. Палмер пристроился рядом.

Он уже было раскрыл рот, собираясь сказать какую-то банальность, когда раздались первые такты музыки. Звуки не походили ни на что слышанное им ранее. Мелодия быстро переходила от одной темы к другой, перескакивала с одного ритма на другой, без конца меняя стиль. Даже инструменты чередовались в неясной последовательности: сначала звучали обычные струнные, из которых затем остались лишь гитара и банд, потом они внезапно сменились простыми тамбурами с последовавшей следом всей группы ударных, затем вновь флейты и тамбуры, и еще какие-то совершенно незнакомые инструменты.

Тембр, настроение, тональность отдельных частей произведения варьировались каждые несколько секунд. То мощно звучал симфонический оркестр, то эту же мелодию подхватывали народные ансамбли, которые внезапно передавали эстафету духовым или электронным инструментам. Однако удивительное единство сливало все столь различные элементы в один гармоничный ансамбль.

— Что это? — удивленно спросил Джей, поворачиваясь к Робин. Но та, полностью поглощенная музыкой, глядела перед собой отсутствующим взором.

— Робин, — вновь позвал он. — Робин, что это за произведение?

Наконец она медленно подняла на него глаза, как бы с трудом возвращаясь из того мира, в котором только что парила душой.

— Это совсем новая композиция. Она была написана всего за несколько месяцев до нашего отлета. Называется «Песня Земли».

Музыка продолжалась, и Палмер понемногу стал понимать ее. Композитор, следуя какой-то личной прихоти, захотел собрать в единое произведение всю музыку древней планеты, музыку всех времен и народов, аранжировать ее в единый калейдоскоп, заключающий в себе все музыкальное наследие Земли. И, кажется, ему это удалось. В то время как нервные и меняющиеся, подобно испуганному хамелеону, звуки музыки облетали зал, Фран Шаннон отложила книгу в сторону, села за синтезатор запахов и стала играть, стараясь гармонизировать наплывающие запахи с мелодией. Аккорды запахов следовали за изменчивым, меняющимся ритмом музыки, и все сплеталось в какую-то фантастическую сагу звуков и запахов, рассказывающую о бесчисленном множестве культур, рас и народов, которые объединяла общая Родина — Земля.

Палмер никогда не был большим поклонником симфонической музыки или обонятельных симфоний, но сейчас он невольно

поддался очарованию обволакивающей, уносящей куда-то в мир звуков и запахов гармонии. Флейты и дубовая роща... волынки и вереск... гитары и кастаньеты, и запах чеснока и шафрана, — вариации продолжались, все более убыстряя свой темп. Звуки и запахи теперь бросались друг на друга, сплетались, чтобы через мгновение разделиться, а затем слиться вновь.

Палмер посмотрел на Макса и Линду. Прервав свой безмолвный разговор, они, казалось, впитывали в себя радостные звуки и запахи Земли, ощущения, пробужденные к жизни многими тысячелетиями истории и тысячами культур, наследие более богатое и разнообразное, чем могли предложить смешанные культуры всех планет Конфедерации. Но выражение их лиц никак не совпадало с искристыми, жизнерадостными аккордами музыки и запахов. Они сидели с крепко сжатыми губами и глазами, полными непролитых слез...

Палмер снова повернулся к Робин. Она крепко сжала кулаки, покусывая трясущуюся нижнюю губу. Робин плакала.

Музыка внезапно изменилась, чуть-чуть, самую малость, но запахи тотчас уловили это изменение.

Палмер не смог бы точно сказать, когда произошло это изменение и в чем конкретно оно заключается. Стили, инструменты и мелодии сменялись все быстрее и быстрее, пока в какой-то неуловимый момент запахи и звуки, быстрые волны прокатывающихся музыкальных фраз не приобрели бешеного, иступленного характера.

Здесь Палмеру показалось, будто что-то случилось с лентопротяжным механизмом, музыка зазвучала так, будто внезапно скорость вращения пленки убыстрилась, затем, наоборот, замедлилась больше обычного — музыка вылилась в полную отчаяния и безысходности жалобу.

Фран не отступала от мелодии и ритма ни на шаг. Волны запахов сменяли друг друга со все увеличивающейся быстротой. В момент наивысшего напряжения, когда оркестр, казалось, закричал от боли, целая гамма разнообразных запахов разом выплеснулась на слушателей, смешиваясь в странные, тошнотворные сочетания. Знакомые, каждый в отдельности приятный, запахи, смешавшись, превратились в невыносимое зловоние, будто исходящее от разлагающегося трупа, воистину дыхание самой смерти.

Сверкающий поначалу калейдоскоп пленительной музыки и нежных запахов сменился мрачным погребальным гимном.

Музыка пробуждала в памяти череду воспоминаний, ощущений, впечатлений всей жизни, сменяющих друг друга с необык-

новенной четкостью и быстротой, подобно последним ощущениям утопающего, проносащимся в его гаснущем мозгу.

Напор музыки и запахов не ослабевал. Они взвивались и реяли по комнате, переходя в отвратительный шаг, внушая смертельный ужас и суля неминуемую гибель, они захватывали и душили зловонием руин и погибших цивилизаций, пока Палмер не почувствовал, что не в силах больше вынести весь этот ад. У него трещала голова, ломило в ушах и желудок содрогался от едва сдерживаемых позывов рвоты.

А потом вдруг, внезапно, без всякого перехода — тишина. Полная, абсолютная тишина, тяжело придавившая сознание, оглушающая. Тишина, казалось, сама рождающая голос смерти.

Палмер долго не мог придти в себя от потрясающего впечатления этой незнакомой музыки. Все чувства оставили его, сторели, испарились. Он ощущал лишь усталость и безмерное удивление.

«Что могло заставить человека написать такое? — спрашивал он себя. — Это — гениальная музыка, так назвала ее Робин? Песня Земли?!» Он повернулся к соседке.

— Как... — прошептал он, боясь нарушить тишину, — почему?..

Он видел следы слез на ее щеках.

— Джей, ах, Джей. Не спрашивай меня ни о чем. Даже за все золото мира я не смогу найти сейчас слов, чтобы объяснить тебе...

Резким толчком открылась дверь, и в кают-компанию влетел возбужденный до предела Ортега.

— Идемте, скорей! — закричал он. — Все в рубку управления! Мы прибыли! Выходим из Статического Пространства!

Палмер вскочил и вслед за соларианами поспешил на капитанский мостик. Его спутники возвращались к себе домой, хотя и стало очевидно, что по какой-то странной и необъяснимой причине они мало радовались этому факту.

Но он! Он сейчас увидит то, что еще не видел ни один из его соотечественников-конфедератов: солнечную систему — прародительницу Человечества, и его колыбель — планету Земля. Вот уже двести пятьдесят лет ни один из кораблей Конфедерации не пытался даже приблизиться к границам Солнечной Системы. Последняя экспедиция наткнулась на обширные минные поля, непреодолимым поясом окружившие всю систему за орбитой Плутона и превратившие ее в единый огромный смертоносный шар: мины с автоматическими лазерными пушками, похожие на аналогичные у дуглариан; ловушки с термоядерными зарядами мощностью во многие тысячи мегатонн, линии с инфракрасными датчиками, реагирующие на тепло разогретого металла дюэ, с датчиками на лю-

бой вид излучения или на изменение поля тяготения: «осколочные» мины, заполняющие при своем взрыве многие кубические мили пространства пылью карборунда, микроскопической, но быстро разъедающей броню корабля.

Эта экспедиция успела потерять на минных полях половину своего состава еще до того, как добралась до орбиты Плутона, и была вынуждена повернуть назад. Но перед своим отступлением она увидела армаду земных кораблей, готовых уничтожить любого, кому по сумасшедшей случайности удалось бы преодолеть минное заграждение. Скорее всего, эти корабли не были оснащены генераторами Статического Поля, так как они имели столь огромные размеры, что даже математически было трудно рассчитать силу Статического Поля, способного укрыть подобных монстров. И, действительно, эти сооружения представляли собой, по сути, огромные генераторы Силового Поля, которые теоретически можно было сконструировать любого мыслимого размера — прекрасное оборонительное оружие. Эти корабли предназначались только для операций внутри солнечной системы, и их размеры и размеры их генераторов Силового Поля не должны были ограничиваться максимальной грузоподъемностью Статического Поля. Вместе с минными полями эти гигантские сооружения делали Крепость Сол практически недоступной для сил Конфедерации.

И вот теперь, спустя столько лет, генерал военного флота Конфедерации находился на пути к самому сердцу Крепости Сол, к Земле.

Палмер мысленно улыбнулся и вошел в рубку управления. Еще несколько недель тому назад он все бы отдал, чтобы оказаться здесь. Сейчас же эта уникальная в своем роде ситуация не несла в себе уже те возможности, которые могли бы иметь место, случись все это раньше и при других обстоятельствах. Судьба человеческой расы будет скоро решена, но не силами Конфедерации, а соларианами. Если бы Палмер захотел доставить своим братьям по оружию те секреты, которые он скоро узнает, они, эти секреты, к тому времени потеряют все свое значение. А если даже Конфедерация и смогла бы использовать подобные секреты, то их она узнает уже не от него, потому что он больше не собирался возвращаться туда.

— Ну вот, Джей, — сказал Линго, — через минуту ты увидишь Солнце. Я думаю, ты никогда раньше не предполагал своего участия в подобном спектакле.

— Во всяком случае, не при таких обстоятельствах, — ответил Джей.

— Тридцать секунд, Дирк, — сказала Фран. — Двадцать... десять... пять... четыре... три... два... один... жми!

Линго нажал на кнопку. Хаос красок и света Статического Пространства исчез, и на экран обзора хлынул Космос с красными, желтыми, голубыми точками звезд.

В центре красного круга, указывающего ось полета корабля, сверкала яркая желтая звездочка, самая яркая из всех виднеющихся на экране.

Из груди солариан при виде родного светила непроизвольно вырвался единый вздох. Взглянув на них, Палмер вновь не мог не отметить необъяснимо печального выражения их лиц.

Профессиональным взглядом командующего флотом Джей сразу определил основные характерные черты звезды: тип — Г, как и большинство обитаемых звезд. По своим параметрам очень напоминает Дугл. Расстояние далековато для более точного сравнения. Но, вон Сириус, он гораздо дальше, а сила света почти одинаковая. Скромная желтая звезда средних размеров, расположенная едва ли не на задворках Галактики, затерявшаяся среди безбрежного океана газовых и пылевых образований.

Но это был очаг.

Палмер даже удивился, ощутив в себе странное и новое для него чувство. Он никогда не видел этого солнца раньше. Он не приближался к нему ближе, чем на семьдесят световых лет. Он родился на четвертой планете звезды под названием Брислон, которую даже не видно с Земли. В его теле не было ни единого атома, согретого теплом Солнца.

Однако эта скромная, обычных размеров звезда светила ему почему-то более ярким светом, чем все остальные. Ее свет казался ему более живым, более нежным, будто бы Солнце само встречало его на пороге дома, как своего потерявшегося столько лет назад сына.

— Это... это великолепно... — прошептал он в экстазе.

— Ничего особенного, — холодно отозвался Линго. — Обыкновенная звезда, тип-Г. Простой баллон с газом.

— Как ты можешь так говорить! — возмутился Джей.

— Это же Сол! Это родина всех нас, людей! В конце концов, ведь это твой дом. У тебя что, нет сердца?

— Есть ли у меня?..

Линго внезапно замолчал, и чувствовалось, что ни у кого нет желания продолжать разговор вместо него.

Все семеро долго смотрели на Солнце. Джей увидел, как слеза медленно прокатилась по щеке Линды Дортин. Макс ободряюще пожал ей руку. Робин прислонилась к плечу Дирка, в древнем инстинктивном жесте просы защиты у более сильного.

— Простая звезда типа-Г, — вдруг вновь заговорил Линго хрип-

ловатым прерывающимся голосом. — Подобных ей миллиард во Вселенной, так что, давайте-ка, прекращайте скулить.

Едва заметно вздохнув, он откашлялся и вновь скомандовал уже более твердым, окрепшим голосом.

— Включить Силовое Поле. До орбиты Плутона осталось немного. Внимание всем! Начинается минный пояс. Джей, держи ушки на макушке — запоминай наши секреты, — он криво усмехнулся. — Ну ладно, сейчас не до шуток.

Корабль увеличил скорость. Вскоре Джей уже невооруженным глазом мог увидеть в окружающем корабль пространстве множество космических мин. Они вращались вокруг Солнца, не менее миллиарда штук, поскольку даже в ограниченном секторе пространства, видимом на экране, их насчитывалось не менее двадцати.

Корабль прошел совсем рядом с одной из них, и Палмер смог подробно рассмотреть ее. Мина относилась к тому типу, который был снабжен лазерными орудиями огромной мощности. Она представляла собой большую металлическую сферу, очень напоминающую морскую мину древних времен, из которой вместо «рожек» детонаторов торчали стволы орудий. Всю остальную поверхность мины покрывала густая сеть антенн всевозможных размеров и радаров. Сейчас, конечно, мина была не опасна, так как наверняка обладала системой обнаружения типа «свой-чужой». Но...

Но, все-таки, что-то было не так. Многочисленные системы обнаружения, все эти датчики, локаторы и все прочее находились на своих местах, уставившись в точно рассчитанный сектор пространства, готовые собирать и классифицировать любую поступающую информацию. Но... они не двигались! Антенны и чаши локаторов застыли в неподвижности, не реагируя на столь близкий объект, как их корабль. Мина была мертва, дезактивирована.

— Она вышла из строя, — обратился Джей к Линго. — Вы должны сообщить об этом. Ее нужно срочно заменить.

Линго странно посмотрел на него и ничего не ответил. Вскоре в поле зрения попала еще одна мина, такая же мертвая и неподвижная. Потом еще одна.

— Смотрите, вот еще одна разряженная... там еще одна! Что-то здесь не так! — возбужденно говорил Палмер.

— Спокойнее! Все в порядке, Джей, — глухо ответил Линго. — Это не дефектные мины. Они действительно все дезактивированы. Система мертва, кроме спутников, снабженных магнитоскопами. Они разбросаны по всей системе, чтобы в любой момент

мы могли иметь возможность увидеть желаемый сектор пространства крупным планом.

— Что? Но ведь «собаки»...

Линго поморщился.

— Минные поля никогда не смогли бы послужить препятствием для массированной одновременной атаки четырех тысяч кораблей. Такая масса неприятельских крейсеров смогла бы преодолеть это пространство другими разными способами. Именно это имел в виду Совет Мудрости, когда говорил, что даже математически невозможно рассчитать силу, способную защитить любую изолированную солнечную систему от одномоментной атаки такого количества кораблей.

— Мы на орбите Плутона, — объявила Фран.

— О'кей, индикатор полета на Сатурн.

Красный кружок на экране обзора медленно переполз на несколько градусов в сторону и сомкнулся вокруг слабенького, едва заметного простым глазом огонька. Линго защелкал тумблерами и кнопками на пульте управления. Экран с большим красным кругом в центре как бы поплыл в пространстве, пока маленький красный кружок не встал точно в центре большого.

— Что нам делать на Сатурне? — спросил Палмер.

— Ничего особенного, — ответил Линго. — Я не собираюсь там садиться. Просто хочу сделать тебе приятное, совершив прогулку внутри системы, и познакомить тебя с ней. Кольца Сатурна, Юпитер с его лунами, Марс... ты же никогда их не видел. А у старушки-Земли есть несколько братьев и сестер весьма интересных и необычных для простой звезды. Я подумал, что тебе... ну... было бы интересно совершить такой маленький ознакомительный вояж.

Одного взгляда на лица солариан было Джею вполне достаточно, чтобы понять то, что Линго не хотел, или стеснялся сказать напрямую. Пользуясь его присутствием в качестве гостя, хозяева, скорее всего, сами хотели использовать возможность облететь все планеты системы... Ведь через несколько недель вся она или то, что от нее останется к тому времени, возможно станет новой провинцией обширной Империи Дуглаари.

— Сатурн! — несколько торжественно объявил Линго. — Во всей изученной Галактике это самая большая планета, окруженная таким красивым ожерельем колец. Известно еще три подобных, но все они уступают ему по размерам и красоте. Сам по себе совершенно бесполезный для человека, он обладает спутни-

ком, который размерами превышает некоторые планеты, да к тому же имеет еще и собственную атмосферу.

Палмер, очарованный, глядел на огромный газовый гигант, окруженный сверкающими глыбами смерзшегося газа и льда, которые составляли основу его уникальных колец, напоминающих собой огромную радугу, раскинувшуюся в бархатной черноте Космоса. Незабываемая картина, одна из наиболее впечатляющих в известном ему Космосе.

— Ошеломляющее зрелище, — признал Палмер, не в силах найти более подходящее сравнение. Он еще раз, но уже с сожалением, взглянул на чудо природы. — Дуглариане, насколько мне известно, не воспринимают концепцию «красоты», не так ли? Для них это будет лишь еще один из газообразных гигантов в ряду остальных. Беспольный трофей, каких много в Галактике.

— «Собаки» не знают термина «трофей», — возразил Ортега. — У них не существует такого понятия. Но я обещаю тебе одно, Джей: что бы ни случилось, им никогда не видеть этой солнечной системы. Никогда, клянусь тебе, — с неожиданной яростью в голосе произнес он.

Корабль продолжал свое продвижение внутрь планетной системы, постепенно приближаясь к ее центру. Они миновали Юпитер, самую большую из планет, тоже из ряда газовых гигантов, но еще более огромную, чем Сатурн, своими размерами едва ли не помешавшую рождению Человека. Сложись немного другие условия образования и развития Солнечной системы, Юпитер имел все шансы стать вторым, меньшим светилом системы. И тогда бы радиация, исходящая им, соединившись с солнечной, превратила Землю в планету с черной безжизненной поверхностью, навсегда лишенную возможности обрести Жизнь.

Впереди по курсу красным огоньком стал расти и приближаться Марс, планета, где неизвестная раса, мертвая задолго до того, как жизнь на Земле возникла на суше, соорудила по всей планете гигантскую паутину ирригационных сооружений, в безнадежной попытке улучшить снабжение планеты водой. Именно теперь Палмер окончательно понял, что в системе действительно не все в порядке. Марс был первой планетой, колонизированной человеком. Эта эпопея освоения Марса нашла свое отражение в бесчисленном множестве романов, театральных постановок, фильмов и в других исторических материалах типа официальных отчетов, мемуаров свидетелей и участников и так далее. Вся поверхность Марса вот уже столетия была покрыта многочисленными городами и поселками, укрытыми от разряженной атмосферы под

сверкающими куполами. Марс был второй по значению и по количеству населения планетой системы.

Но в проплывающих внизу городах не было видно ни искры света. Атмосферу не бороздили летательные аппараты, и пространство вокруг планеты было пустым, без космических кораблей.

— Что здесь случилось? — спросил Джей. — Планета выглядит полностью эвакуированной. Неужели вы планируете их прорыв до орбиты Марса?

— Конечно, нет, Джей. Успокойся, — ответил ему Линго. — Да, все население планеты вывезено с поверхности. Вспомните! Мы предполагали нападение дуглариан уже давно. Много месяцев и, даже лет тому назад, поэтому...

— Ну, конечно. Марс слишком уязвим с его искусственной атмосферой городов. Одно попадание снаряда или торпеды... и гибнет целый город. Это была бы резня.

— Да... хм... — поперхнулся Линго.

Палмер недоумевал все больше. Вместе с недоумением росла и его тревога.

Картина представлялась весьма странной. Мины, лишенные своей смертоносной начинки, отсутствие военных кораблей в ближнем космосе, эвакуированный Марс, угрюмые солариане, облетающие свою родную систему словно в последний раз!.. Разве что?.. Нет, чепуха какая-то! Никто бы не согласился на подобный сговор; отдать «собакам» все планеты Солнечной системы, кроме Земли, то есть практически отказаться от всей Галактики ради одной планеты. Чушь! Это означало бы заставить остатки человеческой расы окопаться на Земле, отказавшись даже от всех остальных планет системы, в безрассудной надежде, что «собаки» оставят в покое единственную планету, превратив ее в нечто вроде резервации.

Приговорить человеческую расу к жизни в... зоопарке!

Немыслимая ситуация! Даже солариане не пошли бы на это. Но что же тогда?.. Полное отсутствие каких-либо оборонительных приготовлений, эвакуация Марса...

Интересно, есть ли у «собак» зоопарки? Может быть, они оставят в живых последних представителей рода человеческого ради постоянного напоминания о своей великой победе? А может, для того, чтобы иметь под рукой резерв подопытных животных для каких-то ужасных опытов?

— Следующая остановка — Земля, — голос Линго вернул разгравшееся воображение Палмера в настоящее.

«В конце концов, это смешно, — сказал себе Джей, — приписывать соларианам столь безумные планы. Они уже не раз доказали, что думают обо всем человечестве, а не только о Земле».

Но, быть может, они несколько переусердствовали в этом стремлении? Разве выжить — не главная цель Земли? Выжить любой ценой!

Сначала она выглядела простой голубоватой звездочкой, сверкающей в темноте Космоса ярким бриллиантовым светом, превосходящим сияние Венеры. С их позиции, почти с орбиты Марса она по яркости уступала лишь Марсу, Юпитеру и Солнцу. Но как только корабль приблизился на расстояние, с которого Земля стала видна невооруженным глазом, она затмила Палмеру все остальные светила и планеты. Ведь это была земля.

Земля, первая из планет земного типа; Земля, притяжение которой на поверхности стало мерилom силы гравитации и ускорения; Земля, где название означало просто «землю», «почву», «мир», в смысле «свет».

Земля — колыбель человечества.

Вид этой голубой сверкающей точки, постепенно увеличивающейся до размеров диска по мере приближения к ней корабля, пробудил в Палмере бурю ассоциаций и сложных ощущений. Для него, как и для любого оказавшегося на его месте конфедерата, эта планета являлась легендой. Он был человеком, в теле которого не содержалось ни единого земного атома, и, тем не менее, он также считался ее сыном, сыном матери-Земли.

И действительно, хотя прежде ему ни разу не доводилось ее видеть, планета неразрывно связана с ним тысячами генетических нитей, являясь неотъемлемой частью его самого, его разума, типа мышления и, даже, его языка. «Планета земного типа... похожая на Землю... внеземной... хорошая, плодородная земля... положить на землю... земной... землистый... чернозем», — сотни слов, которые он произносил с самого рождения, приобретали новый смысл при лучистом свете голубой планеты,

Диск планеты все увеличивался на обзорном экране. Глядя на него, Палмер не мог себе помешать думать о том, что даже если человек победит в этой войне, если человеческой расе суждено просуществовать еще миллион лет и пустить корни на всех пригодных к жизни планетах Галактики, вплоть до Андромеды, человек и тогда не сможет забыть свою прародину, небольшую планету, третью по счету в семье планет обычной заурядной звезды типа-Г, затерявшейся на одном из периферийных задворков Галактики. Как и

лосось, известным лишь ему да Богу образом, умеющий пресодолеть тысячи и тысячи миль морского пространства и вернуться в родную речку, чтобы дать жизнь своему будущему потомству, так и люди повсюду, где бы они ни находились, будут всегда носить частицу этой Земли в своем сердце и душе, мысленно возвращаясь к ней. Она всегда будет в их языке, в их теориях и рассуждениях о строении Вселенной или атома. Она всегда будет в них самих, эта маленькая голубая планета. Потому что это — их очаг.

Все молчали. В рубке царил полная тишина, нарушаемая едва слышимым зуммером работающей аппаратуры. Все слова сейчас показались бы лишними, не подходящими к данному моменту. За все тридцать лет своей жизни Палмер никогда не ощущал того, что сейчас рождалось в нем. Он возвращался к себе...

Корабль пересек орбиту Луны, единственной Луны — спутника в Галактике, имеющего право называться так с большой буквы — Луна. Видимая с ее орбиты поверхность Земли, освещенная Солнцем, явила собой зрелище, взволновавшее Палмера почти до слез. Были отчетливо видны очертания обеих Америк. Зеленые и коричневые пятна материков, слегка размытые вспененной бездной облачного покрова и окруженные сверкающей голубой рябью морей. Именно им, морям и океанам, была обязана планета своим голубым мерцающим светом, видимым с орбиты Марса. Именно им Земля обязана рождением жизни. Они явились колыбелью всего, что дышало и росло на Земле, колыбелью жизни.

Палмер знал, что над этими морями и континентами веет ветер, свежий и чистый. Только этот ветер был тем, чем он должен быть на самом деле. И ни на какой другой планете ветер не мог быть таким земным, как здесь.

Ему показалось, что каждая частица его существа начинает неуловимо подрагивать и вибрировать, узнавая, отвечая и резонируя невидимому и неслышимому излучению планеты, будто включилась система «свой-чужой». И планета узнавала его, тянула к себе, ждала, протягивая вперед свои невидимые руки-лучи, будто говоря: «Ну, где же пропадал ты так долго, сын мой. Я уже устала ждать».

Он был у себя, на родине.

Эти термины, давно знакомые ему по смысловому значению, впервые обросли плотью ощущения, сутью, нашли свое зримое материальное подтверждение в этой немислимо прекрасной планете, теплом ласковом море, медленно проплывающем сейчас перед его восхищенным взором.

Корабль по плавной спирали медленно снижался к границе

терминатора, разделяющего темную и освещенную стороны планеты. Вероятно, Линго намеревался посадить корабль там, где уже наступила ночь.

«Еще немного, и я сделаю свой первый шаг по земле. Земля, — радостно думал Палмер, — взглянув на светлячки звезд, которые должны были светить еще самым первым людям — пастухам, когда те, закинув голову, вглядывались в ночное небо, не осмеливаясь даже подумать, что когда-нибудь их далекие потомки смогут расселиться на сотни странных миров, вращающихся вокруг этих холодных и колких искорок света».

Корабль миновал линию терминатора и понесся над темной ночной половиной поверхности. Вскоре должны будут показаться тысячи огоньков-светлячков огромных земных городов, соперничающих в своем количестве с бесчисленными звездами, взирающими на них сверху. Но... но что это?

Безмолвная темнота ночи не ответила им ни одним огоньком. На экране все так же монотонно проносилась темная, не освещенная ни единым лучом света поверхность планеты. Палмер недоумевающе смотрел на экран. Полная темнота.

Внезапно он понял, что Линго не собирается приземляться, а ведет корабль по очень пологой параболе над поверхностью планеты. Темный диск на экране больше не увеличивался в размерах, наоборот, теперь он стал постепенно удаляться. Солариане обогнули Землю и решили продолжать свой путь к Солнцу.

— Что... что вы делаете? Что случилось с городами? Что?..

— С городами все в порядке. Стоят на месте... Пока. Только без жителей. Все эвакуированы.

— Эвакуированы? Почему?

— Ты должен был сам догадаться, Джей. Это настолько ясно. Земля ведь является главной целью дуглариан. Освещенные города — что может быть лучшей мишенью?

— Ты хочешь сказать, что вы предполагаете прорыв дуглариан до самой Земли? Вы их спровоцировали на атаку, зная, что не сможете удержать даже на подступах к своей планете? Ну, знаете!.. Это... это...

Линго невесело рассмеялся.

— Бесчеловечно? Негуманно? Ты это хочешь сказать? Эх, Джей! Хотя ты уже далеко не тот человек, который забрался в наш переходник на Олимпии-III, но все равно хочу предупредить тебя, чтобы ты не совершил ошибки. Не думай, что мы в конце пути. Последний шаг всегда самый главный и самый тяжелый, потому что никто не может тебя все время вести за руку, никто не сможет тебе объяс-

нить лучше, чем ты сам это поймешь. Но для этого ты все должен пережить самостоятельно. В этой войне выживут или люди, или дуглариане. Для обеих рас в этой Галактике места нет. И первая задача человечества, — выделил Линго, будто не столько пытаюсь убедить Палмера, сколько себя самого, — должна заключаться в том, чтобы уцелеть, выжить во что бы то ни стало, даже если цена будет ужасной. Неважно! Ради этой цели можно принести в жертву все!

Он взглянул на Джея, будто пытаюсь прочесть в его взгляде сочувствие и поддержку своим словам.

— Скажи, если бы встал вопрос о выживании, если бы это означало конец войны, вы смогли бы пожертвовать Олимпией?

— Конечно, — твердо ответил Палмер. — Но Олимпия всего лишь планета, такая же, как и любая другая, хотя и является столицей Конфедерации. Но ты же говоришь о Земле, старина. Вот где разница. Ведь это — Земля!..

Линго вновь отвернулся, бесстрастным взглядом провожая на экране уменьшающийся диск планеты.

— Это тоже всего лишь планета, одна из множества других, — несколько резковато произнес он. Было ясно, что Линго сам не верит в то, о чем говорит. — Просто планета, — упрямо повторил он. — Человек значит неизмеримо больше любой планеты. Даже такой, как эта, — он горько вздохнул. — Я не могу рассчитывать на то, что ты будешь полностью согласен со мной, с нами. Вряд ли. Ты еще не созрел. Ты думаешь: «Вот, я уже столько прошел, все пережил!». Нет, Джей. Это так, и не так. Да, путь был долгим. Но, повторяю, последний шаг самый главный и самый тяжелый. И ты должен его сделать сразу, не задерживаясь, сжав зубы, нравится тебе это или нет. У тебя не останется времени ни на размышления; ни на то, чтобы все основательно взвесить, ни на...

Он сам себя прервал, вновь горько рассмеявшись.

— Я поймал себя на том, что почти жалею тебе, Джей. Но, скорее, завидую.

— Почему же все-таки нам не сделать посадки на Земле? — почти шепотом спросил Джей.

— Потому что у нас другая задача, — ответил Линго. — Мы летим к Меркурию.

Стекло экрана защищал светонепроницаемый фильтр, но все равно изображение на нем казалось засвеченным, так как Солнце безраздельно царило в небе Меркурия и его ослепительный блеск не могли уменьшить даже самые мощные светофильтры.

Зачем нам здесь приземляться? Палмер знал о наличии нескольких наблюдательных станций, расположенных в постоянной тени, отбрасываемой планетой. Но ведь никто никогда всерьез не рассматривал возможности колонизации Меркурия. Этот мир, лишенный вращения вокруг собственной оси, был обращен к Солнцу всегда одной стороной, где царила невыносимая жара, плавись металлы, кипели озера лавы, текли реки из расплавленных горных пород. В то время как на противоположной стороне властвовала вечная ночь и адский холод.

Планета была полностью лишена атмосферы, и поток солнечной радиации был настолько силен, что от него плохо защищали даже скафандры высшей радиационной защиты. Вряд ли можно было найти для переселения вариант более худший, чем этот негостеприимный мир.

По маневрам корабля вблизи планеты Палмер понял, что Линго не собирается приземляться и здесь. Пилот вывел их на низкую орбиту, проходящую через оба полюса планеты, чтобы большую часть времени находиться над затененной частью Меркурия.

— Фран, постарайся соединиться с одним из спутников, — попросил Линго.

Девушка села за передатчик. Через несколько минут работы рычажками настройки она подняла голову.

— Готово. Я настроилась на частоту ближайшего баксена. Ты можешь начинать, Дирк.

Линго включил свой микрофон.

— Феникс... Феникс... Феникс... — сказал он, — Феникс, ответьте мне... Феникс...

Ему пришлось повторять позывные некоторое время, прежде чем сквозь шорохи и помехи, вызываемые солнечной радиацией, из динамика раздался монотонный механический голос.

— Вас понял... вас понял... здесь Феникс... вас понял...

Больше всего это напоминало магнитофонную запись.

Кивнув головой, Линго отключил передатчик.

— Смываемся отсюда, а то мы здесь заработаем кос-что похуже насморка. Рауль, займись магнитоскопами.

Рауль согласно кивнул головой и вышел. Линго вновь вернулся к пульту управления полетом. Корабль сошел с планетарной орбиты и устремился вверх, наращивая скорость, перпендикулярную плоскости эклиптики. Палмер успел заметить несколько металлических предметов, весром вылетевших из корабля как раз перед началом ускорения.

— Магнитоскопы? — спросил он.

— Да, — ответил вернувшийся Ортега. — В принципе, это обычная телевизионная камера, снабженная передатчиком. Мне кажется, Дирк тебе уже говорил, что мы разбросали некоторое их количество повсюду внутри системы. Сейчас мы лишь добавили несколько штук, для большей уверенности. Все магнитоскопы связаны между собой и передают свою информацию прямо на наш главный экран. Поэтому по нашему желанию мы можем увидеть крупным планом любой сектор всей Солнечной системы.

— А куда мы направляемся теперь?

— Никуда, — тихо ответил Линго.

Прошло уже несколько часов, а корабль все продолжал свое ускорение, дальше и дальше удаляясь от плоскости эклиптики. Постоянно нарастающая тяга генераторов Силового Поля разгоняла его до скорости, уже вплотную приблизившейся к скорости света. Наконец, когда Солнце на главном экране перестало выглядеть маленьким диском, затем монетой, и превратилось в обычную сверкающую точку, подобную другим звездам, Фран сказала:

— Думаю, мы уже достаточно далеко, Дирк. Здесь при необходимости можно в любой момент нырнуть в Статическое Пространство.

— В Статическое Пространство? — удивился Палмер.

— Так куда же все-таки мы направляемся? На Олимпию?

— Я уже тебе сказал — никуда! — несколько раздраженно ответил Линго, нажимая на кнопки, отключающие работу генераторов Силового Поля. Корабль неподвижно повис в пространстве, неразличимый в абсолютной черноте Космоса, освещаемой лишь слабым блеском далеких звезд.

— Конец дороги, — сказал Линго. — Будем ждать здесь.

— Ждать чего? — спросил Палмер.

— Не чего, а кого. Стаю наших друзей — «собак», конечно.

12

— Какого черта, Дирк! Почему никто из вас не хочет объяснить мне, что происходит? — спросил Палмер, стукнув кулаком по стойке бара. — Мы висим неподвижно в самом центре этого «нигде» уже добрых две недели и никто даже словом не заикнулся, почему. Теперь я тебя прямо спрашиваю, почему?

Линго сосредоточенно выводил узоры на поверхности стола, макая палец в небольшую лужицу пролитой жидкости. Он вздохнул.

— Видишь ли, Джей, — медленно начал он, будто подбирая слова, прежде чем произнести их. — Мы не открыли тебе наш план перед посещением Кора и, как ты впоследствии понял, у нас для этого были веские основания. Мы боялись нежелательной реакции с твоей стороны и, потом, мы хотели, чтобы ты узнал некоторые вещи вполне определенным способом.

— Ну и что? Какое отношение это имеет к...

— Тогда, как и сейчас, у нас были определенные основания для этого.

— Это все слишком туманно, тебе не кажется?

Линго поморщился.

— Я понимаю твои сомнения. Но и ты должен понять, что существуют некоторые вещи, понятия, которые... существуют, и все. Это надо принять. Существуют вещи, которые необходимо узнать самому. Им нельзя научить или обучить. Ты ведь знаешь, например, что лучший способ научить человека плавать — это кинуть его в воду. Ты несешь в себе будущее, Джей. И чтобы это будущее не превратилось в безумный, раздражаемый внутренними противоречиями мир, ты должен будешь стать своеобразным мостиком между нами, соларианами, и Конфедерацией. Но ты уже знаешь все это... Мы прошли вместе длинный и трудный путь, Джей, и, должен сказать тебе откровенно, мы гордимся тобой... да что греха таить, и собой тоже. Своим примером ты доказал, что человек Конфедерации способен понять солариан. Но только этого недостаточно. Ты должен в полной мере стать членом нашей органической Группы. Почувствовать принадлежность к ней, как говорится, душой и телом. Иначе вся наша затея окажется бессмысленной.

— Хорошо. Но как все это объясняет вашу скрытность? Что касается меня, я искренне согласен стать полноправным членом вашей Группы прямо сейчас. Скажите только, что для этого нужно?

— Вот, вот, Джей, — вздохнул Линю. — Я не могу тебе сказать, как или каким образом ты можешь это сделать. И никто этого тебе не сможет объяснить. Скажи мне вначале, как ты сам представляешь формирование такой Группы? По закону лотереи? По наследственным признакам? Или с помощью компьютера, вроде Совета Мудрости? Органичная Группа — это такая горстка людей, которым случилось пережить вместе какое-то глубокое потрясение, настолько объединившее их, что рождается ощущение сопричастнос-

ти друг к другу, чувство единения, общности в мыслях, чувствах, поступках, хороших или плохих, неважно. «Органическая» — вот слово-ключ к пониманию смысла Группы, Джей. Группа думает и поступает как единый организм. В каком-то смысле это и есть организм. Нельзя заранее сказать, из кого будет состоять та или иная Группа, ее нельзя организовать искусственно, как какое-то правительство. Она рождается сама. Возьми, к примеру, наш случай. Так получилось, что Макс и Линда выросли вместе. Они с детства были едины, как могут быть только телепаты. Мне пришлось однажды спасти жизнь Раулю. Робин сделала то же самое для меня. А в то время Робин и Рауль были вместе, и я стал на некоторое время соперником Рауля. Но все это прошло, и мы стали, в конце концов, друзьями. Фран и я долго вместе работали в одном административном учреждении. То есть, я хочу сказать, что прошли целые годы, прежде чем сформировалась наша Группа. Макс и Рауль... ну, хватит, я могу продолжать до бесконечности. Я думаю, ты понял главное, что формирование Группы — дело очень длительное, сложное, совершенно алогичное, подверженное миллионам случайностей, как и любой другой естественный процесс. Он предполагает единство ощущений и эмоций, хороших или плохих, умение разделить страх или боль...

Линго замолчал, пытаясь найти более точное определение.

— Я не могу объяснить тебе всего словами, Джей, — после некоторого молчания продолжил он. — Потому что не все можно ими выразить. Все, что я могу еще сделать, это рассказать тебе длинную серию полуправдивых или неправдоподобных эпизодов, которым ты можешь поверить или нет. Но я обещаю тебе одно. Если ты выживешь, ты узнаешь, о чем я пытался тебе сказать сегодня. Ты понял меня?

— Но почему вы не можете мне объяснить то, что происходит сейчас?

— Потому что... потому что, если я тебе это скажу, ты никогда не сможешь этого понять. Ты подумаешь... ты просто подумаешь, что мы монстры. Ты в большей степени окажешься подвержен влиянию того, что ты уже знаешь, вместо того, чтобы найти в этом опыте те новые сведения, которые ты должен будешь из него почерпнуть.

— Не понимаю.

Линго беспомощно развел руками.

— Конечно, нет. Но лучше я не могу объяснить. Лишь добавлю: даже в том случае, если все произойдет, как мы предполагали, даже если мы правильно просчитали реакцию дулариан, то и тогда

событие, которое должно последовать за этим, будет настолько страшным, что затмит ужас самого худшего из твоих кошмаров. И еще потому я не могу тебе ничего сказать, что это событие по своей грандиозности и масштабам превосходит самые невероятные подозрения, которые наша скрытность, как ты изволил выразиться, могла бы породить в твоем сознании. Поверь мне на слово, Джей, сейчас я отдал бы все на свете, чтобы только поменяться с тобой местами.

— Но если будущее настолько ужасно, почему...

— Почему? — резко переспросил Линго. — Потому что это должно быть сделано. Органичная Группа подарила людям новый уровень восприятия. Но ты совершишь большую ошибку, если подумаешь, что это очень приятно — острее воспринимать окружающее. Иногда... погоди-ка, вспомни Дугласа Мак Дея. Он оказался перед выбором: не делать ничего, оставаться спокойным, жить изо дня в день и знать, что человеческая раса обречена на вымирание. Или швырнуть всю солнечную систему в бездну хаоса, страданий и ужаса, в надежде на то, что однажды кто-то, или что-то, сможет вынырнуть из этого океана безумия, обретя достаточно сил для того, чтобы спасти все остальное человечество. Мак Дей сделал свой выбор. А ты, Джей? Что бы ты сделал на месте Дугласа Мак Дея?

— Я? Честно говоря, Дирк, не знаю, — растерянно пробормотал Палмер.

— А я — тем более, — спокойно сказал Линго. — Мне хотелось бы думать, что на его месте я смог бы поступить так же, но... не знаю... Да и кто может знать?

Палмер внимательно посмотрел на него.

— Мне кажется, тут что-то есть еще, а, Дирк? — спросил он. — Что-то личное.

Линго, не поднимая взгляда, продолжал мрачно рассматривать поверхность стола. Его голос, когда он вновь заговорил, звучал приглушенно, будто что-то мешало Линго говорить.

— Да, — почти прошептал он. — Думаю, да... Иногда, Джей, люди должны выбирать не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим, между двух зол. И что бы вы ни выбрали, как бы хорошо все ни кончилось, вы будете знать, что это останется с вами навсегда. Мак Дей находился в подобной ситуации... и мы тоже. Мак Дей сделал свой выбор, но не дожидаясь до того момента, чтобы убедиться в своей правоте. Мы тоже сделали выбор, но... кто знает, на свете, к сожалению, не так уж много людей, похожих на Мак Дея. Джей, я думаю, что человек всегда ощущает потребность в том, чтобы нашелся некто, способный оценить его поступки,

выступить в роли судьи, оценить твои действия с точки зрения стороннего наблюдателя. И для нас таким человеком являешься ты, поскольку можешь судить нас без всякой предвзятости.

— Но не без симпатии, Дирк, — улыбнулся Палмер, ободряюще положив руку на его плечо.

Линго взглянул на него и ответил иронической улыбкой.

— Ну, конечно, не без симпатии. Старик гомо сапиенс всегда любил шельмовать в свою пользу. Я подозреваю...

Шумно, как всегда, в кают-компанию ворвался Ортега.

— Дирк! Дирк! Ты что тут рассиживаешься? Пошли скорее! Все в рубку управления! Они появились.

— Кто? — вскочил на ноги Палмер.

— Кто, кто! «Собаки»! Всей ордой!

— Но я ничего не вижу! — воскликнул Джей, когда они прибежали в рубку управления. Все солариане были уже в сборе и не отрываясь смотрели на завораживающую панораму сверкающих звезд, рассыпавшихся по черноте Космоса, которую являл их взору самый большой экран корабля.

— Смотри сюда, — сказал Ортега, указывая на небольшое туманное пятнышко, своей формой напоминающее крошечную комету, медленно, относительно огромного расстояния, приближающуюся к Солнечной системе. — На экране сейчас все представлено в обычном масштабе. Мы видим то, что фиксируют камеры нашего корабля. Пора подключаться к нашим магнитоскопам... Включаю первый, на орбите Плутона.

Ортега уселся перед большой консолью с множеством рычажков и клавиш и нажал одну из них.

Изображение на большом экране вздрогнуло, на мгновение замутилось и вновь стало четким и ясным. Сначала показалось, что на экране почти ничего не изменилось. Все те же звезды, холодные и далекие, рисунок созвездий, и... но что это?..

— Черт бы меня набрал! — выдохнул Палмер, — Никогда бы не подумал, что можно собрать столько кораблей в пределах одного сектора!

То, что еще минуту назад выглядело на экране крошечной кометой с длинным шлейфом хвоста за ней, при более близком рассмотрении оказалось огромным скоплением военных кораблей Империи, выстроившихся в свой обычный боевой порядок — конус с основанием впереди — на полной скорости приближающихся к границам Солнечной системы. Простым глазом невозможно

было сосчитать количество кораблей, из которых состоял дугларианский флот. Основание конуса выглядело как гигантская, состоящая из кораблей, стена, растянувшаяся в диаметре на многие мили. Вершина конуса отстояла от его основания на добрых двадцать миль, и все это пространство до предела было забито военными крейсерами. Общая масса гигантского флота должна была превосходить массу весьма солидного астероида.

— Я не верю этому, — пробормотал Палмер. — Я вижу, но не могу поверить собственным глазам.

— Однако, они действительно там, — сказал Линго, на лице которого появилось холодное бесстрастное выражение гипсовой маски. — Империя Дуглаари поставила на кон большую половину всех кораблей.

Флот уже достиг внешних границ обезвреженных минных полей, поставленных здесь когда-то соларианами. Семь человек не отрываясь смотрели на экран, будто птицы, замороженные медленным танцем кобры.

Основание построения вражеских кораблей на мгновение закипело, потеряв свою парадную четкость, словно все крейсера разом сменили свою позицию. По всей поверхности этой невообразимой «стены», из конца в конец, прокатились сполохи огоньков. Неужели заработала оборона Крепости и...

...и Палмер тут же понял, что оказался не прав. Эти огоньки — не следы взрывов в стане неприятельских кораблей. Это — двигатели ракет, которые флот гигантским залпом выплюнул в направлении минных полей, чтобы расчистить себе дорогу. Тысячи, десятки тысяч ракет сразу.

Прибавив ускорение, приданное им собственными двигателями, к скорости, с которой двигался весь флот, огромный рой ракет и снарядов устремился к орбите Плутона.

Спустя некоторое время темноту космического пространства разорвала вспышка ослепительного огня, которая, по идее, должна была длиться считанные доли секунды, так как это был термоядерный взрыв. Но произошло неожиданное. Взрыв не прекратился, как ему полагалось бы, а продолжил свое существование, разгораясь все ярче, пылая нестерпимым блеском в течение нескольких, тянущихся, казалось, бесконечно, минут. Создавалось такое впечатление, будто от орбиты Плутона в сторону Солнца протянулся огромный язык термоядерного огня шириной в несколько миль, прямой и стремительный, будто выпущенная из гигантского лука стрела, направленная в самое сердце системы.

— Что... что это может быть? — закричала Робин.

— Они прожигают себе тоннель сквозь минные поля, — ответил Палмер. — Это невероятно! Подобное я впервые вижу за всю карьеру военного. Думаю, они использовали принцип «домино». Когда костяшки стоят близко друг к другу, падение одной из них влечет за собой падение остальных. Они рассчитали время взрывов таким образом, чтобы они происходили последовательно, достигнув эффекта длительного, затянувшегося взрыва. По силе этих взрывов, думаю, что каждая боеголовка ракеты должна обладать мощностью в тысячи мегатонн каждая... Ничего себе взрыв, в несколько миллионов мегатонн!

Сейчас жуткий огненный цилиндр уже пересек орбиту Плутона и устремился в глубь межпланетного пространства. Затем его конец, расположенный ближе к флоту, стал «оплывать», словно гигантский огарок свечи, готовый вот-вот погаснуть. Язык огня сузился по своей периферии, и через несколько секунд после взрыва последних запоздавших ракет огненное термоядерное копье разом исчезло.

Дугларианский флот прожег себе безопасный «тоннель» в поле защитных минных заграждений, широкий и прямой, как стрела. Не снижая скорости, он миновал их и вскоре достиг орбиты Плутона. Здесь флот внезапно сменил направление, повернув под углом девяносто градусов.

— Что они делают?

— Вероятно, они направляются к Плутону, — высказал предположение Ортега. — Наверное, «собаки» собираются обработать на своем пути все планеты, не оставляя ни одной из них у себя в тылу.

Основание огромного конуса вновь осветилось огнями двигателей многочисленных ракет, залпом выпущенных всеми кораблями. Вновь бесчисленное количество ракет и торпед устремилось вперед по орбите Плутона, навстречу внешней системе планеты. Еще не закончили взрываться последние ядерные заряды, превратившие за доли секунды ледяную поверхность Плутона в кипящий ад, как неприятельский флот вновь сменил направление, устремившись к Солнцу.

— Зачем они это сделали? Ведь Плутон всегда был мертвой планетой? — недоумевал Палмер.

— Методичность, — ответил Ортега. — Этот флот обладает огромной огневой мощью, и у него хватит средств и сил, чтобы превратить всю систему в пепел. Думаю, именно это они и собираются сделать. А вдруг на Плутоне останется несколько человек на каких-нибудь исследовательских станциях? Над дугларианами

же довлеет примат тотального уничтожения человечества. И они будут ему следовать, бездумно, слепо, не отклоняясь ни на йоту.

Внезапно поверхность Плутона залило море огня. Изображение планеты на экране стало размытым, будто она заколебалась на своей орбите под действием взрыва тысяч ядерных боеголовок. Этот удар разнес на куски и мгновенно испарил ее поверхность, которая еще с момента возникновения планеты была покрыта толщей замерзших газов и жидкостей. Теперь, мгновенно разогретый до температуры Солнечного ядра, лед переходил в газообразное состояние, выбрасывая в разные стороны струи перегретого газа, вспарывая ими, как мечом, еще уцелевшие пласты льда и скальных пород. Во время столь быстротечной агонии Плутон скрылся под пологом того, чего был лишен на протяжении всего своего существования — на мгновение возникшей атмосферы.

В то время, когда Плутон исчез за облаками испарившегося газа и воды, дугларианский флот находился уже далеко. Захватчики не сомневались в эффективности и действенности своего оружия, чтобы контролировать результаты его применения. Участь Плутона постигла и следующие планеты системы: Нептун и Уран. Затем «собаки» вновь сменили направление полета и устремились к Сатурну.

— Они взрывают все заселенные спутники планет! — воскликнул Линго.

По его сигналу Ортега нажал другую клавишу на консоли аппарата, принимающего сигналы от рассеянных по всей системе магнитоскопов. Этот находился в районе Сатурна, неподалеку от его сверкающих колец. Центральную часть экрана занимал Титан, самый большой из спутников-лун гиганта, давно заселенный людьми. Вскоре на экране стал виден приближающийся флот дуглариан. На этот раз «собаки» сменили тактику. Вместо того, чтобы выпустить еще один рой ракет, они легли на стационарную орбиту вокруг Титана. Из кораблей вырвались сильные лучи света, которые стали методически «подметать» поверхность планеты. Тысячи лучей мощных лазерных пушек сжигали и плавили все на своем пути, оставляя за собой ровные участки дымящейся поверхности.

— Почему они решили применить здесь лазеры? — спросил Палмер.

— Еще один из методов дугларианской стратегии, — с сарказмом в голосе сказал Ортега — экономия. Все города на Титане укрыты защитными куполами. Достаточно уничтожить их, и ядо-

витая атмосфера планеты закончит начатое ими дело. Ракетный залп в этих условиях был бы просто расточительством.

Спустя некоторое время, поверхность Титана блеснула расплавленной поверхностью, как отполированный бильярдный шар.

Дуглариане вновь выстроились в походную колонну в виде огромного конуса и устремились в глубь системы, дальше, к Юпитеру.

— Какого черта, где же ваши корабли? — Палмер возмущенно взглянул на солариан, подобно статуям неподвижно застывшим перед экраном обзора. По их лицам было трудно догадаться, испытывали ли они в этот момент какие-либо чувства или нет. Казалось, вместо лиц в полумраке рубки реяли шесть алебастровых масок.

— Почему они не контратакуют? Почему вы не защищаетесь?

Но солариане, не обращая внимания на его вопли, продолжали, как зачарованные, смотреть на экран, где флот дуглариан разделился на несколько мелких эскадр и начал атаку обитасмых спутников Юпитера. На этот раз после лазеров были применены также и термоядерные бомбы, так как все остальные луны Юпитера лишены собственной атмосферы.

Во время атаки и после нее, когда Имперский флот закончил свою убийственную операцию и вновь ровнял ряды, превращаясь в огромный устрашающий конус, Палмер не переставал надрываться:

— Где ваши корабли? Почему, дьявол бы вас всех побрал, они не атакуют «собак»?

Линго, наконец, оторвал взгляд от страшной картины разрушения и повернулся к нему.

— Перестань кричать, Джей, пожалуйста! Каким образом вы смогли бы защитить внешние луны?

— Но ведь там погибают миллионы людей, Линго, — у Палмере сел голос. Он уже не говорил, а хрипел. — Как можно оставлять их там умирать и даже не попытаться?..

— Внешние луны тоже эвакуированы, — холодно заметил Линго.

И снова отвернулся к экрану. Ортега подключил новый магнитоскоп, и изображение на экране сменилось. На этот раз передающая камера располагалась высоко над плоскостью эклиптики и была направлена вниз, захватывая в поле зрения зону Астероидов.

— Следующая на их пути — Зона, — пробормотал Ортега, подкручивая верньеры, чтобы улучшить резкость изображения — Церера... Веста... Паллас...

Ожидание затянулось, а флот все не появлялся.

— Что происходит? — спросил Линго. — Куда они могли деться?

— Не знаю, — ответил Ортега. — Они уже давно должны были бы оказаться на месте. Попытаемся увеличить угол обозрения.

Дирижер Игры переключился на собственные камеры корабля Флот дуглариан не исчез. Он был хорошо виден на большом экране, своими очертаниями напоминая миниатюрного головастика, медленно ползущего к новой цели. Но его путь лежал не к астероидам. Сделав новый зигзаг, вражеские корабли далеко обогнули эту зону и теперь приближались к Марсу, второй по значению густозаселенной планете Солнечной системы. «Ну, наконец-то, — подумал Джей. — Сейчас-то Крепость должна ответить и продемонстрировать все, на что способна!».

— Черт бы их побрал, — ругнулся Ортега. — Хотел бы я знать, почему они не тронули Зону Астероидов?

Он вновь переключился, задействовав магнитоскоп, находящийся точно над Марсом. Красный диск планеты казался огромным на сферическом экране наблюдения. Его видимые размеры раза в два превышали размеры Луны, наблюдаемой с Земли. Изображение было достаточно крупным и четким, чтобы ясно увидеть зеленые полосы и массивы густой растительности, протянувшейся на тысячи миль вдоль берегов древних каналов. Большие квадратные пятна сельскохозяйственных культур, приспособленных к более суровому климату планеты. Многочисленные прозрачные купола, прикрывающие огромные города. В отличие от Внешних Лун Марс даже на столь большом расстоянии производил впечатление уютной обжитой планеты.

Резко контрастируя с обликом далеких холодных внешних планет системы этот вид ухоженного, цивилизованного мира придавал еще более зловещий аспект спешащему к нему «на всех парусах» вражескому флоту.

Все также нигде не встречая сопротивления, дуглариане спокойно расположились на орбите вокруг Марса, образовав сверкающее кольцо над планетой, как последний дар обручения со смертью.

И опять никакой попытки оказать сопротивление со стороны солариан. Ни одного земного крейсера на экранах, ни одного старта ракеты с поверхности планеты. Атака дуглариан началась. Четыре тысячи кораблей провели «артиллерийскую подготовку» лучами лазерных пушек, которые, подобно гигантским огненным скребкам, прошлись по всей поверхности планеты от полюса до полюса, оставляя за собой море огня, дыма и пепла там, где что-то могло гореть. Алмазные купола городов бесшумно взрывались, подставляя смерто-

носным лучам беззащитные кварталы домов, мгновенно исчезающих в диком смерче огня и дыма, свечой устремлявшихся к небу.

Затем в это безжалостное море пламени и дыма полился дождь из бомб и снарядов, которые, однако, не разорвались, достигнув поверхности планеты. Это были, скорее всего, не обычные фугасные или осколочные снаряды, а контейнеры, содержащие смертельные газы или особо опасные штаммы бактерий молниеносной чумы, специально адаптированных к условиям разреженного воздуха Марса. Их время настанет позже.

Следующим номером программы явились ракеты с ядерными боеголовками. От гигантских взрывов ледяные шапки обоих полюсов испарились за несколько минут и «сухая» атмосфера Марса впервые за многие миллионы лет получила огромное количество водяного перегретого пара, толстым покрывалом туч закрывшим истерзанное тело планеты от взгляда стороннего наблюдателя. Теперь на месте Марса в космосе висел огромный шевелящийся клубок серо-грязно-черных туч, изредка освещаемый снизу то ли взрывами, то ли невиданными газовыми разрядами. Затем тучи, перенасытившись паром и охладившись, пролились чудовишным дождем на поверхность планеты. Но это был не животворящий дождь. Он нес с собой миллионы тонн смертоносных радиоактивных осадков, состоящих из частиц почвы и скальных пород.

В течение какого-то получаса Марс превратился в апокалипсис радиоактивных туч, смерчей и ураганов, в озера и моря расплавленного песка и пепла, шипящих под бешеными секущими струями потока, низвергнувшегося с неба.

Всего лишь полчаса — и цветущая планета превратилась в зловонный горящий радиоактивный труп. А защитники Крепости Сол так и не появились. Корабли Имперского флота медленно дрейфовали над поверхностью планеты, проводя последнюю инспекцию своей разрушительной работы. Затем, не торопясь, вероятно теперь вполне уверенные в своей безнаказанности, они вновь выстроились в безупречной формы конус и медленно сошли с орбиты под острым углом к плоскости эклиптики. Теперь перед ними была главная цель — Земля. Но...

— Глядите! — воскликнул Палмер, резко вскинув руку по направлению к экрану, хотя никто и не думал отводить от него взгляда. — Они разворачиваются! Они уходят!

На экране действительно творилось нечто несобъяснимое. Направление движения флота явно не соответствовало положению Земли в данный момент. Дуглариане сделали разворот и устреми-

лись к, внешней границе системы, прочь от Солнца, оставив за спиной дымящийся, сожженный Марс.

— Линго! Беру назад все слова, которые я тут наговорил, — возбужденно продолжал Джей. — Вот оно! Не знаю, как нам это удалось, но вы сделали это, черт побери! Они отступают. По ним не сделано ни единого выстрела, а они отступают!

Но солариане не ликовали. Наоборот, их лица приняли тревожно-недоуменное выражение. Все вопросительно посмотрели на Линго.

— Я понимаю не больше вашего, — ответил он на безмолвный вопрос. — Мы здесь ни причем. Вы же знаете, мы не сделали ни единого жеста, чтобы помешать им.

Достигнув Зоны Астероидов, флот дуглариан затормозил и вновь разделился на многочисленные эскадрильи. Группы кораблей стали рассивать наиболее крупные астероиды, находящиеся на стабильных орбитах, дробя их на более мелкие осколки. Основная масса флота вышла за пределы зоны и остановилась.

— Что они собираются делать? — спросил Джей.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил ему Ортега. — Почему они решили заняться астероидами только сейчас? Да и зачем им это нужно? После того, как они уничтожили Марс?

К тому времени расстрел крупных астероидов прекратился, и все эскадрильи вернулись к основным силам флота, дрейфующего неподалеку.

Флот пришел в движение. Основание его конуса резко увеличилось в диаметре, вобрав в себя часть кораблей из центральной части построения. Конус стал короче, но гораздо шире в основании. Как всегда, основанием вперед, флот на медленной скорости подошел к самому краю Зоны и двинулся параллельно ему. Пройдя так некоторое расстояние, он круто развернулся на 180° и двинулся в обратном направлении вдоль края зоны. И так несколько раз, при каждом повороте чуть больше углубляясь в глубь Зоны.

— Я понял! — внезапно воскликнул Ортега после того как флот сделал очередной разворот. — Ну, конечно! Там четыре тысячи кораблей, объединенных единым Силовым Полем. Представьте, насколько оно должно быть мощным! Они, как лопатой, сгребают осколки астероидов в кучу. Вглядитесь в то, что находится прямо перед плоскостью поля!

К этому моменту результат странных маневров кораблей дуглариан явственно стал различим на экране. Прямо по центру огромного диска медленно росла куча мелких астероидов и облом-

ков крупных, растекаясь по вогнутой поверхности Силового Поля и скапливаясь в его центральной части. И с каждым поворотом количество этих обломков все увеличивалось, пока не приняло размеров огромного диска, равного по диаметру окружности основания конуса флота. Дуглариане создали огромный экран из астероидов, гигантский рой искусственных метеоритов, сдерживаемый и толкаемый вперед, как поршнем, невообразимым по мощности объединенным Силовым Полем всех кораблей флота.

Наконец, отягощенный огромной дополнительной массой, флот прекратил свои челночные хождения в Зоне Астероидов, медленно поднялся над плоскостью эклиптики и направился к Солнцу. Перед собой он толкал громадный дополнительный экран, вобравший в себя большую часть пояса астероидов.

Медленно набирая скорость противник устремился к Земле, спрятавшись за огромным щитом из скальных обломков самой различной величины и формы.

— Ловко придумано! — скрипя сердце, не мог не признать Ортега. — Смотрите, как они движутся! Все время держат этот искусственный щит между собой и Землей. Он остановит любую ракету или луч лазера. С фронта они сейчас практически неуязвимы.

Линго резко выбросил руку вперед, по направлению к движущемуся на экране дугларианскому флоту.

— Это вам не поможет. И дьявол еще потешится на ваших поминках! — и это прозвучало как клятва.

Неприятельский флот приближался к Луне, первой планете, на которую ступила нога человека. Палмер подумал, что Луна — это уже практически Земля, и в таком случае она должна быть вооружена до зубов. Он все ждал и надеялся на ответный удар землян.

Флот лег на окололунную орбиту. Защитный экран из камней и скал двигался с постоянной скоростью вокруг планеты, в то время как дугларианские корабли всплыли над ним, расположившись таким образом, чтобы он постоянно находился между ними и поверхностью планеты, защищая их от прямых залпов с Луны. А сами принялись методично забрасывать поверхность спутника Земли ракетами и снарядами по навесным траекториям, но с удивительной точностью. В пламени ядерных взрывов исчезали рудники, шахты, подземные, вернее, подлунные заводы, рушились купола жилых поселков и городов.

— Они используют боеголовки с инфракрасным зрением, — заметил Ортега. — На ночной стороне поверхность Луны настолько промерзла, что для этих ракет наши города видны так же хоро-

шо, как нос на лице. Но они будут менее эффективны на дневной, поскольку относительная разница температур там меньше. Им придется придумать что-либо другое.

— Не беспокойся за них, — мрачно ответил Линго, — уверен, у них приготовлены варианты на все случаи жизни.

— И вы так спокойно все обсуждаете? — вновь взорвался Палмер. — Какого черта делает ваш флот? Почему даже с поверхности не было ни единого выстрела?

— Не сотрясая воздух попусту, Джей. Луна тоже эвакуирована. Чего ради распылять силы, чтобы защищать покинутую планету? — холодно ответил ему Линго.

— Да, но следующей будет Земля, не так ли? До нее всего четверть миллиона миль отсюда.

— Я знаю астрономию не хуже тебя, — Линго обдал его холодным взглядом. — Давай, Рауль.

Ортега нажал другую клавишу, и экран тут же перенес их в новую точку пространства. Судя по всему, этот передатчик находился на расстоянии каких-то пятидесяти тысяч миль от Земли.

Экран показал огромный зелено-голубой шар планеты, окруженный опалесцирующим ореолом атмосферы.

Затем выше и правее Земли появился быстро увеличивающийся в размерах конус дугларианского флота, подобно огромному рою мух, устремившихся на лакомый, источающий соблазнительный запах кусок.

Теперь «собаки» не спешили. Они осторожно приближались, прячась за экраном из скал и астероидов. Выйдя на околоземную орбиту, они повторили маневр с экраном, использованный ими при бомбардировке Луны. Так они дважды облетели Землю, прикрываясь искусственным щитом, пытаясь, вероятно, локализовать оборонительные центры Земли.

Если «собаки» и намеревались спровоцировать Землю первой начать атаку, то из этого ничего не вышло. Планета молчала. С поверхности не взлетел ни один космический корабль, не ударили лучи лазерных орудий.

Казалось, флот дуглариан колеблется, заинтригованный загадочной инертностью защиты, и ожидая какого-нибудь подвоха со стороны Крепости Сол.

Затем весь флот разом затормозил и пропустил под собой всю массу камней и астероидов. Закончив этот маневр, они поменяли орбиту на более высокую, ускорились, вновь подхватили экран своим силовым полем и коротким сильным толчком изменили его

движение на противоположное. Вновь оставив экран, они поднялись выше и вернулись на полярную орбиту.

— Что происходит? — удивился Линго, — Что они делают?

— Думаю, я могу вам это объяснить, — ответил Палмер, с мрачным видом следивший за всеми маневрами дуглариан. — Они снизили скорость всей этой тучи камней, и она теперь стала меньше орбитальной. Таким образом каждый кусок астероида начнет двигаться по снижающейся траектории, постепенно превращаясь в метеорит. Смотрите, смотрите!

Тысячи, десятки тысяч астероидов всех размеров по пологой кривой устремились к поверхности планеты, пролившись огнедышащим смертоносным каменным дождем. Многие не долетали до поверхности, сгорая в атмосфере. Но еще больше миллионами тонн раскаленного камня рухнули на города, поселки, поля, моря, джунгли, прерии и пустыни. Повсюду. Океаны окутались облаками пара, поглотив свою часть метеоритов. Огромные волны, вызванные падением гигантских обломков, обрушились на берег, смывая и разбивая вдребезги прибрежные поселки и строения, дамбы, порты, стоящие на якорях суда. Землю обезобразили бесчисленные метеоритные кратеры. К небу поднялись многочисленные столбы дыма. Горели леса, тайга, джунгли. По прериям и саваннам несея огненный ураган, уничтожая все живое на своем пути. Атмосфера взбунтовалась, скручиваясь в тайфуны и ураганы, с диким воем и ревом несясь над поверхностью земли, ломая и выкорчевывая леса, раздувая и поддерживая повсеместные пожары. В сейсмически активных зонах пробудились десятки вулканов, и в атмосферу полетели миллиарды тонн пыли и пепла. Закачалась земля, разрушая города, уцелевшие от метеоритной атаки.

То, что на Луне потребовало тысячелетий, свершилось на Земле в течение нескольких минут. Поверхность превратилась в нечто, напоминающее изрытую, обезображенную глубокими оспинами кожу человеческого лица, подвергшегося молниеносной атаке заразной болезни.

Говорить Палмер уже не мог. Глазами, полными ужаса и боли, он смотрел на разверзшийся ад. Мысли, заиклившись в бесконечный круг, туло шевелились в голове. Где же знаменитая защита Крепости? Где ее флот? Почему они не сражаются за древнейшую прародину Человечества? Чего они еще ждут? — и так по кругу.

Не удовлетворившись результатами метеоритной атаки, дуглариане приступили теперь к методичной бомбардировке поверхности термоядерными зарядами. Сердце Джея болезненно сжалось... и

вновь оживленно забилося, когда он увидел, насколько неточно целятся вражеские бомбардировщики. Ни одна из ракет не коснулась континентов. Все они канули в глубинах Тихого океана, вдоль западного побережья обеих Америк, вокруг Азии. Великий океан молча принял их все как горсть пиллюль.

Что это? Какое-то новое фантастическое изобретение солариан, предотвращающее ядерные взрывы? Или они нашли способ защитить континенты, отклоняя траектории ракет?

Внезапно вдоль всего западного побережья американского континента и по окружности Азии Тихий океан вздыбился одним гигантским титаническим гребнем, более мили высотой. К небу стремительно взмыли огромные облака радиоактивного пара, будто одновременно заработали все вулканы великой тихоокеанской впадины, будто расплавленные недра земли выплеснулись в каменное ложе океана из гигантской тектонической складки, идущей по его дну.

— Мой Бог! — сдавленным голосом пробормотал Ортега. — Великая океанская Впадина. Они попали в нее!

Гигантский цунами достиг, наконец, берега и рухнул на него, круша и сметая все на своем пути на многие сотни миль вглубь континентов. Берег, казалось, вздрогнул и прогнулся от удара невообразимой массы воды. Наконец волна схлынула, но очертания берега продолжали оставаться размытыми и нечеткими, будто весь материк затрясся в какой-то бешеной лихорадке. Тектонические плиты материков, сходящиеся в районе Великой Тихоокеанской Впадины, пришли в движение!

С величественной и ужасающей медлительностью все западное побережье американского континента вплоть до последних отрогов Анд и Скалистых Гор беззвучно заскользило в бурлящие воды взбесившегося океана. Катастрофические катаклизмы сменяли друг друга по всему бассейну Тихого океана: Японские острова сначала раскололись на ряд более мелких, которые затем исчезли в бушующей пучине гигантских валов, бегущих от азиатского берега к американскому и наоборот. Острова Индонезии, Филиппин, Малайзии один за другим исчезали в океанской бездне. Все вулканические острова огромного океана дымились жерлами своих оживших вулканов, плюющих лавой, вздымающих к небу огромные тучи непла, пыли и пара.

Весь тихоокеанский бассейн превратился в огнедышащий ад треснувших и пришедших в движение материковых масс, потоков лавы и гремящего хаоса, скрытого под густой пеленой туч и раскаленного пара.

Теперь корабли дуглариан перенесли основной огонь на по-

люса. Гигантские ледовые шапки планеты в несколько минут превратились в невообразимое облако пара. Расколотые на части, огромные ледяные поля и айсберги устремились в экваториальные воды, тая и испаряясь по дороге.

На этом Имперский флот сделал небольшую передышку, четырежды облетев планету, которая представляла собой кипящий, взрывающийся, трясущийся ад.

Затем к земле полетели новые десятки тысяч ракет, которым не суждено было достичь поверхности. Они взорвались на всех уровнях атмосферы, выбросив в воздух десятки тысяч тонн различных радиоактивных элементов: натрия, кобальт, углерод-14. Эти радиоактивные осадки, чей период полураспада составлял десятки, сотни и даже тысячи лет, полностью отравили атмосферу планеты, смешавшись с облаками перегретого пара и раскаленного пепла.

Если там, внизу, случайно еще уцелели люди после метеоритной бомбардировки, атомных взрывов и геологических катаклизмов, то им грозила куда более тягостная участь, чем та, что уже постигла основную часть населения.

Обе полярные ледяные шапки, льды Гренландии и горных пиков, все испарилось под воздействием огромной температуры ядерных взрывов. Испарилась также часть воды Великого океана. Когда температура воздуха и перегретого пара уменьшится и восстановится былое термическое равновесие, весь этот пар сконцентрируется и выпадет дождем на Землю.

Дождь начался уже сейчас. Повсюду над землей из низких мятущихся облаков полились струи дождя, который быстро достиг силы ураганного тропического ливня. Его струи хлестали Землю в напрасной и безнадежной попытке очистить ее от следов разрушений, напитать влагой иссушенную взрывами почву. Дождь будет лить месяцами, может быть и годами, сменившись снегом, если понизится температура. Он будет сечь землю до тех пор, пока Океан не вернет себе всю влагу, потерянную после взрывов ракет и извержений вулканов. Пока тысячи квадратных миль в водах Арктики и Антарктики вновь не покроются толстой шапкой льда. Но этот дождь не нес с собой жизни. Он убивал, как и все теперь на Земле. Дождь и вода разносили смертоносные радиоактивные частицы по всей поверхности, во все слои почвы, убивая не только семена, но и сами корни уцелевших еще растений. Взрывы, ураганы, землетрясения, извержения вулканов уничтожили всех животных, все биологические виды на поверхности Земли. Радиоактивность почвы довершила начатое, обрекла на мутации и вы-

мирание весь растительный мир планеты. Земля была стерилизована. Земля была мертва.

Осознание непоправимости случившегося повергло Палмера в прострацию. Он долго смотрел на окутавшуюся радиоактивными облаками планету незрячим взглядом. В сознании его жила лишь одна мысль: «Земля, Великая планета Сол мертва. Мертва колыбель, прародина, родной очаг всего человечества. Земли нет».

Смириться с этим было невозможно. Что же — конец всему! Он как бы сразу потерял всех; отца, мать, семью, всех своих родственников, близких и далеких, своих предков; он потерял все, что любил, все, о чем он думал и заботился.

Но это было еще не все.

Это была смерть религии, надежды, обещания. Человек отныне терял то, что заставляло его жить и бороться с самой зарей человеческой цивилизации. Это был триумф зла. Это была единственная смерть, не поддающаяся воображению — смерть человеческой расы. В душе Человека часы пробили полночь.

Рыдания душили Палмера, но он почти не отдавал себе отчета в том, что плачет. В его потрясенном мозгу лишь несколько клеток сохранили отвагу думать о чем-либо. И то они были способны лишь смутно регистрировать происходящее вокруг, не побуждая к каким-либо действиям. Слезы прочертили дорожки по его вмиг осунувшемуся лицу, первые слезы за двадцать пять лет жизни.

Земля погибла. На экране плыла мертвая сфера, окруженная клубящимися облаками. Дымящиеся руины. Пример абсолютного уничтожения. Она плыла в пространстве, подобная начавшему разлагаться труп. Земля мертва, и что-то в нем умерло вместе с ней — надежда, цель бытия, будущее, все, что придавало жизни значимость и необходимость. И все это теперь погибло...

Ценой огромного усилия он отвел взгляд от ужасающего вида умирающей планеты и посмотрел на своих товарищей.

Их лица не выражали почти ничего, застывшие безжизненные лица-маски. И лишь мокрые щеки выдавали их. В последнем всплеске ярости и возмущения Палмер бросил им в лицо:

— Вы не люди! Монстры, дьяволы, скоты, сумасшедшие, может быть! Но не люди! Люди никогда бы не пошли на это. А вы... вы убили человеческую расу! Вы предатели...

— Заткнись!!! — рявкнул Линго так, что Палмер невольно присел от акустического удара, едва не порвавшего ему барабанные перепонки. — Заткнись и помолчи немного!

Его голос был настолько ужасен, что Палмер мгновенно умолк,

потеряв последние слабые попытки к сопротивлению. Ему было все равно. Отныне и навсегда он будет пассивным свидетелем последующих событий.

Словно в кошмарном сне, когда видишь, как кусок стены падает на тебя и нет сил и возможности избежать этого, и ты только ждешь, что вот... вот... вот сейчас... а-а-а!!! — и просыпаешься в холодном поту, так Палмер с полной отрешенностью человека, не имеющего возможности вмешаться в происходящие события, следил за тем, как дугларианский флот, наверняка радуясь неожиданно легкой победе, снова строится в походную колонну, готовясь покинуть околоземную орбиту.

Вероятно для того, чтобы каждый командующий флотом мог в полной мере насладиться ощущением одержанной победы Имперский флот дуглариан медленно и величественно проплыл над уничтоженной Землей, совершая своего рода круг почта, и взял направление к Солнцу. Целью его, безусловно, были две оставшиеся планеты системы — Венера и Меркурий. Последовательные во всем, «собаки» хотели завершить свой рейд полным уничтожением планет Солнечной системы, стереть с лица земли последние остатки человечества, которые еще могли оставаться на них.

Не отрывая взгляда от экрана, Ортега переключил клавиши коммуникатора, установил связь с очередным магнитоскопом, находящимся над орбитой Венеры. Оттуда Земля выглядела все той же голубой и яркой точкой, какой она и была раньше в течение миллионов лет. В масштабах Вселенной разрушение и даже полное уничтожение нескольких планет было не более чем эпизодом.

Прошло немного времени, и на обзорном экране появилась маленькая черная точка, быстро растущая в размерах. Флот дуглариан спешил к своей очередной жертве.

«Какое это теперь имеет значение?» — устало и обреченно подумал Палмер, глядя на сверкающий серп Венеры, сплошь покрытой жемчужной пеленой облаков, светящихся под яростными лучами близкого Солнца.

Дуглариане уже закружились в смертельной спирали вокруг планеты. Джей отвернулся от экрана и взглянул на солариан. То, что он увидел, весьма его удивило. Они, казалось, совершенно забыли про вражеский флот и его очередную жертву. Все их внимание было сосредоточено на Солнце. С хмурыми лицами и крепко сжатыми губами они не сводили взгляда с яростно пылающего на экране светила. Даже светофильтры были не в состоянии уменьшить поток

ослепительного света, бьющего в глаза. На их лицах Палмер не увидел горечи отчаяния и потери, а лишь напряженное ожидание.

Ничего не понимая, он проследил за их взглядами. На экране не было ничего особенного, что могло бы отвлечь их внимание от очередной драмы, разыгрывавшейся по уже выверенному сценарию. Солнце как Солнце. Огромный сияющий шар плазмы и раскаленного газа. Спустя некоторое время Палмеру показалось, что с изображением на экране что-то случилось. Диск Солнца как-то вздрогнул и покрылся цветными пятнами, будто что-то нарушило качество изображения. В следующий момент Солнце вдруг сжалось, съезжилось на мгновение... Диаметр его уменьшился. Не намного, но достаточно четко даже для невооруженного глаза.

Наблюдая за этими неожиданными эволюциями звезды, Палмер вдруг осознал, что это должно означать. И осознание грандиозности происходящего потрясло его до глубины души.

Солнце через несколько мгновений сжалось еще сильнее. Его видимый диаметр сократился на треть от исходного уровня. Потом некоторое время ничего не происходило.

Но это неустойчивое равновесие длилось всего несколько секунд. Внезапно пространство вокруг Солнца пронзили длинные языки чудовищных протуберанцев, вырвавшихся, казалось, из самого ядра звезды. На мгновение Солнце стало похоже на то, каким его изображают дети — круглый диск и многочисленные лучи-протуберанцы по всей его окружности.

Поверхность звезды кипела, выбрасывая в пространство и вновь вбирая в себя огненные языки плазмы и газа, которых становилось все больше и больше. Вскоре уже не было видно ни одного спокойного участка солнечной поверхности. Вся она превратилась в густой лес выбросов солнечной материи.

Но это продолжалось лишь несколько мгновений. Потом вдруг в невероятной вспышке чудовищного взрыва Солнце сбросило свою оболочку, подобно лопнувшему воздушному шару, вышвырнув ее в Космос триллионами тонн пылающей звездной плазмы. Звезда исчезла. Вместо нее образовалась гигантская огненная сфера, с огромной скоростью, равной скорости света, начавшая расширяться во всех направлениях. Солнце превратилось в Новую. Через несколько секунд Меркурий утонул в оксанах звездной материи и испарился в ней, подобно комку снега, попавшему на пылающую жаровню. Спустя некоторое время та же участь постигла и Венеру. Гигантская огненная сфера все увеличивалась и расширялась, как последнее видение апокалипсиса. Казалось, во Вселенной не осталось ничего другого,

кроме этой невообразимой стены света и огня, двигавшейся с умопомрачительной скоростью, сжигая и испепеляя все на своем пути.

Глядя на рождение Новой, Палмер как-то отстраненно и холодно подумал, что в этот миг война совершила поворот на 180°. Так как флот дуглариан попал в западню. Клубящийся ад, сияющий светом тысяч солнц, в который превратилась звезда, мчался к периферии своей бывшей солнечной системы гораздо быстрее, чем флот дуглариан, несмотря на всю мощь их объединенного Силового Поля. Их скорость явно уступала скорости расширения сверкающей сферы огня Новой, и единственным спасением для них мог стать только переход в Статическое Пространство.

Но они не могли этого сделать. «Собаки» находились слишком близко к массе звезды. Включение генераторов Статического Поля в таких условиях могло привести только к одному результату — обломки взорвавшихся кораблей навсегда бы остались в сияющей бездне Статического Пространства.

Четыре тысячи военных кораблей Империи были обречены. Дугларианам осталась лишь свобода выбора смерти. В одно мгновение космическая катастрофа, эхо которой еще будет раздаваться через тысячелетия, в корне изменила судьбу всего человечества. Теперь оно владело преимуществом в количестве кораблей, и теперь уже дуглариане будут вынуждены бороться за свое существование.

Когда фронтальная волна звездного взрыва догнала неприятельский флот и слизнула его с экрана наблюдения, подобно комариному рою, попавшему под пламя огнемета, Палмер отчетливо осознал, что война выиграна. Сейчас, именно в этот момент.

Человечество было спасено! Да, но ценой какой непоправимой утраты! Этой ценой стали Колыбель Человечества — Земля, самая могучая его опора — Крепость Сол и вся Солнечная система, откуда Человек впервые шагнул к Звездам!

И пять миллиардов человеческих жизней. Палмер продолжал смотреть на экран, не в силах оторвать взора от развернувшейся картины ужасной трагедии, где Солнце, источник всей жизни, сжигало в пламени погребального костра свои планеты, подобно Сатурну, пожиравшему собственных детей. Искупительная жертва Человечества оказалась слишком велика: пять миллиардов жизней против четырех тысяч дугларианских кораблей! По странной ассоциации Джей вдруг вспомнил музыкально-обонятельную композицию, которая, если он правильно помнил, называлась «Песней Земли». «Композитор должен был знать, — внезапно подума-

лось Джею. — Он должен был знать или гениально предвидеть, что это будет происходить именно так».

Теперь Палмер прекрасно понимал смысл и значение этого шедевра. Он был адресован соларианам, когда Джей услышал его впервые. Теперь эта музыка могла быть адресована всему Человечеству. Она рассказывала об утрате, настолько огромной, что понадобятся века, чтобы полностью оценить и осознать ее. Она говорила о тысячах городов, пропитанных историей и воспоминаниями, о сотнях человеческих культур, бурлящих от животворных соков в течение многих тысячелетий, сегодня превратившихся в раскаленный газ и пепел и исчезнувших навсегда.

Человечество избежало самой большой опасности за всю историю своего существования, и принесенная жертва стоила того. Человек выжил, но ценой потери родного очага, большей части своей истории и культуры, своих естественных корней, ценой потери последнего и самого великого из мифов. Крепости Сол.

«Ценой выживания, — печально подумал Палмер, — всегда становилась потеря очередных иллюзий. Человечество уже выросло из детских штанишек и теперь ему не за кого прятаться. Мы предоставлены самим себе». Ему казалось, что он, наконец, во всем разобрался. Вот оно, — секретное оружие — о котором говорил Линго. «Сама Крепость Сол...», — сказал он, но кто бы мог подумать, что это надо понимать буквально? Вот почему Линго отказался объяснить ему что-либо заранее, и именно поэтому он хотел иметь рядом с собой судью.

«Но кто я такой, — думал Палмер — чтобы судить его? Как можно класть на одну чашу весов пять миллиардов жизней и юность какого-либо народа, а на другую — выживание этого же народа?».

Палмеру стало стыдно за мгновенно вспыхнувшую в нем радость от того, что не ему пришлось решать подобный вопрос. Теперь он понимал истинные размеры нового качественного признака человека, который солариане тщетно пытались ему объяснить с помощью слов. Именно новые черты гуманизма солариан позволили им положить на чашу весов жизнь и существование Крепости Сол против участи всей человеческой расы, прийти к верному решению проблемы в целом, и еще уделять при этом столько внимания и заботы какому-то одному человеку, взяв на себя задачу держать его подальше от этого решения, чтобы изба-

вить от малейшей ответственности в том случае, если оно окажется неточным или ошибочным.

Теперь он знал, что солариане не открывали ему секрета миссии не из-за того, чтобы испытать его, а чтобы уберечь его психику от непомерного груза ответственности. «Как я могу осуждать этих людей? — размышлял Палмер. — Никто не имеет права их судить. И никто не осудит, если только это будет зависеть от меня!».

И вот здесь, совершенно внезапно для себя, но ни чуточки этому не удивившись, Палмер почувствовал, что он действительно стал членом Группы солариан, одним из них, окончательно и бесповоротно. Если они захотят этого.

13

Все долго молчали, глядя на феерическое зрелище клубящегося шара из газа и плазмы, быстро вспухающего на экране дальнего обзора. То, что было когда-то Солнцем. Изображение передавалось через магнитоскоп, находящийся далеко за пределами Солнечной системы, вернее, бывшей солнечной системы, ибо ее больше не существовало.

Наконец Палмер смог оторваться от гипнотически притягивающего взгляд изображения и посмотрел на солариан. Робин, Фран и Линда плакали. Макс смотрел на экран с мрачным застывшим выражением горя и решимости на лице. Ортега играл желваками скул, постукивая одной рукой, сжатой в кулак, о ладонь другой.

Линго полностью владел собой. Можно было бы подумать, что он абсолютно спокоен, если бы не уголки губ и морщинки вокруг них, доказывающие, что они слишком крепко сжаты.

Заметив, что Джей смотрит на него, Линго повернулся к нему лицом. Палмера поразили его глаза: два огромных бездонных зеленых колодца. Дирк невесело улыбнулся.

— Ну что, Джей? Вот ты и знаешь... теперь ты знаешь все, — тихо и устало сказал он.

Палмер не отвел взгляда.

— Да, Дирк. Теперь я знаю. Наконец, я, действительно, знаю. Вся экспедиция, каждый пункт программы был направлен на это, — он мельком взглянул на экран. — Самая большая ловушка за всю человеческую историю. Но... на самом деле, как вы придумали все это?

— Ну, это было не так сложно. Я имею в виду ловушку. Она лишь одна из простых деталей общего плана. Станция на Мерку-

рии действительно являлась генератором Статического Поля с дистанционным управлением. Кодовое слово «Феникс» включило его систему слежения таким образом, что, начиная с того момента, любой корабль, направляющийся к орбите планеты Венеры...

Линго не закончил фразу. Да в этом и не было необходимости.

— Мы просто соорудили недурственную мышеловку, вот и все, — сказал Ортега, продолжая мрачно глядеть на экран. — Самую большую мышеловку за всю историю. Будь она проклята! — он с силой ударил кулаком по ручке кресла.

— Да и с приманкой вы постарались, — не менее мрачно пошутил Палмер.

— Ты должен понять одну вещь, Джей, — сказал Линго. — Нам всем, как это ни больно и трудно, тоже придется смириться и понять, что Крепость Сол должна была погибнуть. Раньше или позже, с помощью дуглариан или по иной причине. Будущее человечества находится в просторах Галактики, а не в его прошлом, не в тех местах, где оно появилось. Конфедерация — это шаг человечества к своему будущему, или, вернее, будущее человеческой расы — в том, чем теперь может стать Конфедерация. Крепость Сол... Обещание... все эти легенды... они имели право на свое существование, были даже необходимы, так как некогда человечество действительно нуждалось в психо-эмоциональной поддержке, которую оно находило в различного рода мифах и легендах. Это делало его сильнее и увереннее перед трудностями, которые постепенно ставила жизнь. Но мы больше не дети. Мы только что выиграли войну, и теперь нам открыт путь в Галактику. И в таком будущем нет места старым мифам. Человек должен, наконец, вбить себе в башку, что во Вселенной нет никого, на кого он бы мог положиться, кроме себя. Если человек не сможет научиться использовать эту веру в себя, не поставит ее на служение развития и величия своей расы, он останется ребенком навсегда. Миф о Крепости Сол, как и все остальные мифы, был сказочкой для детей, средством для отпугивания буки. Он должен был исчезнуть, чтобы Человек однажды смог почувствовать себя взрослым. Мы не потеряли нашего прошлого, мы выиграли будущее!

— Замечательная речь, — спокойно сказал Палмер. — Дирк, ты кого пытаешься убедить, меня или себя самого?

Линго с усилием улыбнулся.

— Опять я тебя недооцениваю, Джей. Но... видишь ли, когда приходится принимать подобное решение, стоять перед такой альтернативой, сознание твоей правоты мало что значит, ты не можешь никогда убедить себя на все сто процентов, понимаешь? Я

не рассказывал тебе, Джей, как умер Дуглас Мак Дей, спустя годы после того, как принял свое ужасное решение швырнуть социальное общество на Земле в хаос беспредела и анархизма? Самое значительное и самое точное решение, которое когда-либо принимал человек?

— Нет.

Линго отвернулся и вновь взглянул на экран.

— Мак Дей был абсолютно уверен в своей правоте, — не глядя на Палмера продолжил он. — Мак Дей знал, что дал человеческой расе единственный верный шанс к выживанию. И все же он не смог перенести тяжести принятого им решения и покончил с собой.

— Чего же ты от меня добиваешься, Дирк? — все так же спокойно спросил Палмер.

Линго повернулся и прямо взглянул в лицо конфедерату.

— Чего я хочу, Джей? Я хочу, чтобы ты мне сказал кое-что. Ты должен мне сказать, правы мы были или нет. Я хочу это знать, Джей. Мне необходимо еще чье-то мнение кроме нашего собственного. Мнение человека со стороны.

— И из-за этого вы упорно не соглашались сказать мне, что должно произойти, не так ли, Дирк? Вы не хотели, чтобы остаток жизни я провел с тем грузом на плечах, который давит теперь на вас?

— Ну да, конечно. Чем меньше людей будет замешано в этом деле, тем лучше для остальных.

— Я не могу быть вашим судьей, Дирк. Я не могу судить вас хотя бы потому, что не могу представить себе, как бы я поступил на вашем месте. Никто не может судить вас. Никто не имеет на это права. Но я уважаю тебя, Дирк, так же, как ты уважаешь и считаешь вашего Мак Дея. Этого недостаточно?

Линго вздохнул и печально улыбнулся.

— Ты прав, Джей. Пожалуй, это все, на что мы можем рассчитывать. Большого и нельзя ожидать. Спасибо тебе.

— Что я знаю наверняка, — вступил Ортега, не отводя внимательного взгляда от экрана, — если мы не поспешим смыться отсюда, то нам скоро станет весьма жарко.

Линго сел в командирское кресло.

— Посмотрите все хорошенько на то, что осталось от Солнца, — сказал он. — Это последняя возможность, которой больше никогда и ни у кого не будет.

Потом он нажал на кнопку, и, минутой спустя, они оказались в Статическом Пространстве.

Палмер лежал на кушетке в своей каюте, пытаясь привести в порядок тот сумбур, что творился у него в голове. Он размышлял о случившемся, о том, чему еще суждено произойти. Триста лет истории сделали такой головокружительный вольт, от которого у него еще болела голова. Триста лет истории борьбы человечества и его личные тридцать лет.

Человек становился теперь хозяином своей судьбы, еще не подозревая об этом. Хотя свет того невообразимого взрыва, который станет единственным монументом в честь памяти Колыбели Человечества, достигнет обитасмых миров Конфедерации не раньше, чем через несколько десятилетий, ее народы уже становились наследниками Галактики. «Наследие» было действительно точным словом. И цена его, цена разгрома могущественной Империи Дуглаари была ужасающей — гибель Солнечной системы и пяти миллиардов ее обитателей. Как всегда, ценой жизни стала смерть.

Несмотря на то, что он говорил Линго в рубке управления, Палмер ощущал на себе тяжесть всех этих погубленных жизней. Так как теперь ему и таким как он предстояло сделать все, чтобы страшная жертва не стала напрасной, придать ей тот смысл, ради которого они пошли на нее.

Крепость Сол выдержала испытание Историей. Теперь оставшимся в живых народам предстояло наполнить смыслом ее искупительную жертву. Крепость Сол умерла, и Конфедерация должна была, в каком-то смысле, последовать ее примеру. Она должна уступить место новой организации общества, новому порядку, где человек сам бы мог распоряжаться собой, а не следовал бы указаниям электронных механизмов. Необходим новый порядок, при котором люди гордились бы своей человечностью, а не скрывали ее, опасаясь репрессий.

«Все проходит», — такова была единственная универсальная правда всех времен и народов. Теперь к старому закону можно было сделать добавление: «Все проходит, но Человек остается». Больше не должно было быть ни солариан, ни конфедератов. Остались только люди. И он не...

— Пойдем скорее в рубку, — позвала его Робин, просовывая голову в проем двери. — Мы выходим из Статического Пространства.

На главном обзорном экране еще пылали цвета и краски Статического Пространства, когда Палмер пересек порог рубки. Все остальные уже были в сборе.

— Почему мы прерываем полет? — первым делом спросил он.

— Мы летим всего несколько часов и сейчас должны находиться где-то в центре пустоты.

— Хорошо сказано, Джей, — ответил Линго, — мне просто нечего к этому добавить. — Чувствовалось, что и он, и все остальные солариане немного пришли в себя после гибели их мира, о чем можно было судить по улыбкам и оживленным взглядам, которыми они обменялись при вопросе Джея.

Хотя пять миллиардов человек простились со своей жизнью едва ли несколько часов тому назад.

Фран Шаннон кивнула Линго головой, и тот отключил генераторы Статического Поля. Цветной хаос на экране дернулся и исчез. Появились яркие колющие точки звезд на фоне бездонной черноты Космоса. Корабль находился в обычном пространстве, в том огромном и темном пространстве, которое отделяет одну звезду от другой, почти на полпути до ближайшей соседки Земли, Проксимы Центавра. Здесь не было ничего, абсолютно пустое космическое пространство. Даже Новая Солнца отсюда еще не была видна, потому что световые сигналы, свидетельствующие о катастрофе, движутся всего лишь со скоростью света и доберутся сюда не раньше, чем через пару лет. А пока что Солнце выглядело так же, как и всегда, похожес на тысячи других звезд, сияющих на экране.

«Что нам здесь делать?» — спрашивал себя Джей, напряженно вглядываясь в темный экран. Что-то тревожило его в этой черной ледяной безбрежности. Но что? Почему?

— Ты не туда смотришь, — сказала Фран. — Следи за красным кружком.

Манипулируя кнопками и рычажками на пульте, у которого она сидела, женщина заставила скользить маленький красный кружок фиксатора цели по обзорному экрану и остановила его, когда в центре оказалась маленькая группа из пяти близко расположенных друг к другу блестящих точек.

«Что это? — недоумевал Палмер. — Здесь не должно быть ничего. Никаких астероидов, планет или звезд, ничего такого. Пространство здесь абсолютно свободно от любых космических тел».

Здесь ничто не могло находиться достаточно близко к кораблю, чтобы выглядеть на экране подобным образом. Этого просто не может быть! И, однако, пять светлых точек явно приближались и превратились теперь в пять маленьких дисков, окруженных четкой красной полосой прицела на сферическом экране рубки.

— Что это может быть? — спросил Палмер. — Не будете же вы уверять меня в том, что здесь могут быть планеты...

— Это, конечно, не планеты, — ответил Линго, меняя направление полета корабля таким образом, чтобы маленький красный круг оказался в центре большого.

— Но мы находимся на огромном расстоянии даже от ближайшей звезды, не говоря уже о группе вот таких, близко лежащих друг от друга!

— Тем более, это не звезды, — хладнокровно подтвердил Линго, включая генераторы Силового Поля. — И эти объекты гораздо ближе к нам, чем ты думаешь. Гляди лучше.

Когда корабль солариан стал убыстрять свой полет, все наращивая мощность Силового поля, пять загадочных дисков начали быстро расти на обзорном экране, пока не превратились в маленькие шарики, шары, на которых стали видны мелкие детали; пока не стало очевидно, что это были... это были...

Палмер глядел, видел и не понимал. Эти круглые предметы были слишком малы, чтобы быть планетами. Пять небольших планетоидов, висящих в пространстве на небольшом друг от друга расстоянии, каждый около десяти миль в диаметре.

Когда они подошли еще ближе, Палмер понял, что эти шары не походят ни на один планетоид, о которых он слышал или видел собственными глазами. Все пятеро были абсолютно правильной шаровидной формы, пять идеальных шаров, вместе плывущих в пустоте.

Наконец корабль подошел совсем близко, на расстояние всего в одну милю, или около этого.

Палмер раскрыл от удивления рот, когда осознал увиденное.

Эти предметы были металлическими. Не скалы, содержащие большое количество металла, а металл в чистом виде, из которого были сделаны эти предметы. Металлические листы и детали. Пять одинаковых, сделанных из металла сфер. На них не было никаких отличительных знаков или меток, за исключением некоторых деталей конструкции, отдаленно напоминающих антенны Силового поля, расположенные строго по экватору каждой сферы. Таинственные металлические шары были, безусловно, где-то изготовлены. Но где? И кем?

— Кто... что же это за сооружения, черт меня побери? — недоумевая воскликнул Джей. — Мне казалось, что я знаю или, по крайней мере, могу догадаться о предназначении всего, что может летать или двигаться в Космосе. Но это?!..

Линго рассмеялся.

— Однажды кто-то, встав утром с левой ноги, назвал эти со-

оружения «мясными фургонами». Так оно и приклеилось к ним. Это межзвездные корабли.

— Что? Межзвездные корабли? — изумился Палмер.

— Смешься? Это невозможно. Я, конечно, не математик, но знаю о существовании закона, который зовется «уравнением Хайякавы», который говорит о лимите размеров Статического Поля. Этот предел равен 1500 метрам. О, если бы не это ограничение! Мы могли бы строить корабли любого размера, потому что ограничение размеров Силового поля не существует даже теоретически. Можно было бы тогда запустить в полет целую планету. Но!.. Но абсолютно невозможно создать Статическое поле достаточно больших размеров, способное укрыть в себе такие огромные штуковины вроде этих «фургонов».

— Совершенно с тобой согласен по всем пунктам, — ответил Линго. — Но, тем не менее, эти «фургоны» — настоящие космические корабли. Кстати, как ты считаешь, что случилось со всем населением Крепости Сол?

Палмер с грустным пониманием посмотрел на Линго. Он пытался сделать невозможное, стараясь забыть ужасную цену, заплаченную Крепостью Сол за победу. И вот теперь Линго вновь заставлял его вернуться к этим трагическим событиям.

— Мне кажется, не стоит к этому сейчас возвращаться, Дирк, — Палмер постарался сказать это как можно деликатнее, щадя чувства солариан. — Я понимаю необходимость принесенной вами жертвы ради будущего всего Человечества. Но сейчас не стоит...

Линго недоуменно посмотрел на него. Потом глаза его внезапно расширились, и отблеск понимания мелькнул в них. Он порывисто подошел к Палмеру и сжал его плечи руками.

— Джей, ах, Джей! Ты снова удивил меня. — Он оглянулся на остальных членов экипажа. — Знаете, о чем он подумал? Джей, старина! Когда ты говорил, что готов понять и простить, я, естественно, думал, что ты отдашь себе отчет в том, что... Черт! Кажется, ты читаешь в наших душах лучше, чем это удастся сделать нам самим. Да, ты прав, мы смогли бы принести в жертву пять миллиардов солариан, чтобы спасти все остальное Человечество, если бы не было другого выхода. Сейчас я просто убежден, будь мы вынуждены пойти на это, мы бы ни минуты не сомневались. Мы решились бы и на такую жертву, о которой даже просто подумать страшно. Но, Джей, постарайся вспомнить! Я же говорил тебе, что население всех внешних спутников и лун, Марса, Луны, все были эвакуированы. Понимаешь?

— Да, но куда вы могли их эвакуировать, как не на Землю. А сама Земля...

— Ты не понял, Джей! Было эвакуировано все население Крепости Сол! Каждый ее житель, все научные станции, посты наблюдения по периферии системы. Понимаешь теперь? Абсолютно все! На Земле не осталось ни единой живой души.

— Но каким образом? Куда?

— Вон туда, — Линго кивнул головой в сторону пяти огромных металлических сфер, парящих в пространстве.

— В эти «фургоны».

— Что? Послушай, это ерунда! Какими бы огромными ни были эти шарики, в них не разместиться пяти миллиардам людей. А съестные припасы, вода, воздух? И даже если вы каким-то чудом умудрились запихнуть все это в пять металлических гробов, то люди просто не доживут до конца путешествия. Они умрут от старости прежде, чем доберутся до первых планет Конфедерации, даже при скорости, равной световой. А в Статическое Пространство эти махины не в состоянии перейти из-за своих размеров. Ведь так?

— Ты и прав, и не прав, Джей. Прав, что эти «фургоны» не могут двигаться быстрее скорости света. Ты прав также в том, что в себе они не несут достаточных запасов еды, воды и воздуха для поддержания обычной жизни. И снова ты прав, когда говоришь, что время путешествия до миров Конфедерации займет у них столько времени, что они все там умрут от старости. Но, Джей! Вспомни нашу историю. Разве первые переселенцы путешествовали в Космосе с помощью Статического Поля? Нет, задолго до его открытия! Как же они существовали? Как им удавалось преодолевать столь огромные расстояния при скоростях, неизмеримо меньших, чем скорость света?

— Ну, это известно. Они использовали нечто вроде гибернации, не так ли? То есть, засыпали на долгое время. Подожди, как-то это еще по-другому называлось... глубокий сон... анабиоз, нет?

— Я сам не помню точного названия, но зато помню метод. Они просто замораживали себя в жидком гелии. Космический холод, близкий к точке абсолютного нуля, лишь помогал им в этом, поддерживая гелий в жидком состоянии. В таком виде они пересекали пространство до точки назначения, где и размораживались. И ни еда, ни воздух им не были нужны.

— Не хочешь ли ты сказать?..

— Да, Джей, да! Эти «фургоны» представляют собой, по сути,

огромные резервуары с жидким гелием, снабженные генераторами Силового поля. Не забудь только, что мы готовили этот план давно, многие годы. Поэтому смогли спокойно подготовиться. Все население Солнечной системы два года назад было заморожено в жидком гелии и отправлено в космос на этих кораблях. Для этого не понадобилось слишком уж много места, хватило пяти таких «фургонов», каждый диаметром в десять миль. Им не нужно места, чтобы двигаться, они не едят, не пьют, не дышат, а просто лежат длинными рядами на специальных стеллажах.

— И куда же направляются эти «мясные фургоны»? Что вы будете делать с пятью миллиардами суперменов?

— Они не супермены, Джей, — резко оборвал его Линго. — И среди нас нет суперменов. Не надо думать о нас подобным образом. Это люди, Джей. Обычные люди. Не супермены, а наиболее человечные из людей. Вернее, люди, наиболее полно могущие выразить свою человеческую сущность, умеющие полнее проявлять способности, которыми наделен любой человек, будь то соларианин или конфедерат. Пять миллиардов людей, это составит, приблизительно, около одного миллиарда органических Групп. И поскольку органичная Группа должна являть собой единое целое, нет необходимости размораживать все пять миллиардов в одном каком-то месте. Ты уже знаешь, что одна такая Группа представляет базовую ячейку общества, достаточно полную, несущую культуру в себе самой, так как каждый из членов Группы владеет, по крайней мере, одним каким-то Талантом. Не думаю, что с «фургонами» должны возникнуть какие-то новые проблемы, Джей. Их надо воспринимать под тем углом зрения, что в них находится величайшее достояние всего Человечества, его единственная истинная драгоценность — люди. Конфедерация состоит из сотен обитаемых планет. Каждая из них безболезненно для себя может дать приют еще нескольким миллионам человек. Эти пять миллиардов солариан рассеются по всей Конфедерации. Они растают в этом море людей, сольются с ними, как капля в море.

— Сравнение кажется мне не столь уж неоспоримым, — сухо возразил Палмер. — Это не пять миллиардов обычных людей. Дирк, что бы ты там ни говорил. Они отличны от обычных людей, они другие, хоть я и должен признать, что это отличие в лучшую сторону. Они полностью трансформируют человеческое общество... если человечество вообще оставит их в живых.

Линго улыбнулся.

— Тут ты прав, и я согласен с тобой. Как говорится: «Волков бояться — в лес не ходить». Это я в том смысле, что определен-

ный риск тут, конечно, существует. Но я все-таки надеюсь, они поймут, что все наши знания становятся наследием человечества. Биологически нет никакой разницы между соларианами и людьми Конфедерации. Конфедераты потенциально наделены такими же Талантами, но они у них не развиты и они не умеют ими пользоваться. Взять тебя самого, Джей. Кроме явных признаков способности к телепортации, что ты доказал нам за игральным столом, с моей точки зрения, в тебе дремлют скрытые таланты Дирижера Игр и, возможно, Шефа Группы. Куровски — явный Шеф, иначе он никогда не смог бы стать Великим Маршалом. Джей, пойми. Человек должен измениться, он должен проснуться, пробудить в себе полный потенциал всей своей человеческой сущности и тогда действительно превзойдет все, о чем он не смел даже и мечтать. И ты, Джей, ключ ко всему этому.

— Я? Ключ?!

— Да, ты. Своим примером ты доказал, что человек из Конфедерации может стать полноправным членом органичной Группы. Ты был «подопытной свинкой» в нашем эксперименте — уж не обижайся за сравнение — и он увенчался полным успехом. В нашем плане это было самое уязвимое место, которое нельзя было рассчитать заранее. И вот — полный успех! Теперь ты должен понимать всю важность и необходимость. Ибо в течение ближайших десятилетий все человечество преобразится, организуясь в подобные органичные Группы. Ты был первым, но далеко не последним. Ты решил самую неопределенную и сомнительную часть нашего плана, доказав, что люди Конфедерации не потеряли способности к изменениям, к самосовершенствованию. Вся история Человечества до этих дней — это всего лишь начало, его первые шаги. И трудно себе представить, каким же в конце концов станет человек. Но одно можно сказать вполне определенно уже сейчас: это будут люди, подобные тебе, Джей. Они поведут ваш народ, извини, наш народ. Это будут люди, которые смогут чувствовать себя не зависимыми как от Конфедерации, так и от воспоминаний об утраченной Земле оставаясь при этом просто людьми, что, впрочем, не так просто, как кажется...

Слушая Линго, Палмер где-то, в самой глубине себя, чувствовал и понимал, насколько Дирк прав. Он и солариане вместе боролись и победили. В тот уже близкий день, когда человеческая раса соберется и, наконец, станет единой, солариане и люди Конфедерации вместе пойдут рука об руку по одной дороге, навстречу своему будущему.

Палмер смотрел в бесконечную бездну окружающего их про-

странства, на сверкающую точку Солнца, которое еще два года будет сверкать здесь яркой звездочкой, а для миров Конфедерации ее жизнь будет длиться еще долгие десятилетия.

И когда, наконец, свет взрыва Новой достигнет этих планет, чтобы на несколько дней засиять в их небесах, люди увидят в нем не пламя погребального жертвенного костра человечества, а свет, рождающий их трудное, доблестное завтра. Свет, который не умрет никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

Братство убийц	3
Звездная крепость	143

Норман Спинрад

«Семнадцатые звездные войны»./ «Библиотека зарубежного фантаст. и прикл. романа».

Выпуск 17.

Художественный редактор А. САЯПИН

Технический редактор Л. ЗАЙЧКИНА

«Мелор». ЕЕ 0001. Эстония, г. Таллинн, а/я 3515

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЛР № 062693 выдана 7.09.93 г. Сдано в набор 8.05.96 г. Подписано в печать 28.06.96 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Заказ № 1537. Тираж 5000 экз. Заказное.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Смоленской областной ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова, 214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, д. 2.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА



БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ФАНТАСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

